

**ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
Харьковский национальный университет
им. В.Н. Каразина**

БЕЛГОРОДСКИЙ ДИАЛОГ – 2012

Сборник избранных научных трудов
международного научного форума молодых историков

г. Белгород, 5-6 апреля 2012 г.

Сборник избранных научных трудов студентов, магистрантов и аспирантов составлен по итогам работы международного научного форума молодых историков «Белгородский диалог – 2012», прошедшего 5-6 апреля 2012 г. на историческом факультете Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Оргкомитет форума:

- ректор НИУ «БелГУ», доктор социологических наук,
профессор *Дятченко Леонид Яковлевич*;
- проректор по методической работе и качеству образования НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук, профессор *Шатохин Иван Тихонович*;
 - декан исторического факультета НИУ «БелГУ», кандидат
исторических наук, доцент *Папков Андрей Игоревич*;
 - декан исторического факультета ХНУ им. В.Н. Каразина, доктор
исторических наук, профессор *Посохов Сергей Иванович*;
 - директор Государственного архива Белгородской
области *Субботин Павел Юрьевич*;
 - заместитель декана по научной работе исторического факультета ХНУ
им. В.Н. Каразина, кандидат исторических наук, доцент *Иващенко Виктория Юрьевна*;
 - заместитель декана по учебной работе исторического факультета ХНУ
им. В.Н. Каразина, кандидат исторических наук, доцент
Куликов Владимир Александрович;
 - заведующий кафедрой российской и всеобщей истории НИУ «БелГУ»,
доктор исторических наук, профессор *Болгов Николай Николаевич*.

Рецензенты:

- профессор кафедры теологии НИУ «БелГУ»
доктор исторических наук *В.В. Пенской*
доцент кафедры социологии БГТУ им. В.Г. Шухова,
кандидат исторических наук *О.А. Смоленская*

Редакционная коллегия:

- С.Н. Прокопенко (ответственный редактор),
Н.Н. Болгов, В.В. Василенко, Е.В. Литовченко, А.А. Дворецкая, А.И. Дудка, К.В. Козлов,
В.В. Малай, Е.Н. Меньшикова, Е.Ю. Прокофьева, Г.И. Старченко, В.А. Сарапулкин.

Белгородский диалог – 2012. Сборник избр. науч. тр. Междунар. науч. форума мол. историков «Белгородский диалог - 2012» (г. Белгород 5-6 апреля 2012 г.). / Отв. ред. С.Н. Прокопенко. – Белгород: ООО «ГиК», 2012. – 210 с.

Сборник избранных научных трудов «Белгородский диалог – 2012» включил в себя работы студентов, магистрантов и аспирантов России, Украины, США, Шри Ланка, рассматривающих широкий спектр проблем отечественной и всемирной истории. В основу сборника положены материалы научного форума молодых историков «Белгородский диалог - 2012», организованного историческим факультетом НИУ «БелГУ» в сотрудничестве с историческим факультетом ХНУ им. В.Н. Каразина, а также Государственным архивом Белгородской области.

ISBN 978-5-902583-84-4

СОДЕРЖАНИЕ

Диалог эволюционирует	7
Савина В.В. История археологического изучения города Белгорода	8
I. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ	
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМА..... 13	
Жданова Н.А. Классификация демонов в греческой мифологии в античной традиции	13
Богданов Д.Е. Борьба Стилихона и Евтропия в изображении позднеантичных авторов ...	18
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВИЗАНТИИ..... 23	
Немашкало А.М. Эволюция образа Юстиниана I в отечественной византистике	23
Харченко О.А. Огласительная практика Восточной Церкви в первые века христианства	27
МИР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ..... 31	
Фомичев Н.Н. Образ СССР в представлении ведущих британских политических и общественных деятелей (1932-1939 гг.) (по материалам И.М. Майского)	31
Писаренко Н.Н. Политика Народного фронта Франции 1936-1938 гг. на страницах правого эмигрантского периодического издания «Возрождение»	35
Крупская С.Ю. Курс нацистской Германии в Чехословакии (январь-сентябрь 1938 г.): пропагандистское обеспечение	41
II. ИСТОРИЯ РОССИИ	
ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧ. XVIII В..... 47	
Пузанов Д.В. Солнечные и лунные знамения в домонгольской Руси: особенности христианского и языческого мировосприятия	47
Кадира А.С. Участие стрелецкого войска в битве у деревни Молоди в 1572 г.	52
Кастури Араччиге Амила Сурад Малрену Кастуриратна. О начале производства тульского оружия	57
Кириллов С.С. Формирование негативных стереотипов в представлениях о русском народе по материалам записок иностранцев, посещавших Русь в XVI в.	61
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ 66	
Еремина К.В. Положение дворянства в свете законодательства императора Павла I	66
Самойлова Е.Н. Конская торговля в Курской губернии во 2-й пол. XIX – нач. XX вв.	72
Истомина И.В. Крепостные крестьяне в усадьбах мелкопоместных дворян дореформенного периода	78
Мерко Е.П. Эволюция правового регулирования деятельности опекунов над несовершеннолетними сиротами в кон. XIX – нач. XX в.	83
Шеенко И.А., Меньшикова Е.Н. Помещик и крестьянин в народном фольклоре	89
Тимиряев Д.О. Пореформенное разорение поместных владельцев в контексте дворянского восприятия судьбы собственной сословной корпорации	94
Иванова Н.Н., Меньшикова Е.Н. Предпринимательство женщин-купчих Курской губернии в кон. XIX – нач. XX в.: редкое явление или элемент «рутинизированной» повседневности?	100
Бирюков М.Ю. Численность, сословный состав и материальное положение торговых служащих Курской губернии в кон. XIX – нач. XX в.	104
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА РУССКО-УКРАИНСКОМ ПОРУБЕЖЬЕ В XVII-XXI ВВ..... 111	
Владимиров К.А. Трансформация социальной психологии православного духовенства в 1860-70-х гг.	111
Гончаров С.А. Образовательный процесс в духовных семинариях в XIX – нач. XX в. (на примере Курской духовной семинарии)	116

Кременев Д.А. О начале активизации антирелигиозной деятельности в СССР после Великой Отечественной войны: закрытие православных храмов в юго-восточных районах Курской области в 1949-1953 гг.122

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 128

Ластовец Н.А. Джерела з історії УНР (1917-1921 рр.) 128

Кухлев А.С. Административно-территориальное строительство в Донбассе в 1917-1930-х гг. 132

Замулин В.В. Морально-политическое состояние войск в районе Курской дуги накануне, в ходе и после операции «Цитадель» 137

Титаренко Е.Ю. Діяльність культурних установ Донеччини на завершальному етапі Великої Вітчизняної війни як чинник ідеологічного впливу на населення..... 144

Герасимова Е.О. Восстановление сельского хозяйства Курской области после освобождения от оккупации149

III. ИСТОРИЯ ТЕРРИТОРИЙ ЕВРОРЕГИОНА «СЛОБОЖАНЩИНА»

Кушнарев С.С. О роли Валуйской крепости в оборонительной системе Российского государства на южном порубежье в 20-е гг. XVII ст.154

Колотушкин А.А. Белгородский пожар 1766 г. и мероприятия властей по устранению его последствий 160

Солодкина В.А. Попытки слободского старшины доказать право на дворянство после опубликования «Жалованной грамоты» Екатерины II (1785-1801 гг.) 165

Варфоломеев А.В. Особенности развития аграрного сектора экономики Белгородского района Белгородской области в сер. 80-90-х гг. XX в. 170

IV. МАТЕРИАЛЫ СКАЙП-КОНФЕРЕНЦИИ «HUMANITIES WITHOUT BOUNDARIES»

Bogdanov D. Origin of the Russian Two-Headed Eagle..... 177

Harmon R. Civil Society and Civil War 180

Meyer J. The Holodomor: Countering Traditional Conceptions of Genocide and State Terror189

Williamson S. Genocide in Bangladesh, 1971: A Case Study 193

V. АРХИВОВЕДЕНИЕ, ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ, ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО

Кисиленко А.П. Культура оформления юридического документа 199

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ..... 205

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 206

CONTENTS

The evolution of the dialogue.....	7	
Savina V.V. History of Archaeological Study of City of Belgorod	8	
I. WORLD HISTORY		
HISTORY OF ANCIENT GREECE AND ROME		13
Zhdanova N.A. The Classification of the Greek Mythology's Demons in the Ancient Tradition	13	
Bogdanov D.E. Stilicho Versus Eutropius in Representation of Late Antiquity's Authors	18	
HISTORY AND CULTURE OF BYZANTIUM		23
Nemashkalo A.M. Evolution of Justinian I`s Image in Domestic Byzantinology	23	
Kharchenko O.A. Catechist Practice of the Eastern Church in the First Centuries of Christianity	27	
WORLD AND INTERNATIONAL RELATIONS IN CONTEMPORARY PERIOD		31
Fomichev N.N. The Image of the Soviet Union in the Representation of Britain's Leading Politicians (1932-1939) (on the Basis of I. Maisky`s «Diplomat`s Diary» and Selected Correspondence with Russian Correspondents)	31	
Pisarenko N.N. French Popular Front`s Policy (1936-1938) on the Pages of the Right Emigrant Periodical «Vozrozhdenie»	35	
Krupskaya S.Y. Germany`s Policy towards Czechoslovakia (January-September 1938): Propaganda Aspect	41	
II. HISTORY OF RUSSIA		
HISTORY OF RUSSIA FROM ANCIENT TIMES TO EARLY XVIII C.....		47
Puzanov D.V. Solar and Lunar Omens in the Pre-Mongol Rus: Features of Christian and Pagan Interpretations	47	
Kadira A.S. Participation of Strelets troops in the Battle at the village Molody in 1572	52	
Kasthuri Arachchige Amila Surath Malrenu Kasthurirathna. Beginning of the Tula Arms Productions	57	
Kirillov S.S. Formation of Negative Stereotypes in Representations about the Russian People on the Materials of Notes of the Foreigners, Who Visited Russia in the XVI c.	61	
RUSSIAN EMPIRE IN A HISTORICAL PERSPECTIVE.....		66
Yeryemina K.V. The Status of Nobility in the Light of the Emperor Paul I` Law	66	
Samoylova E.N. Horse-Trading in the Kursk Province in the Second Half of XIX - Early XX c.	72	
Istomina I.V. The Peasant Serfs in the Landed Gentry Manors in Pre-reform Period	78	
Merko E.P. The Evolution of the Legal Regulation of Minor Orphans`s Guardians in the Late XIX – Early XX c.	83	
Sheenko I.A., Menshikova E.N. Landlord and Peasant in the National Folklore	89	
Timiryayev D.O. The Post-reform Ruin the Lokal Owners in Context of the Noble Perception of the Fate of Own Estate Corporation (Based on Works by I.A. Bunin and S.N. Terpigorev)	94	
Ivanova N.N., Menshikova E.N. Entrepreneurship of Women of the Merchant Estate in the Kursk Province in the Late XIX - Early XX c.: a Rarity or a «Routinized» Daily Life`s Element? ...	100	
Biryukov M. Numerical, Estate and Financial Position of Commercial Employees in the Province of Kursk in the Late XIX - Early XX c.	104	
ORTHODOX CHURCH IN THE RUSSIAN-UKRAINIAN BORDERLAND IN XVII-XXI C.		111
Vladimirov K.A. Transformation of Social Psychology of the Orthodox Clergy in the Glorious 1860-70-ies	111	
Goncharov S.A. Educational Process in Confessional Seminaries in XIX – Early XX c. (on Example of the Kursk Confessional Seminary)	116	
Kremenev D.M. Start of Activization of the Anti-Religious Activities in the USSR After World		

War II: Closing Orthodox Churches in South-Eastern Regions of Kursk Province in 1949-1953 ... 122

HISTORY OF THE FATHERLAND OF THE SOVIET PERIOD	128
Lastovets N.O. Sources on the Ukrainian National Republic`s History (1917-1921)	128
Kuhlev A.S. The Administrative-Territorial Development in Donbas in 1917-1930	132
Zamulin V.V. Moral and Political Status of Wehrmacht in the Kursk Bulge Area Before, During and After Operation «Citadel»	137
Tytarenko O.Y. Cultural Institutions Activities in Donetsk at the Final Stage of the Great Patriotic War as a Factor of Ideological Influence over Population	144
Gerasimova E.O. The Agricultural Industry Rehabilitation after the Recapture of Kursk Region from Nazi Occupation	149

III. HISTORY OF TERRITORY OF EUROREGION «SLOBOZHANSCHINA»

Kushnarev S.S. On the Valuyki Fortress Role in the Defensive System of the Russian Empire on the Southern Borders in 1620	154
Kolotushkin A.A. Belgorod Fire in 1766 and Activities of Authorities to Counter its Consequences	160
Solodkina V.A. Attempts Made by a Sloboda Starshyna to Prove his Right of Nobility After the Publication of the Charter to the Nobility by Catherine the Second (1785-1801)	165
Varfolomeyev A.V. Peculiarities of the Development of Agricultural Sector of Economy of Belgorod District of Belgorod Region in 1980-90	170

IV. MATERIALS OF SKYPE-CONFERENCE «HUMANITIES WITHOUT BOUNDARIES»

Bogdanov D. Origin of the Russian Double-Headed Eagle	177
Harmon R. Civil Society and Civil War	180
Meyer J. The Holodomor: Countering Traditional Conceptions of Genocide and State Terror	189
Williamson S. Genocide in Bangladesh, 1971: A Case Study	193

V. ARCHIVAL STUDIES, RECORD MANAGEMENT, DOCUMENTATION

Kisilenko A.P. Culture of making a juridical document.....	199
ABBREVIATIONS	205
INFORMATION ABOUT AUTHORS	206

ДИАЛОГ ЭВОЛЮЦИОНИРУЕТ

В настоящий сборник вошли избранные труды международного научного форума молодых историков «Белгородский диалог - 2012». Форум стал правопреемником международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Белгородский диалог – 2012. Проблемы российской и всеобщей истории». Мероприятие состоялось 5-6 апреля 2012 года в городе Белгороде. Форум был организован в сотрудничестве исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета с истфаком Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина и Государственным архивом Белгородской области.

В этом году мероприятие было приурочено к 35-летию исторического факультета НИУ «БелГУ». Форум проводился также в рамках празднования в России Года российской истории.

В рамках программы международного форума молодых историков состоялись следующие научные мероприятия: Международная научная конференция «Белгородский диалог – 2012. Проблемы российской и всеобщей истории»; Skype-конференция «Humanities Without Boundaries»; Круглый стол «Молодой историк: перспективы работы на постсоветском научном пространстве». Всего в форуме приняло активное участие (с докладами и сообщениями) 110 молодых ученых из России (Белгород, Курск, Воронеж, Тула, Саратов, Ижевск, Тюмень), Украины (Киев, Харьков, Донецк, Глухов), Белоруссии (Минск), США (Мерфрисборо, штат Теннесси), Шри Ланки.

Организаторами была реализована широкая развлекательная программа. Гостям в ходе полторачасовой пешей экскурсии показали Белгород, а для тех, кто в нашем городе уже бывал, была организована экскурсия «Неформальный Белгород». Вниманию участников форума была представлена фотовыставка работ преподавателей, сотрудников и студентов исторического факультета НИУ «БелГУ» - «В объективе - наука». Для студентов исторического факультета и всех участников форума была организована танцевальная вечеринка «Ботан-Party», которая позволила молодым ученым в неформальной обстановке ближе познакомиться и завязать дружеские связи.

Первый опыт проведения молодежного научного форума, как серии научных и развлекательных мероприятий, признан организаторами удачным. Сочетание напряженной работы и неформального общения наилучшим образом способствует сближению молодежи разных стран, что и является главной целью проведения форума.

Мы всегда рады видеть гостей на Белгородской земле!

С.Н. Прокопенко

*P.S. О прошедших в 2009-2012 гг «Белгородских диалогах». подробнее см.:
<http://bospor.professorjournal.ru/science/bd>*

**ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ГОРОДА БЕЛГОРОДА
В.В. Савина
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

Статья посвящена истории археологического изучения города Белгорода. В ней освещаются основные этапы проводившихся изысканий, перечисляются наиболее значимые памятники и даётся характеристика основных категорий находок, подчеркивается значимость археологического надзора, вошедшего в практику с 2000-х гг., для сохранения археологического наследия города Белгорода, имеющего богатое и интересное прошлое.

Ключевые слова: археологический надзор, памятники археологии, позднеерусское время, керамический комплекс.

**HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL STUDY
OF CITY OF BELGOROD
V.V. Savina
Belgorod National Research University**

The article is sanctified to history of archaeological study of city of Belgorod. In it light up the basic stages of the conducted researches, the most meaningful monuments are transferred and description of basic categories of finds is given, meaningfulness of archaeological supervision, entering in practice from 2000th is underlined, for the maintenance of archaeological legacy of city of Belgorod, having rich and interesting the pas.

Keywords: archaeological supervision, monuments of archaeology, pozdnerusskoe time, ceramic.

Хотя Белгородская земля чрезвычайно насыщена памятниками археологии, представляющими несомненный интерес для изучения древнейшего прошлого края, работы историков лишь в 1950-е гг. начинают дополняться изысканиями археологов. Так в 1951 г. сотрудник Института археологии АН СССР А.В. Никитин проводил археологические раскопки на Меловой горе. В процессе работ были изучены укрепления одной из крепостей города, жилые сооружения, погребения погибших во время осады жителей. Автор датировал материал кон. XVI - нач. XVII вв.

В последнее время изучение археологии Белгорода связано с активным строительством, начавшимся в исторической части города в 2000-х гг. и ограничивающееся, чаще всего, археологическим надзором.

Летом 2002 г. кандидат исторических наук А.Г. Дьяченко осуществлял археологический надзор на месте строительства жилого дома на пересечении улиц Пушкина и Победы. В результате, им был выявлен материал, характеризующий три различных хронологических этапа функционирования данной части города. Здесь были представлены фрагменты керамических сосудов III-IV вв. н.э. (ранние славяне), XII-XIV вв. – древней Руси и XVII-XVIII вв. – позднеерусского времени.

В ноябре 2002 г. силами сотрудников Фонда содействия охране памятников археологии «Археологическое наследие» осуществлялся археологический надзор в зоне строительства 12-ти квартирного жилого дома на ул. Победы в исторической части города Белгорода. В XVIII в. данная часть города была занята слободой Жилая, а также была удобна для заселения в еще более отдаленные эпохи, чем и была обусловлена необходимость надзора. Исследования позволили уточнить локализацию известной по письменным источникам Слободы Жилой. Получены предметы городского быта XVIII в., собрана интересная коллекция печных изразцов, найдена серия медных монет. С помощью стратиграфических данных было установлено, что ранее на этом месте располагалось древнейшее поселение. Впервые для города Белгорода были получены материалы эпохи бронзы и раннего железного веков.

В июле-августе 2003 г. сотрудниками Фонда содействия охране памятников археологии «Археологическое наследие» осуществлялся специальный археологический надзор на период проведения земляных работ при строительстве торгово-офисного центра по просп. Б. Хмельницкого, 20/22 в г. Белгороде¹. В непосредственной близости от места проведения работ располагалась третья Белгородская крепость, а также женский и мужской монастыри. В процессе археологического надзора было установлено следующее: - основная масса сооружений и находок датируется XIX - сер. XX вв. Это представляет несомненный интерес для изучения истории и быта этого периода юго-восточной окраины России. Не исключено, что незначительная часть материалов может датироваться и кон. XVIII в., поскольку близость синхронно функционирующих мужского и женского монастырей способствовала освоению близ лежащих территорий. О принадлежности части керамического материала к эпохе XVIII в. говорят характерные типы серо и белогончарных венчиков горшков, типичных для периода правления Екатерины II. Датированных материалов этого периода обнаружено не было; - интерес представляет материал эпохи кон. XIX в., и, в частности, фрагмент головного убора, который типологически близок мордовским украшениям средневековой поры. Это может говорить об активности культурных и этнических контактов еще не завершившихся в эпоху бурного развития капитализма в России (переселенческая политика). Исследования 2003 г. дали возможность получить коллекцию интересного керамического материала, способного пролить свет на историю позднесредневекового Белгорода. Получены предметы городского быта XIX в., собрана интересная коллекция печных изразцов, найдена серия медных монет.

В октябре 2003 г. воронежскими археологами под руководством К.Ю. Ефимова проводилось археологическое обследование зоны строительства «Внешторгбанка» в г. Белгород, ул. Фрунзе, 35². В результате изысканий были сделаны выводы о начале освоения для жизни этого участка города. Собранная коллекция керамического материала позволяет говорить, что первое поселение, хотя и кратковременное, в этом месте появилось около VIII-X вв. н.э. Следующим по времени здесь располагалось селище золотоордынского времени XIV-XV вв. Судя по крайней малочисленности находок двух этих периодов, оба селища были очень кратковременными. Следующий по времени культурный слой датируется XVII-XVIII вв., а насыщенность культурного слоя свидетельствует об активном использовании этого участка на протяжении XVII-XVIII вв. Начало освоения этого участка русским населением вероятнее всего надо связать со временем строительства в 1651 г. третьей Белгородской крепости. Археологические материалы этому не противоречат. Встреченная светлоглиняная гончарная керамика с бежевой поверхностью и коричневым рисованным орнаментом датируется кон. XVIII – нач. XX вв.

В 2006 г. силами группы по охране и использованию памятников истории и культуры проводилось обследование земельного участка, отводимого под строительство автодороги «Спутник – ул. Сумская – ул. Чичерина – ротонда», в ходе которого было выявлено три объекта археологического наследия: селище-1 по ул. Красноармейская (II тыс. до н.э., XVI-XIX вв.), селище-1 по ул. Механизаторов (II тыс. до н.э., XVIII-XIX вв.), местонахождение керамики-1 по ул. Механизаторов (1 тыс. н.э.)³.

В октябре 2007 г. группой студентов БелГУ под руководством канд. ист. наук В.А. Сарапулкина проводились исследования на месте строительства пристройки к административному зданию ЗАО «ТЮС» по Гражданскому проспекту, 234. В процессе работ было заложено два раскопа площадью 77 и 34 кв. м соответственно. В результате исследования были прослежены культурные напластования, толщина которых колеблется в пределах 2,0-0,8 м. Культурный слой на исследованном участке показал весьма высокую насыщенность. Керамический материал представлен фрагментами круговых кухонных горшков. Для керамического комплекса памятника характерно практически полное отсутствие поливной керамики. Исходя из характера

керамического материала, а также монетных находок, нижний горизонт может быть датирован 2-й пол. XVIII в.

В октябре 2008 г. археологической экспедицией БелГУ под руководством доцента кафедры российской истории, канд. ист. наук В.А. Сарапулкина проводились раскопки селища-1 по ул. Корочанской. Памятник был выявлен в результате осмотра местности, предназначенной для строительства школы № 24 г. Белгорода, представителями органа уполномоченного в сфере охраны объектов культурного наследия. В процессе раскопок был выявлен один объект – постройка, в полу котлована которой прослежено 6 ям, в заполнении которых было выявлено значительное количество керамического материала, в том числе, позднерусского периода. Исходя из значительной глубины и сравнительно небольшой площади, а также отсутствия следов отопительного устройства постройку можно считать погребом.

Датировка комплекса вызывает затруднение. Круговая керамика, составляющая подавляющее большинство находок, характерна для значительного временного промежутка (XVII-XIX вв.), отсутствие керамики с зеленой поливой позволяет исключить 2-ю пол. XIX в.

В мае-июне 2009 г. археологической экспедицией БелГУ под руководством В.А. Сарапулкина и заведующего археологической лабораторией БелГУ А.А. Божко проводились раскопки на территории достопримечательных мест «Местонахождение Белгородской крепости на берегу реки Везелицы», «Местонахождение Свято-Троицкого мужского монастыря» для изучения культурного слоя позднесредневекового Белгорода и по обнаружению фундаментов Свято-Троицкого собора для выявления усыпальницы Святителя Иоасафа Белгородского⁵. Целью работ было изучение культурного слоя исторической части города Белгорода, выявление места первоначального упокоения Святителя Иоасафа Белгородского и фундаментов Свято-Троицкого собора.

Раскопом была изучена юго-западная часть Свято-Троицкого собора. Об этом свидетельствует наличие подвального помещения, формой и ориентировкой повторяющие юго-западный придел храма. Формат кирпича и состав раствора также характерен для архитектуры XVII-XVIII вв.

Подвальное помещение, прослеженное в центральной части собора, является усыпальницей Святителя Иоасафа Белгородского, располагавшейся под юго-западным приделом храма. Помимо формы и ориентировки, об этом косвенно свидетельствует отделка окон и подоконников дорогостоящим материалом – керамической глазурированной плиткой, выкладка пола желтым клейменым кирпичом. Литография, изображающая посещение императором Николаем II усыпальницу св. Иоасафа в 1904 г., также утверждает нас в мысли, что склеп находился в юго-западной части храма. Гроб Иоасафа, согласно православной традиции, ориентирован по линии восток-запад, покойный располагался, соответственно, головой на запад. Таким образом, слева от покойного (к северу) располагалась глухая стена (южная стена основного объема храма), к западу – окно, прослеженное в северо-западном углу подвального помещения. На литографии также заметен поток света, падающий из юго-восточного окна. На литографии также изображен вход в усыпальницу, расположенный к югу от юго-западного окна. В подвальном помещении вход прослежен не был. Правда, в южной стене выявлен небольшой проем, а также кладка 1-й пол. XX в. Однако, небольшие размеры не позволяют считать это входом. Объяснить подобное несоответствие можно ошибкой, или намеренным искажением, допущенным художником.

Таким образом, этапы существования усыпальницы можно представить следующим образом: 1750-е гг. – сооружение, нач. XX в. – сооружение оконных проемов, облицовка окон плиткой, выкладка пола кирпичом (предположительно к визиту Николая II в 1904 г.); после 1917 г. – использование усыпальницы в качестве складского помещения, к этому времени относятся слои голубой и зеленой масляной

краски на стенах и подновление нижней части юго-западной стены; 1927-1930 гг. - разрушение храма; 1930-1950-е гг. – усыпальница наполовину засыпана строительным мусором, внутри произрастает сорная растительность и кустарник. 1950-е гг. помещение засыпано при разравнивании площадки.

В августе-сентябре 2010 г. воронежскими археологами ООО «Терра» совместно с научными сотрудниками Российской академии наук, Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды и студентами БелГУ были проведены археологические работы на участке строительства офисного здания по адресу: г. Белгород, Свято-Троицкий бульвар, д. 28, расположенном в границах объекта культурного наследия регионального значения «местоположение Белгородской крепости на берегу р. Везелицы»⁶.

В задачи исследования входили: научно-исследовательские археологические работы на участке строительства офисного здания по адресу: г. Белгород, Свято-Троицкий бульвар, д. 28 с целью изучения культурного слоя, комплексов и строений археологических и исторических эпох, находящихся на данной территории г. Белгорода; составление исторической справки по истории культурного и хозяйственного освоения участка на основе картографического материала.

В культурном слое раскопа выявлено большое количество керамики (в основном, выполненной на гончарном круге), стеклянной, фарфоровой и фаянсовой посуды, кованых гвоздей, изделий из глины, кости и металла, относящихся в основном к XVII-XX вв., но были найдены и две находки, не относящиеся к данному отрезку времени: неолитический нож и донце лепного сосуда эпохи бронзы, которые случайно попали на исследуемую территорию (скорее всего, в процессе засыпки оборонительного рва). Наиболее массовым материалом является керамика.

В итоге, в пределах раскопа было выявлено и исследовано три строительных периода III Белгородской крепости. Первый из них, по всей видимости, относится к 1650 г. и был реализован в традиционном стиле для принципов русской фортификационной архитектуры. Направленность линии обороны на начальном периоде существования крепости значительно отличалась от тех, которые были спланированы после перестроек, и были подчинены общему рельефу окружающей местности, максимально приспособиваясь к ней и используя её. На более поздних этапах функционирования крепости линии обороны были выпрямлены, упор в их обороноспособности делался, прежде всего, на характеристиках устроенных искусственных деревоземляных фортификаций, выстроенных по западноевропейскому образцу. Причём на определённом этапе функционирования фортификаций западноевропейского образца они были модернизированы и усилены, будучи по существу, заново отстроенными. На этапе, по всей видимости, второго строительного периода крепость имела перекинутый через ров западной оборонительной линии деревянный мост. На берме фортификаций, скорее всего, того же второго строительного периода, был устроен заградительный забор закладной конструкции и частик – редко поставленные вертикальные деревянные столбы для затруднения продвижения неприятеля.

В сентябре-декабре 2010 г. археологической экспедицией БелГУ под руководством В.А. Сарапулкина и А.А. Божко проводились раскопки на территории достопримечательного места «Местонахождение Белгородской крепости на берегу реки Везелицы»⁷. Целью работ было изучение культурного слоя исторической части города Белгорода. В процессе исследований было заложено три раскопа, в площади которых были прослежены остатки каменных строений и ямы. Был выявлен весьма разнообразный керамический материал, по большей части позднерусского времени. Культурный слой, прослеженный в раскопах I-III сильно перемешан, практически на всей глубине встречаются предметы, датируемые XX в.

Объекты, выявленные в раскопе, можно условно разделить на три хронологических горизонта. К верхнему относятся кирпичные кладки на цементном растворе, прослеженные в верхних слоях раскопа I, а также колодцы, выявленные в раскопах

II и III. Они были возведены в послевоенное время и связаны с благоустройством дворовых территории и системой коммуникаций. К среднему хронологическому горизонту относятся фундаменты, выявленные в кв. раскопа I, III. Сформированные из битого кирпича или дикого камня сооружения не имели подземных помещений – очевидно, ни одна из изученных ям не связана конструктивно с каменными постройками. Время возведения построек на основании имеющихся данных установить сложно, однако наличие культурных отложений XIX – 1-й пол XX в. говорит о том, что они существовали вплоть до ВОв. К нижнему горизонту относятся ямы, в трех из которых выявлены монеты 1730-х гг. – ямы 8, 11, 12. Помимо монет ямы содержали фрагменты стеклянных изделий и поливной керамики, в заполнении присутствовала кирпичная крошка, что позволяет считать ямы со схожим заполнением синхронными (ямы 2, 4, 6, 9,). Короткий период пребывания в обороте медных монет позволяет считать эти сооружения существовавшими в 1730-1740-х гг. Возможно, более ранним временем датируются ямы, не содержавшие стекла и поливной керамики из 3, 18, 20, 7, 10, в заполнении данных ям также отсутствует кирпич.

Таким образом, можно говорить о том, что, с 2000-х гг. археологическое наследие г. Белгорода начинает активно изучаться. Несмотря на то, что культурные слои более ранних эпох (до XVIII в.) уже потревожены постройками XIX-XX вв., археологический надзор все же дает богатый вещевой материал, представленный в большом количестве фрагментами керамических сосудов, печных изразцов, глиняных курительных трубок, монет, и позволяющий изучать быт позднесредневекового города. Также встречается материал, позволяющий говорить о существовании на территории города небольших поселений в бронзовом и раннем железном веках (III тыс. до н.э. – V в. н.э.).

Примечания:

1. Ковалевский В.Н. Отчет о проведении специального археологического надзора на период проведения земляных работ при строительстве торгово-офисного центра по пр. Б. Хмельницкого, 20/22 в г. Белгороде // Архив Производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры. М., 2003.

2. Ефимов К.Ю. Отчет об археологическом надзоре зоны строительства (II очередь) здания «Внешторгбанка» в г. Белгород, ул. Фрунзе, 3 // Архив Производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры. Белгород, 2004.

3. Сарапулкина Т.В. Отчет о натурном обследовании земельного участка, отводимого для строительства автодороги «Спутник - ул. Чичерина - ротонда» в г. Белгород // Архив Производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры. Белгород, 2006.

4. Сарапулкин В.А. Отчет об исследовании культурного слоя г. Белгорода (Гражданский просп., 23) // Архив кабинета археологии БелГУ.

5. Сарапулкин В.А. Отчёт об археологических работах на территории достопримечательных мест «Местонахождение «Белгородской крепости на берегу реки Везелицы», «Местонахождение Свято-Троицкого мужского монастыря» для изучения культурного слоя позднесредневекового Белгорода и по обнаружению фундаментов Свято-Троицкого собора для выявления усыпальницы Святителя Иоасафа Белгородского // Архив кабинета археологии БелГУ.

6. Федюнин И.В. Отчёт о проведении археологических работ на участке строительства офисного здания по адресу: г. Белгород, Свято-Троицкий бул., 28, расположенном в границах объекта культурного наследия регионального значения «местоположение Белгородской крепости на берегу р. Везелицы» // Архив Производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры. Воронеж, 2010.

7. Сарапулкин В.А. Отчёт об археологических работах на территории достопримечательного места «Местонахождение «Белгородской крепости на берегу реки Везелицы» // Архив кабинета археологии БелГУ. Белгород, 2010.

I. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМА

КЛАССИФИКАЦИЯ ДЕМОНОВ В ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Н.А. Жданова

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

Статья посвящена анализу и систематизации представлений античных авторов об основных группах демонических существ греческой мифологии. В работе дана характеристика демонических существ, согласно античным авторам. Приводится три варианта классификации демонов, предложенных Ксенократом, Апулеем, Порфирием.

Ключевые слова: античные письменные источники, греческая мифология, демонические существа, классификация демонов.

THE CLASSIFICATION OF THE GREEK MYTHOLOGY'S DEMONS IN THE ANCIENT TRADITION

N.A. Zhdanova

Belgorod National Research University

This article is dedicated to the analyzes and systematic representations of ancient authors on major groups of demonic creatures of Greek mythology. In this work is given the characteristics of demonic creatures, according to ancient authors. It provides three variants of the classification of demons, proposed by Xenocrates, Apuleius, Porphyry.

Key words: ancient written sources, Greek mythology, demonic creatures, classification of demons.

Проблема данного микроисследования состоит в анализе и систематизации представлений античных авторов о демонах и их основных группах. Этой проблеме посвящено очень мало работ. В основном, это материал, изложенный в учебной литературе, который носит справочный характер. Недостаточная практическая разработанность данной темы определяют новизну представленной работы.

В качестве основных методов в нашем исследовании были использованы, в первую очередь, комплексный подход к источникам, а также системный подход, позволяющий классифицировать демонические существа греческой мифологии.

По данной теме существует достаточное количество источников, но совсем немного историографических работ. Главными источниками являются произведения античных авторов.

Первую группу источников представляют сочинения древнегреческих историков Диодора Сицилийского, Павсания, Страбона.

«Историческая библиотека»¹ древнегреческого историка Диодора Сицилийского для нашего исследования занимает далеко не последнее место. У Диодора в его сочинении имеется упоминание о четырех группах демонических существ: Дактили, Палики, Силены и Тельхины. Точнее, там имеются данные о месте их обитания и происхождении.

Интересные сведения оставил древнегреческий историк и писатель Павсаний - автор своего рода античного путеводителя «Описание Эллады»². В данном труде имеется информация также о нескольких видах демонических существ: Сатирах, Куретах, Корибантах и Дактилях. В частности, Павсаний говорит об их функциях.

Греческий историк и географ Страбон в своем монументальном труде «География»³, а именно в X книге, описывает место рождения некоторых демонических существ, их происхождение и занятия.

Следующая группа источников – это литературные произведения Древней Греции – драматургия и поэзия.

У древнегреческого комедиографа, «отца комедии», Аристофана, в его произведении «Лягушки»⁴, в первой части есть информация о том, что Дионис, когда спустился в Аид, встретил Эмпусу. Также там присутствует описание внешнего вида Эмпусы.

В сочинении «Пир мудрецов»⁵ древнегреческого риторика и грамматика Афинейя, указываются такие демонические существа как Дактили, их специализация.

Гесиод, древнегреческий поэт и рапсод, представитель направления дидактического и генеалогического эпоса; в поэме «Идейские дактили»⁶ имеются указания о том, что Дактили были целителями и знатоками кузнечного дела, находились под властью Гефеста и обучили людей металлургии, математике и эфесским письмам.

В еще одном труде - «О пляске» Лукиана, греческого писателя-сатирика имеются полезные сведения о Корибантах и Эмпусах.

В объемной (самой крупной в поздней античности) эпической поэме «Деяния Диониса»⁷ древнегреческого эпического поэта Нонна содержится большое количество информации по изучаемой нами теме, особенно по таким группам демонических существ, как Силены и Сатиры.

Псевдо-Аполлодор - неизвестный древнегреческий писатель, автор «Библиотеки» (в исторической литературе принято название «Мифологическая библиотека»⁸) - произведения в 3-х книгах, представлявшего собой большое собрание традиционной греческой мифологии и героических легенд. «Библиотека» на сегодняшний день является одним из важнейших источников по греческой мифологии. В ней содержится информация о происхождении, деятельности двух видов демонических существ - Корибантов и Куретов.

Древнегреческий драматург, отец европейской трагедии, Эсхил, в своем сочинении «Этнеянки»⁹, повествует о рождении Паликов.

Что касается классификации демонов, то попытки представить таковую сохранились в сочинениях Ксенократа¹⁰, Апулея¹¹, Порфирия¹². Так или иначе, каждый из них развивал идеи Платона, трактующего демонов как промежуточных между богами и людьми существ, «которых стоит упоминать в наших молитвах, потому что они могут быть доброжелательными посредниками»: они «прозрачны» и невидимы; обладают большой мудростью, «знают все наши мысли» (идея, решительно отвергнутая позднее христианством), отличаются склонностью к добру и ненавистью ко злу (действия злых людей причиняют им боль); они способны, в отличие от богов, переживать боль и страсти.

На сегодняшний день существует огромное количество значений и толкований слова «демон», имеющих, однако, сходную ценностную окраску, - большинство из них представляют демонов в качестве сверхъестественных существ, настроенных негативно по отношению к человеку. Подобное отношение сформировалось, во многом, благодаря христианской традиции.

Однако эволюция данного понятия насчитывает более тысячи лет, и его содержание не столь однозначно, как может показаться современному человеку. Одно из самых распространенных в греческой мифологии определений демона - это всякое божество или дух-хранитель, либо способствующий, либо противодействующий человеку в его деятельности.

Толкование понятия «демон» заслуживает отдельного рассмотрения, тогда как наша работа посвящена систематизации представлений античных авторов, попытавшихся классифицировать демонических существ по различным признакам.

В первую очередь, необходимо обозначить основные группы демонических существ, основываясь на описаниях, содержащихся в источниках.

Дактили - в древнегреческой мифологии, мифические существа-лилипуты, обитавшие на Крите, на горе Ида, где они прислуживали Великой матери богов или Реи (Athen. Fest.; Hes. Dact.; Diod. V; Paus. V; Strab. X).

Корибанты - название мифических предшественников жрецов Кибелы или Реи во Фригии, в диком воодушевлении, с музыкой и танцами, отправлявших служение великой матери богов. Они - сыновья Аполлона и музы Талии, или сыновья Аполлона и Кору-Персефоны. По родосцам, это некие демоны – дети Афины и Гелиоса. Либо они - дети Крона, либо дети Зевса и Каллиопы, тождественные Кабирам. Либо титаны дали Реи Корибантов, прибывших из Бактрианы или Колхиды, либо с Евбеи (Apollod. I., Luc. Chorus, Nonn. Dionys., Paus. III, VI, VIII).

Куреты - в греческой мифологии название спутников Реи, а также название исторического племени. Первоначально Куреты имели, по-видимому, самостоятельное значение как демоны растительных сил земли (Apollod. I, II, Diod. V, Luc. Chorus, Strab. X, Paus. VIII).

Палики в древнегреческой мифологии - два духа серных источников около Этны. Палики почитались в древности как покровители здоровья, земледелия и мореплавания. У источников Паликов производилась очистительная присяга. Из страха перед Герой мать их спрятала в земле; отсюда появились два горячих серных источника.

Алтарь Паликов упоминает Вергилий. По Эсхилу, они - близнецы, рождены Этной от Зевса. Палики считались то сыновьями Адрана (бога местной горы), то Гекфеста и нимфы Этны, то Зевса и музы Талии, дочери Этны (Verg. Aen. IX, Diod. XI, Strab. VI, Aesch. Etn.).

Сатиры - в греческой мифологии лесные божества, демоны плодородия, жизнерадостные козлоногие существа, населявшие греческие острова. Славились пристрастием к алкоголю и избыточной сексуальной активностью. Сатиры составляли свиту Диониса – всегда веселящуюся и поющую. Легенда гласит, что именно сатиры спасли принцессу Крита Ариадну, когда её афинский возлюбленный Тесей оставил её спящей на берегу Наксоса (Aelian. Var. Hist. III, Hymn. Hom. IV, Luc. Chorus, Nonn. Dionys. XII, Strab X; Paus. I, Apollod. II).

Силены - божества малоазиатской мифологии, отождествленные греческой драмой с сатирами, от которых они, однако, отличались как по происхождению, так и по демоническим свойствам. Также так называют сатиров, достигших преклонных лет. По происхождению силены связаны с лидийскими и фригийскими сказаниями о Вакхе, и были первоначально божествами рек, источников и мест, изобилующих водой и богатой растительностью, в противоположность сатирам - демонам гор и лесов (Athen. Fest., Aelian. Var. Hist. III, Paus. I-III, Diod. IV, Nonn. Dionys. XIV, Verg. Ecl. VI, Sen. Oed.).

Тельхины - вулканические божества морской глубины, почитавшиеся на Родосе как спутники Посейдона и составлявшие, по преданию, древнейшее население острова. Тельхины считались первыми обитателями Родоса. Сыновья Богини Моря (Талассы) и вместе с Кафирой воспитали Посейдона, которого вверила их попечением Рея (Diod. V; Nonn. Dionys. XXIV; Strab. X-XIV; Paus. IX; Callim. Hym. IV; Ovid. Metamorph. VII).

Эмпуса (эмпуза) - в греческой мифологии женщина-демон, мифическое существо с ослиными ногами, напоминающее вампира (упыря), высасывающего по ночам кровь у спящего человека. Эмпуса считалась ночным духом, принадлежавшим к так называемым Мормоликам - Акко, Алфито и Горго - и Ламиям. Эмпуса находилась в свите богини Гекаты, которая посылала ее, принимавшую различные образы, пугать людей, преимущественно женщин и детей. Эмпуса принимала вид коров, собак или прекрасных дев (Aristoph. Ran.; Luc. Chor.).

Классифицировать демонов довольно трудно. Первым это сделал ученик Платона Ксенократ. Из его многочисленных сочинений до нас дошли скудные отрывки и список названий, который приводит Диоген Лаэртский (IV, 2.12-14).

Согласно Ксенократу, в подлунном мире носятся невидимые демоны, часть которых – добрые, часть же – злые. Демоны занимают промежуточное положение между смертными и богами. Демонологическая концепция Ксенократа позволила ему очень оригинальным образом разрешить проблему безнравственного и безобразного в мифологии. Если мифы и гимны, утверждает Ксенократ, рисуют иногда богов грабителями, обманщиками и т.д., то все эти поступки на самом деле относятся к подлунным демонам, а не к богам (фрг. 24). Другими словами, поэты, созерцая жизнь богов, иногда не в силах отличить истинно божественные, находящиеся вдали неподвижного неба образы, и смешивают их с образами разнообразных демонов, заполняющих все пространство между смертными и богами, между землей и наднебесным пространством¹³.

Ксенократ разделил демонов на благих и дурных: возвысил богов до полного личного невмешательства в дела мира, а функцию посредников передал демонам, списав также на их счет все скандальное и неблагопристойное, что говорилось в мифологии о богах; демоны по Ксенократу обладают телом, состоящим из «земной» и «эфирной» материи. Ксенократ разделил демонов на три группы:

- 1) Демоны, которые всегда были таковыми.
- 2) Души людей, которые после смерти отделились от тела и стали демонами.
- 3) Демоны, живущие внутри нас и тождественные с нашей собственной душой.

Также иерархию демонов выстраивает и Апулей в сочинении «О божестве Сократа» - популярном изложении учения Платона о демонах.

По его классификации демонами являются:

1) «Бог, которым для каждого является его душа»; иначе говоря - сама душа понимается как демон.

2) «Человеческие души, когда, после уплаты долгов жизни, они отреклись от своего тела... их на древнем латинском языке называли Лемурами».

3) Демоны, которые никогда не находились в человеческом теле - «более высокий и священный род демонов, которые всегда свободны от пут и оков тела и начальствуют над определенными силами... В их числе - Сон и Любовь».

Неоплатоник Порфирий¹⁴ в отдельных высказываниях весьма часто говорит о демонах, которые для него наполняют всю подлунную действительность. Те, которые находятся в вышине, под небом, – это добрые демоны. Он их называет по иудейскому образцу ангелами и архангелами. Но большее значение для Порфирия имеют злые демоны, обитающие в нижней атмосфере, порочные и завистливые, которые вносят только одно безобразие и в человеческую жизнь вообще, и в религиозные обряды и таинства. Порфирий настолько конкретно видит тех и других демонов, что пытается даже изобразить их наружность.

Высшие демоны в своих воздухообразных телах сохраняют «симметрию», то есть являются четко и красиво оформленными, низшие же духи в этом смысле обладают только «несимметричными телами». Заметим, что такое суждение о демонах содержится в трактате Порфирия, который, весьма возможно, был написан после сближения с Плотинем; и приведенное сейчас у нас суждение Порфирия о «симметрии» взято нами вовсе не из трактата «О философии из оракулов», который некоторые исследователи относят к доплотиновскому периоду Порфирия. Функции высших и низших демонов, понятно, тоже разные. Первые – благодетельны. Они способствуют человеческому благополучию, плодородию почвы; они же – и покровители музыки, гимнастики, врачебного искусства; они же – и покровители городов и государств, будучи, вообще говоря, возвестителями для людей воли божией, а также возносителями и человеческих молитв к богу.

Что же касается низших демонов, то они злы, приносят людям всякий вред и несчастья, болезни, землетрясения, неурожай, чуму, дурные помыслы, являются во всякого рода безобразных видах. Местопребывание злых демонов – подземный мир, где они мучают других и сами мучаются во главе с Плутоном и Сераписом. Судя по всему, Порфирий рекомендует просто не иметь с ними никакого дела. Традиционное колдовство он, во всяком случае, отрицает и запрещает им пользоваться. Но магию, вообще говоря, он не отрицает, хотя и признает только умеренное использование ее для общения с богом. Оказывается, что и пророчествовать можно сколько угодно, особенно если пророк вкушает мясо животных, одаренных даром предвидения. Но дело не в самих внутренностях животных, а дело в том высшем смысле, который вложен в них мудрыми демонами.

Порфирий допускает и жертвоприношения злым демонам, правда только для государственных целей. А отдельный же человек, если он мудр, должен «воздерживаться» от этого. Злые демоны услаждаются кровью и дымом сжигаемых жертв. Мудрец же должен, прежде всего, уподобляться богу, что и нужно считать его подлинным жертвоприношением.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в классификации Ксенократа и Апулея определенно присутствуют общие черты, что объясняется непосредственным влиянием Платона.

Что же касается рассуждений Порфирия, то, учитывая, что он является самым поздним (III–IV вв. н.э.) автором неоплатонического толка, можно провести параллели между его классификацией и христианскими представлениями о демонах, хотя, разумеется, концепция Порфирия сохраняет еще очень много античных языческих компонентов.

Распределить же конкретные, представленные выше, группы демонических существ согласно какой-либо из классификаций пока не представляется возможным, в силу противоречивости их описания в источниках, по которым одни и те же существа описываются то в качестве положительных, то абсолютно негативных по отношению к человеку.

Примечания:

1. Диодор Сицилийский. *Историческая библиотека*. Ч.1-6 / Пер. И.А. Алексеева. М., СПб, 1775. 446 с.
2. Павсаний. *Описание Эллады*. В 2 тт. / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Искусство, 1992. 364 с.
3. Страбон. *География* / Пер. с др.-греч. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 190 с.
4. Аристофан. *Лягушки* / Пер. И. Цветкова. М.-СПб, 1913. 75 с.
5. Афинея. *Пир мудрецов*. В 15 кн. / Пер. Н.Т. Голинкевича. М.: Наука, 2003. 655 с.
6. Гесиод / *Подстроч. пер. поэм с греч. и прим.* Г. Властова. М., СПб, 1885. 280 с.
7. Нонн Панополитанский. *Деяния Диониса* / Пер. Ю.А. Голубца. Вступ. ст. А.В. Захаровой. СПб.: Алетейя, 1997. 608 с.
8. Аполлодор. *Мифологическая библиотека* / Пер., ст. и прим. В.Г. Боруховича. Л.: Наука, 1972. 216 с.
9. Эсхил. *Трагедии* / Пер. С. Анта, вступ. ст. Н. Сахарного. М.: ХЛ, 1971. 383 с.
10. Древнегреческий философ, ученик Платона из Халкидона Вифинского (396–314 гг. до н.э.). О нем см.: Dillon J. *The Heirs of Plato: A Study of the Old Academy (347–274 B.C.)* Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 2003; Heinze R. *Xenocrates*. Stuttgart: Teubner, 1892; rpr. Hildesheim: G. Olms, 1965; Диллон Дж. *Наследники Платона: Исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н.э.)* / Пер. с англ. Е.В. Афонасина. СПб., 2005. С. 108–181; Мочалова И.Н. *Философия ранней Академии*. СПб., 2007. 144 с.
11. Апулей. «О божестве Сократа» / Сост. А. Кузнецова. М.: АСТ, 2007. 349 с. О нем см.: Апулей «*Метаморфозы*» и другие сочинения / Сост. М.Л. Гаспаров. М., 1988. 400 с. (включает перевод «О божестве Сократа» А. Кузнецова [с. 333–349]); Harrison S. J. *Apuleius: A Latin Sophist*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 281 p.

12. О нем см.: Cameron A. *Porphyrius the Charioteer*. London: Oxford University Press, 1973. 286 p.; Порфирий. Сочинения / Пер. Т.Г. Сидаша. СПб., 2011. 660 с.
13. Лосев А.Ф. *История античной эстетики. Т. III*. М., 1974.
14. Порфирий. *О философии из оракулов. Против христиан* // Ранович А.Б. *Античные критики христианства*. М., 1990. С. 346-391.

БОРЬБА СТИЛИХОНА И ЕВТРОПИЯ В ИЗОБРАЖЕНИИ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Д.Е. Богданов

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

На основании комплексного анализа письменных исторических источников Поздней античности, в статье рассматривается противостояние Флавия Стилихона и евнуха Евтропия, управлявшего Восточным двором после убийства Руфина.

Ключевые слова: Стилихон, поздняя античность, Евтропий, Руфин, Византия.

STILICHO VERSUS EUTROPIUS IN REPRESENTATION OF LATE ANTIQUITY'S AUTHORS

D.E. Bogdanov

Belgorod National Research University

Basing on the later antiquity written historical sources complex analysis the article views conflict of Flavius Stilicho & eunuch Eutropius who was controlling the Eastern court after Rufinus's assassination.

Key words: Stilicho, later antiquity, Eutropius, Rufinus, Byzantium.

Процесс трансформации античного общества в средневековое, в цивилизацию нового типа – из числа сложнейших проблем в исторической науке¹. Во многом сложность определяется своеобразием явлений во временном промежутке, в рамках которого происходит трансформация.

Поздняя античность является особой исторической эпохой. Выступая в качестве субцивилизации, этот период образует динамическую модель взаимодействия разновекторно направленных старых и новых элементов, в которой, однако, безусловно наблюдается постепенная преемственность, континуитет².

Это было поистине смутное время. Уже в III в. в сознании рядового римлянина произошел надлом, вызванный временным распадом государства и варварскими вторжениями. IV столетие было заполнено *bella omnia contra omnes* (войной всех против всех). Религиозные и социальные конфликты не прекращались³. В V в. смятение еще более усилилось, порой доводя население до панического ужаса.

Одной из эпохальных вех является падение Рима под натиском Алариха в 410 г., поэтому наибольший интерес представляют предшествующие этому событию десятилетия. Стремительно начинают развиваться события после смерти Феодосия Великого (в 395 г.): происходит разделение империи на Западную и Восточную, а императорские дворы наследников последнего правителя единой империи вступают в ожесточенное противоборство, используя юных Аркадия и Гонория в своих интересах.

Олицетворением Запада в этом противостоянии был Флавий Стилихон, одна из ключевых фигур рубежа IV-V вв., полководец Феодосия, назначенный им магистром *praesentalis* и регентом Гонория (Zos. IV, 59.3).

В связи с тем, что основными участниками тех событий не было оставлено никаких воспоминаний, особенный интерес вызывают работы позднеантичных авторов, а именно: «Новая история» Зосима (кон. V в., Константинополь), «Хроника»

Марцеллина Комита (VI в., Константинополь), сочинения Олимпиодора, сохранившиеся лишь во фрагментах (нач. V в.) и труды придворного поэта и пропагандиста Стилихона Клавдия Клавдиана, в особенности - инвектива «Против Евтропия» и панегирик «Консульство Стилихона»⁴.

Объёмный материал, необходимый исследователю, работающему с сочинениями авторов поздней античности и изучающему крупных личностей данного периода, в «Просопографии поздней Римской империи»⁵.

Особенным источником являются сочинения Клавдиана. В его произведениях описаны перипетии дипломатических противостояний и заговоров того времени. Естественно, что данные события представлены в наиболее выгодном для их основного участника свете, но, несмотря на тенденциозность, они представляют исключительную ценность.

В данном исследовании используются следующие методы: историко-генетический – для изучения брачных связей представителей имперских дворов – и сравнительно-исторический – для определения поведенческих установок и мотивов принятия решений под влиянием конъюнктуры.

Итак, после смерти своего патрона, Флавий Стилихон стал правителем Западной империи, имея тот же титул – «опекун» – что и патриций Руфин на Востоке (Zos. V, 1.1).

Противостояние между дворами, начатое ещё в последние годы правления Феодосия, привело к желанию царедворцев подчинить себе своих противников. Приступая к достижению этой цели, Руфин желает породниться с императором Востока Аркадием, выдав замуж за него свою достигшую брачного возраста дочь, однако, становится объектом народной ненависти «из-за своей жестокой надменности и постоянно растущей похвальбы» (Zos. V, 1.1).

Руфин намеревался достичь своей главной цели – стать императором – и исключить всё, что могло послужить помехой для его намерений.

Он не сумел претворить в жизнь свои планы, т.к. его соперники на Востоке, судя по всему, объединились со Стилихоном (Zos. V, 7). Обвинённый в заговоре против Аркадия и тайных переговорах с варварами, Руфин «был заслуженно обезглавлен перед городскими воротами воинами из Италии, которые были отправлены к Аркадию вместе с комитом Гайной» (Marcell. Chron. 395, 5).

Не последнюю роль в этом убийстве сыграл евнух Евтропий (см о нём PLRE II, 440-444). Он возглавлял одну из влиятельнейших придворных партий, объединявшую приспешников и честолюбцев, которые на первое место ставили устройство при помощи Евтропия своих личных дел и карьеры. Греческая аристократия и народ, по оценкам византийцев классической школы, не были союзниками Евтропия и не могли поддерживать его даже в том случае, если бы он резко выступил против германцев⁶.

Занимавший важный пост препозита императорской опочивальни (или кувикулярия (Marcell. Chron. 395, 5)), Евтропий противостоял Руфину и воспрепятствовал осуществлению его династических планов, устроив при помощи Стилихона брак Аркадия с дочерью франкского военачальника в римской армии Баутона (Zos. V, 3.3).

После подготовленного убийства Руфина, Стилихон надеялся захватить в свои руки Восток, но встретил отпор в лице временщиков изнеженного Аркадия⁷. Стилихон держал себя благоразумно, предоставив Аркадия интригам его фаворитов и, видимо, стараясь предупредить междоусобную войну.

Тем временем Евтропий становится первым человеком на Востоке, подчинив себе Аркадия, а безнаказанность полководца Гайны, продолжавшего занимать пост магистра армии, свидетельствует об участии Евтропия в интриге Стилихона против Руфина⁸.

Избавившись от своего принципиального соперника, евнух-кувикулярий удаляет с политической арены влиятельных вельмож Абунданция (PLRE 1: 4-5) и Тима-

сия (PLRE 1: 914-915) (Zos. V, 9). Теперь его всемогуществу, при беспомощности императора Аркадия, препятствует только Стилихон, союзник в устранении Руфина, командующий многочисленным, закалённым миссией в Персии войском варваров⁹.

Его отношения со Стилихоном превращаются из дружественных во враждебные, и он становится для Стилихона противником, гораздо более опасным, чем Руфин. В 397 г. Евтропий объявил Стилихона врагом государства, конфисковав все его имения¹⁰.

В начале 398 г. Стилихон породнился с императором Гонорием, выдав замуж за него свою тринадцатилетнюю дочь от Серены, Марию (Zos. V, 12.1; Marcell. Chron. (398. 2)), и вскоре принял командование всей армией¹¹.

С этого времени вражда между Евтропием и Стилихоном стала скрытой и малоизвестной, но, тем не менее, они были настоящими врагами. Правители надменно поделили удовольствия от несчастий своих подданных. Стилихон выдал замуж свою дочь Марию за императора Гонория, а Евтропий, тем временем, руководил Аркадием словно ожиревшим животным (Zos. V, 12.1). Если находился человек, своим богатством или популярностью превосходивший властелинов Востока или Запада, он тут же брался под арест, а всё его состояние текло в их руки, т.к. и Стилихон и Евтропий не гнушались использовать в своих целях целую армию доносчиков (Zos. V, 12.2).

Летом 398 г. Евтропий разбил гуннов и с триумфом вернулся в Константинополь, где был десигнирован на консульство следующего года. Как и сан патриция, полученный Евтропием, консульство никогда не доставалось евнухам¹².

Получение должности консула Евтропием стало шоком для всего тогдашнего мира. Стилихоновская пропаганда не могла упустить возможности разработать тему надругательства над обычаями предков (*mos maiorum*) и Клавдиан рисует поистине жуткую картину: «евнух-консул» превосходит все дурные знамения:

*«Полузвериный плод, и дитя, ужаснувшее мать,
И среди стен градских в ночи раздавшийся волчий
Вой, и обретшее речь, ужасая пастыря, стадо,
Камнями сеющий тягостный дождь и то, как багрится
Тучей кровавой Юпитер немилостный, кровью вскипевши
Кладези и в небесах сдвигающиеся луны двойные,
Солнцы сугубы – пусть более мир сему не дивится.
Дивам всем отступить перед евнухом-консулом должно...»*

(Eutr., I, 1-8)

Большую часть первой книги Клавдиан описывает историю жизни Евтропия, указывая, что оскотлен он был ещё в детстве:

*«...и тела огонь плодотворный
Вычерпал в гнездах он обоих, ударом единым
Должность отторгнув отца от него и званье супруга...»*

(Eutr., I, 49-51)

Поэт Стилихона утверждает фатальное стечение обстоятельств: останься Евтропий мужчиной, доселе был бы рабом (Eutr., I, 56-57). Исправно служа похоти Птолемея, Евтропий, подаренный, наконец, Аринфею, оплакал свой жребий презренной любовницы (Eutr., I, 58-77). Утерев цвет молодости, он стал сводником и достиг в этом промысле высокого искусства (Eutr., I, 78-89)¹³.

Завершается первая книга, посвящённая Евтропию, призывом Фортуны к Стилихону:

*«...Стилихон, что медлишь с поедой,
Брань стыдяся открыть? Не ведаешь ли, что гнуснейший
Гибнет к большей радости враг? Пиратский для Магна
Лавр похвалением стал и рабский – Красса прославил...»*

(Eutr., I, 500-504)

В это время готы, поселенные еще Феодосием Великим в малоазиатской области Фригии, подняли восстание под предводительством своего вождя Трибигильда и разоряли страну. Именно эти события послужили отправной точкой к стремительному падению Евтропия.

Наиболее влиятельный начальник войска в империи, вышеупомянутый гот Гайна, не мог спокойно сносить исключительного влияния временщика Евтропия, и удобный случай действовать скоро представился. Отправленный против бунтовщика Гайна оказался его тайным союзником (Zos. V, 17). Они разработали план совместных действий: переправившийся в Азию Гайна слал в столицу донесения о том, что Трибигильд представляет страшную угрозу, и что следовало бы вступить с ним в переговоры¹⁴.

Сообща, Гайна, являвшийся агентом Стилихона, и Трибигильд предъявили императору требование об удалении и выдаче им Евтропия (Zos. V, 17). Поскольку против последнего была также настроена супруга Аркадия Евдоксия, ставшая в своё время объектом интриги Евтропия, и партия Аврелиана, император в конце концов согласился.

«...Аркадий ... послал за Евтропием и лишил его всех чинов [июль 399 г.], а евнух скрылся в христианской церкви, которой сам же даровал право убежища» (Zos. V., 18) (судя по всему, эта фраза употреблена Зосимом с немалой долей иронии, поскольку сам Евтропий и ограничивал право убежища для церквей).

Уход Евтропия был выгоден многим, тем более что у него отсутствовали сильные сторонники. Возмущение действиями «консула-евнуха» в Африке играло против него на Западе, а алчность и тщеславие (Marcell. Chron. 398. 2), толкавшие его на непрекращающиеся преступления, настроили против него влиятельных мужей Востока. Он был чужаком для всех и, скорее всего, его падение не было делом рук одного человека: так, после конфискации своих имений на Востоке, план мести вынашивал Стилихон.

*«...Как незапно (сия мне чудовищна повесть, и молвить
Гнусно её) холощенный возник Руфину наследник,
И назад привела все прежние плечи Фортуна...»*

(Eutr., II, 549-552)

Вторая книга завершается, как и первая, визитом богиней удачи Фортуны и предвестницы зари Авроры к Стилихону: они поочередно вспоминают его славные подвиги и призывают положить конец злодеяниям (Eutr., II, 528-602).

Евтропию было дано от императора ручательство личной безопасности; он был сослан на Кипр, имущество его конфисковано, изваяния ниспровержены¹⁵.

Позднее он был возвращен в столицу, повторно осужден и казнен (Zos. V, 18.2). «Так сама Судьба неожиданно расправилась с Евтропием, ранее подняв его до вершин, прежде недостижимых для евнуха, а затем приведя его к смерти вследствие ненависти врагов государства» (Zos. V, 18.3).

Стилихон не выиграл от его падения, т.к. восточное правительство было возглавлено Аврелианом, известным крайней неприязнью к варварам и дружественной им политике (PLRE I, 128 f.). Он не более Руфина и Евтропия склонен был удовлетворять восточные притязания Стилихона¹⁶.

Начавший мятеж Трибигильд погиб, а Гайна в скором времени поднял мятеж, подавленный полководческим гением Фравитты, союзника Аврелиана (Zos. V, 22).

Стилихон устранил очередного конкурента, но его место тут же занял другой, проводящий сходную политику и преследующий, как и все знатные мужи того времени, главную цель – добиться власти. Союзник Стилихона, Гайна, принимавший участие в устранении его обоих противников, погиб от рук вождя гуннов, что, впрочем, не слишком изменило расстановку сил, т.к. Гайна уже действовал как полностью самостоятельная фигура.

Поэт Клавдиан имел повод написать «самую свирепую инвективу античности»¹⁶, в которой изобразил Евтропия ничтожным, внушающим лишь отвращение и смех¹⁷.

Постоянные смены фаворитов Аркадия ослабляли его власть: всё большую роль в управлении стала играть императрица Евдоксия¹⁸. Власть же Стилихона на Западе постепенно укреплялась.

Примечания:

1. См.: Болгов Н.Н., Литовченко Е.В., Смирницких Т.В. Поздняя античность: специфика эпохи и новые подходы к изучению // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития. Материалы IX Региональной НПК. Т.1. Белгород, 2007. С. 47-55.

2. Болгов Н.Н. Поздняя античность: история и культура. Белгород, 2009. С. 9.

3. См.: Bury J.P. *History of the Later Roman Empire*. Vol. I. L., 1923; Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000; Дэвис Н. История Европы. М., 2007.

4. См.: Зосим. Новая история / Пер., коммент., указ. Н.Н. Болгова. Белгород, 2010. Марцеллин Комит. Хроника [перевод и комментарий] / Отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород, 2010. Олимпиодор. История. СПб, 2000. Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений. СПб, 2009.

5. Jones A.H.M. *Prosopography of the Later Roman Empire*. V.1. L., 1980; V.2. L., 1986.

6. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т.1. М., 1996. С. 158.

7. Кулаковский Ю.А. История Византии. 395-518 годы. СПб., 1996. С. 163.

8. Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений. СПб., 2009. С. 544.

9. O'Flynn J.M. *Generalissimos of the Western Roman Empire*. Edmonton, 1983.

10. Кулаковский Ю.А. Указ соч.

11. Подробнее см.: Богданов Д.Е. Политика Стилихона и отношения с двором Гонория в изображении позднеантичных авторов // Белгородский диалог – 2011. Проблемы российской и всеобщей истории: Сборник избр. науч. тр. Междунар. науч. конф. студ., маг. и аспирантов. / Отв. ред. С.Н. Прокопенко. Белгород, 2011 С. 39-43.

12. Клавдий Клавдиан. Указ. соч. С. 544.

13. Там же.

14. См.: Васильев А.А. История Византийской империи. Т.1. СПб., 1997.

15. Клавдий Клавдиан. Указ. соч. С. 545.

16. Cameron A. *Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius*. Oxford, 1970. P. 155.

17. Cameron A. *Ibid*. P. 133; Christiansen P. *At use of images by Claudy Claudian*. Hague, 1969.

18. Зосим. Указ соч. С. 217, прим. 1.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВИЗАНТИИ

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА ЮСТИНИАНА I В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВИЗАНТИНИСТИКЕ

А.М. Немашкало

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

В статье рассматривается эволюция образа византийского императора Юстиниана I в отечественной византинистике. Вначале этот действительно великий император идеализировался, его правление виделось «золотым веком» для Византии. Затем в советский период деятельность Юстиниана оценивается преимущественно критически, с марксистской точки зрения. Для современности же характерен плюрализм мнений и более взвешенная оценка правления этого императора.

Ключевые слова: Византия, Юстиниан I, ромей, историография, византинистика.

EVOLUTION OF JUSTINIAN I'S IMAGE IN DOMESTIC BYZANTINOLOGY

A.M. Nemashkalo

V.N. Karazin Kharkiv National University

The article deals with evolution of the image of Byzantine Emperor Justinian in home byzantinology. First this really great emperor was idealized; his governing was treated as “the golden age” for Byzantium. Then, in the soviet period Justinian activity is estimated critically from the Marxist point of view. Modern historiography considers governing of this emperor more realistically.

Key words: Byzantium, Justinian I, Byzantines, historiography, byzantinology.

Среди всех византийских императоров трудно было бы найти аналог личности Юстиниана I. Его правление было очень долгим и насыщенным неоднозначными событиями, а сам Юстиниан получил весьма противоречивую оценку, как у современников, так и у потомков. Разумеется, образ Юстиниана приобрел значительные вариации в историографии, однако с течением времени можно проследить изменения тенденций в расстановке акцентов и оценке деятельности этого великого императора. Более поздние исследователи корректировали своё видение фигуры Юстиниана, его значения, места и роли в истории Византийской империи. Выявление изменений в реконструкции образа Юстиниана I, а также их причин и последствий позволяет более широко взглянуть на личность этого императора, увидеть его деятельность с различных сторон, понять, чем обусловлены тенденции в современной историографии.

В настоящей статье автор ставит своей задачей рассмотреть эволюцию образа Юстиниана на примере изменения его восприятия византинистами Российской империи, советского времени и современности, показать формирование его образа в отечественной науке, сделать ударение на смещении главных акцентов, определить механизмы такой эволюции.

В качестве основных работ для анализа выступили труды А.К. Завадского-Краснопольского, Ф.А. Терновского, Ф.И. Успенского, А.А. Васильева, М.В. Левченко, Е.Э. Липшиц, Н.В. Пигулевской, Г.Л. Курбатова, З.В. Удальцовой, В.В. Серова.

В первую очередь, следует отметить, что, хотя каждый исследователь, изучавший данный период истории Византии, и имел собственную точку зрения, но, в то же время, определенная общность в оценках правления Юстиниана I чётко видна в качестве доминирующей идеи, что позволяет говорить о наличии сформированного образа этого императора в исторической науке в некий период.

Интерес отечественных исследователей к личности императора Юстиниана I проявился достаточно рано, уже на рубеже XVIII-XIX вв.¹ Этому способствовало идейно-политическое развитие собственно Российской империи. Российская общественная мысль нуждалась в оправдании теории «просвещенного абсолютизма» и формулы «православие – самодержавие – народность», пыталась разобраться во взаимоотношениях исторического развития Запада и России, найти место последней в мировой истории². Идеализация монархии в дворянской историографии и, особенно, в славянофильстве, открывала широкий путь к изучению византийской государственности, а, вместе с тем, и византийских императоров³. Фигура императора Юстиниана обладала особой притягательностью для отечественных византиноведов, поскольку как нельзя лучше походила для поиска аналогии с реалиями российской действительности.

Необходимо заметить, что на труды отечественных византинистов в значительной степени оказывали влияние работы западных исследователей. Это проявилось, в частности, в кажущейся парадоксальности – при том, что некоторые российские историки, вслед за западноевропейскими, видели Византию больным и упадочным государством, где якобы не наблюдалось никаких положительных черт развития, одновременно они видели в Юстиниане своего рода «спасителя империи»⁴. Деятельность императора зачастую в высшей степени идеализировалась, а все его поступки виделись мудро продуманными и совершёнными во благо государства. Так, в научно-популярной работе «Влияние греко-византийской культуры на развитие цивилизации в Европе» (1866) византинист А.К. Завадский-Краснопольский абсолютизирует значение законодательных реформ Юстиниана, которым приписывал едва ли не мессианское значение для развития Византийского государства и права⁵.

Переоценивали византинисты Российской империи и союз Юстиниана с Православной Церковью⁶. Император для них выступает в качестве поборника истинной веры, естественным образом искореняющим ереси. Восстания против Юстиниана, имеющие религиозную окраску, рассматривались ими лишь в таком ключе, без учёта социальной ситуации⁷. Восстание же Ника представлялось как опасный бунт черни, который был заслуженно подавлен⁸.

Однако это не означало что все российские историки XIX – нач. XX в. возводили Юстиниана на некий исторический Олимп. Весьма популярной персоной являлась и супруга императора – Феодора. Например, основной мыслью профессора Ф.А. Терновского, которая красной нитью проходила через все его труды о Юстиниане, было явно преувеличенное утверждение о том, что и частная жизнь, и правительственная деятельность Юстиниана неотделимы от жизни его жены Феодоры, и поэтому только сравнительная характеристика царствования супругов может помочь понять длинное и сложное царствование Юстиниана⁹. Однако и здесь Юстиниан характеризовался излишне положительно.

Указанные выше тенденции идеализации образа Юстиниана в полной мере проявились в первом в отечественном византиноведении крупном обобщающем труде по истории Византии – «Истории Византийской империи» Ф.И. Успенского, вышедшем в 1913 г.¹⁰ В этой книге сильное проявление обнаруживают славянофильские идеи, консерватизм, прославление «реформ сверху», апология Православной Церкви и критическое отношение к народным движениям. В целом правление Юстиниана I здесь представлено неким золотым веком для Византии.

События 1917 г. в корне изменили не только ситуацию в стране, но и в науке. Экстремальный переворот в массовом сознании, эмиграция многих учёных за границу не могли не сказаться на русле развития византинистики, в частности на реконструкции образа Юстиниана I.

Впрочем, следует отметить, что, поскольку в межвоенный период кадры ученых-византинистов оставались в основном прежними, то и представление об образе Юстиниана менялось медленно. Так, Юстиниан всё еще характеризовался как госу-

дарь, радеющий об укреплении целостности Империи и Церкви, заботящийся в первую очередь о церковных интересах. Поэтому часто его действия увязывались именно с последними, как, например, в работах А.А. Васильева¹¹.

Однако с 1930-х гг. и в последующем всё более ощутимым становится идеологический пресс советского государства. Вместе с тем, появляется уже новое поколение византинистов, среди которых можно отметить М.В. Левченко, Е.Э. Липшиц, Н.В. Пигулевскую и т.д. Соответственно, и отношение к Юстиниану меняется коренным образом.

В первую очередь, отношения Юстиниана с Церковью перестали быть приоритетными для исследователей, а сама церковная деятельность императора стала рассматриваться как инструмент его политики, которая велась с конкретными целями¹². В дальнейшем появился и термин «юстиниановский режим», который трактовался в контексте негативной оценки монархии вообще.

Показательным в этом плане является фундаментальный труд коллектива советских византинистов «История Византии»¹³. Данная работа располагала тщательно проработанной источниковой базой и обширной историографией, и, в целом, может служить образцом для рассмотрения сложившегося в советской исторической науке образа Юстиниана. Поскольку основной упор теперь делался на социально-экономические стороны жизни Византийской империи, то акценты соответственно менялись и для оценки императора ромеев.

Основное отличие в «советском» образе Юстиниана от «дореволюционного» стало представление о мотивации его действий. Если ранее главным виделось стремление императора укрепить государство и Церковь, то теперь говорилось о его хронической нужде в средствах. Юстиниан представлялся беспокоящимся за свой режим монархом, который пытался лишь увеличить денежные доходы для ведения захватнических войн¹⁴. Религиозная политика императора также объявлялась подчинённой сугубо этой цели, с этой же точки зрения она велась и для упрочнения режима¹⁵. Юстиниан изображался расчётливым правителем, который, подавляя любое недовольство и движения народных масс жестокими репрессиями, совершая прагматичные ходы, проводил нужную себе политику. В целом говорилось, что авторитарный режим Юстиниана стоил больших жертв Империи.

В то же время, для советской исторической науки обязательным был социально-экономический детерминизм, поэтому все шаги, предпринятые Юстинианом во время правления, трактовались как проявления сложного перехода от античности к раннему средневековью, от рабовладения к феодализму. Особенно такой подход характерен для объяснения законодательной деятельности императора ромеев, примером здесь может служить точка зрения З.В. Удальцовой¹⁶.

Но даже в советское время имелись некоторые вариации в таком восприятии деятельности Юстиниана. Созвучной, но и в определённой степени особняком, здесь стоит точка зрения крупного византиниста Г.Л. Курбатова¹⁷. Историк характеризует Юстиниана I как императора, пытавшегося приостановить естественный ход византийской истории, императора, который стремился несколько смягчить негативные стороны рабства, не подрывая его значения, по возможности сохранить и сплотить слой мелких и средних свободных земельных собственников, остатки старого античного самоуправления, опираясь на них и Церковь, ограничить рост могущества крупной землевладельческой знати. В какой-то мере, согласно Г.Л. Курбатову, в эпоху Юстиниана были исчерпаны все серьёзные возможности реформ во всех возможных сферах жизни ранневизантийского общества.

Распад СССР и исчезновение жёсткой цензуры ознаменовали собой переворот в отечественной исторической науке. Благодаря плюрализму мнений и точек зрения не представляется возможным говорить о некоем едином мнении во взглядах на Юстиниана I. Однако некоторые моменты в историографии, связанные с этим императором, можно всё же проследить.

В первую очередь, оценка правления Юстиниана становится более взвешенной и объективной. Наличие к этому времени большого пласта историографии, как дореволюционной, так и советской, позволило подойти к реконструкции образа императора с учётом различных, часто диаметрально противоположных, точек зрения. В основном сложился более-менее «нейтральный» историографический образ Юстиниана I. При этом исследователи, занимающиеся различными аспектами деятельности данного императора, зачастую не впадают в крайности в своих оценках. Так, из современных историков, занимающихся Юстинианом, можно выделить В.В. Серова. В его работах заметно компромиссное и, во многом, новаторское отношение к историческому значению Юстиниана. Согласно мнению В.В. Серова, идея отвоевания западных территорий и восстановления прежней Римской империи, которая ставилась на первоочередное место дореволюционными и советскими византинистами, у Юстиниана оформилась далеко не сразу, а лишь после первых побед над вандалами и остготами¹⁸. Этим же исследователем было акцентировано внимание на административных и антикоррупционных мерах императора, по его утверждению, Юстиниан вовсе не был столь расточительным, каким его привыкли изображать¹⁹. Также весьма интересно историк показал степень зависимости как внутренней, так и внешней политики императора от характеристики его личности. Собственно, однозначных и категоричных оценок значения Юстиниана I для судеб Византийского государства уже не делается. Схожая ситуация наблюдается и в случае с другими современными российскими исследователями.

Вместе с тем, на современном этапе в отечественной византистике встречаются научные труды, фактически воссоздающие «дореволюционный» образ Юстиниана, идеального монарха и защитника Православной Церкви²⁰. Также не потеряло актуальности и марксистское видение личности этого императора.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что представление о личности императора Юстиниана Великого, конструирование его образа не было чем-то статичным. Оно эволюционировало в соответствии с изменениями направлений развития отечественной византистики. Причиной подобных трансформаций была неизбежная смена парадигм в исторической науке, что не в последнюю очередь было обусловлено политической и идеологической обстановкой. Величина и значимость Юстиниана I как правителя не ставилась под сомнение, различными были попытки их объяснения. В XIX – нач. XX в. этот император идеализировался в соответствии с апологией монархии вообще, его правление представлялось «золотым веком» для Византии, на фоне которого блекли другие периоды в истории Империи. Особо положительный акцент делался на религиозности Юстиниана. Затем в советский период деятельность Юстиниана Великого оценивается преимущественно критически, с марксистской точки зрения. Доминирует негативный, критический взгляд на мотивацию и результаты его действий, сама же личность императора не выносится на первый план, в соответствии с социально-экономическим детерминизмом. На нынешнем же этапе развития византистики можно наблюдать плюрализм мнений и более взвешенную оценку правления этого императора. Наличие обширной историографии предшествующих лет позволяет исследователям под новым углом взглянуть на деятельность Юстиниана.

Примечания:

1. Лиман С.И., Сорочан С.Б. *Деятельность императора Юстиниана I в оценках исследователей украинских земель Российской империи (1804-1885 гг.) // Власть, общество и Церковь в Византии: Сборник науч. статей / Отв. ред. С.Н. Малахов. Армавир, 2007. С. 239.*

2. Лиман С.И., Сорочан С.Б. *Византийская империя в трудах историков Харьковского университета (1804-1917 гг.) // Східний світ. К., 2006. №1. С. 71.*

3. Курбатов Г.Л. *История Византии (историография). Л.: Изд-во Ленинградского унта, 1975. С. 72-73.*

4. Лиман С.И., Сорочан С.Б. Деятельность императора Юстиниана I в оценках исследователей украинских земель Российской империи. С. 244.
5. Завадский-Краснопольский А.К. Влияние греко-византийской культуры на развитие цивилизации в Европе. К., 1866. 132 с.
6. См. Лебедева Г.Е. Русские церковные историки о «симфонии священства и царства» в Византии // Ленинградский юридический журнал. 2008. №4. С. 107-117.
7. Курбатов Г.Л. История Византии (историография). С. 120.
8. Там же.
9. Терновский Ф.А. Греко-восточная церковь в период вселенских соборов: чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312-842). К., 1883. С. 265; см. Сорочан С.Б., Лиман С.И. Ф.А. Терновский (1838-1884) – исследователь истории Византии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. 2007. №1 (32). С. 11-19.
10. Успенский Ф.И. История Византийской империи. М.: Мысль, 1996. 827 с.
11. Васильев А.А. Лекции по истории Византии. Время до эпохи крестовых походов (до 1081 года). Петроград, 1917. 355 с.
12. Левченко М.В. Церковные имуществы V-VII вв. в Восточно-римской империи. // Византийский временник. 1949. №2. С. 11-59.
13. История Византии. В 3 т. Гл. редкол.: С.Д. Сказкин (отв. ред.) и др.; Ин-т истории АН СССР Т.1. / Отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука, 1967. 523 с.
14. Там же. С. 219-245.
15. Там же. С. 268.
16. Удальцова З.В. Законодательные реформы Юстиниана // Византийский временник. 1965. №26. С. 3-45.
17. Курбатов Г.Л. История Византии (от античности к феодализму). М.: Высшая школа, 1984. 207 с.
18. Серов В.В. О времени формирования юстиниановской идеи реконквисты // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул: 2008. №4/3. Т.60. С. 236-240.
19. Серов В.В. Административная политика ранней Византии. I. Антикоррупционные меры // Античная древность и средние века. 2000. Вып.31. С. 31-44; Серов В.В. Периодизация финансовой политики императора Юстиниана I // Античность и средние века. 2001. Вып.32. С. 52-62; Серов В.В. Антивандальская экспедиция Велизария: финансовый аспект // Научные Ведомости Белгородского государственного университета. Серия история, политология, экономика. Информатика. 2009. №7(62). Вып.10. С. 33-37; Серов В.В. Расходы Юстиниана I на строительство военных объектов в восточных областях Византии // Известия Алтайского государственного университета. Серия история, политология. 2008. №4/5. С. 177-181.
20. Григорьева С.Н. Роль Церкви в формировании парадигмы социума Юстиниана Великого // Вестник Омского ун-та. 2007. №3. С. 107-110.

ОГЛАСИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРВЫЕ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА

О.А. Харченко

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В работе рассматривается огласительная практика Восточной Церкви в первые века христианства как основной путь подготовки новообращенных к вступлению в христианское сообщество. При этом важную роль играла фигура катехизатора - духовного наставника, учителя христианского пути.

Ключевые слова: христианство, обращение, огласительная практика.

CATECHIST PRACTICE OF THE EASTERN CHURCH IN THE FIRST CENTURIES OF CHRISTIANITY

O.A. Kharchenko

Belgorod National Research University

In work is considered catechist practice of the eastern church in the first centuries of Christianity as the principal way of training new believers to join the Christian community. The important role played figure of catechist a spiritual mentor, a teacher of the Christian path.

Key words: Christianity, treatment, catechist practice.

Слово «оглашать» возникло в славянской терминологии от греческого глагола $\kappa\alpha\tau\eta\chi\epsilon\omega$. Однако такой перевод греческого слова можно считать малоудачным, так как христианский катехизатор всегда являлся не только и не столько оглашателем, проповедником, но, в первую очередь, наставником, учителем христианского пути и духовным руководителем. Далее мы рассмотрим теоретическое и практическое приготовление к принятию крещения в период с конца II до сер. V в. Данный период интересен нам тем, что подготовкой желающих принять христианскую веру непосредственно занимались отцы-учителя и мудрые наставники первых христианских богословских школ. Сама же катехизация всегда являлась порой сложным и длительным процессом, включающим в себя несколько этапов.

Поводом к обращению язычников в христианство могли служить - подвиг мучеников, пример святых, слухи о чудесных исцелениях, проповеди, личные беседы и другие обстоятельства. Христиане использовали любой удобный случай, чтобы поделиться радостью своей веры. Римского философа Цельса возмущало то, что даже никчемные рабы, как только они остаются без присмотра, принимаются проповедовать новую религию среди своих соратников¹. «Царствие Божие, - говорят они [христиане], - уготовано грешникам, простецам, детям, одним словом - всем несчастным»². На что Ориген отвечал: «Совсем иное дело - призывать больных душой к исцелению, и иное дело - звать здоровых к познанию и созерцанию вещей Божественных. Мы очень хорошо понимаем это различие и, поэтому, наперед стараемся убедить людей исправиться; мы убеждаем: грешников - слушаться учителей, которые стараются отвратить их от грехов, а людей неразумных - чтобы они внимали тем, которые желают сделать их разумными, а также и детей, чтобы они могли достигать духовного совершенства, и вообще всех несчастных мы убеждаем, чтобы они созидали себе счастье, или - говоря точнее - стремились к блаженству»³. Отвечая на критику Цельса, Ориген подчеркивает, что христиане отбирают своих членов более тщательным образом, чем это делают в философских школах: «Философы, публично ведущие свои беседы, даже и не разбирают своих слушателей; по ним - стой и слушай всякий, кто только хочет. Христиане же, наоборот, прежде всего, стараются, насколько возможно, проникнуть в самую душу желающих вступить в ряды их учеников: они сначала наедине подвергают их предварительному испытанию и только после того, как слушатели - еще до своего вступления в общину - обнаружат свою искреннюю готовность к жизни честной, их, наконец, принимают сюда, подвергая при этом еще особому испытанию: совершенно особую группу составляют начинающие и только что допущенные, не успевшие еще принять символа очищения»⁴.

Подобно традиции Александрийской школы, в Иерусалиме и Антиохии вступлению в общее собрание на правах катехумена также предшествовало тщательное предварительное собеседование. В эпоху гонений такое собеседование было необходимым, так как христиан обвиняли в том, что они принимают в свое религиозное общество всех подряд. Однако позже, когда массовые гонения на христиан были окончены, необходимость в строгом отборе кандидатов на предварительном собеседовании отпала.

Всякий язычник, желающий больше узнать о христианстве, зачислялся в разряд катехуменов. Обряд посвящения мог включать возложение рук и осенение лба крестом. Катехумены достаточно регулярно посещали общедоступную часть богослужения и по возможности читали Священное Писание. Специальных занятий на данном этапе с катехуменами не проводили, так как они могли беспрепятственно посещать проповеди во всех церквях.

Затем, катехумены, принявшие решение креститься, подавали священнику свои имена для записи. Как сообщает нам паломница Эгерия, жившая в IV в., «когда пресвитер запишет имена всех, на другой день четырехдесятницы, то есть, с которого начинаются восемь недель, поставляется для епископа кафедра посреди большой церкви, то есть в Мартириуме: по ту и по другую сторону садятся на кафедры пресвитеры и становятся все клирики; затем приводятся по одному ищущие крещения: если это мужи, то приходят со своими отцами, если жены, то со своими матерями. И затем епископ поодиночке расспрашивает соседей вошедшего, говоря: доброй ли он жизни, почитает ли родителей, не пьяница ли и хвастун, и расспрашивает обо всех пороках, которые более тяжки в человеке. И когда он убедится, что тот безупречен во всем, о чем спрашивал епископ в присутствии свидетелей, то он собственноручно записывает его имя. Если же тот в чем-нибудь обвиняется, то епископ велит ему выйти, говоря: пусть он исправится, и когда исправится, пусть приступает к купели. Так он говорит, расспрашивая о мужах, и о женах. Если же кто чужестранец, то он не так легко приступает к крещению, если только не представить свидетельства лиц его знающих»⁵.

Прошедшие собеседование переходили в отдельную группу «готовящихся к просвещению». Данное наименование катехуменов подчеркивает мистический, светоносный и преображающий характер таинства. «Готовящиеся к просвещению» участвовали перед обучением в церемонии несения светильников, предвкусавшей мистический брак с Небесным Женихом в крещении. «Возжегшие ныне светильники веры, сохраняйте их неугасимыми в руках, чтобы Отверзший тогда на сей всесвятой Голгофе рай разбойнику за веру его, сподобил и вас воспеть брачную песнь»⁶.

Одним из важных моментов предкрещальной практики было изгнание бесов и отречение от сатаны. В отличие от Палестины, где экзорцизм проводили перед огласительными беседами, в Сирии вся процедура совершалась после огласительных занятий и носила более устрашающий характер. Экзорцисты произносили страшные слова о воздаянии, огне и пламени ада. Экзорцистские формулы, читаемы в Иерусалиме могли содержать также большое количество цитат из Библии⁷.

Итак, после принятия в число «готовящихся к просвещению» начинались огласительные занятия. Паломница Эгерия сообщает нам о том, как проходили такие занятия в Иерусалиме: «Здесь есть такой обычай, что тех, которые приступают к крещению, в течение сорока дней поста, ранним утром заклиняют клирики, как только бывает утренний отпуск в Воскресении. И тотчас поставляется для епископа кафедра в большой церкви, в Мартириуме, и все приступающие ко крещению, как мужи, так и жены, садятся вокруг епископа, отцы же и матери стоят; точно так же из народа желающие слушать все входят и садятся, но только верные. Оглашенный туда не входит тогда, когда епископ поучает их закону. И так, начиная от Бытия, в течение этих сорока дней он проходит все писание, сперва излагая телесно, и потом разрешая его духовно. Точно так же в эти дни они поучаются и о воскресении и обо всем, относящемся к вере, и это зовется оглашением. И когда исполнится пять недель от начала поучения, тогда они получают символ: смысл этого символа в его отдельных словах епископ объясняет им подобным же образом, как и смысл всех писаний, сперва телесно, затем духовно: так он объясняет и символ»⁸.

Как мы видим, занятия проводились ежедневно. Такой практике придерживались не только в Иерусалиме, но и в других церквях. Катехизация на этом этапе была весьма ответственным делом и поэтому была первой обязанностью епи-

скопа. Однако, случались исключения, когда беседы проводили священники (св. Иоанн Златоуст, например, читал проповеди, будучи священником) или даже миряне (во II-III вв. катехизаторами были Иустин, Тертуллиан, молодой Ориген). Но к IV в. о катехизаторах-мирянах мы почти ничего не слышим⁹.

Занятия были проникнуты атмосферой секретности: «Тогда, как говорят огласительное поучение, если оглашенный спросит тебя, что говорили тебе учителя? Ты ничего не отвечай постороннему. Ибо тайну преподаем тебе, и упование будущего века. Храни тайну сию ради Мздовоздаятеля, и не слушай, когда кто скажет тебе, что за беда, если и я узнаю? И больные просят вина; но если оно безвременно будет дано, то сумасшествие производит; от чего рождаются два зла: и больной умирает, и врач остается в бесславии. Так если оглашенный услышит что-либо от верного; то и оглашенный впадает в безумие; потому что не понимает слышанного, однако же оно порочит и осмеивает говоримое, и верный осуждается, как предатель сей тайны. Се ты уже теперь близок к нам; смотри не рассказывай, не потому, чтобы проповедуемое здесь не достойно рассказывать; но потому, что слух не достоин слышания. Был некогда и ты оглашенным; тогда я не сообщал тебе, что надлежит сообщить. Когда ты опытом постигнешь высоту учения, тогда узнаешь, что оглашаемые недостойны слышания»¹⁰.

С данным мнением соглашался и Климент Александрийский, который считал, что «наше предание не предназначено для всех подряд, как это становится ясно тем, кто проникся величием слова, следовательно, нам надлежит хорошо хранить «возвещаемую в тайне премудрость», открытую сыном Бога»¹¹. Также он разделял христианское вероучение на эзотерическую и общедоступную части. «Твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла, ибо всякий, питаемый молоком, еще не сведущ в слове правды, потому что он младенец» и еще не знает учения, в которое уверовал, и по которому действует, будучи не в состоянии дать отчет в нем»¹². Климент подчеркивает, что сам Господь не открывал множеству народа те тайны, о которых он говорил наедине со Своими избранными учениками. Для толпы, считал он, полезно, чтобы истина оставалась прикрытой символами и образами. Св. Василий Великий также различал «догму», учение о таинствах, и «керигму», которая составляла общедоступную часть апостольского учения¹³. В практику Иерусалимской церкви вошел обычай разделять эти две части катехизиса, догматическую и мистагогическую. Догматику в большинстве случаев преподавали катехуменам на Четырдесятнице (в дни Великого поста перед праздником Пасхи), а мистагогию (учение о таинствах) преподавали для тех, кто недавно принял крещение. Для катехуменов Кирилл все в обряде должно было казаться новым и малопонятным. Сначала живой опыт, потом объяснение.

Однако, антиохийские богословы настаивали на глубоко сознательном участии каждого крещаемого в таинстве. Поэтому они предварительно объясняли кандидатам смысл всего того, что произойдет с ними в Великую пятницу и Пасхальную ночь.

Как мы видим, огласительная практика являет собой серьезный и систематический опыт введения человека в жизнь Церкви, его воцерковления. В этом сложном процессе святые Отцы стремились учитывать не только интересы церкви, но и возможность самого человека воспринять Божественное откровение. Внутренняя логика катехизации и ее духовное содержание являются прочной основой для катехизации в настоящее время.

Примечания:

1. Ориген. *Против Цельса*. 3.44.
2. Там же. 3.59.
3. Там же.
4. Там же. 3.51.
5. Эгерия. *Паломничество*. 45.

6. Кирилл Иерусалимский. Слово предогласительное. 1.
7. Гаврилюк П. История катехизации в древней церкви. М.: Свято-Филаретовская высшая православно-христианская школа, 2001. С 158.
8. Эгерия. Паломничество. 46.
9. Единственное упоминание в «Апостольских посланиях», которое отражает, скорее всего, более раннюю практику.
10. Кирилл Иерусалимский. Слово предогласительное. 12.
11. Климент Александрийский. Строматы. 1.12.
12. Там же. 1.11.
13. Василий Великий. О Святом Духе. 27.

МИР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

ОБРАЗ СССР В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ВЕДУЩИХ БРИТАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ (1932-1939 ГГ.) (ПО МАТЕРИАЛАМ И.М. МАЙСКОГО)

Н.Н. Фомичев

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье проанализированы оценки внешней и внутренней политики, общественного строя, ментальности населения Советской России в представлении англичан по воспоминаниям, письмам и беседам советского полпреда в Лондоне И.М. Майского. Образ СССР в общественном сознании Великобритании 1930-х гг. рассматривается на методологической основе соотнесения информационного воздействия и формирования в сознании воображаемого образа - объекта пропаганды (когнитивный аспект).

Ключевые слова: Великобритания, И.М. Майский, пропаганда, информационная война, когнитивный аспект, образ СССР.

THE IMAGE OF THE SOVIET UNION IN THE REPRESENTATION OF BRITAIN'S LEADING POLITICIANS (1932-1939) (ON THE BASIS OF I. MAISKY'S "DIPLOMAT'S DIARY" AND SELECTED CORRESPONDENCE WITH RUSSIAN CORRESPONDENTS)

N.N. Fomichev

Belgorod National Research University

The article deals with the image of the Soviet Union in the public opinion of Great Britain. The estimations of Soviet internal and foreign policy, public order, the mentality of the population by Englishmen are made on base of the memoirs, letters and conversations of the Soviet ambassador in London I.M. Maisky. The image of the USSR in British public opinion, 1930, is considered on the methodological basis of the correlation of the information influence and formation of the imaginary image of the object of propaganda (cognitive aspect) in the mass consciousness.

Key words: Great Britain, Ivan Maisky, the promotion, propaganda, information war, cognitive aspect, the image of the Soviet Union.

В современной психологии господствует несколько теорий, имеющих своим предметом зависимость поведения человека от факторов информационного воздействия. Одна из них особенно часто упоминается в научных работах, посвященных проблеме медиавоздействия. Согласно ей, каждый человек воспринимает внешний мир, других людей и себя сквозь призму созданной им познавательной системы — «персональных конструкторов». Важную роль играет введенное исследователем пропаганды Л. Фестингером понятие «когнитивный диссонанс» или расхождение имеющегося у субъекта опыта с восприятием актуальной ситуации¹. Подобную ситуацию в сознании человека создает пропаганда, в соответствии с распространенным опре-

делением представляющая собой целенаправленное воздействие на сознание с целью мотивации к определенным действиям².

Теория когнитивного диссонанса опирается, главным образом, на психологические закономерности восприятия информации и, следовательно, в большей степени может претендовать на роль теоретического базиса для исследования воздействия пропаганды на сознание, связывая вопросы информационного воздействия, построения в представлении реципиента уникальной картины мира с его мотивацией (положительной или отрицательной к объекту информации) и последующего поведения. Многие животные обладают способностью к научению, но у человека имеются такие познавательные способности, которые отличают его от всех остальных живых существ. Считается, что: «социально-когнитивная теория подчеркивает важность этих уникальных, присущих только человеку способностей: символизации, саморегуляции, саморефлексии и замещения»³.

В данной статье предпринята попытка изучения формирования образа СССР, как многократного акта целенаправленного информационного воздействия на сознание (пропаганды) в восприятии политических и общественных деятелей Великобритании (своеобразного среза британского общества), а также в английской прессе различных направлений глазами советского посланника в Лондоне (1932-1943 гг.) И.М. Майского на методологической основе социально-когнитивной теории.

Известно, что антисоветский мотив играл в британской предвоенной пропаганде не последнюю роль. Впоследствии это затруднило формирование антигитлеровской коалиции во время Второй мировой войны. За его продвижением в средства массовой информации стояли влиятельные политические силы, главным образом, консервативной ориентации⁴.

Иван Михайлович Майский обладал широким кругом официальных и неформальных связей в британской политической и общественной элите. Он долгое время находился в Великобритании в качестве политического эмигранта (1912-1917 гг.), затем - помощника торгового представителя, позже – дипломата, хорошо знавшего менталитет англичан, историю и культуру страны пребывания, специально изучавшего различные аспекты жизни британского общества, именно поэтому его мнение и замечания по этим вопросам представляются весомыми и компетентными⁵.

В общей сложности И.М. Майский занимал должность полпреда, а затем посла в Великобритании в течение 11 лет с ноября 1932 г. по июль 1943 г. В его обязанности входил и сбор информации о стране, и создание широкого круга знакомств. Во многом для систематизации этих сведений и для донесений в Москву он использовал и начатый в 1934 г. дипломатический дневник. Автор сам указывал на факт субъективности своего взгляда на британское общественное мнение: «С самого начала я поставил перед собой задачу найти в пестром и в общем враждебном нам мире английской печати и среди политической элиты, хоть отдельные органы и отдельных людей, которые относились бы к советской стране если не дружелюбно, то хотя бы терпимо и объективно. Их было тогда немного, но все-таки они имелись, и я постарался завязать с ними тесное знакомство»⁶.

Первые же записи, относящиеся ко времени пребывания И.М. Майского в Англии показывают, насколько мало население этой страны имело и получало информации о Советском Союзе и, насколько гротескный образ сложился в представлении о нем. Например, И.М. Майский отмечал бывшую одно время в центре внимания газетную «утку» о поставках из СССР спичек с изображенным на коробке «святого с сердцем, проткнутого булавкой» (позже выяснилось, что на самом деле они поставлялись из Индии и символизм композиции рисунка на коробке вовсе не носил антирелигиозного содержания).

Британские обыватели, «отравленные» по выражению И.М. Майского враждебной СССР пропагандой, тем не менее, при личных контактах, в значительной степени «оттаивали» и «меняли гнев на милость». Об этом советский полпред писал

Литвинову, описывая поездку по официальному приглашению Шекспировского клуба на местный праздник в провинциальный городок Стратфорд-на-Эйвоне, население которого, как и вся Англия, разделилось по отношению к СССР на 2 группы: дружественную и недружественную⁷. Он писал: «Это было еще время, когда на Западе котировались такие сенсации, как «национализация женщин» или разрушение большевиками памятников культуры. И вот в такой атмосфере отделу печати нужно было отбивать атаки вражеских разбойников пера»⁸. Главным образом, это было следствием постоянной антисоветской пропаганды и скудности источников информации об СССР.

В ведущих газетах симпатии и антипатии к СССР распределялись следующим образом: сравнительно объективную позицию занимали либеральные «Labour Leader» («Лейбор лидер»), «Daily News» («Дейли ньюс») и «Westminster Gazette» («Вестминстер газет»), а также «Manchester Guardian» («Манчестер гардиан»). Официальный орган лейбористской партии «Daily Herald» («Дейли геральд»), казалось бы, должен был последовательно проводить дружественную СССР линию, но на деле бывал непоследователен. Зато огромная масса консервативной печати во главе с The Times («Таймс») и Morning Post («Морнинг пост») систематически атаковала Советский Союз⁹. Редактор консервативной воскресной газеты The Observer («Обсервер») поддерживал дружественные отношения с советским полпредом, но это не мешало появлению на страницах его издания антисоветских материалов¹⁰.

В среде политических деятелей, с которыми И.М. Майский находился в постоянном контакте, граница симпатий и антипатий к Советской России проходила, главным образом по партийной принадлежности. Достаточно тепло относились к СССР лейбористские лидеры, крайне недоброжелательно твердолобые «тори», хотя были и исключения: с одной стороны, Керзон, Дж. Л. Уркварт, Г. Детердинг, У. Черчилль, Ф. Биркенхед, С. Болдуин, Д. Хикс, Н. Чемберлен, Дж. Саймон, Ч.С. Лондондерри, Э.Ф. Галифакс, С. Хор – ведущие деятели консерваторов, среди них влиятельные министры. С другой стороны, Д. Ллойд Джордж, Г. Самуэль, А. Синклер, У.М. Бивербрук, А. Иден, лорд Кренборн, В. Эллиот, Р. Ванситарт, А. Гарвин, Дж. Сесиль – представители парламентской или внутрипартийной оппозиции и бизнесмены. Как писал автор: «У этих людей государственный интерес преобладал над классовым страхом»¹¹.

Негативное отношение к СССР, несмотря на ряд шагов, направленных на улучшение отношений двух стран, в беседах с советским посланником демонстрировал премьер-министр Великобритании (1924 и 1929-31 гг.) Р. Макдональд. В частности, он озвучил мысль о том, что коммунистическая партия Великобритании существует на советские деньги¹². Об «обратной эволюции» Макдональда Майский отмечал следующее: «Зато лейбористские лидеры Рамсей Макдональд и Филипп Сноуден дали законченные образцы как раз обратного развития: в ранний период русской революции они, казалось, готовы были поднять красный флаг над Букингемским дворцом, а к концу жизни стали озлобленными врагами Советского Союза»¹³.

Откровенную неприязнь к Советскому Союзу испытывал Н. Чемберлен (в 1934 г. - министр финансов, в 1937-1940 гг. - премьер-министр), однако, по замечанию И.М. Майского, «он оказался менее упрямым в своей антисоветской враждебности, когда дело касалось вопросов англо-советской торговли». Более того, Чемберлен был до известной степени восприимчивым к аргументам советской стороны¹⁴.

Большой интерес к внешней и внутренней политике СССР проявлял бывший лидер либеральной партии и премьер-министр (1916-1922 г.) Д. Ллойд-Джордж. Он оценил развернувшиеся в стране экономические преобразования, как «события огромной важности, исход которых будет иметь колоссальное значение для человечества, если пятилетка провалится, то социализм и коммунизм будут отброшены, по крайней мере, на целое поколение назад». В частной беседе Ллойд-Джордж восхищался тем, что «грамотность в СССР достигла 80%». Отношение политической эли-

ты Великобритании к СССР он резюмировал следующими словами: «В конечном счете, я полагаю, что если правящие классы нашей страны еще не вполне готовы для политики здравого смысла в «русском вопросе», то, во всяком случае, время, когда они поймут неизбежность такой политики, не за горами»¹⁵.

По поводу отношения к СССР видного деятеля внутривластной оппозиции и премьер-министра Великобритании (1940-45 и 1951-55 гг.) У. Черчилля в 1930-е гг. И.М. Майский в книге «Воспоминаний советского дипломата» писал: «Было, конечно, известное число людей, которые из Савлов превращались в Павлов и обратно. Наиболее ярким примером этого рода являлся Черчилль, который в 1920 г. был вождем европейского крестового похода против большевиков, а после прихода Гитлера к власти вынужден был менять вехи и, в конце концов, стал поборником сближения Англии с СССР». Терпимое отношение к советскому строю сложилось у побывавшего в СССР в марте 1935 г. с официальным визитом деятеля консервативной партии, в тот период, лорда-хранителя печати, фактически министра иностранных дел А. Идена. В том же духе проделала эволюцию небезызвестная герцогиня Аттольская, которая еще в 1930-1932 гг. занималась организацией активных антисоветских кампаний в связи с «принудительным трудом» и «преследованием религии» в СССР, а после победы национал-социализма в Германии сменила позицию и перешла в лагерь сторонников сотрудничества с Советской страной¹⁶.

Подобно Черчиллю, в течение 1930-х гг. лорд Бивербрук - влиятельный газетный магнат и финансист, повернулся «лицом к СССР», видя в нем союзника в предстоящей борьбе с гитлеровской Германией. Пресса, входящая в его газетный трест также взяла более благожелательный тон в отношении СССР. Бивербрук, по сообщению Майского, исходил из «здорового государственного эгоизма» и «благополучия Британской империи», будучи готовым закрыть глаза на «всю несостоятельность советской системы». В то время как другой газетный магнат лорд Астор и его супруга, побывавшая в 1934 г. на приеме у Сталина и гордившаяся «дружбой» с ним, напротив, перешли в антисоветский лагерь, создав условия для заседаний в своем загородном имении пресловутой «клайвденской клики» прогермански настроенных политических деятелей¹⁷.

По мнению И.М. Майского, позитивный образ СССР восприняли ведущие деятели тред-юнионистского движения Великобритании, активно работали над его укреплением влиятельные писатели и публицисты Сидней и Беатриса Вебб, Б. Шоу и др.¹⁸

Оценивая индивида, как «крайне восприимчивый биологический объект», известный исследователь вопросов пропаганды и внушения С. Кара-Мурза писал: «Он обладает разумом, способным к абстрактному мышлению, и речью, языком. Язык и мышление - большие сложные системы, на которые можно воздействовать с целью программирования поведения человека. Человек обладает сложной психикой, важной частью которой является воображение. Оно развито настолько, что человек живет одновременно в двух измерениях, в двух «реальностях» - действительной и воображаемой. Воображаемый мир в большой степени (а у многих и в первую очередь) определяет поведение человека»¹⁹. Подобный «воображаемый мир» с успехом создавался в общественном сознании Великобритании 1930-х гг. «Негативизация» образа СССР осуществлялась, главным образом, через средства массовой информации путем навешивания «ярлыков», раздувания недостатков общественного строя Советской России.

Но, поскольку эта опасность воспринималась населением «инстинктивно», соответствующая реакция могла произойти и без участия пропаганды. Здесь решающим оказалось действие «бумеранга», вызванное всей пропагандой предыдущих лет, которая твердила британцам о том, что советский человек является «представителем другого мира», живущего не по законам цивилизованного общества²⁰.

Не избежал участи «человека толпы» и ряд политических и общественных деятелей Великобритании. Только наиболее дальновидные стремились получать как можно больше достоверной информации о СССР, не поддавшись массовому чувству неприятия советского строя. Именно в этой закономерности расхождения реального и созданного пропагандой мира проявился «когнитивный диссонанс», созданный пропагандой в британском общественном сознании²¹.

С точки зрения когнитивной психологии, те стереотипы, которые были навязаны британскому обывателю в предвоенные годы, пришлось с трудом преодолевать политикам уже в период Второй мировой войны, когда СССР и Великобритания превратились в полноправных союзников по антигитлеровской коалиции. Британская предвоенная пропаганда создала образ СССР - страны, от которой исходила постоянная военная и идеологическая опасность, а также угроза утраты британским обществом национальной идентичности под воздействием «разрушительной» марксистской идеологии, что ярко прослеживается в воспоминаниях и переписке выдающегося советского дипломата И.М. Майского.

Примечания:

1. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. [Эл. ресурс]. Режим доступа - <http://www.км.ру>
2. Джоуэтт С., О'Доннел В. Пропаганда и внушение. М., 1988. С. 11.
3. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М., 2004. С. 86.
4. См.: Трухановский В. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918-1939). М., 1962. 278 с.
5. Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон 1934-1943: в 2 кн. М., 2006 Т.1.; Он же. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 кн. М. 2005. Т.1. Он же. Воспоминания советского дипломата, 1925-1945 гг. Ташкент, 1980.
6. Майский И.М. Воспоминания советского дипломата, 1925-1945 гг. С. 25.
7. Там же С. 27.
8. Письмо И.М. Майского Литвинову. 11 июня 1935 г./ Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 кн. Т.1. С. 434.
9. Майский И.М. Воспоминания советского дипломата, 1925-1945 гг. С. 26.
10. Там же С. 26-27.
11. Майский И.М. Дневник дипломата. С. 408.
12. Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон 1934-1943: Т.1. С. 154.
13. Там же. С. 127.
14. Там же. С. 161.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же. С. 128.
18. Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон 1934-1943: Т.1. С. 343.
19. Там же. С. 256.
20. Кара-Мурза С. Манипуляции сознанием. М., 2002. С. 301.
21. Зулъцман Р. Пропаганда как оружие в войне. М. 1957. С. 57.

**ПОЛИТИКА НАРОДНОГО ФРОНТА ФРАНЦИИ 1936-1938 ГГ.
НА СТРАНИЦАХ ПРАВОГО ЭМИГРАНТСКОГО
ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ «ВОЗРОЖДЕНИЕ»**

Н.Н. Писаренко

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается освещение деятельности Народного фронта Франции (1936-1938 гг.) в наиболее влиятельном периодическом издании правого крыла русской политической эмиграции. Газета «Возрождение» имела ярко выраженную антикоммунистическую

направленность. Основной тенденцией стала резкая, необъективная критика внутренней и внешней политики французского правительства и его связь с СССР.

Ключевые слова: Народный фронт Франции 1936-1938 гг., внутренняя и внешняя политика, Л. Блюм, Российская эмиграция, «Возрождение».

FRENCH POPULAR FRONT'S POLICY (1936-1938) ON THE PAGES OF THE RIGHT EMIGRANT PERIODICAL "VOZROGDENIE"

N.N. Pisarenko

Belgorod National Research University

The paper considers the coverage of the French Popular Front's policy (1936-1938) by the most influential periodical of the right-wing Russian political emigration. The magazine «Vozrogdenie» had a pronounced anti-communist orientation. The main light was a harsh and biased criticism of the French government's internal and foreign policy and its communications with the USSR.

Key words: French Popular Front, 1936-1938, internal and foreign policy, L. Blum, Russian emigration press, «Vozrogdenie».

В межвоенный период Франция была местом сосредоточения наиболее крупной диаспоры эмигрантов из России (около 1,5 млн. чел.). Предметом особого внимания российской эмигрантской прессы, в том числе, печатных изданий наиболее активного крыла эмиграции - консервативного, была политическая ситуация в стране. Не стала исключением и деятельность французского Народного фронта, приход к власти которого (1936 г.) вызвал бурные дискуссии в обществе. Однако известный белоэмигрантский журнал правого толка «Часовой» в силу военной специфики своих публикаций не освещал деятельность нового французского правительства. Особый интерес к нему проявило другое ведущее эмигрантское консервативное периодическое издание – газета «Возрождение».

В номере, вышедшем в день парламентских выборов во Франции (26 апреля 1936 г.), отмечалось: «До самого последнего момента картина французских выборов остаётся неясной. Левые не уверены в успехе, правые не знают чего ожидать. Газеты обращаются к читателям с последними призывами...»¹. Редакция «Возрождения» внимательно следила за подведением итогов двух туров выборов и формированием нового правительства с конца апреля до конца мая 1936 г. Уже на том этапе «Возрождение» давало силам, входившим в Народный фронт, весьма нелестные отзывы. Так, ещё в номере за 26 апреля был перепечатан отрывок статьи из газеты французских правых L'Echo de Paris («Эко де Пари»), автором которого являлся известный своими консервативными взглядами журналист Анри де Кериллис. В данной публикации Кериллис призывал избирателей не верить обещаниям партий, составивших Народный фронт, подчеркивая, что победивший на выборах в 1914 г. Народный фронт, который «тогда назывался левым блоком», стал главным виновником вовлечения Франции в войну с Германией². По мнению автора, в случае прихода к власти Народного фронта ситуация неизбежно повторится³. «Возрождение» также комментировало беспорядки, организованные сторонниками Народного фронта, и попытки силой повлиять на исход выборов (индивидуальный террор, похищение избирательных бюллетеней), противопоставляя их действия тактике правых сил⁴. Представителей левых сил газета награждала негативными характеристиками, подчёркивая серость и малообразованность «рядовых партийцев» (таких, как «герой Чёрного моря», «краса и гордость» Андре Марти)⁵. В статье, посвящённой лидеру социалистов Леону Блюму (30 мая 1936 г.), выражалась обеспокоенность ситуацией в стране и, прежде всего, возможностью реализации «советского опыта»⁶. По мнению автора статьи, сложность обстановки понимал и Леон Блюм, но не мог ничего изменить. При этом автор, не без злорадства, отмечал, что бывшему оппозиционеру Блюму, «великому мастеру в критике и отрицании», теперь придётся самому «выслушивать и обличения, и критику врагов»⁷.

С началом работы правительства Народного фронта критика в его адрес существенно усилилась. Так, главный редактор «Возрождения» Ю.Ф. Семёнов указывал на непосредственную причастность к победе французского Народного фронта Коминтерна и СССР, отмечая, что это был лишь первый шаг на пути советизации Франции, Испании и их колониальных владений: «уже готова карта новых республик, которую показывали в ячейках: красная Франция ФСФСР (Французская советская федеративная социалистическая республика), ИСФСР (Испанская СФСР), АСФСР (Африканская СФСР), включающая Алжир и французское и испанское Марокко»⁸. По мнению Ю. Семёнова, Народный фронт принёс во Францию «программу радикального антиклерикализма, разделившего нацию на овец и на козлищ, на праведных (свободомыслящих и атеистов) и неправедных», на почве которого распространился марксизм⁹. Позже Народный фронт стал трактоваться на страницах «Возрождения» как исключительно просоветская организация, подчиняющаяся «московским приказам»¹⁰.

Л. Любимов называл правительство Народного фронта «масонской организацией» (что в устах представителя правых сил было крайне негативной оценкой) указывая, что «образовался он с одобрения и при ближайшем участии масонов». Сам же Народный фронт автор рассматривал как альянс «масонов, социалистов, коммунистов и радикалов», объединившихся под лозунгами борьбы с фашизмом и защиты демократии¹¹. В то же время автор считал, что решающую роль в новом правительстве играли представители коммунистической партии (прежде всего, её генеральный секретарь М. Торез и Ж. Дюкло)¹².

По мнению Л. Любимова, именно коммунисты, выступавшие за наращивание военного потенциала страны, в целом тормозили социальные, экономические реформы Народного фронта. Отвечая на вопрос, почему коммунисты стали «правее социалистов», автор утверждал, что выдвигание патриотических лозунгов об укреплении вооружённых сил и обороноспособности страны было только прикрытием, подлинной же целью этих мероприятий, проводимых в ущерб национальным интересам Франции, являлась реализация планов «московских большевиков» по созданию на западе Европы мощного противовеса Германии - оплоту европейских здоровых сил, способных противостоять СССР и Коминтерну¹³. Слова Мориса Тореза о том, что «в Народный фронт должна объединиться вся Франция», Любимов интерпретировал как желание французских левых «объединить возможно большее число французов» для борьбы с фашизмом и Гитлером, которые, по мнению автора, олицетворяли прогрессивные силы¹⁴. В то же время правительство Народного фронта обвинялось в том, что оно защищает интересы только рабочего класса в ущерб остальным слоям населения страны¹⁵.

Л. Любимов считал, что разногласия во французском правительстве возникали из-за того, что масоны «испугались коммунистов», якобы желавших узурпировать власть, создавая новый кабинет, в котором они играли бы доминирующую роль, а затем - расправиться со своими временными союзниками¹⁶. Любопытно, что как пример развития такого сценария указывались события в Испании – разгром оппозиционных сил и захват власти «мадридскими марксистами»¹⁷. В качестве реальных шагов коммунистов по захвату власти издаваемыми назывались организованные ими забастовки промышленных рабочих, призванные дезорганизовать политических оппонентов. Именно выступления рабочих, подчеркнул Л. Любимов, подтолкнули радикалов (в большинстве своём «связанных» с масонами) к тому, что те «восстали против крайне левого крыла Народного фронта». Этим был обусловлен и срочный созыв парламентской сессии в сентябре 1936 г., на которой радикалы планировали провести новый состав правительства (во главе с К. Шотаном). И хотя компромисс был найден, это дало изданию основание утверждать, что «против марксизма как бы восстала вся Франция Третьей Республики», и предрекать скорое крушение правительства Народного фронта¹⁸.

Весной 1937 г. газета писала, что дальнейшее проведение программы Народного фронта неминуемо приведёт к краху. Особой критике подверглась экономическая часть программы правительства, в том числе, планы по изысканию средств для реализации социально-экономических преобразований (так, газета резко отозвалась об организации национального займа). Столь же резкий отзыв был дан и политической составляющей деятельности правительства: «парламент уснул». Временная приостановка реформ была расценена изданием как «ловкий манёвр», своеобразный «французский НЭП» левых сил¹⁹. «Возрождение» приветствовало назначение на пост премьер-министра страны Камиля Шотана, сменившего Леона Блюма 22 июня 1937 г. (второй состав кабинета)²⁰. В номере за 26 июня личности Шотана была посвящена обширная статья. По мнению автора, в сложившейся ситуации, когда было необходимо «проводить политику мирную, успокаивающую», «лучшего премьера, чем Шотан, сыскать невозможно»²¹. Значение перехода премьерского кресла к Шотану издание видело в том, что этот политик положил конец претензиям левых сил Франции на всю полноту власти.

Положительные отзывы деятельности Шотана были даны и после образования третьего состава кабинета министров (18 января 1938 г.). Причины очередного правительственного кризиса издание видело в стремлении К. Шотана «избавиться от коммунистической опеки». «Все заявления Шотана в палате были таковы, что коммунистам приходилось постепенно проявлять к кабинету всё большую враждебность», – писал журналист Л. Любимов²². Явный сдвиг вправо (в состав правительства не вошли коммунисты) преподносился «Возрождением» как единственно возможный и правильный вариант; в газете выражалась радость, что среди вошедших в кабинет «преобладает тенденция антикоммунистическая» (при этом указывалось, что в кабинете отсутствуют социалисты, хотя это не соответствовало действительности). Так или иначе, с правительством Шотана связывались надежды на отход от политики Народного фронта, «пыл которого уже выдохся». Мнения «крайне левых», полагавших, что «кабинет Шотана имеет временный характер», и после его падения к власти уже надолго придёт кабинет «в точности уже отражающий Народный фронт», расценивались как необоснованные²³.

Одним из ключевых вопросов внешней политики Франции в рассматриваемый период стали, конечно же, события в соседней Испании. Подписание ею вместе с ведущими европейскими странами «Соглашения о невмешательстве в дела Испании» (август 1936 г.) было встречено «Возрождением» в целом враждебно. По мнению Ю.Ф. Семёнова, «невмешательство» просто оскорбляло Европу, поскольку давало возможность СССР и Коминтерну беспрепятственно продолжать свою разрушительную политику²⁴. Тактика Франции в испанском вопросе представлялась данному эмигрантскому изданию подозрительной. Редакция обвиняла французское правительство в «преступных» симпатиях к Республиканскому правительству Испании и даже в оказании ему помощи²⁵. Но, в то же время, она признавала, что «Соглашение о невмешательстве в испанские дела» было подписано по инициативе Франции²⁶. «Возрождением» назывались различные причины, побудившие эту страну пойти на провозглашение нейтралитета в испанском вопросе, но общим в их объяснении признавался вынужденный характер этого шага, сделанного лишь под давлением извне. Так, в одной из статей подчеркивалось, что такое решение было вызвано якобы опасностью ответной реакции со стороны Великобритании, Германии и Италии в случае открытой поддержки Францией Испанской Республики: «... Как бы велика не была воинственная любовь французских руководителей к мадридским товарищам, ещё более велики их страх перед Гитлером и их преклонение перед мощью Великобритании»²⁷. В другой публикации, посвящённой «невмешательству», отмечалось, что официальный Лондон лишь присоединился к предложению официального Парижа, выдвинутому под воздействием неких обстоятельств, но не сообщалось о давлении с его стороны: «... Английское правительство, относясь сочувственно к ноте

французского правительства от 1 августа о провозглашении главными заинтересованными державами (Англией, Францией и Италией) нейтралитета, предложило до окончательного разрешения этого вопроса, всем государствам воздержаться отныне от какой бы то ни было помощи той или другой стороне»²⁸.

Иностранная помощь противоборствующим сторонам в Испании была одной из наиболее обсуждаемых тем на страницах консервативного печатного органа. «Возрождение», открыто симпатизирующее лагерю Франко, помещало преимущественно информацию о поддержке Республиканской Испании, резко осуждая, при этом, любые её формы и даже саму возможность предоставления. Оно подчёркивало, что правительство Народного фронта Испании, якобы чуждое большинству населения страны, сможет держаться у власти и вести боевые действия только при активной поддержке извне: «Мадридское правительство Народного фронта чуть ли не с первых дней обратилось за помощью к французскому правительству, а Франко мог, но не обратился к Германии и Италии из-за соображений чисто дипломатических»²⁹. Заметим, что в реальности события развивались в ином векторе: мятежники также поспешили попросить поддержки у Муссолини и Гитлера. Издание вынуждено будет признать, что обе воюющие стороны нуждались в иностранной помощи: «Интервенции официально нет, но сочувствие интервенции, желание её неоспоримы... Желают её и сами испанцы: испанский Народный фронт и восставшие генералы»³⁰.

Уже в первом, посвящённом событиям в Испании, номере «Возрождения» (25 июля 1936 г.) была помещена статья с «говорящим» названием «Вмешательство?», в которой сообщалось о прибытии в Париж двух испанских военных лётчиков с «загадочной миссией». Лётчики якобы передали правительству Франции просьбу республиканского правительства Испании о помощи в подавлении «военного движения», состоящую из 3 пунктов: содействие французских войск для прекращения восстания в Марокко; несколько десятков военных аэропланов; топливо для судов, оставшихся верными правительству Народного фронта. По данным издания, французское правительство «будто бы» согласилось удовлетворить два последних пункта³¹. Предполагаемый ответ французской стороны был прокомментирован в газете следующим образом: «Правительство французского Народного фронта не хочет, чтобы было побеждено правительство испанского Народного фронта. Французское министерство не отступает перед недопустимым вмешательством во внутренние дела Испании»³². Несколько позже газета с негодованием писала о том, что французский Народный фронт и его приверженцы «ведут отчаянную пропаганду в пользу испанского Народного фронта», особенно выделяя литераторов Андре Мальро и Поля Вайян-Кутюрье³³. В качестве иллюстрации позиции французского Народного фронта приводились слова генерального секретаря Конфедерации труда Франции Леона Жуо: «Перед лицом испанских событий для сознательного рабочего не может быть нейтралитета. Поражение испанского пролетариата легко превратится в наше собственное поражение. Переговоры Гитлера, войны Муссолини, бунты Франко – всё это одно неразрывное целое»³⁴. «Франция не поставляла оружия, но может это сделать, если выяснится, что это делает в пользу восставших какая-нибудь держава», – вынужденно резюмировало издание³⁵.

В полемике, развернувшейся в периодической печати Франции по вопросу оказания помощи Испанской Республике, «Возрождение» отвергало аргументы левых, выступавших за её оказание, указывая на то, что в 1918 г. Франция вмешивалась в гражданскую войну в России и помогала русским белогвардейцам оружием и снаряжением³⁶. Единственно верной в такой ситуации «Возрождение» признавало точку зрения Анри де Кериллиса, «правильно разъяснившего этот вопрос на страницах L'Echo de Paris (Эко де Пари): «В России Франция выполняла свой долг, оставаясь верным союзником, снабжая борющихся против предательского правительства, играющего на руку Германии»³⁷. Даже после подписания «Соглашения о невмеша-

тельстве в дела Испании» (август 1936 г.) на страницах «Возрождения» перепечатавались слухи о поставках французских самолётов для Республики³⁸. «Помощь Мадриду могла бы прийти только из двух источников – из СССР и из Франции», – пояснялось в газете³⁹.

Уже после подписания печально знаменитого Мюнхенского соглашения (сентябрь 1938 г.) на страницах «Возрождения» появилась статья «После речи Даладье». Данный акт расценивался как единственно правильный шаг французского руководства. Соглашение, отмечалось в газете, демонстрировало не только трезвость правительства Франции, освободившегося из-под контроля и влияния левых сил, и обратившегося, наконец-то, к «здоровым силам Европы» – Германии и Италии. Оно также символизировало разрыв с СССР, и подчёркивало, что в Европе есть только четыре великие державы, в число которых Советская Россия не входила⁴⁰.

Таким образом, не приходится вести речь об объективной оценке и анализе эмигрантской газетой консервативной направленности в лице «Возрождения» современных ей фактов и явлений. Налицо односторонняя идеологическая направленность издания, проявившаяся и в отношении политической ситуации во Франции 2-й пол. 30-х гг. XX в., и ее внешней политики. Правительство французского Народного фронта (1936-1938 гг.) отождествлялось, прежде всего, с коммунистами и деятельностью СССР, Коминтерна в Европе. Внутренняя и внешняя политика законной власти подвергались резкой и не во всем обоснованной запелляционной критике.

Примечания:

1. *Выборы во Франции // Возрождение. 1936. №3980. С. 2.*
2. *Там же.*
3. *Там же.*
4. *В Марселе // Возрождение. 1936. №3982. С. 4.; В Кальви // Возрождение. 1936. №3982. С. 4; Т.А. Париж в ожидании результатов // Возрождение. 1936. №3988. С. 1.*
5. *Ночью в ожидании результатов // Возрождение. 1936. №3982. С. 4.*
6. *Любимов Л. Леон Блюм // Возрождение. 1936. №4019. С. 2.*
7. *Там же.*
8. *Семёнов Ю. Два фронта // Возрождение. 1936. №4037. С. 1.*
9. *Там же.*
10. *Ольденбург С.С. Психология мировой гражданской войны // Возрождение. 1936. №4037. С. 2; Семёнов Ю.Ф. Провалы Коминтерна и успехи советской власти // Возрождение. 1936. №4039. С. 1.*
11. *Любимов Л. Восстание радикалов // Возрождение. 1936. №4046. С. 5.*
12. *Любимов Л. Французские социалисты и коммунисты // Возрождение. 1936. №4039. С. 6; Он же. Судьба Народного фронта во Франции // Возрождение. 1936. №4056. С. 7.*
13. *Любимов Л. Французские социалисты и коммунисты // Возрождение. 1936. №4039. С. 6.*
14. *Там же.*
15. *Любимов Л. Восстание радикалов // Возрождение. 1936. №4046. С. 5.*
16. *Любимов Л. Судьба Народного фронта во Франции // Возрождение. 1936. №4056. С. 7.*
17. *Там же.*
18. *Там же.*
19. *Любимов Л. Заснувший парламент // Возрождение. 1937. №4069. С. 7.*
20. *Любимов Л. Камиль Шотан // Возрождение. 1937. №4084. С. 5.*
21. *Там же.*
22. *Любимов Л. Французский правительственный кризис // Возрождение. 1938. №4115. С. 5.*
23. *Там же.*
24. *Семёнов Ю.Ф. Провалы Коминтерна и успехи советской власти // Возрождение. 1936. №4039. С. 1.*

25. Молчаливое выражение неодобрения // *Возрождение*. 1936. №4038. С. 2.
26. Наблюдатель. Война красных и белых в Испании // *Возрождение*. 1936. №4038. С. 2; Он же. «Нейтралитет» – война в Испании // *Возрождение*. 1936. №4039. С. 1.
27. Наблюдатель. «Нейтралитет» – война в Испании // *Возрождение*. 1936. №4039. С. 1.
28. Наблюдатель. Война красных и белых в Испании // *Возрождение*. 1936. №4038. С. 2.
29. Амадис. Мимоходом // *Возрождение*. 1936. №4036. С. 4.
30. Там же.
31. Вмешательство? // *Возрождение*. 1936. №4036. С. 1.
32. Там же.
33. Испанская национальная революция // *Возрождение*. 1936. №4037. С. 1.
34. Наблюдатель. Война красных и белых в Испании // *Возрождение*. 1936. №4038. С. 2.
35. Испанская национальная революция // *Возрождение*. 1936. №4037. С. 1.
36. Беспокойство Англии // *Возрождение*. 1936. №4037. С. 1.
37. Там же.
38. Наблюдатель. Война красных и белых в Испании // *Возрождение*. 1936. №4038. С. 2.
39. Наблюдатель. «Нейтралитет» – война в Испании // *Возрождение*. 1936. №4039. С. 1.
40. Любимов Л. После речи Даладые // *Возрождение*. 1936. №4156. С. 5.

КУРС НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ (ЯНВАРЬ-СЕНТЯБРЬ 1938 Г.): ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

**С.Ю. Крупская
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается пропагандистская кампания в нацистской Германии (1938) в контексте подготовки захвата Судетской области. Выявляются цели, средства, методы и формы ее влияния на формирование общественного мнения в Чехословакии. Прослеживается эволюция развития внешнего вектора национал-социалистической пропаганды.

Ключевые слова: судетские немцы, Гитлер, нацистская пропаганда, партия Генлейна, проблема национальных меньшинств.

GERMANY`S POLICY TOWARDS CZECHOSLOVAKIA (JANUARY – SEPTEMBER 1938): PROPAGANDA ASPECT

**S.Y. Krupskaya
Belgorod National Research University**

The article considers the propaganda campaign in Nazi Germany (1938) in the context of the preparation for the capture of the Sudetenland. The goals, means, methods and forms of its influence on the formation of public opinion in Czechoslovakia are identified. The external vector of the national-socialist propaganda's evolution is studied and traced.

Key words: Sudeten Germans, Hitler, Nazi propaganda, the party Henlein, problem of national minorities.

Руководство гитлеровской Германии высоко ценило реальные достижения пропагандистской войны, методы и способы ее ведения и ставило ее в один ряд с экономической, дипломатической и вооруженной борьбой. По мнению Верховного главнокомандования Вермахта (ОКВ), «война предполагает владение всеми средствами: не только силой оружия, но также средствами пропаганды и экономического воздействия. Если эти средства ведения войны окажут разлагающее воздействие на вражеское население или парализуют источник мощи врага, то разгром не сплочен-

ного внутривластически и зависимого от заграницы противника может быть осуществлен и без решительных побед над его вооруженными силами»¹.

Точно передал содержание внешнего направления нацистской пропаганды популярный в Третьем Рейхе военный писатель Э. Банзе, отмечая, что во враждебных и нейтральных странах должна быть развернута густая сеть незаметных, но влиятельных и регулярно работающих вспомогательных бюро. Эти бюро должны применять все сколько-нибудь целесообразные средства: прессу и радио, кино и шпионаж, благотворительные организации и т.д. Все средства оправданы, если они подрывают дух врага и укрепляют дух германцев².

Пропагандистское обоснование нацистами «чехословацкого вектора» сводилось, в основном, к ряду мотивов: потребности решения проблемы «национальных меньшинств», необходимости спасения ЧСР от «красной угрозы» и т.д.

Реальной причиной развернувшейся активной кампании против Чехословакии в первой половине 1938 г. были «борьба против Версаля»³, изложенная в правительственной программе Гитлера 3 февраля 1933 г., неизбежность, в частности, ликвидации этой страны, как «главного препятствия к владычеству Германии над Европой»⁴, заинтересованность в экономических, демографических ресурсах государства⁵ и т.д.

Для успешной реализации этих планов нацистские власти стремились различными способами, в том числе и через пропаганду, изолировать Чехословакию на международной арене.

«Чехословацкий вектор» информационной политики Третьего рейха менял свое направление и динамику в зависимости от внутреннего положения и международной обстановки. В проекте знаменитой директивы операции «Грюн» (20 мая 1938 г.) отмечалось: «Пропагандистская война имеет целью, с одной стороны, запугать Чехословакию и подорвать ее силы сопротивления, с другой – дать национальным меньшинствам стимул к поддержке военных действий, а на нейтральные страны повлиять в нужном нам направлении»⁶.

Как известно, уже в 1933 г. была создана праворадикальная судето-немецкая партия во главе с К. Генлейном, которую тайно поддерживал в финансовом плане Рейх. На Нюрнбергском процессе главный обвинитель от США С. Олдерман, приводил цифру более 6 000 000 марок, затраченную нацистами уже во время выборов весной 1935 года⁷. Он же заявлял, что посол Германии в Австрии фон Папен (в Вене) и его коллега фон Макензен в Будапеште в 1935 г. открыто пропагандировали идею полного расчленения и окончательного присоединения Чехословакии⁸.

Президент Чехословакии Бенеш в личной беседе в 1936 г. жаловался американскому послу в Германии У. Додду на Берлин, который шантажировал Прагу не только путем политического давления через партию Генлейна, но и при помощи новых экономических угроз⁹.

17 октября 1937 г. произошел так называемый теплицкий инцидент. Во время областного съезда судето-немецкой партии Генлейна в г. Теплице группа депутатов во главе с К. Франком пыталась спровоцировать античехословацкие выступления, в связи с чем, была вынуждена вмешаться полиция. Никогда еще гитлеровский Третий Рейх, как отмечал К. Готвальд (депутат-коммунист), не вел себя в отношении Чехословакии столь дерзко и вызывающе. Это незначительное событие Геббельс с помощью пропаганды превратил в событие мирового масштаба и чуть ли не повод для нацистской интервенции¹⁰.

Гитлер в решении судетского вопроса (до конца 1937 г.) использовал тактику постепенного проникновения в жизнь Чехословацкой Республики. После присоединения Австрии (1938 г.) нацистское руководство приложило все силы, чтобы успокоить Чехословакию, заявляя, что у той нет повода для беспокойства. Австрийская проблема – «дело чисто семейное», и Германия не имела, якобы, никаких претензий или враждебных намерений по отношению к чешскому государству, даже наоборот,

готова была идти с ним на дальнейшее сближение. Однако известно, что в это время Гитлер и его генералы укрепились в своей позиции по захвату Чехословакии. Они решили осуществить операцию «Грюн» при «подходящем внешнем поводе». Такой повод мог стать результатом провоцирования дипломатического конфликта, при этом обсуждалась возможность организации убийства германского посла в Праге¹¹. Также была признана важность и необходимость пропаганды для руководства поведением немцев в Чехословакии и для запугивания чехов¹².

Временный поверенный СССР в делах Германии Г.А. Астахов в своем дневнике 28 января 1938 г. отмечал, что в отношениях Германии и Чехословакии нет никаких сдвигов. В германской прессе продолжалась кампания по судетскому вопросу, что стало для всех обидным явлением¹³. Он же в феврале 1938 г. в донесении М.М. Литвинову, В.П. Потемкину сообщал о преобладающем в дипломатических кругах мнении, что следующим после Австрии объектом германской активности станет Чехословакия¹⁴.

В начале 1938 г. дипломатическому представительству Чехословакии в Германии напомнили, что здание их миссии подлежит сносу в порядке реконструкции Берлина. Советник чехословацкого посольства с иронией ответил: «О да, конечно. Ведь этот дом, к сожалению, принадлежит не более как чехословацкому министру и находится в Берлине. Вот если бы он принадлежал немецкому гражданину Мюллеру и находился в приграничной полосе Чехословакии, то германское правительство, конечно, не допустило бы его сноса»¹⁵. В этих словах нашли отражение беспомощность миссии и ее желание привлечь внимание мировой общественности.

Уже в марте 1938 г. гитлеровское руководство начало систематическую провокационную кампанию против Чехословакии, активно муссируя Судетскую проблему. Цель пропаганды заключалась в обострении национальных отношений в Судетах, за счет создания видимости «угнетения» немцев и попытке катализировать практическую реализацию их стремления к воссоединению с Третьим Рейхом. Интенсификации этого процесса способствовали активно практикуемые различные формы нацистской поддержки партии Генлейна, члены которой регулярно инспирировали массовые беспорядки на территории страны и активно подстрекали судетских немцев, проживавших в пограничных районах Чехословакии, к провокационным выступлениям против чехов.

С конца апреля 1938 г. нацистская пропаганда в отношении Чехословакии стала носить более резкий и бескомпромиссный характер. Так, «Deutsche Allgemeine Zeitung» обыгрывала тезис, что Чехословацкая республика возникла благодаря «закулисным переговорам и махинациям Бенеша в Париже после окончания Первой мировой войны Чехословакия, как суверенное многонациональное государство, должна прекратить свое существование, а судетские немцы, «насиленно присоединенные» к нему, решить свою судьбу на основе «самоопределения»¹⁶. Тогда же нацистское руководство выдвинуло другой тезис: «судетские немцы являются не меньшинством, а подавляющим большинством в пределах занимаемой ими территории» и поэтому они заслуживают не «прав национального меньшинства», а полного «равноправия»¹⁷. В германской прессе с начала мая 1938 г. появились обвинения в адрес чехословацкого правительства, якобы осуществлявшего притеснения судетских немцев. Помимо этого, корреспонденты нацистских газет рекомендовали официальной Праге «исправить свои ошибки» и наконец-то позволить судетским немцам «самостоятельно решать свою судьбу»¹⁸.

Германские дипломаты также вели активную работу с руководителями министерств иностранных дел стран аккредитации. Обсуждая поступающие сообщения из Праги, они подчеркивали, что у Германии, якобы, есть повод для беспокойства, поскольку чехословацкое правительство неслыханно грубо обращается с судетскими немцами¹⁹. В заметках и статьях нацистской печати того времени повторялась идея объединения этнических немцев: «Мы сегодня знаем лишь одну общность... это

общность по крови. Человек не может и не хочет больше быть оторванным от своего народа» (Volkischer Beobachter)²⁰.

В беседе с английским послом Н. Гендерсоном (май 1938 г.) посланник Чехословакии в Германии Мастны обращал внимание, что в ЧСР с территории Германии ведется активная подрывная работа и организуются провокации, которые ко всему прочему поддерживаются кампанией в берлинских газетах²¹.

После посещения во время пасхальных праздников в мае 1938 г. некоторых Судетских районов Чехословакии советский полпред в Берлине Г. Астахов отмечал исключительную тщательность работы гитлеровской агентуры. Эти области произвели впечатление уже законченной германской зоны (все надписи, вывески, объявления на немецком языке; газеты мало отличались от нацистских; репертуар кино и театров почти совпадал с германским; многие жители спокойно расплачивались немецкими марками; молодежь маршировала в форме, схожей с нацистской и т.д.)²².

К лету 1938 г. отношение нацистов к проблеме практически не изменилось (кампания лишь на короткое время немного изменила свою интенсивность), пресса Германии скрупулезно и критически комментировала, точнее, критиковала деятельность чехословацкого правительства²³.

В конце июля – начале августа 1938 г. с целью нагнетания обстановки гитлеровская пропаганда сделала акцент на антисоветский компонент проблемы. Поскольку борьба против мирового большевизма представляла одно из направлений генеральной линии германской политики, то «задача пропаганды заключалась в том, чтобы показать и доказать всем, что он (большевизм) являлся врагом всех народов и наций, то есть врагом всего мира»²⁴.

Так, одновременно в нескольких изданиях (Volkischer Beobachter, Berliner Tageblatt и др.), появились статьи, объявляющие Прагу «Коминтерновским центром», «Московским форпостом», давались разъяснения к истории советско-чехословацких отношений с позиции «советских происков» и предупреждения об «угрожающей всему миру красной опасности, которая сосредоточена в Чехословакии»²⁵.

Такая пропаганда велась в Чехословакии не только через немецкую прессу, но и с помощью передач на немецком языке. Геббельс называл Чехословакию «гнездом большевизма» и популяризировал ложные слухи о том, что русские войска и самолеты концентрируются в Праге. Под германским руководством генлейновцы исподволь проводили свою пропаганду в Судетах, способствующую усилению напряжения и созданию инцидентов. Нелегальная нацистская литература тайно ввозилась из Германии и широко распространялась во всех пограничных районах²⁶.

Античешская кампания достигла наивысшей точки в первой половине сентября 1938 г., в преддверии Мюнхенской конференции. Муссировались известные тезисы об угнетении «природных немцев», просьбы с их стороны «о свободе, мире и работе на своей родине»²⁷. Усилилась и антисоветская направленность пропаганды. 10 сентября Геббельс заявил о том, что развитие советско-чехословацких отношений означает «большевизацию Чехословакии», и что «Прага представляет собой организационный центр большевистских заговоров против Европы»²⁸.

С момента начала Мюнхенской конференции (сентябрь 1938 г.) характер пропаганды изменился. Основное острие было персонифицировано и направлено не против чешского государства и его народа, а против президента Бенеша²⁹. К тому времени немецкая пропагандистская машина умела использовать тактику «мирного проникновения» в общественное сознание и жизнь соседнего государства.

К октябрю 1938 г., по точной оценке Н. Фрая, «Пацифистская пластинка» [выражение Гитлера – С.К.] свое доиграла...»³⁰. Можно согласиться с выводом, что «в австрийской кампании, а затем в натиске на Чехословакию, нацистская пропаганда достигла вершины своей эффективности. Она была полностью интегрирована в дипломатическую и военную игру Германии. Она помогла Гитлеру добиться его целей

без всякого расхода войск и боеприпасов» и может рассматриваться, как достижение и министерства пропаганды³¹.

Подытоживая, Геббельс в одной из бесед с редактором Frankfurter Zeitung отмечал, что осенью 1938 г. «во время чехословацкого кризиса немецкая публицистика находилась в наступлении. Германская пресса ...действовала замечательно. Германское радио также показало себя превосходным инструментом государственного руководства»³².

Характерная для нацистской пропагандистской кампании в Чехословакии односторонность, однобокость, простота объяснялись убежденностью Гитлера, что придавать пропаганде слишком большую многосторонность неправильно: «Поскольку восприимчивость массы очень ограничена, круг ее понимания узок и велика ее забывчивость, то всякая пропаганда, если она хочет быть успешной, должна ограничиваться лишь немногими пунктами, излагая их кратко, ясно, понятно, в форме легко запоминаемых лозунгов, повторяя все это до тех пор, пока не останется никакого сомнения в том, что даже самый отсталый из слушателей наверняка усвоил желаемое»³³.

Следовательно, Германия возбуждала разногласия внутри Чехословакии для того, чтобы усилить пронацистские группы и ослабить всякую оппозицию с целью обеспечения мирного проведения в жизнь своей программы.

После захвата Чехословакии между министром народного просвещения и пропаганды Геббельсом и начальником штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии Кейтелем было заключено «Соглашение о ведении пропаганды в войне», один из пунктов которого, гласил, что пропагандистская война признавалась важным средством ведения войны, равнозначным вооруженной борьбе³⁴.

В итоге, после завершения чехословацкой кампании гитлеровский пропагандистский аппарат лишился многих своих аргументов для прикрытия реальной политики.

Примечания:

1. Дашичев В.И. *Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933-1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т. Т.1. Подготовка ко Второй мировой войне, 1933-1939. М., 2005. С. 177. Приложение к памятной записке ОКВ от 19 апреля 1938 г. Документ №32.*
2. Галкин В.В. *Политэкономия войны. Заговор Европы. М., 2007. С. 87-88.*
3. *Dokumente zur deutschen Geschichte, 1929-1933., 1975. S. 41.*
4. *Нюрнбергский процесс. Т.2. М., 1988. С. 613. Из выступления заместителя Главного обвинителя от СССР Ю.В. Покровского (8 февраля 1946).*
5. *Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939. Т.1. Ноябрь 1937 г. – дек. 1938 г. М., 1981. С. 31. Запись совещания политических и военных руководителей Германии 5 ноября 1937 г.*
6. Дашичев В.И. *Указ. соч.Т.1. С. 402. Выдержки из стенографической записи высказываний Гитлера о завоевательных планах Германии. 8-9.9. 1941 г. Документ №13.*
7. *Нюрнбергский процесс. Т.2. С. 498. Из выступления заместителя Главного обвинителя от США С. Олдермана (28-29 ноября 1945).*
8. *Нюрнбергский процесс. Т.2. С. 495.*
9. *АВП РФ. Ф.082. Оп.19. П.83. Д.8. Л. 164.*
10. *Документы по истории мюнхенского сговора. 1937-1939. С. 15. Из речи депутата КПЧ К. Готвальда в палате депутатов Национального собрания ЧСР от 30 ноября 1937 г.*
11. *Нюрнбергский процесс. Т.2. С. 631. Директива ОКВ от 30 мая 1938 г.*
12. *Нюрнбергский процесс. Т.2. С. 542. Из выступления заместителя Главного обвинителя от США С. Олдермана (3-5 декабря 1945).*
13. *АВП РФ. Ф.05. Оп.18. П.142. Д.56. Л. 19. Из дневника Г.А. Астахова.*
14. *Там же. Л. 62.*
15. *Там же. Л. 64.*

16. *Deutsche Allgemeine Zeitung*. 1938. 18 Mai.
17. АВП РФ. Ф.05. Оп.18. П.142. Д.56. Л. 139.
18. *Volkischer Beobachter*. 1938. 10 Mai.
19. Христофоров В.С. Мюнхенское соглашение – пролог Второй мировой войны (по архивным материалам ФСБ России) // *Новая и новейшая история*. 2009. №1. С. 31.
20. *Volkischer Beobachter*. 1938. 27 Mai.
21. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937-1939. С. 115. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР. 19 мая 1938.
22. АВП РФ. Ф.05. Оп.18. П.142. Д.56. Л. 135. Из приложения к дневнику Г. Астахова.
23. *Der Angriff*. 1938. 1, 9, 18 Juli; 9, 30 Aug.
24. Цум. no: Sywottek J. *Mobilmachung fur den totalen Krieg. Die propagandistische Vorbereitung der Deutschen Beulkerung auf den Zweiten Weltkrieg*. Opladen. 1976. S. 114.
25. *Berliner Tageblatt*. 1938. 29 Juli; *Volkischer Beobachter*. 1938. 11 Aug.; *Nationalzeitung*. 1938. 22 Aug.
26. Нюрнбергский процесс. Т.2. С. 573. Из выступления заместителя Главного обвинителя от США С. Олдермана (3-5 декабря 1945).
27. *Volkischer Beobachter*. 1938. 16 Sept.
28. *Ibid.* 1938. 11 Sept.
29. *Ibidem*.
30. Фрай Н. *Государство фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933-1945*. М.: РОССПЭН, 2009. С. 114.
31. Zeman Z. *Nazi Propaganda*. London: Oxford Univ. Press ,1965. S. 175.
32. *Frankfurter Zeitung*. 1938. 18 Nov.
33. Adolf Gitler. *Mein Kampf*. Munchen. 1936. S. 198.
34. Дашичев В.И. Указ. соч. Т.1. С. 303.

II. ИСТОРИЯ РОССИИ

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧ. XVIII В.

СОЛНЕЧНЫЕ И ЛУННЫЕ ЗНАМЕНА В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: ОСОБЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОГО И ЯЗЫЧЕСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

Д.В. Пузанов

Удмуртский государственный университет

В статье рассматривается взаимодействие христианской и языческой традиций в домонгольской Руси на примере восприятия знамений «на луне» и «на солнце». На основе комплексного анализа письменных и фольклорных источников выделяются этапы, содержание и природа синкретических процессов восприятия знамений. Важное внимание уделяется семантике сверхъестественных представлений, анализу основных мировоззренческих мотивов трактовки того или иного «знамения». Предлагается оригинальная реконструкция христианских и языческих составляющих древнерусских представлений о «знамениях» и природных явлениях.

Ключевые слова: домонгольская Русь, язычество, христианство, знамения «на луне» и «на солнце».

SOLAR AND LUNAR OMENS IN THE PRE-MONGOL RUS: FEATURES OF CHRISTIAN AND PAGAN INTERPRETATIONS.

D.V. Puzanov

Udmurt State University

The article is devoted to the problem of interaction of Christian and pagan traditions in pre-Mongol Russia, using the example of lunar and solar omens. The author defines the stages of this interaction, analyzes the syncretical content of this process. The basic ontological motives of the interpretation of omens are also analyzed. The Christian and pagan views on natural phenomena and the omens are originally reconstructed.

Key words: pre-Mongol Rus, Paganism, Christianity, lunar and solar omens.

Феномен знамений занимает важное место в представлениях древнего человека. В отличие от сухих норм догматики, вера в знамения отражает характерное для всех людей, вне зависимости от их расовой, этнической и конфессиональной принадлежности стремление узнать будущее. В авраамических же религиях знамения, зачастую, были единственным средством познания воли Божьей, важным визуальным элементом устрашения и воспитательной работы. Особый взгляд на знамения складывается в условиях христианско-языческого синкретизма, ярким проявлением которого является древнерусское «двоеверие».

Феномен знамений в домонгольской Руси неоднократно обращал на себя внимание исследователей¹. Были изучены интерпретации отдельных знамений книжниками, выявлена общая картина христианского восприятия знамений, предпринимались попытки типологизации. Тем не менее, в изучении проблемы остается немало белых пятен. Прежде всего, следует отметить узость источниковой базы, которой оперируют исследователи. За основу берутся летописи и произведения религиозно-полемического характера, тогда как шестодневны и близкие к ним сборники (Палея) игнорируются. Как следствие – из поля зрения выпадает огромный пласт знамений, предсказывающих изменения в погоде, а потому имеющих фатальный характер (сейчас мы называем это приметами). После Д.О. Святского не было предпринято серьезных попыток сопоставления фольклорных сведений о тех или иных знамениях с письменными источниками. Проведение подобного анализа на основе современной методики позволит отделить более ранние представления от тех, которые были

привнесены христианством, выявить эволюцию во взглядах на знамения летописцев, что откроет новые возможности осмысления синтеза языческого и христианского начала в мировоззрении древнерусского человека. Наконец, необходимы исследования, рассматривающие знамения в контексте древнерусского понимания термина, а не с точки зрения современных представлений.

Настоящая статья представляет собой попытку частичного решения поставленных вопросов на примере знамений «на солнце» и «на луне». Хронологические рамки исследования охватывают период XI – нач. XIII в., характеризующийся начальным этапом христианизации, дофеодальной социальной структурой, особой политической системой, несущим стержнем которой являлись города-государства². Указанные обстоятельства обусловили сложность, многослойность, мировоззренческой ситуации, что не могло не отразиться на восприятии солнечных и лунных знамений.

Христианское понимание солнечных и лунных знамений восходит к книге Бытия: «И рече Богъ: да будут светила на тверди небесней, освещати землю и различати между днем и между ночью: и да будут въ знамения и во времена, и во дни, и въ лета» (Быт: 1;14). Не трудно заметить, что при таком подходе знамения воспринимаются как приметы³. Согласно Палее, по светилам можно узнать об изменении погоды. Далее идет пояснение: «Си бо знамения – велика милость и велико строение о Творца Бога, да теми знамении, ими же есть бытии вредомъ внезапу»⁴. Но возможно ли определить по луне и солнцу судьбу человека, или народа? Христианская догматика не дает однозначного ответа на этот вопрос. С одной стороны, предсказание будущего по светилам могло способствовать их одушевлению, что было-бы опасно для христианской религии⁵. С другой, стороны различными знамениями пестрят христианские догматические и повествовательные произведения. Правда, предрекают они не столько неизбежность, сколько пытаются вразумить человека, наставить его на путь спасения, или напротив, совратить его (ложные знамения, творимые дьяволом). Что касается лунных и солнечных знамений, то они могли исходить только от одного субъекта – Бога. (Демоны не могли посягать на светила. Согласно Палее, Бог позволил десятичному чину обладать лишь воздушной стихией)⁶.

В язычестве «природный феномен включается, так сказать, в традиционные рамки социальной системы»⁷. Весь мир представляется язычнику как арена борьбы одухотворенных сил природы. Результатом этой борьбы и являлись знамения.

Активное взаимодействие греческого христианства и древнерусского язычества начинается с крещения Руси. Оно проходит ряд этапов. В XI в., когда ростки новой веры только пробивались на русском языческом поле, книжники-христиане были особенно бескомпромиссны в идеологической борьбе. Поэтому, например, автор начального свода старался не упоминать об элементах языческого мировосприятия, либо подвергал их жесточайшей критике. Существовала, по словам В.Л. Комаровича, «церковная цензура XI в. – на все языческое»⁸. Единственными источниками для толкования знамений в этот период являлись Священное писание, византийские хроники и, возможно, христианская нравоучительная литература. При этом активная внешнеполитическая обстановка всегда давала возможность связать природное явление с победой или проигрышем на поле брани: «бываютъ же знамения ратемъ, и миру»⁹.

По мере упрочения позиций христианства в обществе, по мере вращивания «греческой веры» в русскую среду, ситуация изменяется и языческие представления из народной традиции постепенно проникают в труды христиан-книжников. Так, с началом XII в. в летописях начинают распространяться представления о том, что затмение солнца предвещает смерть кого-либо из княжеского рода. А.В. Лаушкин, первым указавший на существование такого поверья, был не вполне точен, когда писал, что «почти во всех случаях, когда летописцы ищут конкретное следствие солнечного затмения, они указывают на чью-то смерть»¹⁰, поскольку не обратил внима-

ния на хронологические рамки явления. А между тем эта традиция начинается с известия под 6621 г. в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях¹¹, и неизвестна ранее. Только начиная с этого времени вырабатывается определенная форма изложения летописного материала: если на один год приходится солнечное затмение и смерть представителя княжеского рода, то известие о затмении всегда предшествует известию о смерти. На то, что это явное проникновение языческих традиций указывают народные представления о связи князя и солнечного света, аборигенный характер которых выявил А.П. Толочко¹².

Новый этап в сближении языческой и христианской традиций начинается со 2-й пол. XII в. Летописцы из Выдубицкого монастыря¹³ начинают активно использовать народные версии знамений («сему же рекоша старию людие . не благо есть сяково знамение се прообразуеть князю смерть»¹⁴), не проявляют негативное отношения к ним. Подобное «хождение в народ» можно объяснить процессами укрепления позиций христианства и адаптации его к местной культурной среде.

Конечно, не все народные представления могли быть приняты книжником. В тех случаях, когда они явно противоречили христианским канонам и информации греческих книг они отвергались как невежественные. Такая участь постигла языческие представления о причинах солнечных затмений, известия о которых сохранили летописи: «глть неведгласи снедаемо солнце»¹⁵. Но кто, и при каких обстоятельствах поедает солнце в языческой традиции? В этом следует разобраться.

Еще дореволюционные авторы связали эти упоминания с фольклорными представлениями славян о поедании солнца некими волкулаками. Однако мнения о волкулаках разошлись. Д.О. Святский под «волкулаком» понимал наиболее распространенный в современном фольклоре образ: волкулак (волкодлак) – оборотень, колдун, способный превращаться в волка. Сравнение народной традиции со «Словом о полку Игореве», убедило исследователя в том, что конкретное знамение 1064 г. на Руси представлялось следствием деятельности князя-оборотня Всеслава, который «перерыскивал» путь солнцу¹⁶.

Аргументация Д. Святского не убедительна. Текст «Слова» не содержит указаний на способность Всеслава производить затмения. Более того, представление о Всеславе как князе-оборотне не является в современной науке общепринятым («...въ ночь влькомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови вльком путь перерыскаше...»¹⁷ может свидетельствовать лишь о «быстроте бега»¹⁸ князя, внезапности его набегов).

Не все просто и с представлениями о волкулаках. Согласно современным исследованиям, вплоть до последнего времени единого цикла представлений о волкулаках не сформировалось. Как правило, волкулаки – люди, способные превращаться в волков по своей воле или в результате козней колдунов¹⁹. Но это определение не единственное. Волкулак может представляться как существо, меняющее медвежью и волчью личину²⁰, как полу-человек, полу-волк²¹, и даже как дракон, пожирающий солнце²². Разнообразие подобных представлений может говорить об одном – волкулак не отдельный сложившийся персонаж, а существо, имевшее прототип. Но кто же, кроме волкулака, мог поедать солнце в славянской мифологии? Солнце и луну могут поедать змееподобные летающие демоны, драконы, волки, псы, вепри, быки, нечистая сила (черти), змеи²³. Но все эти суеверия не привязаны к определенному отрезку времени. Памятники XIII в. говорят только о волкулаке²⁴. В свою очередь волк (с которым чаще всего ассоциируется воколак) имеет схожую семантику с медведем²⁵. Хтонические свойства волка роднят его с гадами, особенно со змеей²⁶. Представляют интерес ассоциации волка с потусторонним миром, чертом (после принятия христианства), землей²⁷. Все это сближает волкулака с Велесом (Волосом).

Многие исследователи отмечали медвежью и змеиную сущности Велеса. В. Живанчевич считал его териоморфным (зооморфным) божеством²⁸. При этом аргументы, приведенные исследователем, позволяют говорить лишь о зооморфно-

антропоморфной сущности Велеса (человек-медведь). Возможна связь Велеса с оборотническими функциями. Так, при реконструкции «основного мифа» В.В. Иванов и В.Н. Топоров отмечали: «Во время преследования Перуном Велес обращается в человека, коня, корову»²⁹. Ряд исследователей обратили внимание на связь Велеса с потусторонним миром и нечистой силой³⁰. По их мнению Велес имеет много общего с демоническими существами индоевропейской мифологии³¹. Вероятно, Велес выполнял функции посредничества между миром мертвых и миром живых.

Мотив смерти и воскрешения (символом чего могло являться затмение) широко распространен в архаичной мифологии. В отличие от монотеистического божества, боги языческие не обладали неисчерпаемым запасом энергии и нуждались в ее восстановлении. Функции распределения удачи и счастья у восточных славян, видимо, были связаны Дажьбогом: «Дажьбог – «бог-даятель», наделитель богатством, к которому обращаются в ритуале, в молитве, при благопожеланиях (дай Боже!) В сербской сказке Дабог – имя «царя на земле», противопоставленного «Богу на небесах»³². Дажьбог был божеством солнца, его олицетворением. А именно с солнцем связано понятие удачи: «Солнце почиталось божеством благим, милосердным; имя его сделалось синонимом счастья. Отсюда объясняется мифическая связь солнца с Судьбою, в руках которой людское счастье»³³. Интересно и сопоставление солнца и князя, солнца и жениха³⁴. А ведь представление о вожде складывались на основе представлений о большей удаче того, или иного человека. Поэтому во время затмения, перед глазами древнерусского человека могла развернуться картина угасания сил Дажьбога и сопровождение этого божества, посредством Велеса (съеданием солнца), в мир мертвых. После подобного «жертвоприношения» божество воскрешало, восстанавливая утерянную энергию. С годовым циклом, который в древности воспринимался как процесс старения и воскрешения природы, надо полагать, связан и обычай поедания блинов на масленицу.

Посредником между Дажьбогом и народом, видимо, был князь, который распределял удачу между подданными. Данная связь между Дажьбогом (светом), князем и народом прослеживается в отечественной литературе. Так, в житии Александра Невского смерть князя ассоциируется с закатом солнца и воспринимается как недобрый знак для всей земли: «Митрополит же Кирилл глаголяше: «Чада моя, разумеете, яко уже зайде солнце земли Суздальской». Иереи и диаконы, черноризцы, нищи и богатии, и вси людие глаголааху: «Уже погыбаемь!»³⁵. Во время похода Игоря на половцев затмение солнца воспринимается дружиной как зловещий знак («княже, се есть не на добро знамение се»³⁶), тогда как удачное возвращение князя из плена в «Слове о полку Игореве» знаменуется стихами: «Солнце светиться на небеси - Игорь князь в Русской земли»³⁷.

Таким образом, во время солнечного затмения перед глазами древнерусского человека могла возникнуть сцена борьбы Дажьбога и Велеса. Во время этой борьбы, ослабленное солярное божество, посредством поедания Велесом, проходило через мир мертвых, а затем воскрешало, восстанавливая утраченные силы. Дажьбог был ослаблен, и не мог делиться удачей. Кроме того, на землю ложилась тень: «отъ него тьмою вся своя воя прикрыты»³⁸. А значит и активизировалась нечистая сила. Поэтому затмение солнца могло восприниматься либо как смерть князя (потомка Дажьбога), либо в целом как недоброе знамение (когда не действует благая сакральная сила ни божества, ни его посредника – князя).

Известны и славянские поверья о поедании волколаком луны³⁹. Луна в славянской мифологии могла представляться коровой, реже - козлом, бараном⁴⁰. Млечный путь, согласно болгарской легенде, возник из лунного и звездного молока⁴¹. В южно-славянской традиции луна представлялась как корова, которую могли выдаивать ведьмы⁴².

По реконструкциям В.В. Иванова и В.Н. Топорова, побеждая Велеса, Перун освобождает воды и скот⁴³. Причину распри исследователи видят в похищении Веле-

сом скота и людей⁴⁴. Поэтому можно предположить, что луна как раз и олицетворяла небесную корову, которую похищал Велес. Впрочем, миф о поедании луны мог появиться позже, по аналогии с солнцем.

Как видим, описанные выше мифологические сюжеты не подлежали христианизации. Во-первых, Солнце в христианстве неодушевлено. Во-вторых, демоны, согласно христианской традиции, не имели власти над светилами. Наконец, христианские догматики использовали труды древнегреческих ученых, определявших соотношение размеров земли и светил следующим образом: земля – 80 000 стадий, солнце – более 3 000 000 стадий, луна – 40 000 стадий⁴⁵. Понятно, что проглотить такое тело просто невозможно. Кроме того, Палея предлагает свою трактовку затмения луны: «И то все оубо знамение (на годы) приходит же, егда оубывает Луны; ть не сама по естеству оубывает, но зракъ света своего спрягывает, видимъ оубо и темную ея часть, акы гривною или обручем обложена. Инъ се знаменія, яко же повелел ей Господь творити: егда оубо Луна приступает къ Солнцю, тогда свет зрака своего скрываетъ»⁴⁶. А вот о затмении солнца в Палее ни слова. Возможно это одна из причин повышенного внимания летописцев к затмениям солнца, тогда как затмения луны упоминаются ими постольку-поскольку.

Таким образом, в домонгольской Руси происходил довольно сложный синтез христианства и язычества, проходивший в три этапа. При этом роль традиционных воззрений на знаменія не падает, а растет по мере усиления процесса христианизации. Наблюдается сложный процесс, характеризующийся приспособлением христианской традиции к русскому менталитету (который, правда, ограничен рамками христианской догматики) – с одной стороны, и тенденцией превращения христианства в основу национальной культуры восточных славян – с другой.

Примечания:

1. См.: Святский Д.О. *Астрономия Древней Руси*. М., 2007; Афанасьев А.Н. *Поэтические воззрения славян на природу*. М., 1995. Т.1; Лаушкин А.В. *Стихийные бедствия и природные знаменія в представлениях древнерусских летописцев XI-XII вв.* // *Русское Средневековье*. 1998. Книжная культура. Вып.1. М., 1998; Долгов В.В. *Быт и нравы Древней Руси*. М., 2007.

2. Фроянов И.Я. *Киевская Русь: Очерки социально-политической истории*. Л., 1980 и др.

3. Можно лишь предполагать, в каком значении слово «знаменіе» использовалось в дохристианскую эпоху. У «первобытных народов», например, знаменія полностью сливаются с приметами (см.: Леви-Брюль Л. *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. М., 1994. С. 399-404). В Древней Руси понятие «знаменіе» также включало в себя и приметы.

4. Палея Толковая. М., 2002. С. 53.

5. См. Иер. 10:2

6. Палея Толковая... С. 60.

7. Токарев С.А. *Ранние формы религии*. М., 1990. С. 580.

8. Комарович В.Л. *Культ рода и земли в княжеской среде XI-XIII вв.* // *Из истории русской культуры*. Т.2. Кн.1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 19.

9. Шестоднев Иоана экзарха Болгарского. *Ранняя русская редакция*. М., 1998. С. 353.

10. Лаушкин А.В. *Указ. соч.* С. 44.

11. ПСРЛ. Т.1. М., 1997. С. 290; ПСРЛ. Т.2. М., 1998. С. 275.

12. Толочко О.П. *Русь: держава і образ держави*. Київ, 1994. С. 18.

13. По мнению А.А. Шахматова *Ипатьевская летопись (которая содержит наиболее частые и подробные известия о знаменіях) до 1198 г. включала летописи, написанные в этом монастыре (Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях*. М., 2001. С. 572).

14. ПСРЛ. Т.2. С. 516.

15. ПСРЛ Т.2. С. 282. См. также: ПСРЛ. Т.1. С. 164; ПСРЛ Т.3. М., 2000. С. 184.

16. Святский Д.О. *Указ. соч.* С. 313.

17. *Слово о полку Игореве* // *Библиотека литературы Древней Руси* Т.4. СПб., 2000. С. 264.

18. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» Т.1. СПб., 1995. С. 259-260.
19. Левкиевская Е.Е. Низшая мифология славян // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 191.
20. Там же.
21. Гура А.В., Левкиевская Е.Е. Волколак // Славянские древности Т.1. М., 1995. С. 418.
22. Плотникова А.А. Затмение // Славянские древности Т.2. М., 1999. С. 277.
23. Там же.
24. Левкиевская Е.Е. Низшая мифология славян. С. 191
25. См.: Гура А.В. Волк // Славянские древности Т.2. С. 411.
26. Там же.
27. Там же.
28. См.: Писаренко Ю.Г. Велес-Волос в язичницькому світогляді давньої Русі. Київ, 1997. С. 28.
29. Иванов В.В. Славянская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.2. М., 2000. С. 450.
30. Подр. см.: Писаренко Ю.Г. Указ. соч. С. 18-33.
31. Литовский демон *Velinas*, индийский Вала.
32. Топоров В.Н. Боги древних славян // Очерки истории культуры славян. С. 166.
33. Афанасьев А.Н. Указ. соч. С. 35.
34. Топоров В.Н. Указ. соч. С. 166.
35. Древнерусские княжеские жития / Сост. В.В. Кусков. М., 2001. С. 200.
36. ПСРЛ Т.2. С. 638.
37. Слово о полку Игореве. С. 266.
38. Там же. С. 256.
39. Плотникова А.А. Указ. соч. С.276-282.
40. Толстой Н.И. Язычество древних славян // Очерки истории культуры славян. С. 149.
41. Там же. С. 150.
42. Белова О.В., Толстая С.М. Луна // Славянские древности Т.3. М., 2004. С. 146.
43. Топоров В.Н. Указ. соч. С. 169.
44. Иванов В.В. Указ. соч. С. 450.
45. Палея... С. 50-51.
46. Там же. С. 32.

**УЧАСТИЕ СТРЕЛЕЦКОГО ВОЙСКА В БИТВЕ
У ДЕРЕВНИ МОЛОДИ В 1572 ГОДУ**
А.С. Кадира
**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается участие стрелецкого войска в одной из важнейших битв в русской истории XVI в. – битве у деревни Молоди. произошедшем между 29 июля и 2 августа 1572 г. в 50 верстах южнее Москвы. В этом сражении сошлись русские войска под предводительством воеводы князя Михаила Воротынского и 120-ти тысячная армия крымского хана Девлет-Гирея, включавшая помимо собственно крымских войск турецкие и ногайские отряды. Несмотря на значительное численное превосходство, турецко-крымская армия была обращена в бегство и почти полностью перебита. Эта победа стала переломным моментом в противостоянии Московского государства и Крымского ханства. Однако, несмотря на свое значение, Молодинское сражение до сих пор не изучено должным образом, в том числе нет детального описания характера действий московских стрельцов в этом сражении. В данной статье предпринимается попытка восполнить этот пробел в военной истории России.

Ключевые слова: Московское государство, Крымское ханство, Иван IV Грозный, Михаил Воротынский, Молодинская битва стрельцы.

**PARTICIPATION OF STRELETS TROOPS IN THE BATTLE
AT THE VILLAGE MOLODY IN 1572
A.S. Kadira
Belgorod National Research University**

The article considers the participation of Strelets troops in one of the most important battles in the Russian history of the XVI century - the battle near the village of juveniles. occurred between July 29 and August 2, 1572 50 miles south of Moscow. In this battle the Russian forces came together under the leadership of Prince Michael Vorotynsky governor and the 120-strong army of the Crimean Khan Devlet Giray, which included besides the CrimeanTurkish troops and the Nogai units. Despite a considerable numerical superiority, the Turkish-Crimean army was put to flight, and almost killed. This victory was a turning point in the confrontation of Muscovy and the Crimean Khanate. However, despite its importance, Molodinskoe battle has not yet been properly studied, including no detailed description of the nature of the actions of the Moscow musketeers in this battle. This article attempts to fill this gap in the study of military history of Russia.

Key words: Muscovy, the Crimean Khanate, Ivan the Terrible, Battle at the village Molody, duke Michael Vorotynsky, streltsy.

Молодинское сражение 1572 г. - важный этап в истории борьбы России с Крымским ханством в XVI в. Русское государство, занятое в это время Ливонской войной, т.е. борьбой с блоком европейских держав (Швеция, Дания, Польшо-Литовское государство), вынуждено было одновременно отражать натиск совместных турецко-татарских нападений. Из 24 лет Ливонской войны 21 год был отмечен нападениями крымских татар. В кон. 60-х – 1-й пол. 70-х гг. набеги крымцев на Россию резко усилились. В 1569 г. по турецкой инициативе была предпринята попытка захватить Астрахань, окончившаяся полной неудачей¹.

Одно из самых страшных татарских нашествий на Россию произошло в 1571 г. В свой самый успешный поход на Русь выступил крымский хан Девлет-Гирей, знавший от пленных и перебежчиков о бедствиях, обрушившихся на Московское государство: эпидемии и «меженине» (засухе), о продолжающейся войне в Ливонии и о сосредоточении немногочисленных русских полков лишь на «перелазах» (переправах) через Оку в районе Коломны и Серпухова. Первоначально хан собирался ограничиться набегом на козельские земли и повел войско к верховьям Оки. Форсировав эту реку через Быстрый брод татарская армия стала продвигаться к Болхову и Козельску. Но на «Злынском поле» хан принял предложение одного из перебежчиков белевского сына боярского Кудеяра Тишенкова идти к Москве. Изменник обещал хану провести крымское войско через неохраемые «перелазы» в верховьях реки Жиздры, там, где еще не ходило крымское войско. Этот обходной маневр стал для русских воевод полной неожиданностью. В середине мая 1571 г. 40-тысячная татарская армия в районе Перемышля перешла Жиздру и начала обходить расположение опричного войска с тыла, выдвигаясь в направлении Москвы².

В отечественной науке сложилось несколько устойчивых мифов об этом татарском нашествии. Так, А.А. Зимин, вслед за автором Пискаревского летописца, спутавшего маршруты движения крымского войска в 1571 и 1572 гг.³, полагал, что татарское войско в мае 1571 г. наступало на Москву через тульские места⁴. Версии Зимины противоречит Б.Н. Флоря, который утверждал, что Тишенков, явившийся с другими перебежчиками к стоявшему на «Злынском поле» хану, предложил ему перевести татарское войско через р. Оку. Злынское поле находится южнее Болхова уже за Окой, понятно, что изменник мог обещать провести татар лишь через лежавшую у них на пути Жиздру⁵. Внезапной атакой противник разгромил отряд царского кошевого воеводы Якова Федоровича Волынского. Только тогда Иван IV узнал об опасном прорыве вражеского войска и приближении татар к его стану. Опасаясь за свою жизнь, царь бежал с «берега» мимо Москвы в Ростов, собираясь ехать далее в Ярославль. Земские воеводы, получив сообщение о начавшемся вторжении, быстрым

маршем двинулись из Коломны к Москве, стараясь опередить направлявшуюся туда крымскую армию⁶. 23 мая русские войска подошли к столице, на один день опередив орды Девлет-Гирея. После первых стычек, закончившихся в пользу русских, Девлет-Гирей, остановившийся в селе Коломенском, послал 20 тыс. татар к стенам Москвы, приказав поджечь городские предместья. Благодаря поднявшемуся сильному ветру пламя из пригородных слобод перекинулось на город, за три часа выгоревший почти целиком⁷. От взрыва складированных в башнях Кремля и Китай-города запасов пороха сильно пострадали крепостные укрепления: «Да в ту же пору вырвало две стены городских: у Кремля пониже Фроловского мосту против Троицы, а другую в Китае против Земского двора; а было под ними зелия; ино и досталь людей побилло многих»⁸.

Во время пожара погибло множество москвичей. В числе задохнувшихся от дыма был большой воевода земской рати князь Иван Дмитриевич Бельский, - раненный в предыдущих боях он находился на своем дворе, попытался найти укрытие от огня в каменном погребе, где и погиб. Однако русские отряды, находившиеся «на лугах», прежде всего Передовой полк М.И. Воротынского, сохранили свою боеспособность. Поэтому 25 мая 1571 г., Девлет-Гирей повернул свои войска в направлении Каширы и Рязани, распустив часть отрядов в «войну», для захвата «полона». Вскоре, отягощенные добычей и огромным числом пленных, крымцы двинулись обратно. Возвращаясь в свои улусы, татары прошли через Рязанскую землю. Следовавший за отступающим неприятелем полк князя Михаила Ивановича Воротынского в силу своей малочисленности, не смог помешать противнику опустошить и разорить весь край.

15 июня 1571 г. к вернувшемуся в столицу Ивану IV прибыли крымские послы, передавшие ему послание от Девлет-Гирея, в котором хан в ультимативной форме требовал отдать свои «юрты» - Астрахань и Казань. Иван IV, понимая серьезную угрозу перспективе воссоздания на Волге мусульманских ханств, согласился на передачу крымскому хану Астрахани. Девлет-Гирей отказался идти на компромисс, а значит, возобновление войны стало неизбежным. Для нового похода на Русь крымский хан собрал более мощную группировку, доведя численность своих войск до 120 тыс. чел. В составе его армии, помимо собственно крымских татар, были ногайские и астраханские татары, а так же 7 тыс. турецких янычар и турецкая артиллерия. Как писал Московский летописец: «А по смете и по языком с царем и с царевичи и с нашею турских и крымских, и нагайских, и черкасских людей 150 000 и болыни; да вогненно бою было 20 000 янычаней»⁹. Девлет-Гирей не сомневался в успехе нового похода, самоуверенно расписав русские города и уезды между находившимися при нем мурзами. Очевидец и по его словам, участник кампании 1572 г., немец Генрих Штаден так характеризовал поведение Девлет-Гирея: «На следующий год, после того, как была сожжена Москва, опять пришел крымский царь полонить Русскую землю. Города и уезды Русской земли - все уже были расписаны и разделены между мурзами, бывшими при крымском царе; было определено - какой кто должен держать. При крымском царе было несколько знатных турок, которые должны были наблюдать за этим: они были посланы турецким султаном по желанию крымского царя. Крымский царь похвалялся перед турецким султаном, что он возьмет всю Русскую землю в течение года, великого князя пленником уведет в Крым и своими мурзами займет Русскую землю. Он дал своим купцам и многим другим грамоту, чтобы ездили они со своими товарами в Казань и Астрахань и торговали там беспопынно, ибо он цари и государь всея Руси...»¹⁰.

В Москве так же шла подготовка к новым сражениям. В апреле в Коломне прошел смотр набранного войска, во главе которого царь Иван поставил князя М.И. Воротынского. Общая численность его армии насчитывала 20 034 чел., а с боевыми холопами - 50 тыс. чел. Вместе с казаками и другими формированиями, привлеченными к обороне «берега» численность русских войск достигала 73 тыс. чел. Полки

были размещены в городах по Оке, вдоль которой были восстановлены старые укрепления. Об этих укреплениях в частности упоминает Генрих Штаден в своих записках: «Ока была укреплена более чем на 50 миль вдоль по берегу: один против другого были набиты два частокола в 4 фута высотой, один от другого на расстоянии 2 футов, и расстояние это между ними было заполнено землей, выкопанной за задним частоколом. Частоколы эти сооружались людьми князей и бояр с их поместий. Стрелки могли таким образом укрываться за обоими частоколами или шанцами и стрелять из-за них по татарам, когда те переплывали реку»¹¹.

Важным источником, характеризующим численность и состав московского войска являются полковая роспись берегового войска М.И. Воротынского, сражавшегося с крымцами летом 1572 г., которая содержит точные цифровые данные по всем пяти полкам с указанием состава всего войска (дворяне и дети боярские, стрельцы, казаки, иностранцы). Роспись показывает, что основной контингент русского войска, выступившего против огромной армии крымских татар, насчитывал немногим более 20 тыс. чел.¹² Также характеризуя роспись полковых воевод армии Воротынского, следует отметить следующий факт - впервые под единым командованием военачальника из «земщины» находились и земские, и опричные войска. Большой полк под командованием М.И. Воротынского и И.В. Шереметева встал в Серпухове; полк Правой руки Н.Р. Одоевского и Ф.В. Шереметева - в Тарусе; полклевой руки А.В. Репнина и П.И. Хворостинина - на Лопасне; Передовой полк А.П. Хованского и Д.И. Хворостинина - в Калуге; Сторожевой полк И.П. Шуйского и В.И. Умногo-Колычева — на Кашире. Воеводы «украинных» городов (Дедилова, Данкова, Орла, Новосили, Ряжска, Епифани, Шацка, Пловы и Соловы) получили приказ: при появлении врага с частью своих сил немедленно отойти назад, к Оке и соединиться здесь с главными силами, усилив их перед решающей схваткой с татарами. В полном составе остались лишь гарнизоны Михайлова, Зарайска и Одоева, находившиеся на самом опасном направлении. По росписи так же можно проследить и количественный состав стрельцов в московской армии. Так, согласно данным росписи, в Большом полку было 1 тыс. стрельцов, в полку Правой руки было 500 стрельцов, а Передовой полк - 535 стрельцов.

Несмотря на принятые меры, у Ивана Грозного не было полной уверенности в возможности русской армии остановить вторжение татар на Окском рубеже. Поэтому после апрельского смотра сосредоточенных в Коломне войск, он уехал в Новгород, куда зимой 1571/1572 гг. отправил 450 возов с государственной казной. В Новгороде царь написал духовную грамоту — завещание, отметив факт своего «скитания по странам» и изгнанничества «от бояр», которых он обвинял не только в самовольстве, но и в тайном пособничестве татарам.

К счастью, страхи царя оказались напрасными - нападение врага удалось отбить, несмотря на то, что и в этом году русские сторожи не смогли своевременно и точно сообщить своему командованию о приближении к рубежам крымских войск, узнать их численность и направление движения.

В 1572 г. Девлет-Гирей, полагаясь на многочисленность своей армии, шел прямо к главным «перелазам» через Оку. В ночь на 27 июля 1572 г. ногайский отряд мурзы Тербердея, шедший в авангарде крымских войск стремительным ударом сбил немногочисленную русскую заставу, прикрывавшую «Сенькин перевоз». Находившиеся на «берегу» 200 детей боярских отступили, а татары стали разрушать укрепления на московской стороне реки: «плетни ис подкопов выняли да перешли на сю сторону Оки реки»¹³. Другой неприятельский отряд, которым командовал Дивей-мурза овладел окским «перелазом» рядом с устьем реки Протвы, «против Дракина». Несмотря на захват второго плацдарма, главные силы татарской армии начали переправляться через «Сенькин брод».

Русские воеводы, находившиеся в Кашире (Сторожевой полк И.П. Шуйского и В.И. Умногo-Колычева) и Тарусе (полк Правой руки Никиты Романовича Одоевского

и Федора Васильевича Шереметева) не успели прикрыть эти переправы и помешать сосредоточению врага для решающего броска к Москве.

В ночь на 28 июля 1572 г., прорвавшаяся через окский рубеж, армия Девлет-Гирея по серпуховской дороге двинулась к Москве. В этот момент самым решительным образом действовал М.И. Воротынский. Находившийся под его командованием Большой полк, оставив позиции на «берегу» под Серпуховом, пошел к Москве, вслед за крымской армией, отрезая ей пути отступления. С флангов от Калуги, наперерез татарам шли Передовой полк А.П. Хованского и Д.И. Хворостинина, от Каширы - Сторожевой полк И.П. Шуйского и В.И. Умного-Колычева.

30 июля на реке Пахре у деревни Молоди, в 45 верстах от Москвы, Передовой полк А.П. Хованского и Д.И. Хворостинина настиг арьергардные отряды армии Девлет-Гирея и, атаковав, разгромил их. Встревоженный ударом русской конницы, крымский хан остановил наступление и начал отвод своих войск из-за Пахры. Пока же он направил против войск Хованского и Хворостинина находившийся при нем 12-тысячный отряд, вступивший в сражение с русскими дворянскими сотнями. Умело маневрирующий Передовой полк, отступая, подвел противника под удар подошедшего к месту боев Большого полка, укрепившего свои позиции спешно поставленным «гуляй-городом». Начавшись небольшими стычками, столкновение у Молодей переросло в большое сражение, от исхода которого зависела судьба всей войны¹⁴.

Под прикрытием ружейного и артиллерийского огня засевших в «гуляй-городе» стрельцов и немецких наемников, дворянские конные сотни контратаковали татар, затем снова отходили за линию щитовых укреплений, и вновь устремлялись на врага. Во время одной из атак попал в плен неосторожно приблизившийся к русским позициям татарский военачальник Дивей-мурза. Тогда же погиб ногайский мурза Тербердей. Вскоре сражение начало стихать, возобновившись через два дня, в течение которых происходили короткие столкновения конных разъездов. Получив известие о шедших к русским воеводам подкреплениях, Девлет-Гирей решил использовать последний шанс и повел свои войска в решительную атаку. 2 августа крымская армия штурмовала «гуляй-город», стремясь разгромить русских и отбить Дивея-мурзу. Татары шли вперед с отчаянной храбростью и, не боясь потерь. В упорном бою погибло до 3 тысяч русских стрельцов, защищавших подножие холма у Рожайки, понесла серьезные потери и русская конница, оборонявшая фланги. Но приступ был отбит - крымская конница не смогла взять укрепленную позицию. И тогда крымский хан принял неожиданное решение - он приказал коннице спешиться и атаковать «гуляй-город» в пешем строю совместно с янычарами¹⁵.

Во время ожесточенного сражения под стенами деревянной крепости, дождавшись, когда главные силы крымцев и турок втянутся в кровавую схватку за «гуляй-город», князь Воротынский незаметно вывел большой полк из укрепления, смог обойти неприятельскую армию, нанеся мощный удар с тыла. Одновременно противник был атакован находившимися в «гуляй-городе» отрядами русской и наемной немецкой пехоты, оставшимися там под командованием князя Дмитрия Ивановича Хворостинина и командира немецких наемников Фаренсбаха¹⁶. Не выдержав двойного удара русских войск, татары отступили, понеся в последних боях колоссальные потери. Среди погибших оказались сыновья хана Девлет-Гирея; при штурме «гуляй-города» полегла турецкая янычарская пехота. В ночь на 3 августа крымская армия поспешно отступила на юг, преследуемая русскими отрядами. Стараясь оторваться от погони, Девлет-Гирей выставил несколько заслонов, которые были уничтожены русскими. Из огромной армии, перешедшей в июле 1572 г. русскую границу, в Крым вернулось около 20 тыс. чел.¹⁷

Победа при Молодах, и возникшая вскоре война между Османской империей и Персией на время приостановили крымскую и турецкую агрессию. Русскую границу продолжали тревожить лишь небольшие татарские набеги. Такие нападения про-

изошли и в 1573, и в 1574 гг. Совершены они были исключительно с грабительскими целями. По своим масштабам эти набеги не шли ни в какое сравнение с нападениями прошлых лет.

Характеризуя действия стрельцов в Молодинской битве, следует отметить тот факт, что в этом сражении они показали свое умение вести огонь из пищалей, находясь в укрытии - полосе укреплений по Оке и «гуляй-городе» и пользуясь этими укреплениями наносить потери противнику. Кроме того, стрельцы в очередной раз показали свое умение взаимодействовать с другими родами войск, в частности с дворянской конницей и казаками, а с наемной немецкой пехотой, что во многом определило успешный исход сражения.

Примечания

1. Буганов В.И. *Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. №4. 1959. С. 167.*
2. Волков В.А. *Войны и войска Московского государства. М., 2011. С. 219.*
3. Пискаревский летописец // ПСРЛ, Т.34. М., 1978. С. 31.
4. Зимин А.А. *Опричнина Ивана Грозного. М., 1978. С. 452.*
5. Флоря Б.Н. *Иван Грозный. М., 1999. С. 264.*
6. Волков В.А. *Указ. соч. С. 220.*
7. *Там же. С. 222.*
8. Пискаревский летописец // ПСРЛ, Т.34. М., 1978. С. 221.
9. *Московский летописец // ПСРЛ, Т.34. М., 1978. С. 224.*
10. Штаден. Г.О *Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М, 1925. Л., 1925. С. 124.*
11. *Полковая роспись «берегового» войска // Документы о сражении при Молодях. С. 174.*
12. Штаден. Г. *Указ соч. С. 127.*
13. *Записи Разрядной книги «береговой службы» и отражении нашествия крымских татар в 1572 г. // Документы о сражении при Молодях. С. 179.*
14. Волков В.А. *Указ. соч. С. 223.*
15. *Там же. С. 224.*
16. Володихин Д.М. *Воеводы Ивана Грозного. М., 2009. С. 22.*
17. *Там же. С. 23.*

О НАЧАЛЕ ПРОИЗВОДСТВА ТУЛЬСКОГО ОРУЖИЯ

**Кастури Араччиге Амила Сурат Малрену Кастуриратна
Тульский государственный педагогический университет им.
Л.Н.Толстого. Государственный университет Келания, Шри-Ланка**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с историей появления первого тульского оружия. Делается вывод о гораздо более раннем начале производства оружия в Туле, чем это зафиксировано в письменных источниках. Исходя из археологических данных, появление первого тульского оружия, скорее всего, было связано непосредственно с возникновением Тулы в 1508 г.

Ключевые слова: оружие, кремль, оружейник.

BEGINNING OF THE TULA ARMS PRODUCTIONS

**Kasthuri Arachchige Amila Surath Malrenu Kasthurirathna
Tula State L.N. Tolstoy Pedagogical University
Kelania State University, Sri Lanka**

The article deals with the problem of the beginning of first Tula arms production. A conclusion is drawn about earlier time of this production if to compare with the data of written sources. According to archeological data, the appearance of the first Tula arms, most probably was connected immediately with the appearance of the city in 1508.

Key words: arms, kremlin, armorer.

Современная Тула, изначально как стратегическая крепость на южной Украине Московского государства, была возведена между 1508 и 1520 гг. Уже через несколько десятилетий Тула превратилась в центральное звено всех украинских городов Большой засечной черты, став серьезным щитом Москвы от посягательств Крымского ханства и Литовского княжества¹.

К сожалению, начальный период истории Тулы слабо отражен в письменных источниках. Даже самая ранняя из Писцовых книг не содержит сведений, предшествующих концу 80-х гг. XVI в. Таким образом, почти 70 лет тульской истории остаются для нас «белым пятном», в том числе и начало производства тульского оружия. Это вызывает особую актуальность, в связи с широкой известностью Тулы, как кузницы русского оружия². На основе комплексного подхода к письменным и археологическим свидетельствам, используя метод источникового анализа, можно несколько уточнить время и обстоятельства возникновения производства оружия в Туле.

Начнем с того, что писцовая книга г. Тулы 1587-1589 гг. уже знает 14 посадских и двух казенных оружейников³. Упоминаются тульские оружейники и в царской грамоте 1595 г., на которую часто ссылаются в краеведческой литературе: «велено, их кузнецов, устроить в Туле за острогом особою слободою, а ни каким людям, опричь их, кузнецов, не жить, и к посаду ни в какие подати и ни в какие земские службы от них, кузнецов, выбирать не велено»⁴. Исходя из данного сообщения, историю сословия казенных оружейников обычно начинают с 1595 г., когда в ответ на челобитье кузнецов и пожаловал данный указ царя Федора Ивановича⁵. Несмотря на критику грамоты 1595 г., которая не дошла до нас в подлиннике, а сохранилась только в виде «отраженного акта» в тексте одной из грамот 1696 г., никто из ученых не оспаривает факта существования в это время в Туле оружейников⁶. Для нашей темы исследования не важно, как они называются в грамоте: просто кузнецами, казенными кузнецами или даже оброчными⁷. Главное, что в это время производство оружия в Туле существовало не от случая к случаю, а на уровне сложившегося сословия, активно выступающего за свои права.

Все вышесказанное подтверждают и документы 1-й пол. XVII в. Так, сразу после бурных событий смутного времени тульские кузнецы, ствольники, замочники и ложечники Федотка Федосеев и Якунко Пушкин с товарищами обращаются к царю Михаилу Романову с челобитьем, ссылаясь на то, что «делают-де они на Туле самопальное дело день и ночь беспрестанно», и надо их освободить от посадского тягла, в котором они «наперед, сего не были»⁸. Это дает основание предполагать, что еще до событий смутного времени тульские оружейники находились на положении привилегированных беломестцев, то есть людей, освобожденных от посадского тягла. В челобитной самопального мастера Потапко Полуэктова 1622 г., уже упоминается «на Туле за рекою Упою казенная слобода», с которой оружейники платят десять рублей оброка⁹.

Все эти данные косвенно свидетельствуют о том, что производство оружия в Туле возникло гораздо раньше, чем это засвидетельствовано в письменных источниках. Ведь разобранные нами документы фиксируют уже сложившееся сословие оружейников. Но такое сословие складывается постепенно в ходе длительной борьбы за свои привилегии, за свою феодально-сословную обособленность¹⁰. Но когда же именно возникло производство тульского оружия? При отсутствии письменных свидетельств, ответить на этот вопрос может только археология. Однако территория древней Тулы (которая в 1-й пол. XVI в. не имела посада и фактически была ограничена стенами кремля), обследовалась археологами лишь фрагментарно и довольно ограниченными площадями. В 1935 г. небольшие по площади раскопки провел К.Я. Виноградов¹¹. В 1978-1982 гг. в рамках работ по реставрации кремля археологами «Союзспецреставрации» В.А. Буровым и А.П. Вареновым были проведены раскопки

территории кремля в восточной и центральной его части¹². Археологическое исследование Тульского кремля в 1988-92 гг. продолжил А.Н. Наумов¹³.

К сожалению, при довольно значительной коллекции находок, обнаруженных во время этих раскопок, слои XVI в., которые отражают самый ранний период функционирования кремля как исторического ядра города Тулы, либо не сохранились, либо были представлены весьма фрагментарно. В основном они были уничтожены более поздними напластованиями и проложенными позднее через территорию кремля коммуникациями. Тем ценнее выглядят раскопки Ю.Г. Екимова 1999-2000 гг. на участке фундамента несохранившейся колокольни XVIII в., которая фактически законсервировала культурные напластования предшествующего времени. Более того, строительная деятельность XIX - нач. XX вв. и прокладка многочисленных коммуникаций в сер. – 2-й пол. XX в. практически не затронули этот участок¹⁴. Любопытно, что на уровне второго горизонта, который Ю.Г. Екимов, датирует сер. XVI – нач.-1-й четв. XVII в.¹⁵, был выявлен металлургический горн со следами теплотехнического сооружения в виде площадки прокаленной глины (2,5x1,7м) толщиной 5-8 см. По словам руководителя раскопок, ее вверх был покрыт слоем прикипевшей к глине мелкодисперсной угольной пыли, шлаковыми включениями, кусочками древесного угля. Вокруг глинистой площадки залегал перемешанный с древесным углем слой крупных и мелких кусков железного шлака. Здесь же были обнаружены разрубленные куски губчатого железа, отдельные куски железной руды, фрагменты керамического сопла, обугленные кости животных. Кузнечный горн явно предназначался как для кузнечных операций, так и для вторичной обработки полуфабрикатов железа и готовых изделий. Любопытно, что, судя по неоднократному обнаружению в процессе раскопок фрагментов сильно ошлакованных керамических сосудов с кусками прикипевшего к их стенкам железа, для этой цели использовался муфельный способ¹⁶. О предметах производства данного комплекса, красноречиво свидетельствуют, обнаруженные здесь же, боевой черешковый топор с прикипевшими к нему кусочками шлака и наконечник стрелы-полуфабрикат с незавершенной проковкой пера и отсутствием заточки режущих кромок¹⁷. По мнению Ю.Г. Екимова, из-за малого количества обнаруженных керамических сопел и отсутствия специализированного инвентаря, металлургическое производство в Туле, в данное время, носило эпизодический и кратковременный характер и было связано с одной из осад, когда потребовалось изготовление и ремонт оружия¹⁸. Но так ли это?

Центром оружейного производства в России в интересующее нас время была московская Оружейная палата созданная Иваном III в 1485 г. Именно здесь изготавливали, хранили и закупали оружие¹⁹. Однако на Украине в Туле было неспокойно. Набег крымских татар упоминается уже в 1514 г., когда только разворачивалось строительство каменной крепости²⁰, не говоря уж про последующие годы (например, только с 1530 по 1541 гг. зафиксировано 14 набегов крымских татар на Тулу)²¹. При этом караванный путь от Москвы до Тулы при хороших погодных условиях длился 7-10 дней. Дорога была достаточно опасной. Обозы на ней часто встречали и разбивали просочившиеся через засеки отряды татар. Очевидно, что для обеспечения вооруженных сил украинских городов (объединенных в 1573 г. в Украинный разряд)²², и в первую очередь их центр Тулу, необходимым количеством оружия, надо было организовать его производство и ремонт на месте. До сер. 80-х гг. XVI в. общее количество воинов Украинного разряда, к которому в первую очередь относятся служилые города и ратные люди Тулы, Михайлова, Донкова, Дедилова, Ряжска, Новосия, Мценска, Орла, было не так уж и мало. По современным подсчетам оно составляло, по меньшей мере, 10-12 тыс. чел.²³

Несомненно, что производство оружия, это технологически сложный и многоэтапный процесс. Для его организации необходимы как профессиональные кузнецы-оружейники, так и достаточное количество сырья. Тула всегда славилась залежами железной руды, но она не добывалась непосредственно на территории кремля,

в пойме реки Упы. Первый металлургический завод на территории Тульского края был построен в 1632 г. голландским купцом Виниусом в 15 км от Тулы на реке Тулицы. Но даже в этот район руда, большей частью доставлялась из древних дедиловских копей, на реке Олене, в 5 км от Дедилова²⁴.

Наличие 163 кусков железного шлака в самой крепости, на уровне слоя сер. XVI – нач. XVII вв.²⁵ (вокруг только кузнечного горна выявлен железный шлак общим весом 70 кг)²⁶ говорит о том, что система доставки железной руды в Тулу была налажена до возможного наступления периода дестабилизации в регионе. Во время неожиданной осады города, когда нельзя выйти за стены кремля, организовать оружейную мастерскую невозможно.

По нашему мнению, производство оружия в центре украинских городов должно было начаться одновременно с возведением здесь сначала деревянной, а потом и каменной крепости. Во всяком случае к 40-м гг. XVI в., когда началось масштабное строительство фортификационных сооружений (деревянного острога перед кремлем и возведение засечной черты)²⁷, производство оружия в Туле должно было осуществляться уже на достаточно высоком уровне. Возможно, именно этот этап истории тульского оружия отражает обнаруженный в слое 2 горизонта, кузнечный горн. Однако не исключено, что многие из выявленных в раннем слое предметов вооружения²⁸, также имеют тульское происхождение. Представляется, что окончательную точку в этом вопросе может поставить только продолжение археологических исследований.

Примечания:

1. Гриценко В.П., Наумов А.Н. Древняя Тула. Проблемы локализации и истории // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2003. Вып.2. С. 10; Фомин К.Н. Старая Тула (XVI-начало XIX вв.) // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2004. Вып. 3. С. 6-7; Харитонов К.С. Татарские набеги на Тульский край в конце XV-XVII вв. // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула 1996. С. 34-35.
2. Ашурков В.Н. Избранное: История Тульского края. Тула, 2003. С. 337.
3. Писцовые книги XVI века. СПб., 1877; Ашурков В.Н. Ук. соч. С. 8.
4. Сахаров И. История общественных образований Тульской губернии. М., 1832. Ч.1. С. 159.
5. Гамель И.Х. Описание Тульского оружейного завода в методическом и техническом отношении. М., 1826. С. 14; Афремов И. Историческое обозрение Тульской губернии М., 1850. С. 179-180.
6. Ашурков В.Н. Указ. соч. С. 8.
7. Сахаров И. Указ. соч. С. 159, 162, 166, 173, 181.
8. Там же. С. 38-39.
9. Там же. С. 39-40.
10. Ашурков В.Н. Указ. соч. С. 9.
11. Виноградов К.Я. Отчет о раскопках в Тульском кремле // АИИМК РАН. Ф.2. Оп.1. М., 1935.
12. Буров В.А. Раскопки в Тульском кремле // АО. 1978. М., 1979. С. 51; Варенов А.Б. Исследования Тульского кремля // АО. 1980. М., 1981. С. 43; Буров В.А. Раскопки в Тульском кремле // АО. 1982. М., 1984. С. 47.
13. Наумов А.Н. Отчет об археологических исследованиях на территории Тульского кремля в 1988 г. // АИА РАН. Р-1. №12864; Он же. Отчет об археологических исследованиях на территории Тульского кремля в 1991 г. // АИА РАН. Р-1. №17196; Он же. Отчет об археологических исследованиях на территории Тульского кремля в 1992 г. // АИА РАН. Р-1. №17178.
14. Екимов Ю.Г. Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999-2000 гг. (раскоп 1) // Позднесредневековый город: археология и история. Тула, 2007. Ч.1. С. 66-68.
15. Там же. С. 73-74.
16. Там же. С. 84.
17. Там же.

18. Там же.
19. Чуднов Г.М., Сотников М.А., Будаева Л.П., Жуков А.И., Кириленко Ю.П. Мы – с Тульского оружейного. Тульскому оружейному заводу - 275 лет. Тула, 1987. С. 5.
20. Гриценко В.П., Наумов А.Н. Указ. соч. С. 9.
21. Присенко Г.П. Главные события истории Тульского края и города Тулы с древнейших времен до середины XIX века в фундаментальных исследованиях местных авторов // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2003. Вып.1. С. 23.
22. Папков А.И. Эволюция вооруженных сил юга России (XVI-XVIII вв.) // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 335.
23. Пенской В.В., Пенская Т.М. «Людность» Украинного разряда и ее изменение в последней четверти XVI – начале XVII в. // Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Белгород, 2009. С. 356-357.
24. Афремов И.Ф. История Тульского края. Тула, 2002. С. 123-124.
25. Екимов Ю.Г. Ук. соч. С. 83.
26. Там же. С. 84.
27. Фомин К.Н. Указ. соч. С. 7-9.
28. Екимов Ю.Г. Указ. соч. С. 88.

**ФОРМИРОВАНИЕ НЕГАТИВНЫХ СТЕРЕОТИПОВ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О РУССКОМ НАРОДЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПИСОК
ИНОСТРАНЦЕВ, ПОСЕЩАВШИХ РУСЬ В XVI в.
С.С. Кириллов
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В данной статье делается попытка определить истоки формирования в сознании европейцев негативного мифа о русском народе. По нашему мнению, этот миф берет свое начало в описаниях Руси, сделанных иностранными путешественниками в XVI в. Были проанализированы работы иностранцев, ставшие наиболее популярными в Европе, и оказавшие наибольшее влияние на представления европейцев о русских.

Ключевые слова: стереотип, Русь, русские, иностранцы, миф.

**FORMATION OF NEGATIVE STEREOTYPES IN REPRESENTATIONS
ABOUT THE RUSSIAN PEOPLE ON THE MATERIALS OF NOTES
OF THE FOREIGNERS, WHO VISITED RUSSIA IN THE XVI CENTURY
S.S. Kirillov
Belgorod National Research University**

In this paper an attempt is made to determine the origins of the negative myths about the Russian people in the mind of europeans. In our opinion, this myth has its origins in the descriptions of Russia, which made by foreign travelers in the XVI. Analyzed the work of foreigners, who became the most popular in Europe and had the greatest impact on the views of Europeans on the Russian people.

Key words: stereotype, Russ, Russian, foreigners, myth.

Иностранные источники являются очень важным средством получения исторических знаний, поскольку в них содержится взгляд на страну со стороны, с другой точки зрения. Но очень часто иностранцы в силу различных причин дают описания страны в искаженном виде. В итоге же формируется миф о стране. Такой антироссийский миф был сформирован европейскими путешественниками, посетившими Московию в XVI в. При чем, он так прочно укрепился в сознании европейцев, что и авторы последующих веков повторяли и тиражировали его. Но если пристально посмотреть на работы этих иностранцев, то выяснится, что все не столь однозначно. Во-первых, потому, что во всех работах встречаются не только негативные, но и по-

зитивные оценки. Во-вторых, оценки эти носят зачастую противоречивый и, даже, взаимоисключающий характер. Для того, чтобы убедиться в этом мы в хронологическом порядке рассмотрим работы главных создателей черного мифа о Московии.

Сигизмунд Герберштейн.

В России барон Герберштейн, дипломат и путешественник, крупный государственный деятель, он выполнял деликатные поручения императора Максимилиана I. Император хотел, чтобы великий князь Василий III Иванович передал Смоленскую землю польскому королю, а потом выступил против Турции вместе с Польшей и Священной Римской империей германской нации. Герберштейн дважды был в Московии в роли собственно официального посла: в 1517 и в 1526 гг. Обе его миссии, естественно, не увенчались успехом¹.

В 1549 г. Герберштейн выпустил книгу «Записки о московитских делах». Основная часть посвящена землеописанию России: ее городов, торговых путей, сел, рек. Тут же описываются экономика, быт, религия страны, поведение русских, дается краткое изложение русской истории.

Герберштейн первым, как считается, писал о том, что русские патологически нечестны и не способны порядочно вести дела. Они не умеют работать, и все время пытаются что-нибудь выклянчить или украсть. В торговле они тоже нечестны, лживы, коварны и всегда пытаются обмануть покупателя и продавца. К тому же они пьяницы и безответственные люди, им нельзя доверять совершенно ни в чем².

Папский нунций в Польше Альберто Кампенезе в Московии не бывал. Но он использовал отзывы многих людей – в основном выходцев из Польши, а также своих отца и брата³. В нач. XVI в. отношения Польши и Руси оставались очень напряженными. Поляки практически не рассказывали ничего хорошего о русских. Докладывая Папе о своих впечатлениях, Кампенезе сообщает: русские не умеют и не любят работать, они лживы и вечно пьяны. Одновременно, правда, пишет и о том, что у русских в стране полное изобилие товаров, продовольствия, золотых и серебряных денег – больше, чем в других странах. Он пишет о языческих «суевериях» и «сказочных представлениях» русских – и тут же о высоком уровне бытовой морали и честности в делах⁴.

Антонио Поссевино, XVI в.

А. Поссевино родился в Мантуе, вступил в Общество иезуитов в 1559 г. и сделал в нем блестящую карьеру. С 1572 по 1578 г. – секретарь Генерального Настоятеля

Общества. В 1579 г. Поссевино впервые прибыл в столицу Великого княжества Литовского и Русского город Вильно с дипломатическим поручением. В 1581–1582 гг. Поссевино исполнял дипломатическую миссию в Московии: папский престол рассчитывал склонить Русь к Унии с католицизмом. В августе 1581 г. в Старице он встретился с Иваном Грозным, оттуда поехал в Псков для организации переговоров с поляками. С 13 декабря 1581 г. по 15 января 1582 г. Поссевино вел российско-польские переговоры и составлял протоколы заседаний. 14 февраля 1582 г. Поссевино второй раз пересекает русскую границу и прибывает в Москву. Здесь он опять пытается склонить Ивана Грозного к Унии и опять безрезультатно. Он написал знаменитые сочинения: «Московия», «Московское посольство» и «Ливония»⁵.

Поссевино сетовал на полуязыческую веру русских, – по его мнению, именно она мешает им стать до конца хорошими людьми. Это, утверждал Поссевино, все из-за православия: тиранство в государстве и в семьях, повальное пьянство, воровство, невежество, зазнайство⁶.

Альберт Шлихтинг.

В 1570 г. Папа Пий V и Венецианская республика вознамерились привлечь московского царя к антитурецкой лиге. Посредником между Папой и республикой, с одной стороны, и Иваном IV, с другой, был избран польский нунций Портико. Одновременно Портико должен был вести переговоры о примирении Москвы с Польшей. Польский король Сигизмунд II Август не имел ничего против посредника, но сильно

боялся, как бы не завязалась между Москвой и папской курией дружба, вредная для интересов Польши⁷.

И тут, очень вовремя, в Польше оказался некий Альберт Шлихтинг, недавно бежавший из московского плена. Немецкий дворянин из Померании, А. Шлихтинг (годы рождения и смерти неизвестны) в Москве далеко не бедствовал. Зная русский и латынь, он устроился в качестве слуги и переводчика к некому «итальянскому врачу», лечившему самого царя Ивана IV. Вероятно, имеется ввиду А. Лензей. Сам Шлихтинг на себе никаких неприятностей не испытал, и, в конце концов, сам его хозяин помог ему уехать из Москвы. Но о Московии, ее нравах Шлихтинг рассказывал такие ужасы, что король захотел с ним лично познакомиться. А познакомившись, попросил записать все, что Шлихтинг знает о Московии. Назывался документ «Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича»⁸. В записках Шлихтинга нет никаких политических обобщений, никаких заключений – что именно делалось и для чего. Просто перечисление пыток и казней, такой средневековый фильм ужасов. Цифры убитых и умерших под пытками он называет такие, что если их сложить, получится больше миллиона человек.

Интересно, что тексты Шлихтинга на немецком и латинском языках различаются. Свое латинское сказание Шлихтинг завершает торжественным заверением: «То, что я пишу вашему королевскому величеству, я видел сам собственными глазами содеянным в городе Москве. А то, что происходит в других больших и малых городах, едва могло бы уместиться в (целых) томах». В немецкой записи тон куда менее решителен: «То, что я только что описал вашему королевскому величеству... не выдуманно, Бог тому свидетель, что я все это отчасти сам видел и слышал»⁹.

Естественно, нунцию вручили текст на латыни, вежливо переведенный для ознакомления и для доклада в Ватикане. В Ватикане творение Шлихтинга произвело сильное впечатление. В итоге нунций Портико получил от Папы следующую инструкцию: «Мы ознакомились с тем, что вы сообщали нам о московском государе; не хлопчите более и прекратите сборы. Если бы сам король польский стал теперь одобрять нашу поездку в Москву и содействовать ей, даже и в этом случае мы не хотим вступать в общение с такими варварами и дикарями»¹⁰. Таким образом, всякая мысль о переговорах с Московией была оставлена.

Шлихтинг называет себя военным: дворянское происхождение заставляет его горячо сочувствовать боярству, преследуемому Грозным. Но само свирепствование «тирана» и его опричников находит, по его мнению, объяснение, главным образом, в дурном нраве русских.

«Московитам врожденно какое-то зложелательство, в силу которого у них вошло в обычай взаимно обвинять и клеветать друг на друга перед тираном и пылать ненавистью один к другому, так что они убивают себя взаимной клеветой. А тирану все это любо, и он никого не слушает охотнее, как доносчиков и клеветников, не заботясь, лживы они или правдивы, лишь бы только иметь удобный случай для гибели людей, хотя бы многим и в голову не приходило о взведенных на них обвинениях»¹¹.

Генрих Штаден, XVI в.

Генрих Штаден родился ок. 1542 г. в городке Ален (Вестфалия). Активный юноша нанимается в полуразбойничий отряд, идущий в Ливонию. Как он служил в немецкой Ливонии, мы не знаем, но по его собственным словам, «бежал под страхом виселицы». Бежит он своеобразно: предлагает свою службу русскому царю. Приняли его в Московии более чем хорошо, даже дали имение¹².

Штаден откровенно рассказывает об этом в связи с походом Ивана IV на Новгород: «Тут начал я брать к себе всякого рода слуг, особенно же тех, которые были наги и босы; одел их. Им это пришлось по вкусу. А дальше я начал свои собственные походы и повел своих людей назад внутрь страны по другой дороге. За это мои люди оставались верны мне. Всякий раз, когда они забирали кого-нибудь в полон, то рас-

спрашивали честью, где – по монастырям, церквям или подворьям – можно было бы забрать денег и добра, и особенно добрых коней. Если же взятый в плен не хотел добром отвечать, то они пытали его, пока он не признавался. Так добывали они мне деньги и добро»¹³.

В книге о Московии Штаден пишет обвинительный акт против московского царя. «Описание страны и правления московитов» и автобиография Штадена составляют как бы приложение к военно-политическому плану и предназначены для того, чтобы осветить слабые пункты московской политики и доказать негодность строя, основанного якобы на голой жестокости и на ограблении правителем своих собственных подданных¹⁴. Избегая называть Ивана IV царем и применяя к нему только прежний титул великого князя, Штаден старается возбудить против него общественное мнение в Европе. Это своего рода подстрекательство государей и всего дворянства к борьбе против восточных «нехристей».

Джером Горсей, кон. XVI – нач. XVII в.

Джером Горсей – из «нового английского дворянства», не брезговавшего торговыми делами. Горсей жил в России в 1573–1591 гг. Он управлял конторой Московской компании, его лично знал и привечал царь. В 1580 г. Горсей доставил в Россию порох, медь и другие припасы, необходимые для ведения Ливонской войны. Горсей приумножил в России немалое наследственное состояние. Вернувшись в Англию, получил рыцарское звание и избирался в парламент¹⁵.

Тем не менее, он редко называл Россию иначе, чем «долиной печали» или «областью скорби». И постоянно упоминал, что жизнь в России безмерно трудна, жестока, полна лишений и всяческих ужасов. Порой Горсей сообщает вовсе уж фантастические сведения. Скажем, о походе опричников на Новгород он пишет, что московиты убили в Новгороде 700 тысяч человек¹⁶.

Книги всех этих авторов стали основой для черного антирусского мифа. Но в самих этих работах имеются противоречия. Заключаются они в том, что в них встречаются и позитивные оценки. Причем эти противоречащие друг другу оценки даются порой в одном и том же сочинении. Альберто Кампенезе, например, писал о том, что русские ленивы... А через несколько страниц: «Московия весьма богата монетою, добываемую больше через попечительство государей, нежели через посредничество рудников, в которых, впрочем, нет недостатка, ибо ежегодно привозится туда со всех концов Европы множество денег за товары, не имеющие для москвитян почти никакой ценности, но стоящие весьма дорого в наших краях»¹⁷.

Сигизмунд Герберштейн утверждал: «Народ в Московии, как говорят, гораздо хитрее и лукавее всех прочих и в особенности вероломен при исполнении обязательств»¹⁸. Это высказывание перекочевало затем в отчеты некоторых других заморских посланцев.

Однако совсем иное мнение о жителях Московии выражает несколько лет спустя итальянец Альберто Кампенезе: «Обмануть друг друга почитается у них ужасным, гнусным преступлением, а о клятвопреступлении и богохульстве и вовсе не слышно»¹⁹.

Таким образом, даже эти книги вышеперечисленных авторов, в принципе, нельзя считать абсолютно негативом, только для этого нужно читать их работы целиком. Как правило, эти противоречия, взаимоисключения не принимались в расчет другими иностранцами, посещавшими нашу страну. И негативные мифы находили «подтверждения» в каждом новом описании. Таким образом, бытовые мифы подкреплялись поверхностными сторонними наблюдениями большого числа путешественников.

Ярким примером этому служит Джильс Флетчер. Флетчер учился в Кембриджском университете. Ездил с дипломатическими поручениями в Шотландию, Германию, Нидерланды. В 1588 г. был послан в Москву для поддержания перед русским правительством ходатайства англо-московской компании о монополии на тор-

говлю с северорусскими портами. Кроме того, один из агентов компании, некий Мерш, наделал в России у казны и частных лиц личных долгов от имени компании. Посольство Флетчера оказалось совсем неудачно, причем по его собственной вине. На первой же аудиенции у царя Флетчер вступил в нелепые для дипломата пререкания о царском титуле: он не пожелал прочитать его целиком, чтобы не признавать Ивана царем (а не только Великим князем). Подарки, присланные с Флетчером от королевы Елизаветы царю и Годунову, были найдены неудовлетворительными. В результате Флетчера приняли сухо, не пригласили его к царскому столу и для ведения с ним дел назначили дьяка А. Щелкалова. Дьяк же сам был одной из «жертв» упомянутого жулика Мерша и имел личные счета с англичанами. В итоге в даровании компании монополии Флетчеру было отказано. Более того: у компании было отнято право беспошлинной торговли в пределах России. По делу Мерша часть предъявленных долговых претензий была начтена на компанию²⁰.

В 1591 г. Джилльс Флетчер издал книгу о России, а затем сочинение о татарах. Его сочинение о России имело странную судьбу: книгу старалась уничтожить сама торговая компания, в которой служил Флетчер, убоявшись, что распространение этой книги окончательно восстановит против компании русское правительство. Видимо, понимали, что многое в ней оскорбительно. Управление, общественный быт и народные нравы, даже природу России Флетчер изображал самыми мрачными красками²¹.

При составлении своего труда Флетчер открыто пользовался показаниями Горсея. Встречаются в его книге и моменты, позволяющие предположить, что читал он и Герберштейна, тем более что книга последнего была очень популярна в Европе. Невольно возникает мысль о том, что по большому счету он заранее знал, что увидит. То есть приехал уже с предубеждением. А явилось оно результатом уже сформированного его предшественниками антироссийского мифа.

Примечания:

1. Герберштейн // Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1963. Т.IV. Стб. 256.
2. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Издательство МГУ, 1988. С. 122.
3. Кампенезе // Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1963. Т.VI. Стб. 922.
4. Кампенезе А. Письмо к Папе Клименту VII о делах Московии. Киев, 1993. С. 17.
5. Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в Москве: (сборник). / сост. И.В. Курукина. М.: Аграф, 2005. 256 с.
6. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М.: Издательство МГУ, 1983. С. 25.
7. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV-XVI вв. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 313.
8. Шлихтинг // Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1963. Т.XVI. Стб. 296.
9. Новое известие о времени Ивана Грозного. Л. Издательство АН СССР. 1934. С.9.
10. Там же. С.10.
11. Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1935. С. 13.
12. Штаден // Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1963. Т.XVI. Стб. 344.
13. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1925. С. 32.
14. Там же. С.5.
15. Горсей // Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1963. Т.IV. Стб. 598-599.
16. Джером Горсей. Записки о России XVI-начало XVII. М.: Издательство МГУ. 1991. С. 55.

17. Кампенезе А. Письмо к Папе Клименту VII о делах Московии. Киев, 1993. С. 32.
18. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Издательство МГУ, 1988. С. 133.
19. Кампенезе А. Письмо к Папе Клименту VII о делах Московии. Киев, 1993. С. 34.
20. Рогожин Н.М. Проезжая по Московии. М.: Международные отношения, 1991. С.

7-8.

21. Дж. Флетчер. О государстве русском. М.: Захаров, 2002.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ПОЛОЖЕНИЕ ДВОРЯНСТВА В СВЕТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

К.В. Еремина

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

В данной статье рассматривается законодательная деятельность императора Павла I относительно дворянства. Анализируются как поощрительные меры, так и «штрафные санкции». На основе этого автор стремится определить то место, которое отводил Павел благородному сословию.

Ключевые слова: дворянство, Павел I, закон, служба, привилегия.

THE STATUS OF NOBILITY IN THE LIGHT OF THE EMPEROR PAUL I' LAW

K.V. Yeryemina

V.N. Karazin Kharkiv National University

This paper considers the legislation of the Emperor Paul I towards the nobility. There are analyzed both encouraging arrangements and «punitive measures». Thereupon the author tends to define the place, which Paul I assigned to the noble estate.

Key words: the nobility, Paul I, law, service, privilege.

Павел I – неординарная фигура в истории России и, прежде всего в истории политико-правовой мысли и государственного управления. Несмотря на то, что личность и деятельность императора в последнее время всё больше привлекает исследователей, всё чаще подвергаются критике сложившиеся вокруг него стереотипы, политические взгляды этого государственного деятеля остаются слабоизученными.

Политика Павла I в отношении дворянства требует особенно тщательного изучения и переосмысления, так как представители именно этого сословия в большинстве своём являлись главными противниками преобразований императора, ставя ему в пример деятельность Екатерины II. По этой причине особенно важно проследить, насколько соответствовали представления Павла Петровича об идеальном государственном устройстве реалиям екатерининского времени, какое место он отводил дворянам в общей картине жизни империи, и каким изменениям подверглись права и обязанности благородного сословия в годы его правления.

В политической доктрине и деятельности императора Павла I можно выделить следующие принципы власти, имеющие непосредственное отношение к словесной политике и дворянству в частности.

1. С момента вступления на престол Павла, законность и порядок стали лозунгом нового царствования. Строгого исполнения законов, регламентов и предписаний Павел требовал и от учреждений и от всех должностных лиц, не смотря на должность и положение в обществе, не проявляя ни к кому особого расположения или немилости.

2. Важной чертой Павловского управления был его военный характер, перенесённый императором из армии в сферу гражданских порядков. Эта черта, может быть, обусловленная вкусами и темпераментом Павла, имела в его глазах принци-

пиальную обоснованность. Он был убеждён в необходимости «суровыми и сильными мерами» пресечь «распущенность в службе и в правах» и, под влиянием французского эмигранта Эстергази, считал правильной систему – «править железной лозой»¹.

3. Подразделяя все сословия на группы, Павел тем не менее держался того взгляда, что для него, как монарха, все сословия одинаковы. Он полагал, что государь настолько возвышается над всеми подданными, что они, подразделяясь между собою на разные группы: дворян, духовных, горожан и крестьян, для него сливаются в одну общую массу, которую он по своей обязанности должен вести к одному общему благу. Передают характерные слова, сказанные Павлом французскому посланнику: «Знатен только тот, с кем я говорю, и до тех пор, пока я с ним говорю»².

4. В противоположность взглядам своей матери, Павел был поклонником строгой централизации и сосредоточения всей власти в одних руках.

Итак, вступив на престол в возрасте 42 лет, Павел, наконец, получил возможность претворить в жизнь свои взгляды на все сферы жизни государства.

Если проиллюстрировать документами конкретные повеления и действия Павла Петровича, найдутся понятные причины, их вызвавшие, и станет очевидно, что каждый его жест, представлявшийся следствием самовластного безумства, несёт на себе явственные отпечатки если не здравого смысла, то, по крайней мере, определённой политической доктрины.

В законодательстве Павла I относительно дворянства переплетаются как ограничения привилегий благородного сословия, так и их расширение. Это ещё раз доказывает, что император не ставил себе конкретной целью ни принижение, ни возвеличивание дворян, а лишь следовал намеченной внутривластной программе.

В законодательстве Павла I относительно дворянства переплетаются как ограничения привилегий благородного сословия, так и их расширение. Это ещё раз доказывает, что император не ставил себе конкретной целью ни принижение, как считают некоторые исследователи, ни возвеличивание дворян, а лишь следовал намеченной внутривластной программе.

Так, именно при Павле I продолжалась разборка дворянскими родам и составление дворянских родословных книг. В 1800 г. 23 августа император повелел Сенату, чтобы дворяне выбрали депутатов по одному из каждого уезда, в помощь губернским предводителям дворянства для разбора доказательств дворянского достоинства³. Ещё 4 декабря 1796 г. император писал Сенату: «до нашего сведения дошло, что разбор дворянам делается небрежно в дворянских депутатских собраниях по просьбам ищущих дворянства и потому Мы повелеваем, чтобы правительство само собою не вводило никого в дворяне и не выдавало своих грамот на сие звание»⁴. В 1800 г. 25 августа Сенат постановил: «чтобы в Герольдии был порядок при составлении дворянских списков, каждый дворянин должен давать знать уездным предводителям о вновь рождающихся у него детях мужского пола, а уездные предводители должны представлять о них списки в дворянские депутатские собрания для внесения их в дворянскую родословную книгу»⁵. Были определены и подробности о доказательствах дворянского происхождения. В 1798 г. 16 августа император повелел Сенату: «однородцев, имеющих грамоты от прежних Российских Государей на поместья, предки которых поступили в сие звание в отбывательство от военной службы, оставить навсегда в сем звании»⁶. Но однородцев, дослужившихся до обер-офицерских чинов, указом от 5 мая 1800 г.⁷ велено исключать из прежнего однородческого оклада; но крестьян однородцев, возведённых в дворянство или доказавших дворянство, не велено Казённым Палатам выключать из однородческого оклада. О дворянах Белорусских губерний Сенат постановил 1800 г. 9 апреля: «Губернские Правления не должны выключать из подушного оклада 1096 лиц, доказавших своё дворянское происхождение, но положенных в подушный оклад, пока Герольдия не рас-

смотрит их доказательства и они не будут утверждены в дворянском достоинстве Его Императорским Величеством»⁸.

В 1799 г. 18 марта император приказал Сенату не лишать чиновников, впадших в преступление, чинов без Высочайшего повеления⁹.

Особое внимание император Павел I обращал на службу дворян и делал постановления о всех родах дворянской службы.

а) Военная служба. В 1796 г. 8 ноября Павел приказал, чтобы «фельдфебели бы-ли не из дворян. При производстве дворян должны поступать преимущественно пред недворянами»¹⁰. 20 октября 1797 г. император повелел: принимать молодых дворян в военную службу унтер-офицерами, а 14 декабря того же года – чтобы молодые дворяне не более трёх месяцев оставались рядовыми, а потом поступали в унтер-офицеры¹¹.

б) Для гражданской службы Павел I повелел в 1797 г. 1 января Сенату: «восстановить при департаментах Сената и всех Коллегиях, исключая двух военных, обучение юнкеров, для чего принимать дворян не моложе 12 лет и помещать их в Титулярные юнкеры и обучать их делопроизводству и другим наукам; учредить для них при Канцеляриях Сената школы. Чрез два года учения, кто окажет довольные успехи, производить в Коллегии Юнкеры, то есть в 14 класс; кто же поступит с довольными знаниями, тех прямо производить в Коллегии Юнкеры»¹².

в) Придворная служба была соединена Павлом с гражданской и в 1798 г. 8 января было приказано герольдмейстерской конторе: придворные чины, положенные в классы, внести в статский список о чинах¹³.

г) О службе по выборам дворянства Павел постановил 1797 г. 19 января: «прослужившие одно трехлетие и одобренные начальником губернии производятся в следующий чин; прослужившие два трёхлетия производятся в тот класс, какой следует по времени служения». До этого указа права служащих по выборам дворянства не были определены¹⁴.

Наконец, 18 декабря 1797 г. был провозглашён Манифест «Об учреждении Государственного Вспомогательного Банка для Дворянства»¹⁵. Целью данного мероприятия было «извлечение из бедственного состояния» дворян, погрязших в долгах, путём «сохранения в роды родов наследственного имения, похвальною службою и трудами предков их приобретенного». Хотя, например, Ф.Г. Головкин в своих мемуарах резонно замечает, что ростовщичество и преследований кредиторов дворяне никогда особенно не боялись, а сам банк он называет «безнравственным учреждением, усугубившим неурядицу знатных родов»¹⁶. Мемуарист объясняет это тем, что манифест уполномочивал правительство конфисковать заложенные имения, как только происходило замедление в уплате следуемого с должника взноса¹⁷.

Однако стоит обратить внимание на ещё одну важную деталь: в один и тот же день с утверждением вспомогательного банка для дворянства был опубликован именной указ «О собирании с дворянских имений особых сумм на содержание по губерниям судебных мест...»¹⁸. Данная мера вводилась по двум причинам: во-первых, губернский штат наполнялся в основном дворянством, а во-вторых, «сей знатнейший чин Государственный паче прочих ощутил Монаршую милость, да и ныне посредством учреждаемого в пользу его Вспомогательного Банка получает новый опыт Нашего попечения о сохранении родовых родов его при целости достояния их, для того находя справедливым, чтобы он общим надобностям способствовал от собственных своих стяжаний»¹⁹. Общая сумма сборов с дворянских имений всей империи составляла 1 млн. 640 тыс. руб. в год. Расчёт был произведён отдельно по каждой губернии исходя из количества ревизских душ, находящихся во владении дворян (по 18 . коп. на каждую).

Сенатский указ от 28 марта 1799 г. обязал дворянство содержать за свой счёт теперь ещё и заседателей нижних земских судов, в результате к прежней общей сумме добавилось 104 тыс. руб.²⁰

О том, что дворянство было недовольно этими новшествами и не спешило им подчиняться, свидетельствует Сенатский указ от 2 мая 1799 г. «О скорейшем взыскании казенных недоимок с дворянских имений»²¹. Согласно ему, за 1798 г. в недоимке осталось до 194 тыс. 522 руб. 52 коп.²²

Само наложение подати на дворян фактически поставило благородное сословие в один ранг с остальным податным населением империи. И этот факт не мог не сказаться на авторитете верховной власти и отношении к ней дворянского сословия.

Как известно, одной из главнейших целей Павла I было напомнить представителям дворянства об их высоком предназначении, а именно, верой и правдой служить своему императору, что было тождественно службе Отчизне. Начав борьбу со льготниками, Павел I действовал при этом юридически безупречно, ни в коей мере не нарушая буквы екатерининской Жалованной грамоты. В течение почти двух лет губернаторы на местах оказывали энергичное давление на праздных дворян, стремясь создать ситуацию добровольно-принудительного определения их на службу.

Уже на второй день своего царствования, 8 ноября, присутствуя на вахт-параде, Павел объявил следующее повеление: «Всех числившихся в полах, но в действительности не исполнявших обязанностей военной службы, как то: камергеров, камер-юнкеров и т.п., из таковых списков исключить, а всем гвардейским офицерам, находившимся в отпуску, немедленно явиться на службу». Повеление государя было сообщено начальникам всех губерний с отправкой к ним списков офицеров, числившихся в отпуске, с тем чтобы, если в подведомственных им губерниях найдутся такие офицеры, немедленно их выслать в Петербург²³. Это распоряжение произвело большой шок. А. Болотов отмечает по этому поводу: «Везде и везде слышны были одни только сетования, озабочивания и горевания; везде воздыхание и утирание слёз, текущих из глаз матерей и сродников: никогда такое множество слёз проливаемо не было, как в сие время. Со всем тем повеление государское должно было выполнить... Все большие дороги усеяны были кибитками скачущих гвардейцев и матерей, везущих на службу и на смотры к государю своих малюток. Повсюду скачка и гоньба; повсюду сделалась дороговизна в найме лошадей и повсюду неудовольствия»²⁴.

Н.И. Греч делиться своими воспоминаниями по этому поводу: «Крёстный отец, вместо подарка, привёз на крестины паспорт, по которому я, определённый капралом Конной Гвардии, отпускался в домой отпуск до окончания наук. Теперь обычай этот может казаться странным, но в то время был понятным и справедливым. Через несколько лет получил бы я чин вахмистра, а потом был бы выпущен из полка капитаном, а в гражданскую службу титулярным советником. Таких малолетних капралов и сержантов считалось в гвардии до десяти тысяч. Император Павел приказал взрослым из них явиться на службу, а прочих, в том числе и меня, исключил. Дельно!»²⁵.

Вследствие павловского указа в одной только конной гвардии из списков был исключен 1541 фиктивный офицер²⁶. В 1799 г. 5 октября²⁷ Павел I приказал Сенату: «не определять без Высочайшего утверждения в статскую службу дворянских детей, нигде не служивших». На следующий день Павел I перекрыл лазейку, позволяющую обойти его предыдущий указ: Офицеры, которые не выслужили более года, если они будут просить об увольнении от службы, то будут исключены из оной наравне с прапорщиками за лень²⁸. В 1800 г. 30 ноября Павел также приказал Сенату: «детей личных дворян не определять в статскую службу без Высочайшего соизволения»²⁹. Наконец, в этом же направлении Павел издал указ от 12 апреля 1800 г.³⁰ «Всех тех, кои при отставке их из военной службы не назначаются именно Нами к определению в статскую службу, запрещаем без всякого изъятия сенату нашему определять в оную. Таким образом, отставка была максимально затруднена из-за риска не получить места на гражданской службе».

31 марта 1800 г. Сенат постановил: «с дворянами, выбранными на службу и уклоняющимися от неё или просрочившими по отпускам, поступать по указу 19 июля 1798 г.³¹ относительно магистратских членов: 1) градская и сельская полиция должна наблюдать, чтобы просрочивающие нигде ни под каким видом не проживали, а должна отправлять их к местам и должностям на их коште, а из службы их не исключать за просрочку. 2) Если они не представят законных причин просрочки, то предавать их суду для поступления с ними по закону»³². А 9 августа 1800 г. император повелел не определять без Высочайшего повеления по дворянским выборам отставленных из военной службы после 6 ноября 1796 г.³³

Павел также лишил дворян важной их привилегии, недавно ими полученной и которой они ещё мало успели воспользоваться, это – свободы от телесного наказания. В Сенатском указе от 13 апреля 1797 г. говорится: «наказывать телесно дворян, гильдейских граждан, священников и дьяконов, лишив их чина, за уголовные преступления»³⁴. Павел I написал на этом указе: «как скоро снято, то уже и привилегия до него не касается. По чему и впредь поступать».

В целях осуществления максимальной централизации государственного управления 14 октября 1799 г. Павел I повелел Сенату: «дворяне для выборов не имеют необходимости съезжаться в губернские города, а должны производить выборы по уездам в присутствии губернаторов или вице-губернаторов в бытность их в уездных городах для рекрутского набора»³⁵. В 1800 г. 24 октября Сенат постановил: «так как выборы дворянские повелено производить для облегчения дворян в уездных городах в бытность в них губернаторов и вице-губернаторов для рекрутского набора, а нынешний год набор отменён, то дворяне могут выбрать депутатов и предводителей в уездных городах и представить их на утверждение губернаторов. Потом списки уездных предводителей разослать по уездам и за кого будет больше баллов, тот будет выбран в губернские предводители»³⁶.

Таким образом, дворянское сословие всё ещё имело право составлять Дворянские собрания, хотя, по указу 1799 г. 14 октября, только по уездам. Когда, к примеру, Костромское Дворянское Собрание в 1799 г. спрашивало, должно ли оно существовать долее или нет. Сенат 23 июня отвечал, что Дворянские собрания должны существовать всегда, и определил дать знать о сем указами всем Дворянским собраниям³⁷. Однако Павел действовал такими стремительными и резкими методами, что это вполне обоснованно вселяло недоумение в людей, привыкших к размеренной и праздной жизни последних лет екатерининского царствования.

В отмену указа 1788 г. император повелел в 1798 г. 9 марта, чтобы в Дворянских собраниях по делам общественным присутствовали губернаторы «для соблюдения доброго порядка»³⁸.

Дворяне лишились права выбирать лиц в земскую полицию и судебные места. По указу 1799 г. 14 октября исправники стали назначаться губернаторами в губерниях: Литовской, Минской, Волынской, Подольской, Киевской и Белорусской; только заседателей нижних земских судов выбирали дворяне³⁹. А 23 августа 1800 г. император повелел, чтобы в судебные места все лица, выбираемые прежде дворянами, назначались Герольдией⁴⁰, так что по указу 7 ноября 1800 г.⁴¹ дворяне выбирали только предводителей дворянства уездных и губернских, депутатов в дворянские депутатские собрания и секретарей Дворянских собраний.

Благородное сословие ощутило на себе даже отмену губернских учреждений, введённых Екатериной II. В 1796 г. 30 ноября в Малороссии вместо трёх губерний, учреждённых ранее, велено сделать одну Черниговскую губернию⁴². Затруднений и неудобств как в административных, так и в судебных делах должно было возникнуть множество: вместо трёх губерний, шести палат, 36 уездных судов была сделана одна губерния с одним генеральным судом и 20 польскими поветовыми судами. В 1798 г. указом от 13 сентября уничтожены Верхние Земские Суды и Губернские Магистраты, а потому дворянские опеки и городские сиротские суды были подчинены Палатам

Гражданского и Уголовного Суда⁴³. С тем вместе уменьшилось участие дворянства в суде, так как в Палатах советники и ассессоры назначались от правительства, а Верхние Земские Суды, в которых было до десяти дворянских заседателей, были уничтожены; дворянские же заседатели уездных судов назначались Герольдией, а не дворянством, как прежде. В 1797 г. 5 февраля новые учреждения были уничтожены в Курляндии, где восстановили прежние учреждения⁴⁴.

Таким образом, Павел I, объявляя интересы дворянства своими и требуя изменить всего несколько пунктов екатерининской «Жалованной грамоты», на деле оставил в силе лишь один (дворянство отнимается только царём). Благородное сословие, уже успевшее привыкнуть к своим привилегиям, вдруг видит себя возвращенным ко времени Петра I и его первых преемников⁴⁵. Но не стоит забывать, что в своём стремлении придать дворянству оттенок рыцарского благородства Павел I не только вводил штрафные санкции, но ещё и расширял привилегии и подтверждал исключительность высшего сословия.

Немаловажной является и та особенность, что определяющим в правительственной практике Павла I было не содержание, а форма. В отличие от Екатерины II и Александра I, всегда чутко прислушивавшихся к общественному мнению, Павел I ориентировался на прадеда, что можно считать своеобразной консервативной утопией⁴⁶.

В целом же, Павел буквально воспринимал свою власть как богоданную, возвышая себя над всеми подданными. Следуя своей внутривластной программой, он мимоходом корректировал права и обязанности сословий по своему усмотрению. Однако дворянство, привыкшее к более деликатному обращению, не хотело расставаться со своим влиянием как при дворе, так и в государстве в целом.

Примечания:

1. Сахаров А.Н. *Исторические портреты. 1762-1917. Екатерина II - Николай II. М., 1998. С. 120.*
2. Там же. С. 81.
3. ПСЗ. СПб. Т.26. С. 273.
4. ПСЗ. Т.24. С. 216.
5. ПСЗ. Т.26. С. 275.
6. ПСЗ. Т.25. С. 546.
7. ПСЗ. Т.26. С. 154
8. Там же. С. 128.
9. ПСЗ. Т.25. С. 590.
10. ПСЗ. Т.24. С. 1.
11. Там же. С. 820.
12. Там же. С. 261.
13. ПСЗ. Т.25. С. 20.
14. ПСЗ. Т.24. С. 297.
15. Там же. С. 823.
16. Головкин Ф.Г. *Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М., 2003. С. 429.*
17. Там же. С. 428.
18. ПСЗ. Т.24. С. 846.
19. Там же.
20. ПСЗ. Т.25. С. 594.
21. Там же. С. 627.
22. Там же.
23. Шумигорский Е.С. *Императора Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 107-108.*
24. Болотов А.Т. *Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1990. С. 187.*
25. Греч Н.И. *Записки моей жизни. М., 1990. С. 34.*

26. Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 2004. С. 96.
27. ПСЗ. Т. 25. С. 800.
28. Там же. С. 802.
29. ПСЗ. Т.26. С. 415.
30. Там же. С. 130.
31. ПСЗ. Т.25. С. 505.
32. ПСЗ. Т.26. С. 106.
33. Там же. С. 255.
34. ПСЗ. Т.24. С. 590.
35. Там же. С. 812.
36. ПСЗ. Т.26. С. 356.
37. Яблочков М.Т. История дворянского сословия. СПб., 1876. С. 570.
38. ПСЗ. Т.25. С. 126.
39. Там же. С. 812.
40. ПСЗ. Т.26. С. 273.
41. Там же. С. 373.
42. ПСЗ. Т.24. С. 212.
43. ПСЗ. Т.25. С. 585.
44. ПСЗ. Т.24. С. 314.
45. Эйдельман Н.Я. Указ соч. С. 162.
46. Скоробогатов А.В. Символы власти в законодательстве императора Павла I // Антропологическая экспертиза российского законодательства. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 11-12 апреля 2005 г. Казань, 2005. С. 176.

КОНСКАЯ ТОРГОВЛЯ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО 2-Й ПОЛ. XIX – НАЧ. XX В.

Е.Н. Самойлова

Курский государственный университет

В статье рассматривается один из наиболее распространенных в дореволюционной России видов торговли – конская торговля. Приводятся статистические данные о состоянии отрасли, выделяются формы организации торгового дела. Устанавливаются ценовые показатели. Выявляется динамика развития конской торговли.

Ключевые слова: коневодство, конская торговля, ярмарки, Курская губерния, вторая половина XIX – начало XX вв.

HORSE-TRADING IN THE KURSK PROVINCE IN THE SECOND HALF OF XIX - EARLY XX C.

E.N. Samoylova

Kursk State University

This article discusses one of the most common species in the pre-revolutionary Russia trade - horse-trading. Statistics on the state of the industry are highlighted in the form of trade organization of the case. Installed price indices. Reveals the dynamics of the horse-trading.

Key words: horse-breeding, horse-trading, fairs, Kursk Province, the second half of XIX - early XX centuries.

Ни одна отрасль торговли не представляет, и не представляла собой столько интересного, как торговля лошадьми. Для сбыта лошадей внутри государства служили, главным образом, специализированные конские ярмарки. Кроме этого, торговля лошадьми проходила и на общих ярмарках, где их продажа и покупка не составляли первостепенного значения. Также торг шел на конных площадях в больших городах и преимущественно в столицах, на сельских базарах и торжках. В Рос-

сии в XIX в. было распространено барышничество или отдельная перепродажа лошадей заводчиками, скупщиками и крестьянами.

Так, в 1874 г. в Российской империи проходило 511 общих ярмарок, на которых в продаже в течение года находилось до 430 тыс. лошадей. Но размеры конской торговли были различны по временам года. В первые 4 месяца число ярмарок оказывалось незначительным (от 27 до 38 ярмарок в месяц) и на них приводилось по 22-35 тыс. голов в месяц. В следующие 2 месяца конская торговля достигала наибольшего оживления и составляла более 1/3 всего годового оборота (в мае на 69 ярмарках было 63 тыс. голов; в июне на 83 ярмарках – 75,6 тыс. голов). Затем в 4 осенних месяца число ярмарок уменьшалось, приводилось около 40-50 тыс. голов в месяц, и наконец, в 2 последних зимних месяца обороты конской торговли оказывались ничтожны: в ноябре проходила 21 ярмарка с 14 тыс. голов, а в декабре – 17 ярмарок с 9 тыс. голов¹. Лето (305 ярмарок) и осень (307 ярмарок) являлись наиболее удобными для конской торговли, так как в это время лошадь была в своем лучшем виде. В этот период уже было известно количество кормового запаса, которым хозяевам лошадей смогут располагать до следующего сбора. К тому же это время года было наиболее благоприятным для ярмарочного торга и для доставки лошадей на ярмарки в отношении погоды².

Кроме общих ярмарок, существовали и специализированные конские. В 1902 г. в Европейской России насчитывалось 1 090 таких ярмарок, на которые приводилось ежегодно до 360 тыс. лошадей, и продавалось около 200 тыс. голов, в среднем на 10 млн. руб. Крупные конские ярмарки существовали в Балте Подольской губернии, в Бердичеве и Белой Церкви Киевской губернии, в Нижнедевицке Воронежской губернии и в Лебедяни Тамбовской губернии³.

Наибольшее число специализированных конских ярмарок приходилось на украинские и некоторые черноземные губернии. К примеру, в Черниговской губернии было 55 ярмарок с приводом лошадей до 36,6 тыс. голов, в Воронежской губернии – 42 ярмарки с 41,6 тыс. голов, в Харьковской губернии – 35 ярмарок с 20,4 тыс. голов, в Полтавской губернии – 32 ярмарки с 15,9 тыс. голов. В Курской же губернии в 1874 г. действовали 22 конские ярмарки, на которые поступило для продажи 15,8 тыс. голов⁴.

За этими следовало еще 8 губерний, преимущественно юго-западные и отчасти восточные, на которых проходило от 15 до 10 ярмарок в год; затем шли еще 10 губерний, в основном Новороссия и западные территории, имеющие от 10 до 5 ярмарок. В остальных губерниях насчитывалось менее 5 ярмарок в год.

Кроме ярмарок, множество лошадей продавалось на еженедельных базарах в уездных городах, местечках и селах. В губерниях, где развивалось коневодство (таких как Воронежская, Саратовская, Каменец-Подольская, Киевская, Тамбовская, Черниговская), эти базары представляли большой интерес, т.к. на них можно было найти много хороших лошадей и приобрести их из первых рук⁵. Торг лошадьми на базарах особенно был развит в губерниях юго-западных и северо-западных, кроме привислянских, из-за влияния евреев, населявших эти губернии. Покупка лошадей происходила даже при помощи телеграфного заказа⁶.

Базарный торг не имел ярмарочного характера; лошади не выставлялись на показ и не приводились в лучший вид для выставки, коневод не особенно хлопотал о продаже лошадей; покупатель должен был их сам отыскивать и уговаривать хозяина лошади продать ее. Однако с широким распространением железных дорог стали развиваться большие села. Вблизи них появились базарные площади, трактиры, лавочки, из-за чего многие большие ярмарки утратили свое прежнее значение. Лебедянская, Уваровская, Полтавская, Тамбовская, на которые прежде съезжались чуть ли не со всего мира крупные барышники и приводили лошадей за 100, 200 и более верст, теперь теряли главенствующую роль в конской торговле. Все те барышники,

которые ранее ездили по этим далеким большим ярмаркам, теперь сидели дома, а если и приезжали на ярмарку, то проводили время в трактире.

Торговали на базарах и ярмарках мелкие барышники, состоящие из уволенных приказчиков, конюхов, кучеров, из мещан пригородных слобод с мыслью: «Ни на чем де нельзя так легко нажиться, как на лошади, купив ее дешево и продав втридорога»⁷.

Еще задолго до начала ярмарки, в каком-нибудь селе, местечке или городе, по конной площади уже начинали бродить шайками подобные господа, которые приезжали целыми вагонами. Бродили с ними и мнимые знахари ветеринарного искусства, которые ходили с чувством собственного достоинства, убежденные в своем знании, обвешанные с ног до головы разными инструментами для лечения лошадей, повалом через плечо и сумками. И вся эта компания охотников – купцы, иногда без рубля в кармане, любители лошадей и знатоки, каждый, конечно, по-своему, ходили и поджидали жертв. И вот, как только издали показывалась подвода с привязанной лошастью, они издали начинали критиковать лошадь.

В конце концов, у продавца лошадь заверчена, раскритикована. Сам он также обруган и не знает, как ему только отделаться от нее, и поэтому вынужден отдать лошадь первому попавшемуся покупателю почти без торга. После этого многие продавцы давали себе зарок не водить больше лошадей на ярмарку. Часто мелкие барышники прибегали к хитростям, обманывали покупателей. Так, малоопытного покупателя, обратившегося к ним, последние обычно подводили к лошадям по их вкусу – к тупым, рыхлым, лимфатичным, ленивым, но закормленным; при этом старались продать им свою лошадь с каким-нибудь большим пороком, замаскированным при помощи всевозможных уловок.

Иногда купивший лошадь, привязанную за телегой бедного мужичка, считал, что он ее купил из первых рук, между тем как она уже прошла несколько рук, и принадлежала вовсе не этому мужичку, который оказывался из той же компании кулаков.

Но между мелкими барышниками было и много понимающих. Они молчаливы, скромны и почти всегда действовали с кем-либо из крупных барышников, если не за себя, то по доверенности; мало говорили, более или менее хорошо разбирались в лошадях, смотрели и покупали скоро и без ругани. Настоящей же покупщик, или солидный барышник, говоря с продавцом, прямо указывал на недостатки лошади. Настоящей покупщик и продавец быстро и легко приходили к соглашению.

Но чаще всего, крупные коннозаводчики имели своих покупателей, которые ездили прямо к ним на заводы и покупали или целыми ставками жеребчиков, или по несколько штук, за большие деньги. Затем лошади шли с завода на ярмарку.

Мелкие же коннозаводчики, преимущественно крестьяне, были вынуждены самостоятельно вести своих лошадей на ярмарку. Таким образом, крупные коннозаводчики относительно продажи своих лошадей находились в лучшем положении, чем мелкие, занимавшиеся преимущественно разведением лошадей рабочего сорта.

Цены на лошадей были весьма различны, все зависело от сорта: так, например, средняя цена крестьянских лошадей составляла 30-50 руб., верховых кавалерийских – 100-150 руб., тяжеловозов – около 200 руб., а хороших рысаков – от 3 до 10 тыс. руб. и выше⁸. Причем, следует отметить тот факт, что стоимость лошадей в осенний период падала (см. табл.1.).

Эти показатели оставались почти неизменными на протяжении исследуемого периода. Из приведенных сведений видно, что средняя стоимость простой, наиболее распространенной, крестьянской рабочей лошади на всей территории Европейской России колебалась незначительно. Соотношение же весенних и осенних цен говорит о снижении стоимости лошадей в осенний период приблизительно на 30% вследствие отсутствия крайней необходимости в их покупке, которая превалировала весной с началом земельных работ.

Низкая стоимость позволяла большей части населения, прежде всего, крестьянству, приобретать лошадей данного сорта, которые по своим качественным характеристикам хорошо подходили для тяжелой работы в хозяйстве.

Торговля лошадьми в Курской губернии также имела важное значение. Не зря, в «Статистическом обозрении Российской империи» Ливрон причислил Курский край к числу территорий с развитой конской торговлей. Главной причиной развития в регионе торговли лошадьми представлялся аграрный характер ее экономики. Курская губерния, будучи земледельческим районом, нуждалась в большом количестве рабочих лошадей для обработки огромного пространства черноземных угодий (по плотности конского состава регион занимал лидирующие позиции).

Табл. 1. Средние местные цены на рабочую лошадь (1883-1900 гг.)⁹.

Губерния	осень		весна		% колебания весенних цен против осенних
	Средняя цена	Колебания средних цен	Средняя цена	Колебания средних цен	
Курская	34,7	21-48	46,7	37-55	+34,6
Орловская	31,4	18-47	41,3	32-56	+31,5
Тульская	29,5	12-49	39,3	28-51	+33,2
Рязанская	32,8	11-51	43,9	29-53	+33,8
Тамбовская	35,2	15-50	45,8	33-60	+30,1
Воронежская	36,2	15-52	47	35-55	+29,8
По черноземью	35,3	7-74	44,5	20-75	+26,1
По нечерноземью	39,5	11-100	51,4	20-113	+30,1
По 50 губерниям Европейской России	37,5	7-100	48,1	20-113	+28,3

В Курской губернии для сбыта лошадей существовало 5 главных рынков:

1. На Коренной ярмарке Курского уезда в 9-ю пятницу по Пасхе, куда пригоняли в 1860-х гг. до 5 тыс. голов, в 1871 г. – 3 тыс., в 1891 г. – 6 тыс., в 1900-1906 г. – по 2 тыс. лошадей.

2. В слободе Рыбинские Буды Обоянского уезда на Вербной неделе в 1860-х гг. на ярмарку приводили до 2 тыс. голов, в 1871 г. – 1800, в 1891 г. – 1 тыс., в 1900-1906 г. – по 300 лошадей.

3. В селе Медвенке Обоянского уезда в 1871 г. – 1,5 тыс. голов, в 1891 г. – 1,3 тыс., в 1900-1906 г. – по 100-300 лошадей¹⁰.

4. В слободе Мантуровой Тимского уезда на Покровской ярмарке до 2 тыс. голов, на Петропавловской – до 1,5 тыс.

5. В г. Щигры Щигровского уезда на Троицкой ярмарке – 500-1000 лошадей¹¹.

Остальные ярмарки были менее значительны и служили исключительно для сбыта местных лошадей – крестьянских, рабочих и упряжных; хотя на многих из них и находилось несколько голов высших сортов лошадей, приводимых из более далеких мест.

Всего же в начале 60-х гг. XIX в. на территории Курской губернии насчитывалось 98 общих ярмарок, где продавали лошадей, и 22 специализированных конских ярмарки¹². Эти показатели сохранялись и в конце XIX в.

Главным центром конской торговли в губернии являлась Коренная ярмарка. Торговля лошадьми на ней начиналась за несколько дней до ее открытия. Для продажи лошадей отводилась большая площадь – конная, на которой устраивалось несколько конюшен, принадлежащих думе, но основная часть лошадей находилась только днем на площади, а на ночлег они разводились по постоянным дворам, в домах жителей близ площади (в самых обширных из них помещалось до 200 лошадей). Многие лошади и продавались на постоянных дворах. Но за каждую, размещав-

шуюся на постоялом дворе лошадь, сначала требовали плату по 60 коп. с каждой, а с лошадей в повозках в черте ярмарки – по 38 коп.¹³ Но уже с 1862 г. эта плата была отменена в целях поощрения торговли.

А.А. Фет после посещения Коренной ярмарки писал: «Внимание наше, главным образом, было привлечено конною площадью, по которой тянулся ряд невысоких столбов, обозначавших отдельные станки для приводных лошадей. На дорогу продавцы то и дело выводили на показ лошадей. По другую сторону дороги в громадных загородах из крепких жердей находились степные дикие лошади»¹⁴.

Обычно барышники приводили на продажу лошадей большими партиями – 50-150 голов. Общее же количество продаваемых на ярмарке лошадей составляло 4-5 тыс. голов. Торговали на Коренной воронежские, орловские и курские купцы и мещане. Например, барышник Мураш приводил более 150 голов, Лихачев – до 70 голов. Цыгане, которые на некоторых конных ярмарках играли значительную роль, на Коренной конной были почти незаметны. Торговали здесь и армяне, пригонявшие в табунах по 40-50 лошадей.

Чаще всего на Коренной ярмарке продавали крестьянских лошадей. Этому способствовала их низкая стоимость. Кроме того, эта порода обладала необходимыми качествами для работы в крестьянском хозяйстве. Цены на крестьянских лошадей были разнообразны, так как не все крестьяне на пространстве губернии с одинаковым усердием занимались улучшением своих лошадей. Крестьянская лошадь малорослая и не имеющая особой выдержки, ценилась, как и на остальной части Европейской России, в 30-50 руб., лошади улучшенной крестьянской породы стоили 50-100 руб., но были крестьянские лошади, от кровных жеребцов земской конюшни, которые продавались по 200, 300 и более руб. Продавали также средних ездовых и дорогих ездовых лошадей.

Выставлялись на торг и заводские лошади, но в меньшем количестве (обычно их продавали сразу с заводов). В 1862 г. на ярмарке продавались лошади известных заводов Курской губернии: Богданова (30 лошадей) из Фатежского уезда, Карамзина (20 лошадей) из Курского уезда, Суковкина (15 лошадей) из Корочанского уезда, Денисьева (20 лошадей) из Щигровского уезда и т.д. Средняя цена заводской лошади в регионе составляла 150-300 руб., но лучшие из них ценились и дороже – в 300-1000 руб.¹⁵

Высший сорт рысистых и упряжных лошадей с Коренной ярмарки закупался в Москву, лошади средних сортов требовались в соседние губернии – Полтавскую и Орловскую; крестьянские же лошади сбывались в основном на месте, хотя большое количество крестьянских лошадей увозили в Египет. Кроме того, евреи ежегодно покупали на ярмарках значительное число разного рода лошадей, преимущественно бракованных и негодных и увозили их в западный край.

На Коренную ярмарку в 1861 г. привели до 1,2 тыс. заводских лошадей из заводов Курской, Орловской, Воронежской и Тульской губерний, из них продано 350 штук по цене от 65 до 225 руб. Разных пород табунных и крестьянских лошадей было до 1500 штук стоимость от 15 до 30-50 руб. и более¹⁶.

Табл. 2. Продажа лошадей на Коренной ярмарке¹⁷.

Год	Стоимость привезенных лошадей, тыс. руб.	Стоимость проданных лошадей, тыс. руб.	Общий товарооборот ярмарки, тыс. руб.
1855	550	525	830
1895	229	220	651
1905	311	270	772

Конная торговля составляла значительную часть от общего оборота ярмарки. Она приносила 30-50% ее дохода. Приведенные цифры свидетельствуют о снижении

продаж лошадей к началу XX в. Это уменьшение являлось следствием распространения мелких ярмарок и базаров, на которые перешли некоторые барышники со своими лошадьми.

Торговля лошадьми в Курской губернии не прекращалась и в годы Первой мировой войны, несмотря на масштабную мобилизацию лошадей для комплектования армии, что привело к повышению стоимости лошадей в 2-3 раза. Местная весенняя цена на рабочую лошадь в Курской губернии в 1913 г. составляла 91 руб., в 1914 г. – 92 руб.¹⁸ В 1915 г. в Корочанском уезде рабочую лошадь можно было купить за 50-150 руб., а в Щигровском – за 75-350 руб.¹⁹

Таким образом, мы видим, что в Курской губернии была хорошо развита торговля лошадьми. Ее распространению в регионе способствовал, прежде всего, экономический фактор: вхождение края в земледельческий район определило необходимость в большом количестве тягловой рабочей силы, которой здесь являлись лошади. Тяжелые условия труда, плохое содержание и т.д. – все это приводило к быстрому истощению лошадей и необходимости покупки новой.

Однако, к началу XX в. объем конской торговли в Курской губернии уменьшился, а цены на лошадей возросли. Этот процесс проходил из-за утраты главенствующей роли крупных ярмарок, где привод лошадей составлял несколько тысяч голов. Теперь торговля лошадьми осуществлялась преимущественно на мелких ярмарках и местных базарах, оборот которых был незначительным. Произошло перераспределение – с крупных рынков сбыта конская торговля переместилась на более мелкие. Но из-за огромного количества небольших местных торгов общие показатели по губернии оставались практически неизменными.

Примечания:

1. *Статистическое обозрение Российской Империи. Сост. В. де Ливрон. СПб., 1874. С. 201.*
2. *Сборник сведений о торговле лошадьми и перечень конских заводов в России. Сост. И. Мердер. СПб., 1871. С. 5.*
3. *Очерк коммерческой географии и хозяйственной статистики России (сравнительно с другими государствами). Сост. Д.Д. Морев, СПб., 1888. С. 153.*
4. *Статистическое обозрение Российской Империи. С. 202.*
5. *Сборник сведений о торговле лошадьми... С. 10.*
6. *Канделаки И.Т. Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914. С. 19.*
7. *Кривенко Н.Н. Письма о лошади. СПб., 1891. С. 114.*
8. *РГИА. Ф.412. Оп.11. Д.468. Л. 37.*
9. *Сост. по: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Вып.2. СПб., 1903. С. 50-52.*
10. *РГИА. Ф.412. Оп.11. Д.468. Л. 82.*
11. *Бесядовский И.И. Коренная ярмарка в 1863 году. // Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. II. Курск, 1866. С. 16.*
12. *Посчитано по: РГИА. Ф.419. Оп.1. Д.1. Л. 105-106 об.*
13. *Бесядовский И.И. Указ. соч. С. 143.*
14. *Цит. по: Коренная ярмарка - торговые ворота юга России. Курск, 2004. С. 26.*
15. *РГИА. Ф.412. Оп.1. Д.1185. Л. 252 об.*
16. *Там же. Д.1082. Л. 8 об.*
17. *Сост. по: ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д.5610. Л. 8-10 об., Ф.1. Оп.1. Д.6055. Л. 5-7 об., Ф.4. Оп.1. Д.24. Л. 58 об-60 об.*
18. *1914 г. в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев. Вып. I. 1914 г. СПб., 1914. С. 8.*
19. *ГАКО. Ф.4. Оп.1. Д.2162. Л. 58.*

КРЕПОСТНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ В УСАДЬБАХ МЕЛКОПОМЕСТНЫХ ДВОРЯН ДОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА*

И.В. Истомина

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается положение крепостных крестьян в мелкопоместных усадьбах и их взаимоотношения с помещиками. Большое внимание уделено разнице в судьбах крепостных крестьян в имениях мелкопоместных помещиков и крупнопоместных.

Ключевые слова: крепостные крестьяне, мелкопоместные дворяне, мелкопоместные усадьбы.

THE PEASANT SERFS IN THE LANDED GENTRY MANORS IN PRE-REFORM PERIOD

I.V. Istomina

Belgorod National Research University

The article deals with the position of the serfs in the petty estates and their relationships with land-lords. Much attention is paid to the difference in the fate of the serfs on the estates petty landlords and krupnopomestnyh.

Key words: the serfs, the landed gentry, the landed estates.

Различные мировоззренческие принципы и сословные ценности в крупных стратах дворянства и в семьях мелких помещиков закладывались с детства. В дореформенный период в богатых помещичьих семьях с крестьянами дети почти не общались: те жили отдельно, в деревне, и появлялись на господском дворе лишь по праздникам или в каких-то особых случаях. В деревню детей водили (а чаще возили) достаточно редко. Но наиболее тесные связи возникали у дворянских детей с обитающими в доме и усадьбе крепостными - дворовыми людьми, которые и были для них главными представителями «народа». Богатые дворянские семьи, как правило, отличались высокой культурой и детям запрещалось чванливо относиться к слугам, так как это нарушало понятие о дворянской чести. Как свидетельствовал граф М.Д. Бутурлин: «Не слыхал никогда, чтобы мой отец обозвал кого-нибудь (из прислуги) дураком. Вспылит бывало, но через две минуты все проходило и тут же подзовет для какого-нибудь приказания провинившегося человека: «Эй ты, голубчик, поди-ка сюда» всем им он говорил «голубчик». Боже избави, чтобы мы, дети, осмелились сказать бранное слово кому-нибудь, а если кто из нас поднял бы руку в запальчивости, то велено было этим же нам отплатить... Чваниться с прислугой строжайше было нам запрещено... но (слуги-И.И.) ни когда не забывались перед нами...»¹.

Чваниться перед прислугой и грубить ей было запрещено и в значительно более скромной по положению семье Шеншиных. «Всякая невежливость с моей стороны к кому-либо из прислуги не прошла бы мне даром», - вспоминал А.А. Фет². Конечно были и исключения в семьях богатых самодуров, но правила хорошего тона запрещали крик и оскорбления в адрес слуг.

В мелкопоместных семьях все было наоборот. Территориальные мизерные рамки мелкого поместья, нередко в несколько десятин, не позволяли крепостным крестьянам иметь свое личное пространство, как в крупных поместьях. Мелкие помещики очень часто жили под одной крышей со своими крестьянами, а окружающая бытовая среда была далека от дворянских культурных ценностей. В качестве подобного примера приведем описание имения помещиков Савенковых из Щигровского

*Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта № 6. 2922. 2011 «Исследование специфики формирования нового социального статуса у представителей различных сословий провинциальной России в 60-90-е гг. XIX века (проблемы социальной адаптации)» выполняемого в рамках Государственного задания Минобрнауки России подведомственным вузам на выполнение НИОКР.

уезда Курской губернии, расположенное в деревне Белый Колодезь. В 1842 г. площадь земельных угодий насчитывала 27 дес. пашни, 2 дес. усадебного места и конопляника и 0,5 дес. хворостного и строевого леса, а крепостное население состояло из одного работника мужского пола. Строение было представлено «жилым домом об одной комнате, разного леса, с потолком дощатым, без моста (т.е., видимо, без пола) с кирпичной печью, людской избой и тремя пунями. Обстановка дома состояла из двух икон, стола с ящиком и двух стульев»³. Низкий культурный уровень мелкопоместных владельцев, в совокупности с помещичьим традиционализмом и постоянным непосредственным контактом с крепостными, приводило к включенности помещичьих детей к эксплуатации своей «крещеной собственности». Сводилось это к передаче распоряжений, контрольным функциям и т.д. То есть, воспитательная среда была совершенно иной, чем в крупнопоместных имениях.

Небольшое количество крепостных у мелкопоместных владельцев компенсировалось большей их эксплуатацией в сравнении с хозяйствами крупного дворянства. Об этом прямо говорится в отчете курского губернатора накануне отмены крепостного права: «Отношение помещиков к крестьянам благоразумно и законно, что касается до мелкопоместных дворян, то за некоторыми исключениями, обращение их с крестьянами не всегда сообразно, т.к. образование у них менее развито»⁴.

Важным условием развития земледелия в дворянских хозяйствах была обеспеченность помещичьих имений удобной для возделывания земель. Но количество земли, занятой под помещичьими запашками, зависело не столько от общей обеспеченности имений землей, сколько от распределения земли между помещиками и крестьянами. Господская запашка в Воронежской губернии составляла 303 906 дес. (34,1%), крестьянская – 585 772 дес., в Курской губернии земли в господской запашке – 375 129 дес. (36,7%), в крестьянской – 645 593 дес.⁵ Такое соотношение во многом определялось распределением пахотных земель в латифундиях (свыше 10 тыс. дес.), где практически вся пахотная земля находилась в крестьянской запашке.

В имениях средних и крупных помещиков повсеместно господствовала хозяйская запашка. Отсутствие сведений по хозяйствам мелкопоместного дворянства не позволяет сделать определенный соответствующий вывод, хотя просматривалась четкая тенденция, чем меньше хозяйство, тем там больше господская запашка.

Система хозяйства в дворянских поместьях была связана с характером эксплуатации крестьян в них (см. табл.1.).

Табл. 1. Крестьянство по формам эксплуатации в дворянских хозяйствах (в %)⁶.

	Губерния	Оброчные	Барщинные	На смешанной повинности
1.	Воронежская	23,4	46,8	23,4
2.	Курская	15,5	61,2	23,3

Основная масса крестьянства в дворянских хозяйствах находилась на барщине. На уездном уровне соотношение форм эксплуатации приближалось к общегубернскому показателю. Исключением являлись Воронежский, Землянский уезды в Воронежской губернии и Курский уезд одноименной губернии, где концентрация барщинных крестьян была свыше 90%⁷.

Подсчет количества дворянских имений по формам эксплуатации затруднен отсутствием соответствующих сведений по владениям мелких помещиков. Тем не менее, исследователи отмечают, чем меньше в поместьях земельный фонд, тем более там распространена барщинная система. Но в рамках Центрального Черноземья, на губернском уровне, существовали в данном аспекте заметные отличия. Дело в том, что средний душевой надел крестьян в поместных хозяйствах был выше в Воронеж-

ской губернии по оброчным имениям на 3 дес. 2 197 саж., в барщинных хозяйствах - на 1 879 саж. меньше. Эта тенденция наделения крестьян землей была характерна для всего региона, за исключением Курской губернии, где более высоким крестьянский душевой надел был в барщинных хозяйствах - 2 дес. 2028 саж., что было на 1 540 саж. больше, чем в оброчных имениях⁸. По мнению Л.В. Милова, размер барской запашки превышающий 2 дес. на ревизскую душу был чрезвычайно высоким⁹.

Таким образом, можно предположить, что в курских мелкопоместных хозяйствах существенно доминировала барщина, а в воронежских мелких дворянских хозяйствах, хотя вероятно преобладала барщина, но и оброк и смешанная повинность широко присутствовали.

Ситуация была осложнена тем, что мелкопоместные помещики нижних подгрупп своей страты и их крепостные нередко проживали под одной крышей господской усадьбы, разделенной несколькими стенами на «господскую» и «холопскую» части и, в этом случае, у крепостных не было удаленного личного пространства от помещика, который контролировал каждый шаг своих немногочисленных крепостных. Если крепостных было около двух десятков ревизских душ, и они проживали отдельно от своего помещика, то все равно, в отличие от помещиков верхних страт, со значительно большим числом крепостных, мелкопоместный помещик имел реальную возможность прямого и постоянного контроля за всей сферой жизнедеятельности своих крепостных, замкнутых в рамках небольшого мелкопоместного имения.

Хотя здесь нельзя отрицать и влияние низкого образовательного уровня у представителей «дна» дворянского сословия, но это не имело основного значения. Хозяйственный опыт мелкопоместных дворян подсказывал им, что в случае природных аномалий (засуха, поздние весенние заморозки и т.д.), которые были не редкостью, наибольший урон несут владельцы нескольких десятин. Они не имели, в отличие от владельцев крупных хозяйств, возможности компенсировать потери сбором оставшегося урожая с больших площадей. Другими словами, в указанной ситуации, мелкопоместный хозяин оставался вовсе не с чем. Отсюда он стремился интенсифицировать труд крепостных, чтобы провести определенный цикл сельскохозяйственных работ в максимально возможные сроки. С другой стороны, в мелкопоместных хозяйствах и крестьянские наделы были мизерными (в случае если их не переводили на месячину), что позволяло использовать оставшееся свободное время крестьян на господской запашке. Нельзя сбрасывать со счетов и стремление мелкопоместных владельцев разорвать, путем жесткой интенсификации крестьянского труда, замкнутый круг натурального хозяйства для реализации своих личных потребностей, когда на рынок поставлялся необходимый продукт из крестьянских подворий.

Все вышесказанное подтверждает С.Н. Терпигорев (С. Атава) в своем знаменитом цикле «Оскуднение», показывая яркие картины из жизни тамбовских мелкопоместных дворян: «Надо вообще принять за аксиому, что чем мельче был помещик, тем хуже и тяжелее жилось его мужикам. И это совершенно верно и совершенно понятно: сто душ, конечно, могли легче прокормить своего барина, чем сделать то же самое десять душ. Мне могут возразить, пожалуй, что у богатого и затей было больше, чем у мелкотравчатого, и что поэтому он высасывает из мужиков столько же, сколько и мелкотравчатый; но этого, т.е. того же точно высасывания, не могло быть и не было на деле уже по одному тому, что крупный не стоял никогда так близко к домашнему обиходу мужика, как мелкий. Опять оговариваюсь: я имею в виду большинство, а вовсе не исключения. Эта близость мелкого помещика к домашнему обиходу мужика была для этого последнего тем невыносима, что он у него был весь на виду: он от него ничего не мог уберечь и схоронить. Каждая овца, каждая курица была известна барину и дразнила его аппетит... Я насмотрелся слишком достаточно примеров того и другого, и глубоко убежден в справедливости своих слов. Я, например, никогда не забуду тех сцен, на которые я насмотрелся у моего соседа из мелко-

травчатых, Запупырина. Едим, бывало, мимо и чуть не всякий раз натываемся на какую-нибудь глубоко-возмутительную историю. Раз я видел такую драму из-за овцы, что никогда ее не забуду. Запупырин облюбывал овцу у своего мужика Ермолая (у него было восемь душ и жили они в двух дворах), к чему-то придрался и, в виде штрафа, решил отнять у него овцу»¹⁰. Терпигорев сам был выходцем из поместной среды и прекрасно знал нравы и хозяйственную деятельность местных помещиков, изображая в своих очерках их обобщенные образы.

Подобные высказывания в адрес мелкопоместных дворян имели под собой не только отражение региональной специфики. Н.Ф. Дубровин в целом дает характеристику мелким помещикам России 1-й пол. XIX в.: «...мелкопоместные составляли язву России: всегда порочные, ропщущие, но желающие жить выше своих средств, мучили своих крестьян нещадно»¹¹.

Реальные доходы у мелкопоместных владельцев не всегда были связаны с сельскохозяйственным производством, продажей от кустарных промыслов или от животноводства. Часто, как отмечали современники, важной статьёй доходов для них становилась «продажа» в рекруты своих крепостных, иногда всех до последнего потенциальных работников. С.Н. Терпигорев отмечал по этому поводу, относительно мелкопоместной помещицы Людмилы Васильевны: «У нее было всего две семьи. Одна семья состояла из отца и двух сыновей, другая – из отца и трех сыновей. И всех их, т.е. этих сыновей, она одного за другим продала в солдаты. Тогда это делалось очень просто и легко. Надо какому-нибудь кабатчику-мещанину сдавать сына в рекруты. Отдавать его ему жаль, деньги есть, он и идет к мелкопоместным дворянам покупать рекрута. Мелкопоместные все более или менее занимались этим, но Людмила Васильевна превзошла, кажется, их всех на этом поприще. Приезжает к ней такой покупатель, она торгует с ним, он высматривает свою жертву, дает задаток, если сладились в цене, и затем происходит такая процедура. Людмила Васильевна дает «обреченному» отпускную, которая, однако, пока не свидетельствуется и не утверждается судом. Обреченный едет с мещанином в город, в рекрутское присутствие, там заявляет, что идет по вольной охоте за сына такого-то, его принимают и одновременно утверждают отпускную. Подобные комбинации никогда не расстраивались в силу того обстоятельства, что «обреченный» очень хорошо знал, что если он заартачится, она все равно сдаст его в рекруты, продав в казну (казна выплачивала 600 руб.), и он ничего не получит; теперь же он получал «наградных» рублей двадцать пять и кроме того несколько дней пил и кутил на счет мещанина-покупателя... Я помню очень хорошо рассказы соседей, как, распродав таким образом свои души, она начала подписывать себе еще несколько семейств, само собою разумеется, опять таки с той же целью... Сколько она ни хлопотала и ни искала, никто ей не продал ни одной семьи, и уж она насилу достала где-то в Рязанской губернии опять-таки старика отца с тремя сыновьями. Она не успела их пока лечить:- 19-е февраля положило конец этому ужасу»¹².

Примечательно, что в отношении подобных «финансовых операций», Терпигорев подчеркивает: «Мелкопоместные все более или менее занимались этим». То есть, в помещичьей среде это было распространенным явлением и именно в имениях мелких помещиков. В отличие от средних и крупных помещиков, «мелкотравчатые» имели меньше вариантов получения доходов в короткий срок и относительно большого размера. Поэтому «продажа» крепостных в рекруты, хотя и не являлась чистой с точки зрения закона, но приносила относительно неплохой доход, а главное, без серьезных хозяйственных хлопот.

Но, при любых обстоятельствах, мелкопоместные делали все, что бы не отставать от своих более состоятельных собратьев и они старались во всем показать свой достаток и свое «благородство»: заводили экипаж, одежду подороже, своего кучера, дворецкого и т.д. Безусловно, эти причуды не могли не сказываться на их крепостных. М. Салтыков-Щедрин писал об этом так: «Появилось раздолье, хлебосольство,

веселая жизнь. Поэтому, ради удовлетворения целям раздолья, неустанно выжимался последний мужицкий сок, и мужики, разумеется, не сидели, сложа руки, а кишели как муравьи в окрестных полях... Непосильною барщиной мелкопоместный крестьянин до того изнурился, что даже по наружному виду можно было сразу отличить его в толпе других крестьян. Он был и испуганнее, и тощее, и слабосильнее, и малорослее. Одним словом, в общей массе измученных людей был самым измученным. У многих мелкопоместных мужик работал на себя только по праздникам, а в будни - в ночное время. Так что летняя страда этих людей просто-напросто превращалась в сплошную каторгу»¹³.

Еще более яркое представление об участии крепостных в мелкопоместных хозяйствах дает народный фольклор. В это время получают широкое распространение пословицы: «Господской работы не переработает», «Коли паны ликуют, тогда мужики без хлеба тоскуют», «Мужицкими мозолями бары сыто живут», «Нужда учит, а барщина мучит»¹⁴. Из этих пословиц ясно, что крепостным жилось очень тяжело и что барские замашки проступали кровавым потом на их спинах. Но иногда помещики настолько доводили своих крепостных, что те могли дать отпор. Если рассматривать дальше пословицы того времени, то в глаза бросаются следующие: «Мужик-дурак: ты его кулаком, а он тебя топором», «Мужик не ворона, у него есть и оборона!»¹⁵.

Примером могут служить массовые волнения крестьян в 1850 г. «В Курской губернии волнение крестьян Путивльского уезда, возникшее также по случаю начатого ими неосновательного иска о свободе, распространилось между несколькими именьями в количестве 10 000 душ, и для усмирения их употреблено было 4 эскадрона кавалерии и 60 человек нижних чинов внутренней стражи»¹⁶.

Еще один яркий пример дерзкого поступка крепостных по отношению к своему помещику был совершен в Орловской губернии в 1850 г. «...четверо людей малоархангельского помещика капитана Акатова высекли своего владельца ремненным арапником, дав ему до 30 ударов, о чем, являсь к штаб-офицеру Корпуса жандармов, объявили сами, показав при том, что вынуждены были к этому поступку жестоким обращением с ними своего владельца, что также по следствию не подтвердилось»¹⁷.

Даже убийства не были в это время редкостью. Из извлечений из секретных отчетов министерства внутренних дел за 1836-1856 гг. следует: «В минувшем 1849 г. крестьяне лишили жизни четырех помещиков и трех управляющих именьями и покушались на жизнь 5 владельцев. Во всех случаях, на основании циркулярного подписания министра в.д. начальникам губерний (от 14 июля 1842 г.) независимо от полицейского исследования о самом происшествии, производилось дознание через губернского предводителя дворянства и жандармского штаб-офицера, собственно о причинах, побудивших крестьян к таким преступлениям, каковое дознание и представлялось на рассмотрение министерства»¹⁸. Приведем некоторые примеры. В Полтавской губернии миргородский помещик Трушечников убит тремя крестьянами жены своей, при участии трех крестьян собственного его именья, находившимся в пьяном виде, без предварительного умысла их, во время ссоры, к которой сам помещик подал повод, будучи также нетрезвым. В Витебской губернии дворовая девка помещика Борщевского бросила яду в кушанье господ своих, от чего сам владелец умер, семейство же медицинскими мерами спасено. Причина, побудившая совершить означенное преступление, по следствию еще не обнаружена¹⁹.

Приведенные выше примеры относятся больше к среднепоместным дворянам, но и в именьях мелкопоместных волнения, грабеж и убийства помещиков не было редкостью. Здесь накал межличностных страстей, в рамках мизерного поместья, был еще выше.

Примечания:

1. Бокова В. *Отроку благочестие блюсти... Как наставляли дворянских детей.* М., 2010. С. 68-69.
2. Там же.
3. ГАКО. Ф.59. Оп.2. Д.3213. Л. 3-3 об., 14 об.-15.
4. РГИА. Ф.1281. Оп.6.Д.64. Л. 56.
5. *Объяснение статистических сведений о количестве крестьян и земель в 25 велико-русских губерниях // Сельское хозяйство.* 1861. Т.2. Ч.1. С.190.
6. Литвак Б.Г. *Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1861-1895 гг.* М., 1972. С. 77.
7. *Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Курская губерния.* Т.1. Подсчитано нами И.И.
8. Михалевич В. *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Воронежская губерния.* СПб., 1862. С. 177; Скребицкий А. *Крестьянское дело в царствование императора Александра II.* Бонн-на-Рейне, 1866. Т.3. С. 1286-1287.
9. *История России XVIII-XIX веков./ Под ред. Л.В. Милова.* М., 2006. С. 388.
10. Терпигорев С.Н. (Атава С.) *Собрание сочинений.* Т.1. Ч.1. С. 311-312.
11. Дубровин Н.Ф. *После отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века). Наши мистики-сектанты.* СПб., 2009. С. 55.
12. Терпигорев С.Н. (Атава С.). *Указ. соч.* С. 314-316.
13. Тарасов Б.Ю. *Россия крепостная.* М.: Вече, 2011- С. 102-103.
14. Бродский Н.Л. *К воле крепостное право в народной поэзии.* М.: Книгоиздательство «Польза», 1911. С. 155-156.
15. Там же. С. 156.
16. *Материалы для истории крепостного права в России. Извлечение из секретных отчетов министерства внутренних дел за 1836-1856 гг.* М., 2010. С. 179.
17. Там же. С. 184-185.
18. Там же. С. 182.
19. Там же. С. 183.

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОПЕКУНОВ НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ СИРОТАМИ
В КОН. XIX – НАЧ. XX ВВ.***

Е.П. Мерко

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается регулирование деятельности опекунов над несовершеннолетними сиротами. Опекуны при распоряжении сиротским имуществом обладали большим количеством обязанностей, чем прав. В своей деятельности опекуны должны были опираться на статьи гражданских законов и указания Сената. При отчуждении имущества, принадлежащего сироте, опекун должен был получить разрешение опекунских органов.

Ключевые слова: правовое регулирование деятельности, сироты, продажа имущества, статьи закона, решения и постановления Сената, опекунские учреждения.

**THE EVOLUTION OF THE LEGAL REGULATION OF MINOR ORPHANS`S
GUARDIANS IN THE LATE XIX – EARLY XX C.**

E.P. Merko

Belgorod National Research University

*Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта № 6. 2922. 2011 «Исследование специфики формирования нового социального статуса у представителей различных сословий провинциальной России в 60-90-е гг. XIX века (проблемы социальной адаптации)» выполняемого в рамках Государственного задания Минобрнауки России подведомственным вузам на выполнение НИОКР.

The article discusses the regulation of guardians of minors orphaned. Guardians at the disposal of orphan assets had more duties than rights. The work of caregivers had to rely on the articles of the law as well as instructions and orders of the Senate. Upon the sale of property belonging to the orphan, the guardian should obtain permission from the guardianship authorities.

Key words: the legal regulation, orphans, disposition of property, articles of the law, decisions and resolutions of the Senate, custodial institutions.

Права опекуна по распоряжению имуществом подопечного, а именно право на отчуждение, в законодательстве были сведены к минимуму. Процедура продажи имущества в дворянском и крестьянском сословиях значительно различалась, решения на сделку опекуны двух сословий получали в разных учреждениях. В кон. XIX – нач. XX в. продолжался процесс детализации тех случаев, когда опекуну-дворянину необходимо было получать разрешение Сената. Процесс получения разрешения Сената был достаточно долговременным, т.к. состоял из нескольких этапов, в нем были задействованы уездные и губернские органы управления, поэтому продажа недвижимого имущества была для опекуна трудоемким и подчас непосильным занятием. Опекун имел право самостоятельно распоряжаться только тем движимым имуществом, которое приходило в негодность.

Права на распоряжение имуществом определялись в 277 ст. Свода законов Российской империи. В законодательстве все имущество сироты было разделено на несколько видов - движимое и недвижимое, в зависимости от вида опекун был наделен разным количеством прав по его распоряжению. Самостоятельной продаже опекуном подлежало только то имущество, которое было отнесено к «жизненным припасам и вещам, скорому тлению и другим тратам подверженным». Опекун продавал его по собственному усмотрению, без чьего-либо разрешения и указания. Факт продажи фиксировался опекуном самостоятельно в ежегодном отчете, который он предоставлял в опекунские органы. Продажа вещей, тлению не подверженных, как например, серебра, золота и драгоценных камней, допускалась только в определенных, закрепленных законодательно, случаях. Среди причин продажи были названы необходимость употребления полученных капиталов на содержания сироты при отсутствии других денежных средств, уплата долгов, которые лежали на наследстве

малолетнего. По распоряжению дворянской опеки продажа такого имущества совершалась «повольной ценой» («вольная цена, какую дадут»¹) и производилась опекунами самостоятельно под наблюдением дворянских опеков². Наиболее строго регламентировалось отчуждение опекуном усадьбы и его составных частей. В Своде законов причины продажи были ограничены, а разрешение опекун должен был получить в высшей инстанции - в Сенате. Продажа недвижимых имений разрешалась в тех случаях, когда имущество находилось в ветхом состоянии, и необходимо было не допустить его полной потери, а также для уплаты долгов, лежавших на наследственном имуществе. Рачительное распоряжение хозяйством малолетнего также предполагало продажу опекуном такого имущества, на содержание которого требовалось больше денежных средств, чем размер получаемого дохода.

В 1890-1914 гг. в законодательстве происходил процесс детализации определения «недвижимое имущество», который предполагал уменьшение прав опекуна по его распоряжению. Ярким примером этого процесса явилось Кассационное решение II Департамента Сената в 1903 г., в нем к недвижимому имуществу был отнесен лес, если по его количеству сделка выходила за пределы хозяйственного извлечения доходов³.

Процедура продажи недвижимого имущества была достаточно сложной и трудоемкой для опекуна, в ст. 277 указывалось несколько этапов: на первом этапе опекун предоставлял в дворянскую опеку прошение о необходимости продажи, далее опека, убедившись в целесообразности продажи, предоставляла сведения губернатору, который и передавал комплект документов в Сенат. Однако в течение последующих лет опекуны стали отступать от законодательно принятого порядка получе-

ния разрешения, поэтому в 1904 г. было принято сенатское решение, в котором указывалось, что разрешение на продажу имения малолетнего, принятое Сенатом, не освобождало опекуна от обязанности получать разрешение местного опекунского учреждения на совершение сделки. Наказание за несоблюдение этого требования было достаточно строгим, т.к. могло повлечь за собой необязательность сделки для подопечного⁴. На наш взгляд, рассмотренное Решение Сената было принято для того, чтобы местные опекунские органы владели ситуацией и были осведомлены о сделках с недвижимым имуществом в своем уезде. Сделка по продаже недвижимого имущества, произведенная без разрешения Сената в соответствии со статьей 277 должна была быть уничтожена, а убытки, понесенные покупателем в результате совершения купчей крепости, должны были возмещаться опекунским учреждением, допустившим совершение продажи⁵.

Таким образом, законодательно закрепленные в статьях X тома Свода законов Российской империи права и обязанности опекунов относились к лицам дворянского сословия. Проанализированные случаи, когда при совершении сделки с сиротским имуществом опекун должен был спрашивать разрешения дворянской опеки или Сената, иллюстрируют стремление законодателя оградить имущество сироты от произвольных действий опекуна. Особое внимание уделялось распоряжению недвижимым имуществом, именно оно являлось наиболее ценным в имуществе несовершеннолетнего сироты.

В кон. XIX в. распоряжение имуществом крестьянских сирот постепенно выходило из-под действия обычного права и подчинялось гражданским законам. Вследствие отсутствия в Своде гражданских законов необходимых статей, крестьяне в большинстве случаев при распоряжении имуществом должны были опираться на постановления или решения по кассационным жалобам Сената. Ограничение прав крестьян-опекунов - это общая тенденция, существовавшая в 1890-1914 гг. в опекунской практике.

В ст. 64, 65 и 69 Общего положения о крестьянах устанавливался порядок отчуждения принадлежащих малолетним крестьянам жизненных припасов и вещей скорому тлению и подверженных другим тратам. Для получения такого разрешения необходимо было лишь согласие сельского схода, зафиксированное в книге приговоров⁶. Право сельского схода на разрешение продажи недвижимого имущества, впервые законодательно закрепленное в Общем Положении о крестьянах 1861 г., вошло в Общем приложение к IX тому Свода законов российской империи 1902 г.⁷

Законодательно закрепленные в Общем положении о крестьянах издания 1902 г. вопросы распоряжения опекунами сиротским имуществом, а именно его отчуждение, в целом носили тот же характер, что и в дворянской среде. Имущество крестьянских сирот также разделялось на несколько видов. Продажа жизненных припасов и вещей, скорому тлению и другим тратам подверженных, могла производиться с разрешения одного сельского схода, при этом вынесенный приговор записывался в особую книгу⁸. Другое движимое и недвижимое имущество крестьянских сирот опекуны могли продавать или закладывать в тех же случаях, что и в дворянском сословии. Порядок получения разрешения состоял из нескольких этапов: первый - рассмотрение необходимости продажи на сельском сходе, второй - утверждение приговора сельского схода об отчуждении имущества Губернским Присутствием.

Определение обязанностей губернских крестьянских органов в отношении крестьянских опеки было произведено в ст. 106 Положения об Установлениях, заведующих крестьянскими делами. На губернское присутствие возлагалось рассмотрение и утверждение, по представлениям земских начальников губернии, мирских приговоров о разрешении продажи недвижимых и движимых имуществ, принадлежащих малолетним крестьянам⁹. В последующем законодатель не раз возвращался к указанию обязанностей губернского присутствия, которому принадлежало большинство прав при вынесении решений о продаже недвижимого имущества. Так, Указом

II Департамента Сената 1906 г. уточнялось, что рассмотрение мирских приговоров о разрешении продажи недвижимых и движимых имуществ, принадлежащих малолетним крестьянам, возложено на губернские присутствия, а не на уездные съезды¹⁰. Таким образом, статья, регулировавшая права опекуна-крестьянина по распоряжению имуществом, отправляла крестьянскую опекунскую практику к гражданским законам. Это подтверждает стремление власти подчинить крестьянскую опеку действию юридических законов.

Следующим подтверждением изъятия вопросов продажи сиротского имущества из-под действия народного обычая служит решение Общего Собрания Кассационного Департамента в 1898 №16, уточнявшего, что при назначении опекунов и попечителей, при проверке их действий и во всех подобного рода делах, в соответствии с примечанием к 21 ст. Общего Положения о крестьянах 1902 г., им было предоставлено право руководствоваться местными обычаями. Из этого общего правила закон 12 июня 1889 г. изъясил вопросы отчуждения принадлежащих несовершеннолетним крестьянам имуществ¹¹.

В крестьянской, как и в дворянской опеке, способ отчуждения имущества, а именно порядок получения разрешения на продажу, зависел от его вида. В кон. XIX - нач. XX вв. происходило законодательное уточнение того, к какому виду относилось то или иное имущество. В 1881 г. было принято решение Гражданского Кассационного Департамента Сената №113, позднее в 1886 г. принято дублирующее решение №79, в обоих решениях указывалось, что строения, предназначенные на снос и снос, без права обладания нераздельно с землей, относились к разряду движимых имуществ. Такое имущество отчуждалось по приговорам сельских приговоров, утвержденных Губернским Присутствием. Указом II Департамента Сената 20 февраля 1909 г. №1252 на основании этих двух решений 1881 г. и 1886 г. было признано, что разрешение для продажи на снос строений, принадлежащих малолетним крестьянам, также должно производиться в порядке, установленном для продажи движимых имуществ¹². В 1909 г. II Департаментом Сената было принято новое Указание №3305 относившее строения, находящиеся на арендной земле и принадлежащие малолетним крестьянам, к недвижимым имуществам, т.е. они должны были отчуждаться с разрешения сельского схода, при последующем утверждении приговора на продажу губернским присутствием¹³. Следующим примером разработки вопроса об отнесении имущества к разным видам являлся указ 1908 г., в соответствии с которым лошадь, жеребенок и носильное платье изымались из разряда жизненных припасов, а также вещей, скорому тлению и другим тратам подверженных, для их продажи опекунам требовалось получить разрешение не только схода, но и Губернского Присутствия¹⁴. Принятый указ призван был защитить именно то имущество в хозяйстве сироты, потеря которого была наиболее болезненна для его материального благополучия.

Одним из направлений законодательной политики в кон. XIX - нач. XX в. была защита земельного фонда сельских обществ, сохранность принадлежащей крестьянам наделной земли. В исследовании правоведа – современника проблемы А.П. Тютчева указывалось, что действие закона 14 декабря 1893 г. «О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских наделных земель» распространялось и на земельные наделы сирот. На основании закона участки наделной земли, приобретенные отдельными крестьянами или состоящие в подворно-наследственном их пользовании, могли быть отчуждаемы только в пользу лиц, приписанным или приписывающимся к сельским обществам. Передача прав на владение землей могла осуществляться с помощью дарения или продажи, как добровольной, так и с торгов за недоимку в окладных сборах или же в выкупных платежах¹⁵.

В 1883 г. в постановлении Сената было произведено различие в отчуждении наделных и вненаделных крестьянских земельных участков. Вненаделными назывались земли, находящиеся вне пределов сельских обществ и к разряду кре-

стьянских имуществ не принадлежащих, разрешение на их продажу опекунам необходимо было получать в Сенате¹⁶. В утвержденных 1 февраля 1877 г. временных правилах «О порядке отчуждения и залога вненадельных земель, принадлежащих малолетним крестьянам» был утвержден порядок передачи прошения в Сенат, который осуществлялся через Губернское по крестьянским делам Присутствие¹⁷. К надельным были законодательно отнесены земли, находящиеся в черте надела, который поступил в собственность крестьян на основании положений о сельском состоянии. К надельной земле в нач. XX в. с помощью сенатского указа 1903 г. была отнесена и выкупленная земля, поэтому право на ее отчуждение опекун получал у губернского по крестьянским делам присутствия¹⁸.

Причины продажи вненадельного имущества были законодательно ограничены. Возбуждать перед Сенатом ходатайства о разрешении продажи вненадельного имущества малолетних крестьян Губернское Присутствие могло лишь в случаях, перечисленных в ст. 277 Гражданских Законов. В нач. XX в. одна из причин продажи, а именно раздел наследственного имущества между малолетними сиротами и совершеннолетними, была дополнена: раздел имущества мог производиться также в случае замужества одной из опекаемых сирот¹⁹. В 1908 г. указом II Департамента Сената в вопросе раздела наследственного имущества было сделано уточнение, в соответствии с которым продажа нераздельного имения была допустима лишь с общего согласия совладельцев, а в случае разногласия, необходим был формальный раздел такого имущества²⁰. Наряду с уточнением и детализацией вопросов, связанных с отчуждением опекунами вненадельных сиротских имуществ, законодателями рассматривался вопрос о порядке получения разрешения на продажу. Впервые этот вопрос был затронут решением II Департамента Сената в 1891 г. В решении достаточно скупо было обозначена обязанность губернаторов предоставлять в Сенат сведения о том, являлась ли выгодной данная продажа, и могло ли имущество быть продано за ту сумму, которая была указана в приговоре крестьян²¹. Единственного постановления, касающегося порядка получения разрешения на продажу, было не достаточно для четкого функционирования механизма. Этот недостаток был исправлен принятием в 1896 г. сенатского указа №859. При возбуждении перед Правительствующим сенатом ходатайства о разрешении продажи недвижимого имущества малолетних крестьян должен был быть предоставлен целый перечень документов: подписка опекуна малолетних о согласии на продажу, приговор сельского общества, удостоверяющий необходимость продажи и проверенный земским начальником, сведения о причинах продажи, точная опись всего имущества малолетних и их долгов, тщательно проверенная земским начальником, два заключения о необходимости продажи, составленные земским начальником и губернским присутствием²².

Разделение земель на надельные и вненадельные продолжало существовать и после изменений, произошедших в землепользовании крестьян в результате реформ нач. XX в. Ни Высочайшим манифестом от 3 ноября 1905 г., ни Высочайшими указами от 5 октября и 1 ноября 1906 г. не был отменен порядок разрешения продажи имущества малолетних крестьян. Решением Сената №5578 в 1907 г. был сделан вывод о том, что существующее между вненадельными и бывшими надельными землями различие в отношении порядка продажи не отменялось²³. Участки, укрепленные в личную собственность на основании закона 14 июня 1910 г., подчинялись как до, так и после выдела их к одному месту, действию правил о надельных землях²⁴.

Таким образом, в кон. XIX – нач. XX в. опекуны в дворянском и крестьянском сословии при распоряжении имуществом опекаемого были наделены в большей степени обязанностями, чем правами. Основной тенденцией эволюции правового статуса опекунов являлось увеличение их подчиненности опекунским учреждениям. Имущество сирот было разделено на несколько видов, и в зависимости от того, к какому виду оно относилось, опекун обладал различной степенью прав по распоряжению им. Распоряжение сиротским имуществом опекунами-крестьянами постепенно

к кон. XIX в. выходит из-под действия народного обычая и начинает подчиняться гражданским законам.

Примечания:

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/105621>
2. ПСЗ. Т.10. Ст. 277. М., 1994. С. 26.
3. Кассационное решение Сената 1903 г. №142 / Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1907. С. 679-680.
4. Решение Сената 1904 г. №80/ Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга первая. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://lib.brstu.ru/website/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1782.html
5. ПСЗ. Т.10. Ст. 277. М., 1994. С. 26.
6. Общее Положение о крестьянах. Ст. 64, 65, 69. // ПСЗ. Особое приложение к Т.9, издания 1902 г. М., 1994. С. 18-19.
7. Общее Положение о крестьянах. Ст. 1, примеч. 2. // Там же. С. 1.
8. Общее Положение о крестьянах. Ст. 57. // Там же. С. 16.
9. Общее Положение о крестьянах. Ст. 106. // Там же. С. 25.
10. Указ II Департамента Правительствующего Сената 1906 г. №845 // Тютчев А.П. Опекa у крестьян над малолетними и несовершеннолетними сиротами, безумными, сумасшедшими, глухонемыми, немыми, над имуществом должников, неизвестно отсутствующих и над расточителями. СПб., 1912. С. 53.
11. Решение Общего Собрания Кассационного Департамента 1898 г. №16 // Рабинович А.С. Опекa и попечительство по действующему русскому законодательству. М., 1913. С. 179.
12. Указ II Департамента Правительствующего Сената 20 февраля 1909 г. №1252 // Тютчев А.П. Опекa у крестьян... С. 57.
13. Указ II Департамента Сената 1909 г. №3305. // Рабинович А.С. Опекa и попечительство... С. 184.
14. Указ II Департамента Сената 20 марта 1908 г. № 1864 // Тютчев А.П. Опекa у... С. 57-58.
15. Тютчев А.П. Опекa у крестьян... С. 54.
16. Решение II Департамента Сената 4 февраля 1883 г. № 370/ Рабинович А.С. Опекa и попечительство ... С. 184.
17. Опекa над личностью и имуществом малолетних сирот сельского состояния. Узаколения и решения Правительствующего Сената по крестьянским опекам. / Сост. – А.К. Боровский. Петрозаводск, 1900. С. 20.
18. Указ II Департамента Сената 7 октября 1903 г. №5375 // Тютчев А.П. Опекa у крестьян... С. 53.
19. Указ II Департамента Правительствующего Сената 9 октября 1907 г. №4406 // Тютчев А.П. Опекa у крестьян... С. 51.
20. Указ II Департамента правительствующего сената 25 сентября 1908 г. №4300 // Тютчев А.П. Опекa у крестьян ... С. 64.
21. Решение II Департамента Сената 5 февраля 1891 г. №779 // Рабинович А.С. Опекa и попечительство... С. 184.
22. Указ II Департамента Сената 5 февраля 1896 г. №859 // Тютчев А.П. Опекa у крестьян... С. 63.
23. Решение II Департамента Сената 22 ноября 1907 г. №5578 // Рабинович А.С. Опекa и попечительство... С. 184.
24. Закона 14 июня 1910 г. Ст. 39 // Тютчев А.П. Опекa у крестьян... С. 54.

ПОМЕЩИК И КРЕСТЬЯНИН В НАРОДНОМ ФОЛЬКЛОРЕ*

И.А. Шеенко, Е.Н. Меньшикова

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается система взаимоотношений крестьян и помещиков, отраженная в русском народном творчестве (сказки, песни, пословицы). Делается попытка выявить крестьянское общественное мнение, как они видели и оценивали помещиков, их власть.

Ключевые слова: помещик, крестьяне, представления, добродетель, социальная психология.

LANDLORD AND PEASANT IN THE NATIONAL FOLKLORE

I.A. Sheenko, E.N. Menshikova

Belgorod National Research University

The paper considers the system of relations of the peasants and the landlords in the oral national work (the stories, the songs, the proverbs). The author make an attempt to reveal the peasant social opinion, how they saw and estimated the authority of the landlords.

Key words: landlord, the peasants, ideas, virtue, social psychology.

Социально-психологические взаимосвязи барина и крестьянина в контексте представлений последнего о социальной природе добра и зла, возможно проследить через изучение установок сознания крестьян в народном фольклоре. Это позволит выявить воззрения крестьян на помещичью власть, показать специфику социально-экономических отношений между ними, различие сфер жизнедеятельности «благородных людей» и простых землевладельцев.

Традиционная ментальность крестьян заключалась в том, что за продолжительное время существования периода крепостничества, как определенного исторического этапа крестьянской жизни, в воззрениях крестьянства дореформенного периода было четкое осознание их личной зависимости от помещика. Традиционализм одним из источников функционирования всегда имеет коллективную память. Отсюда, через определенный социально-психологический механизм в крестьянской среде наследовались прошлые нормы поведения, подчинения, ценности и правила, которые сохранялись и интегрировались и передавались при помощи различных социальных и государственных институтов¹. Другими словами, помещик для крестьянина был близкой и абсолютной персоной, в которой сосредотачивалась чаще всего репрессивная и единоличная власть.

Этот факт находит подтверждение в народных пословицах, что является отражением глубоко укоренившейся традиции в системе взаимоотношений помещиков и их крепостных крестьян. Так, например: «Казенный мужик живет, как Господь велит, а боярский – как барин велит», «Барская просьба хуже приказа»², «Бог велит, а барский, как барин рассудит»³, «Господин, что плотник, что захочет, то и вырубит», «Государи наши! Воля ваша, хотя на нас дрова возите, лишь понемногу кладите»⁴. Телесные наказания тоже в ряде случаев считались нормой, в качестве иллюстрации служат пословицы: «Душа - Божья, голова - царская, спина – барская»⁵, «Не бойся палки, бойся греха»⁶. Интересно и то, что у крестьян выработалась «привычка» к телесным наказаниям настолько, что в ряде примеров неупотребления розог при допросах считалось знаком исключительно дурного отношения помещиков или поверенных к тому или другому обвиняемому в чем-либо крестьянину⁷. Кроме этого, рабская психология и критика самодержавия скрыта за сказочными мотивами, они от-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых-кандидатов наук, проект № МК-843.2012.6.

ражают жизнь России, в которой имела место неограниченная власть помещиков по отношению к своим крепостным крестьянам. К примеру, в сказке «Самоотверженный заяц» М.Е. Салтыкова-Щедрина, главный герой которой заяц, является олицетворением повиновения и надежды на милосердие «хищников», воспитанные в сознании крестьян на протяжении веков гнета и возведенные в степень добродетели: «И вдруг, словно в забытьи (опять, стало быть, волка вспомнил), прибавил: - А может быть, волк меня... ха-ха и помилует!»⁸. Идея сказки в том, что повиновение все-таки сильнее инстинкта самосохранения, волки могут верить в покорность зайцев и рабские привычки были сильны в обществе: « - Здесь я! Здесь – крикнул косою, как сто тысяч зайцев вместе. И кубарем скатился с горы в болото. И волк его похвалил. – Вижу, - сказал он, - что зайцам верить можно. И вот вам моя резолюция: сидите, до поры до времени, оба под кустом, а впоследствии я вас... ха-ха... помилую!»⁹.

Важно отметить, что институт монархии и традиции крепостного крестьянства способствовали устойчивому функционированию определенных норм поведения, они давали каждому крестьянину ощущение оправданности и целесообразности существующих норм подчинения помещичьей власти, поэтому реформа отмены крепостного права 19 февраля 1861 г. не могла в одно мгновение изменить социально-психологические воззрения помещиков и крестьян и как следствие, их межличностные отношения. Если барин может понять своего раба, то раб ничего не понимает в быту и миру господ. Да и барское понимание ограничено: видят быт, видят психологию, но того, что за бытом и психологией – тысячелетние традиции, религиозный мир крестьянства – «христианство», - еще не чувствует¹⁰. В этой связи, новый пореформенный сословно-правовой статус крестьян входил в противоречие с социально-психологическим традиционализмом дворян-помещиков. Что же касается крестьянина, то общество Российской империи, в его понимании, делилось на две категории: «кто мужик» и «кто не мужик». Мужик - это крестьянин, не мужик - все остальные категории населения, но чаще, это «господа», «бары». Первая категория крестьянину была ясна, так как он сам принадлежал к ней. Крестьянский образ жизни он считал самым естественным и правильным, который включал в себя: жить в общине, верить в Бога, служить царю, работать на земле, одеваться по-крестьянски. В большинстве народных песен, пословиц, поговорок прослеживается темы, связанные с землей: поле, хлеб, что являлось основой жизни крестьянина. К примеру, песня о поле:

*«Полоса-ль моя, полосынька
Полоса-ль моя не пахана
Не пахана, не скорожена
Заросла-ль моя полосынька
Частым ельничком, березничком.
Молодым горьким осинничком...»¹¹.*

Следующие пословицы наглядно показывают повседневные реалии крепостных людей: «Земля матушка – обогатительница наша»¹², «Государь – батька, земля матка»¹³, «Бога бойся, а царя почитай», «Никто против Бога да против Царя»¹⁴, «Жить – богу служить», «Господь повелел от земли кормиться», «Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится»¹⁵. Многовековой опыт трудовой жизни крестьян получил отражение и в былинах, в них русский народ традиционно показан народом-пахарем. В частности, былина о Микуле Селяниновиче: «Микула во чистом поле свою соловенькую лошадку – знай понукивает, с края в край, бороздочку отваливает, корки сохой выворачивает крестьянствует, приготавливая с Божьей помощью распаханную – засеянную нишу-новь новым поколением народа-землепашца. С непокрытой головой, с расстегнутым воротом – с душой на распашку, в самодельных лаптях виден этот могучий сын могучего народа посреди безгрешного простора полей, убе-

гающих в неоглядную даль, увлекающих за собой взоры. Ветер свободно по широкому полю, налетает на него, треплет густые пряди русских прядей добра молодца, обвеивает его открытую, пышущую зноем, могучую грудь. Налетай сама буря грозная, не только не свалить с крепких ног, а даже не покачнуть ей богатыря Микулу. Вера в свое вечное в свое святое призвание – в сердце его; сила, несокрушимая сила в мускулистых, железных руках пахаря. Нет у Микулы ни меча булатного, ни лука скорострельного у Селяниновича, нет острого копыя мурзамецкого: силен он сам собой, да своей сохой крестьянской»¹⁶. В русской простонародной мудрости царю отводится далеко не самое последнее место. «Царь-государь», «добрый ласковый властитель народа-пахаря», – так зовется он в крестьянской поэзии, также воспевались русским народом царские милости, славились походы государевы. Важно отметить то, что крестьяне считали власть правителя России оправданной, по их мнению, она была вручена ему свыше. Следующие пословицы иллюстрируют это: «Никто против Бога, ничто против Царя», «Никто – как Бог да государь», «Русской земле нельзя без государя быти», «Без Бога свет не стоит, без царя – страна не правится», «Без царя – народ сирота, земля – вдова», «Народ – тело, царь – голова», «Где царь – тут и правда», «Царь без слуг – как без рук», «Холоден, голоден – царю не слуга»¹⁷. Таким образом, в крестьянском сознании царь, в отличие от помещика, обладал лучшими человеческими качествами, поэтому он не выносился за рамки своего и считался «своим», в отличие от мира «господ».

Совсем другой был мир помещиков. Сословно-правой статус барина по представлениям крестьян, показан, в таких пословицах, как «С боярами знаться – ума набираться», «Кабы не барский разум, да не мужицкая простота, все бы пропали», «Барская милость – Божья роса», «Дворянская служба – красная нужда», «Боярин в неволе у прихотей своих», «Дворянский сын с погляденья сыт»¹⁸, «Каков барин, таков и крестьянин»¹⁹. По некоторым пословицам также прослеживается, что крестьянин достаточно четко понимал свое неравенство с помещиком. В частности, «Барин за барина, мужик за мужика»²⁰, «С боярами не ешь вишен, костями закидают», «Холоп на боярина не свидетель», «Не Макару с боярами знаться», «Красны боярские палаты, а у мужиков все избы на бок»²¹. Они жили, по мнению крестьянина за счет его труда, до освобождения могли бесконтрольно распоряжаться имуществом и даже жизнью крепостных людей. Ярким примером служат пословицы: «Неволя, неволя – боярский двор: ходя, наешься, стоя выплещешься»²², «В боярский двор ворота широки, выход узок» (о кабале), «Белые ручки – чужие труды любят»²³, «Господской работы не переработаешь»²⁴, «Нужда учит, а барщина мучит»²⁵. В сказке «Коняга» М.Е. Салтыкова-Щедрина показана экономическая зависимость от помещиков и интенсивность эксплуатации крепостного крестьянина, он представлен в образе не только мужика, но и в параллельном образе «Коняги»: «Коняга – обыкновенный мужичий живот, замученный, побитый, узкогрудый, с выпяченными ребрами, обожженными плечами, с разбитыми ногами. Голову Коняга держит понуро; грива у него свалась; из глаз и ноздрей сочится слизь, верхняя губа отвисла, как блин. Немного на такой животине наработаешь, а работать надо. День-деньской Коняга из хомута не выходит. Летом с утра до вечера землю работает; зимой вплоть до ростепели, «произведения возит»²⁶. Кроме этого, государственный гнет крестьянин ощущал в форме помещичьего притеснения, поскольку именно помещик собирал налоги, был первым полицейским и судьей в имении и др. Не забыты крестьянами и разные сборы, они отразились в таких пословицах, как: «Земля любит навоз, конь – овес, а бояре – принос», «Утино зоба не накормишь, господского кармана не наполнишь», «Барская курица бессмертна»²⁷.

В любой сословной общности, каковой являлось крестьянство, всегда присутствовали проявления социального девиантного поведения, выходящего за рамки установленные традицией. В основном, это были различные проявления форм протеста, как казалось крестьянам, нехристианского отношения к ним, нарушения тра-

диционно установившихся форм эксплуатации и личного пространства крепостного. Крестьянское недовольство реальным помещичьим произволом, нехристианским отношением к ним, нарушением традиционно установившихся форм эксплуатации и личного пространства крепостного также получило свое отражение в устном народном творчестве. Следующие пословицы передают негативные чувства крестьян по отношению к социальной основе самодержавного общества: «Были были и бояре волком выли», «Мы и в аду служить будем на бар: они будут в котле гореть, а мы дрова подкладывать», «Родом дворянин - делом - жидовин», «Хвали рожь в стогу, а барина в гробу», «Хоромы - кривые, сени - лубяные, слуги - босые, собаки - борзые, да без индейского петуха - барин не барин», «Не столько у Бога дней впереди, сколько у барина затей»²⁸, «Панская воля – наша доля, «Паны – як дурни: что хотят, то делают»²⁹. Так, в сказке «Дикий помещик» М.Е. Салтыкова-Щедрина ведется рассказ о помещике, который испытывал ненависть к крестьянам и любыми путями хотел от них избавиться: « Курица ли крестьянская в господские овсы забредет – сейчас ее, по правилу, в суп; дровец ли крестьянин нарубить, по секрету, в господском лесу соберется – сейчас эти самые дрова на господский двор, а с порубщика, по правилу штраф. Скотина на водопой выйдет - помещик кричит: «Моя вода!» - курица за околицу выбредет - помещик кричит: «Моя земля! И земля, и вода, и воздух-всё его стало!»³⁰. В сказке, в первую очередь, высмеиваются такие пороки помещика, как неумение работать, лень, нерадивость, глупость и невежество «был тот помещик глупый, читал газету «Весть» и тело имел мягкое, белое и рассыпчатое»³¹. К тому же, показано бесправное положение крестьянства в царской России: «Лучины не стало мужику в светец зажечь, прута не стало, чем избу вымести...»³². Смысл заключается в том, что помещик без крестьян становится беспомощным, грязным и диким зверем: «И вот он одичал. Хоть в то время наступила уже осень, и морозцы стояли порядочные, но он не чувствовал даже холода. Весь он, с головы до ног, оброс волосами, словно древний Исав, а ногти у него сделались как железные. Сморгаться уж давно перестал, ходил же все больше на четвереньках и даже удивлялся, как он прежде не замечал, что такой способ прогулки есть самый приличный и самый удобный. Утратил даже способность произносить членораздельные звуки и усвоил себе какой-то особенный победный клик, среднее между свистом, шипением и рывканьем. Но хвоста еще не приобрел...»³³.

Помимо отрицательных качеств помещика, крестьянин указывал на его неумение хозяйствовать на земле, считая помещика простаком в житейских вопросах, это стало характерно для пореформенного периода, противопоставляя этому свой тяжелый жизненный опыт. Они с насмешкой относились к способностям помещиков-дворян в аграрной сфере, совсем в них не верили. Крестьянская сметливость наглядно показана в русской народной сказке «Мужик и медведь. Мужик знал неопытность медведя (помещика) в хозяйственных вопросах, неумение его извлечь из земли хорошую выгоду, и использовал этот хозяйский «добродетель» в свою пользу, оставшись и в одном и в другом случае, с урожаем³⁴. Так, существуют и пословицы, которые описывают нетрудящегося, ленивого барина: «Бары крупчаты, да сдобные, а мужики - ржаные, да с закалом», «Раздень меня, разуй меня, уложи меня, покрой меня, переверни меня, а там, поди - усну сам», «Боярская хворь - мужицкое здоровье»³⁵, в сравнении с этим, пословицы, описывающие тяжелый труд мужика: «Меж сохи, да бороны, не укроешься», «От крестьянской работы не будешь богат, будешь горбат», «Мужицкими мозолями, и бары сыто живут», «Мужик живет не богат, а живет горбат»³⁶, «Зарю проспять - гроша не достать». «Заря работу родит, работа - деньгу растит», «День денежку берет, заря денежку кует»³⁷. Типичная рабская покорность и способность крестьянина преодолеть любые возникшие трудности прослеживаются по сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». В свою очередь, генералы, как представители привилегированного сословия, оказались совсем неприспособленными к жизни, не имевшие даже представления, как

добыть себе еду: «- Кто бы мог подумать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растет? – сказал один генерал. – Да, - отвечал другой генерал, - признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде рождаются, как их утром к кофею подают! - Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как все это сделать? – Как все это сделать? – словно эхо, повторил другой генерал»³⁸.

Таким образом, как помещики, так и крестьяне выполняли определенные роли в общественно-политической жизни страны, одни в качестве ведомых, другие являлись ведущими, поэтому между ними существовало противостояние, образовавшееся путем поступательного углубления целого комплекса взаимных претензий. В народном фольклоре, показан менталитет крестьянства - его покорность, терпение, который сформировался в период существования института крепостного права. Трудовая повседневность крестьян изображена в неразрывной связи с помещичьим землевладением, поэтому основой взаимоотношений являлись аграрные социально-экономические отношения, остальные аспекты жизнедеятельности проистекали из них. В отношениях помещиков и крестьян многое зависело от нравственных качеств помещика. Добрый барин, согласно психологии подвластных людей, имеет такие положительные нравственные качества, как требовательность в разумных пределах, привычная система наказаний, в основном телесных, положительное участие в жизни крестьян, с таким помещиком строились патриархальные отношения, когда он проявлял заботу о своих крепостных помогал им в трудную минуту, не нарушал личного пространства и др. Чаще всего показаны пороки помещиков, такие, как лень, тирания, невежество, жадность, глупость, это иллюстрирует, что добрые отеческие отношения уступали произволу с их стороны, что вызывало отрицательные эмоции у крестьян по отношению к помещикам.

Примечания:

1. Шкуратов В.А. *Историческая психология*. М., 1997. С. 116-119.
2. Отшельник Мери-Хови *Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. (Русско-народная философия)*. СПб., 1882. С. 113.
3. Воскресенский В. *Русская народная поэзия. Сборник сказок, былин, исторических и бытовых песен, обрядов, пословиц, загадок*. СПб., 1902. С. 289.
4. Иллюстров И.И. *Сборник российских пословиц и поговорок*. Киев, 1904. С.91., С. 96.
5. *История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т III. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.)*. М., 1993. С. 438.
6. Отшельник Мери-Хови. *Указ. соч.* С. 114.
7. Снегирев И.М. *Новый сборник русских пословиц и притчей, служащий дополнением к собранию 1848 г.* М., 1857. С. 36.
8. Салтыков-Щедрин М.Е. *Господа Головлевы; Сказки*. М., 1983. С. 310.
9. *Там же*. С. 311.
10. Барينو Е.П. *Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик*. М., 2008. С. 210.
11. Коринфский А.А. *Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа*. М., 1901. С. 20.
12. *Там же*. С. 634.
13. Иллюстров И.И. *Указ. соч.* С. 69.
14. Симоны П.К. *Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и прочее XVII-XIX столетий*. Вып.1. СПб., 1899. С. 83.
15. Даль В.И. *Пословицы русского народа*. [Эл. ресурс] // Режим доступа: <http://pribautka.ru/proverbtdahl/proverbtdahl.html>.
16. Коринфский А.А. *Указ соч.* С. 6.
17. *Там же*. С. 104.
18. Отшельник Мери-Хови. *Указ соч.* С. 113-114.

19. Иллюстров И.И. Указ соч. С. 91.
20. Там же. С. 33.
21. Отшельник Мери-Хови. Указ соч. С. 113-114.
22. Иллюстров И.И. Указ. соч. С. 96.
23. Отшельник Мери-Хови. Указ. соч. С. 114.
24. Иллюстров И.И. Указ соч. С. 96.
25. Даль В.И. Указ. соч.
26. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы; Сказки. М., 198. С. 361.
27. Иллюстров И.И. Указ. соч. С. 99.
28. Отшельник Мери-Хови. Указ соч. С. 114.
29. Иллюстров И.И. Указ соч. С. 91.
30. Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. С. 295.
31. Там же. С. 294.
32. Там же. С. 295.
33. Там же. С. 299.
34. Русская народная сказка «Мужик и медведь. [Эл. ресурс] // Режим доступа: <http://www.kostyor.ru/tales/tale92.html>.
35. Отшельник Мери-Хови. Указ соч. С. 114.
36. Даль В.И. Указ. соч.
37. Коринфский А.А. Указ соч. С. 40.
38. Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. С. 289.

**ПОРЕФОРМЕННОЕ РАЗОРЕНИЕ ПОМЕСТНЫХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ
В КОНТЕКСТЕ ДВОРЯНСКОГО ВОСПРИЯТИЯ СУДЬБЫ СОБСТВЕННОЙ
СОСЛОВНОЙ КОРПОРАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А.
БУНИНА И С.Н. ТЕРПИГОРЕВА)***

**Д.О. Тимиряев
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается отражение дворянского отношения к процессу упадка дворянства, и в особенности, помещиков в пореформенной России. Время реформ было трудным для дворянства. Представляет интерес попытка проанализировать восприятие писателями - дворянами этих перемен. На страницах их произведений мы сталкиваемся с их оценкой происходящего.

Ключевые слова: пореформенная Россия, дворяне, помещики, Бунин, Терпигорев, «Антоновские яблоки», «Оскудение».

**THE POST-REFORM RUIN THE LOCAL OWNERS IN CONTEXT OF THE
NOBLE PERCEPTION OF THE FATE OF OWN ESTATE CORPORATION
(BASED ON WORKS BY I.A. BUNIN AND S.N. TERPIGOREV)**

**D.O. Timiryayev
Belgorod National Research University**

In this article author makes a careful study of nobles' reaction on Russian nobility, especially landowners, falling into decline after reforms. Reforms meant hard times for nobles. It is interesting to analyze it's perception by writers of that time.

Key words: post-reform Russia, nobles', landowners, Bunin, Terpigorev, «Antonov apples», «Impoverishment».

* Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта № 6. 2922. 2011 «Исследование специфики формирования нового социального статуса у представителей различных сословий провинциальной России в 60-90-е гг. XIX века (проблемы социальной адаптации)», выполняемого в рамках Государственного задания Минобрнауки России подведомственным вузам на выполнение НИОКР.

Не секрет, что время «Великих реформ» 60-70-х., гг. было очень болезненным для дворянства. Это сословие, лишенное прежних, весьма многочисленных привилегий, теряло свою лидирующую роль. Данный процесс «оскудения» виден на примере всех страт дворянского сословия, помещиков, которые вырождались, и причиной этого упадка было их неумение приспособиться к новой жизни. Как отмечает Сеймур Беккер, современный американский историк, специалист по истории России: «привыкнув полагаться на бесплатный труд крепостных, дворяне-землевладельцы не имели ни малейших шансов на выживание в мире, где им пришлось конкурировать с предприимчивыми выходцами из нижних слоев общества»¹. За исключением, тех дворян - землевладельцев, которые смогли перестроить свои хозяйства на новый лад.

Крайне интересно, изучение личного отношения дворян, помещиков к происходящим процессам в стране. Особенно на уровне отдельно взятого человека, используя, литературные произведения таких писателей как И.А. Бунин и С.Н. Терпигорева. Данные авторы были не просто выходцами из дворянского сословия. Сергей Николаевич Терпигорев был тамбовским помещиком. Иван Алексеевич Бунин вырос в семье обедневших помещиков. Кто как не они могут выражать мысли и думы их сословия. К тому же, изучение их личностного отношения, взгляда на происходившие перемены, хорошо иллюстрируют выводы социальной психологии, весьма связанной с исторической психологией. Оба эти научные направления, серьезно развивающиеся в последнее время, подводят под наше исследование широкую психологическую базу.

При анализе их взглядов нужно помнить несколько закономерностей, выведенных социальной психологией. Во-первых: людям гораздо легче представить себе причины, по которым они могут быть правы, чем причины, по которым могут ошибаться. К тому же люди гораздо более склонны к поиску информации, подтверждающей их убеждения, чем к поиску сведений, опровергающих их².

Во-вторых, впоследствии легче вспоминается яркая, живая информация³. Данная мысль очень важна, так как в произведениях Терпигорева описанию смешных и даже нелепых случаев посвящено значительное место. В результате, собственные мысли автора теряются на фоне общего гротеска. Ведь броские сообщения могут показаться более информативными, нежели менее эффектная, но более объективная информация. На журналистов, как и на их читателей, более сильное впечатление может произвести живой рассказ, чем бесстрастное исследование.

В-третьих, как писал Дэвид Джордж Майерс, известный современный американский специалист по социальной психологии: «направляемые собственными предубеждениями, чрезмерно уверенные в себе, готовые поверить даже сомнительной информации, если она живо преподносится, видящие взаимосвязь там, где её не может быть в принципе, мы создаем собственные социальные убеждения и влияем на других, чтобы подтвердить их»⁴.

Таким образом, изучение социальных убеждений и суждений позволяет нам понять механизм формирования и сохранения убеждений, которые порой становятся причиной заблуждений. Как отмечал, Майерс: «Подобно тому, как зрительные иллюзии - побочный продукт перцептивных механизмов, помогающих нам систематизировать сенсорную информацию, наши ошибочные суждения - это побочный продукт мыслительных стратегий (эвристики), которые обычно не подводят нас. Но от этого они не перестают быть ошибками - ошибками, которые способны сделать наше восприятие реальности искаженным, а суждения об окружающих - пристрастными»⁵.

К тому же, исследователи должны иметь в виду, что именно социальная ситуация порождает и поддерживает предрассудки, с которыми мы неизбежно сталкиваемся в процессе нашего исследования, несколькими способами⁶. Группа, которая получает выгоду от своего более высокого социального и экономического статуса,

нередко оправдывает их, призывая на помощь соответствующие убеждения. Источником предрассудков может быть и наша социальная идентификация. Последнее очень важно, так как помогает понять, что в условиях потери сословных привилегий, являющихся своеобразными «маркерами» социальной идентичности, нужно максимально отмежеваться от других, тоже теперь равных, пусть хоть и таким путем, но чтобы не раствориться в море «равных подданных».

Рассматривая историографию вопроса нельзя не согласиться с мнением В.А. Шаповалова, автора исследований посвященных дворянскому вопросу пореформенной России: «к числу наименее исследованных сословий относится дворянство, несмотря на его доминирующую роль во всесословной структуре российского общества. Традиционно на протяжении последних семидесяти лет приоритет отдавался изучению пролетариата и крестьянства»⁷. Данная мысль весьма закономерна. По нашему мнению, для дореволюционных историков, различных направлений, тема дворян была «животрепещущая», близка, соответственно, крайне субъективно. Советские историки также субъективно подходили к делу, но уже из-за марксистской парадигмы. Лишь только сейчас, с приходом плюрализма в научную практику, тема дворянства, крепостного права получили широкое освещение, особенно на региональном уровне.

Как уже отмечалось выше, Иван Алексеевич Бунин (1870-1953) родился в старинной дворянской семье обнищавших помещиков в Воронеже, где прожил первые три года своей жизни⁸. В дальнейшем семья переехала в имение Озёрки, той же Воронежской губернии⁹. В дальнейшем, как пишет Бабореко, автор биографии писателя: «До 11 лет воспитывался дома, в 1881 г. поступает в Елецкую уездную гимназию, в 1885 г. возвращается домой и продолжает образование под руководством старшего брата Юлия»¹⁰. Таким образом, детство писателя прошло на фоне уже бесповоротного упадка, «оскудения» помещиков. Будущий писатель своими глазами видел пореформенное состояние дел в деревне, в имениях. На его глазах нищала семья, поэтому в его произведениях посвященных данным годам, и особенно в «Антоновских яблоках (1900)» сквозит неприкрытая грусть, тоска, даже ностальгия: «Склад средней дворянской жизни еще и на моей памяти, - очень недавно, - имел много общего со складом богатой мужицкой жизни по своей домовитости и сельскому старосветскому благополучию»¹¹.

Как не почувствовать размаха упадка в следующем фрагменте: «За последние годы одно поддерживало угасающий дух помещиков - охота. Прежде такие усадьбы, как усадьба Анны Герасимовны, были не редкость. Были и разрушающиеся, но все еще жившие на широкую ногу усадьбы с огромным помещьем, с садом в двадцать десятин. Правда, сохранились некоторые из таких усадеб еще и до сего времени, но в них уже нет жизни... Нет троек, нет верховых «киргизов», нет гончих и борзых собак, нет дворни и нет самого обладателя всего этого – помещика – охотника, вроде моего покойного шурина Арсения Семеныча»¹².

В конце концов, следующая мысль автора явно констатирует современное Бунину положение дел у помещиков: «Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищенства!...»¹³.

Итак, мы наблюдаем, скорее, меланхолически – ностальгирующее отношение. Автор прекрасно понимает, что процесс уже не обратим. Остается довольствоваться тем, что есть, что он и делает: «хороша и мелкопоместная жизнь!»¹⁴.

Совсем другое отношение мы встречаем у более старшего современника Бунина С.Н. Терпигорева, писавшего под псевдонимом С. Атава. Как пишет А.П. Могиланский, историк русской классической литературы: «Сергей Николаевич Терпигорев (1841-1895) родился в имении своего отца в селе Никольском Усманского уезда Тамбовской губернии. Будущий писатель получил домашнее образование»¹⁵. Жизнь близких и дальних родственников Терпигорева впоследствии послужила писателю богатым материалом для художественных произведений. Терпигорев - писатель

преимущественно одной темы. Его интересуют, прежде всего, исторические судьбы русского помещного дворянства, его быт и нравы.

«Оскудение» (1880) почти целиком посвящено пореформенной эпохе, 60-м и 70-м годам. По мнению исследователей: «Произведение основано преимущественно на материалах семейной хроники автора, его близких и дальних родичей и соседей – помещиков. Этот локальный момент в жизненных наблюдениях автора им неоднократно подчеркивался (например, подзаголовок «Оскудения» первоначально был следующий: «Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика»). Терпигорев задался целью доказать, что реформа 1861 г. в первую очередь разорила не крестьянство («оскудение» которого писатель также не отрицал и собирался о нем писать), а помещное дворянство»¹⁶. Теме массового, почти поголовного разорения («оскудения») русского дворянства и посвящены очерки и рассказы Терпигорева, объединенные этим общим заглавием.

Могиланский отмечал: «Сильной стороной «Оскудения» является его критическая часть, разоблачение ничтожества, морального разложения и культурной деградации помещного дворянства»¹⁷. Читая «Оскудение», мы полностью соглашаемся с Могиланским. Автор с гневом, и по его собственному признанию, с болью, пишет об упадке, создавая картину поистине непроглядного мрака. Автор часто доводит ситуацию до гротеска, активно использует нелепые случаи, показывая, в первую очередь, через них картину деградации помещиков, дворян. Атава даже называет причины приведшие, по его мнению, к оскудению: «Я убежден, что скажу безусловную истину, утверждая, что помещики разорились и продолжают разоряться потому только, что никогда не делали того, что им следовало и следует делать. Мужики пахут, купцы торгуют, духовные молятся, а что делали помещики? Они занимались и развлекались всем, чем угодно - службой, охотой, литературой, амурами, но только не тем, чем им следовало заниматься.

У тебя есть земля, сиди на ней сам и детей приучай сидеть на ней»¹⁸. Писатель, во многом, конечно, прав. Действительно, многие из помещиков совсем не занимались сельским хозяйством. Но мечтать о том, что бы все его собратья по сословию занимались и успешно своими поместьями - чистой воды утопия.

Тем не менее, Терпигорев описывает закономерный результат такого положения дел: «Но этого не случилось, и Ивановки, Петровки и Осинówki, оставленные без присмотра, одна за другой начали «улыбаться» и переходит во владение к кулакам, к немцам, жидам, одним словом, куда и к кому угодно, но только не к помещикам»¹⁹.

При этом Сергей Николаевич справедливо негодует на ограниченность экономических взглядов помещиков, на то что они не замечали, и не хотели замечать реалия жизни: «... я решительно не помню, чтобы слышал хоть какие-нибудь соображения на счет того хозяйства, которое должно сменить настоящее. Я говорю вообще, про массу, и это не опровергается редкими - редкими исключениями, которые тогда встречались, конечно, еще реже, чем теперь, и не вызывали ничего, кроме насмешки, как над дураками, над теми, которые заводили машины, новые сорта хлеба и трав, и презрения к тем, кто к хозяйству примешивали соображения и приемы купца, т.е. кто скупал, например, телят, свиней, птицу, выкармливал их и продавал, кто заводил у себя мукомолки, маслобойни и пр. Все это считалось делом не дворянским, купеческим. Дворянское дело было: приказать вспахать, посеять, сжать, обмолотить и зерно продать»²⁰.

Но, при всей своей беспощадной критике представителей родного сословия, автор доказывает, что приходящий, капиталистический порядок будет намного хуже: «...на смену одного безобразия являлось другое и Бог весть еще, которое из них хуже и ядовитое. Помещик, лишенный крепостного права, на самый худой конец, был только бесполезный человек. «Купца», в том смысле, какой он постарался присвоить себе, «занявшись» Осинówкой или Ивановкой, мало назвать бесполезным»²¹.

Данную сентенцию развивал дореволюционный историк Н.П. Семенов в своем труде «Наше дворянство»: «С исчезновением дворянства, на смену его явились бы в уездах представители капитала, к которым, с освобождения крестьян, переходят постепенно дворянские земли. Но эти люди, не имея никакой связи с прошлым, чуждые словным традициям дворянства и не объединенные в одно земледельческое сословие, могут ли заменить поместное потомственное дворянство в его культурном, первенствующем значении? Для них нет высоких идеалов. Эти люди прикованы ко всем материальным интересам жизни»²². При этом делается прелюбопытнейший вывод: «Удержание дворянства на его исторической ступени и возвращение ему прежнего значения, как культурного земледельческого сословия, должны быть отнесены к разряду важнейших задач правительства»²³. И это в 1899 г.!

На что его современник Г.А. Евреинов в работе «Прошлое и настоящее значение русского дворянства» отвечал: «Вообще, при настоящих государственных и общественных порядках нельзя придумать для дворян никакой привилегии, личной или корпоративной, которая не была бы в действительности ограничением прав лиц других состояний, причем, сами дворяне от этих ограничений ничего не выигрывают.

Во всяком случае, не в развалинах видимо разрушающегося прежнего сословного строя, следует искать путей, на которых – при изменившихся общественных отношениях – поместному дворянству могут быть предоставлены более широкие способы полезного служения государству»²⁴.

По нашему мнению, эти взгляды свидетельствуют о разном понимании исторического значения упадка дворянского сословия, и о путях адаптации дворян к новым временам. Часть дворян, как Семенов, апеллируют к государству, чтобы оно решило эту проблему. Терпигорев же по-своему отвечает на этот вопрос: «Мы изуродовали себя своим образованием и воспитанием, и, повторяю, такой силы нет, которая могла бы нас поднять на ноги и спасти. Кроме нас самих, нас никто не спасет и спасти не может». Достаточно честно на наш взгляд. При этом автор желчно пишет о «новых хозяевах жизни» в деревне: «Но, кроме Подъугольниковых и Луповых, город дал деревне, для формирования нового помещичьего сословия, кандидатов и другого образца. Так почти все бывшие секретари уголовной и гражданской палаты, губернские прокуроры, ...даже штатные смотрители уездных училищ ... и те купили себе, каждый по достатку своему, по «именьицу»²⁵.

Тем не менее, автор продолжает описывать «ужасы» замены старых помещиков на «новых»: «Нельзя же в самом деле принять вырубку леса, распашку выгонов, заведение кабаков и свиной бойни, чем ознаменовал себя Подъугольников, и обширную, удивительно разработанную систему штрафов, введенную Сладкопевцевым, за сельскохозяйственную деятельность»²⁶.

Атава с иронией пишет о тех помещиках, которые попытались, было бы вести хозяйство по примеру новых: «Блестящие успехи, которых достигли в «сельском хозяйстве» «новые помещики», само собою, разумеется, не могли не найтись и охотников попробовать свои силы на этом новом для них поприще. Как ни проста и ни мало сложна вновь вводимая система «сельского хозяйства», но и она им оказалась не по плечу»²⁷.

Таким образом, на примере произведений Бунина и, в особенности, Терпигорева может сложиться впечатление о полном «оскудении» дворянского сословия в пореформенной России. На самом деле ситуация была несколько иной. Как отмечал А.П. Корелин, известный советский историк сер. XX в.: «Помещичья имения являли собой неоднородную массу. Были среди них и передовые хозяйства, правда, сравнительно немногочисленные, почти полностью перешедшие к капиталистическим способам хозяйствования. Часть помещиков все шире вовлекались в торгово-промышленное предпринимательство, как прямо связанное с сельским хозяйством, так и в не его»²⁸. При этом число мелких помещиков постоянно возрастало, а средних и крупных – уменьшалось. Согласно Б.Н. Миронову: «В 1861-1895 гг. увеличение

числа помещиков отставало от естественного прироста, а после 1905 г. обнаружилось уменьшение их численности, что свидетельствует о перемещении дворян – землевладельцев в другие социальные и профессиональные группы»²⁹.

В итоге, необходимо отметить, что выбранные нами литературные произведения, в более или менее, но все-таки, в полной мере отражают процесс упадка дворян, в особенности, помещиков. Приведенные в нашем исследовании отрывки прекрасно иллюстрируют отношение их авторов к «оскудению» «благородного сословия». От «битья в набат» у Терпигорева, до печальной констатации факта у Бунина. От призыва что – то изменить в «Оскудении», до свыкания с новым положением дел в «Антоновских яблоках». Таким образом, при всей своей субъективности, неоднозначности, гипертрофированности позиции писателей показывают отношение дворянских масс к утрате своего положения. Разность восприятия обусловлена, в первую очередь, как временем, так и неоднородностью процесса упадка. При этом нужно не забывать, что дворяне являлись опорой монархии, а дворяне-чиновники являлись стержнем административно-управленческого аппарата всех уровней. Произошло лишь снижение хозяйственного значения дворянства, при сохранении политических привилегий, культурного превосходства, что отразилось в восприятии последствий реформ 60-70-х гг. XIX в.

Примечания:

1. Беккер С. Миф о русском дворянстве. М., 2004. С. 11.
2. Майерс Д. Социальная психология // Сайт «Электронная библиотека Гумер» [Эл. ресурс]: Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Psihol/Mayers/index.php>
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период автореферат кандидатской диссертации // Сайт «Электронная библиотека диссертаций и авторефератов из РГБ» [Эл. ресурс]: Режим доступа: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/schapovalov.html>
8. Бабореко А. И. А. Бунин. Материалы для биографии. М., 1967. С. 3.
9. Там же.
10. Там же.
11. Бунин И.А. Сборник рассказов. М., 1970, С. 23.
12. Там же. С. 24.
13. Там же. С. 27.
14. Там же.
15. Могилянский А.П. Терпигорев // История русской литературы. В 9 тт. Т.2. М.-Л., 1956. С. 262.
16. Там же. С. 264.
17. Там же.
18. Терпигорев С.Н. Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика // Отечественные записки. 1880. №1. С. 228.
19. Там же. С. 229.
20. Там же. С. 235.
21. Терпигорев С.Н. Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика // Отечественные записки. 1880. №3. С. 213.
22. Семенов Н.П. Наше дворянство. СПб., 1899. С. 17.
23. Там же. С. 20.
24. Евреинов Г.А. Прошлое и настоящее значение русского дворянства. СПб., 1898. С. 103.
25. Терпигорев С.Н. Указ. соч. // Отечественные записки. 1880. №3. С. 215.
26. Там же. С. 217.
27. Там же. С. 224.
28. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904. М., 1979. С. 75.

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН-КУПЧИХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В
КОН. XIX – НАЧ. XX В.: РЕДКОЕ ЯВЛЕНИЕ ИЛИ ЭЛЕМЕНТ
«РУТИНИЗИРОВАННОЙ» ПОВСЕДНЕВНОСТИ?***

**Н.Н. Иванова, Е.Н. Меньшикова
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье на основе анализа материалов Государственных архивов Белгородской и Курской областей характеризуются направления и формы предпринимательской деятельности женщин-купчих Курской губернии в кон. XIX - нач. XX в. Для большей части женщин данного сословия занятие торговлей и промышленным производством не было чем-то необычным и входило в повседневную деятельность. Популярностью среди купчих пользовались торговля в продуктовых лавках и магазинах, а также содержание предприятий лёгкой и пищевой промышленности.

Ключевые слова: женщины купеческого сословия, купеческое предпринимательство, купеческая повседневность, лавка, промышленное предприятие.

**ENTREPRENEURSHIP OF WOMEN OF MERCHANT ESTATE IN THE KURSK
PROVINCE IN THE LATE XIX - EARLY XX C.:
A RARITY OR A «ROUTINIZED» DAILY LIFE'S ELEMENT?**

**N.N. Ivanova, E.N. Menshikova
Belgorod State National Research University**

In article on the basis of analysis of documents of State archives of the Belgorod and Kursk regions are characterized by directions and forms of business activity of women-the wives of the Kursk province in the end of XIX - beginning of XX century. For the most part of women of this class of activity of the trade and industrial production was not something unusual and included in the daily activities. Popular among the merchants used the trade in grocery stores and shops, as well as the content of the enterprises of light and food industry.

Key words: women merchants, merchant entrepreneurship, the merchant everyday life, local, industrial enterprise.

Повседневная жизнь женщин купеческого сословия Курской губернии в кон. XIX – нач. XX в. сочетала традиционные черты и новые веяния. Жизненный уклад купечества сохранял многие патриархальные устои, но в то же время для представительниц купеческого сословия существовала альтернатива проявить себя не только в роли хранительницы домашнего очага, но и в роли деловой женщины. В уездах Курской губернии особую активность среди женщин купеческого сословия в сфере предпринимательской деятельности проявляли вдовы. Занимаясь торговлей и организуя промышленное производство, они, как правило, продолжали дела своих мужей. Предпосылкой этому служила осведомлённость жены обо всех делах мужа, что было типичным в купеческой среде. Более того, сохранение и упрочение семейного капитала рассматривалось как основная задача всех членов семьи. Деловая активность купчих в основе своей представляла деятельность по обеспечению своих детей, так как семья была одной из главных ценностей русского купечества. В исследуемый период в купеческих семьях было принято иметь много детей, и в задачи купчихи входило не только прокормить, но и дать им образование¹. Во многом, занятие пред-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых-кандидатов наук, проект № МК-843.2012.6.

принимательством являлось для овдовевших купчих вынужденной мерой. С другой стороны, оно предоставляло женщине купеческого сословия возможность самореализоваться.

Традиционной сферой занятий женщин купеческого сословия Курской губернии в кон. XIX – нач. XX в. оставалась торговля, со временем менялись лишь её особенности. Основной тенденцией рассматриваемого периода являлось преобладание стационарного вида торговли, который был представлен лавками и магазинами. Существовало несколько вариантов размещения лавок. Одним из наиболее удобных был собственный дом. Примером подобного строения служил двухэтажный дом смешанного типа, принадлежащий в 1911 г. вдове белгородского купца Марии Дмитриевне Бесединой. Первый этаж был выстроен из кирпича и предназначен для торговой лавки, второй этаж был деревянным и представлял собой жилое помещение для купеческой семьи. Торговое заведение также могло представлять собой отдельную постройку. К примеру, в 1911 г. в имуществе жены курского купца Варвары Григорьевны Переплетенко был деревянный дом, флигель, амбар и небольшая кирпичная лавка².

В кон. XIX – нач. XX в. в Курской губернии выделялось несколько видов помещений, используемых для обустройства в них лавок. В каждом из уездных городов главным местом для торговли была базарная площадь с рядами каменных и деревянных торговых мест, арендуемых представителями всех сословий. Размещая лавки на базарных площадях, купчихи, как правило, занимались торговлей самостоятельно. Так, в Белгороде – самом большом после губернского города Курской губернии – в 1911 г. вдова купца Елена Алексеевна Павлова арендовала на базарной площади каменную лавку №11; жена купца Екатерина Николаевна Чернова – каменную лавку №25; в 1911 г. жене белгородского купца Марии Васильевне Рощупкиной принадлежал амбар и лавки на базарной площади, и после смерти мужа она продолжила своё дело³. Часто себе в помощь женщины-купчихи нанимали служащих. Так, в 1904 г. в городе Короче купчиха Прасковья Васильевна Аристова заведовала мануфактурной лавкой мужа в Гостином ряду, но кроме неё в лавке работали ещё двое служащих⁴.

Яркими примерами преобладания стационарной торговли в нач. XX в. служили магазины. Магазины отличались, в первую очередь, своим размером и оформлением. Они располагались в просторных, светлых помещениях. В них широко использовалась различного рода реклама. Кроме того, «в них присутствовал более высокий уровень обслуживания»⁵. Магазины были схожи с лавками в том, что не имели чёткой специализации товаров. Например, в 1897 г. курская купчиха Ксения Ивановна Иванова владела магазином, где были представлены в ассортименте детские книги, игрушки и велосипеды, образовательные книги, рыболовные принадлежности⁶; в 1914 г. крупным магазином владела купчиха Анна Ивановна Квилиц⁷; в 1916 г. купчихе Александре Михайловне Барковой в Новом Осколе принадлежал магазин, в котором были выставлены на продажу различные виды тканей, одежда, обувь, ювелирные изделия, парфюмерия, канцелярские товары, посуда⁸.

Распространение магазинной торговли интенсивнее осуществлялось в крупных городах губернии. Это было связано с характером потребностей местных жителей, которые пока не требовали от предпринимателей перехода к более современным организационным формам коммерческой деятельности⁹.

Купчихи могли торговать самостоятельно, одновременно выполняя обязанности владельца лавки и продавца. Так, в 1910 г. в Курске на Херсонской улице купчиха Лидия Ивановна Бойтман содержала магазин по продаже хозяйственных инструментов. Но к нач. XX в. такие примеры встречались заметно реже, в большинстве случаев женщины купеческого сословия нанимали служащих – приказчиков. Институт приказчиков к кон. XIX – нач. XX века был развит достаточно хорошо, поэтому зачастую именно они управляли лавками купчих. Так, винные лавки Марии Павловны Муромцевой, располагавшиеся в сёлах Озерово и Лучки Лесковской волости

Корочанского уезда в 1900 году управлялись приказчиками 1-го класса; в 1905-1906 гг. в с. Ястребовка Старооскольского уезда в пивной лавке Анны Ивановны Квилиц торговлю вёл приказчик 1-го класса¹⁰.

В качестве приказчиков в торговые заведения купчихи нанимали как мужчин, так и женщин. Например, среди женщин, выполнявших обязанности ответственных лиц в лавках выше упомянутой купчихи Анны Ивановны Квилиц в 1912 г. были Мария Александровна Корнилова в деревне Толубеевка, в селе Рышково – Прасковья Даниловна Булгакова.

Товары для лавок необходимо было хранить в отдельных помещениях, поэтому женщины купеческого сословия активно покупали или арендовали складские помещения. Так, в городе Короче в 1901 г. Мария Прокофьевна Романенкова владела несколькими складами с изделиями из железа, и к 1906 году она расширила своё дело и приобрела ещё один склад для изделий из чугуна и железа¹¹.

Ключевыми отраслями торговли, в которых участвовали женщины купеческого сословия, были торговля продуктами питания, бытовыми и хозяйственными товарами. В категорию «хлебная торговля» в кон. XIX – нач. XX в. включались такие продукты как зерно (пшеница или рожь), мука и хлебопекарные изделия. Надо сказать, ассортимент «хлебной торговли» женщин-купчих был довольно разнообразным. Например, в нач. 1900-х гг. в Белгороде Елизавета Михайловна Мачурина специализировалась на торговле зерном; в 1900-1901 гг. в Курске Евдокия Федоровна Ворошилина в своей продуктовой лавке торговала мукой¹². Вообще если говорить о чёткой специализации торговых заведений, принадлежащих женщинам купеческого сословия, в Курской губернии на определённом роде товаров, то она была редким случаем¹³. Торговля всем понемногу рассматривалась как средство привлечения покупателей и повышения конкурентоспособности. Зачастую в одной лавке продавались продовольственные, текстильные товары и мелкие предметы быта. Так, в городе Дмитриеве в 1883 г. Мария Николаевна Петухова владела продуктовой лавкой, где торговала различными продовольственными товарами, в том числе, и хлебом; Федосья Егоровна Кирикова в своей лавке продавала хлебные изделия и рыбу¹⁴.

Случалось, что в лавках и магазинах, предназначенных для торговли одеждой, тканями, мехами, женщины-купчихи также продавали продукты питания, что подтверждает вышесказанное. Так, в Дмитриеве в 1883 г. Александра Алексеевна Сысоева совмещала торговлю тканями, мехами и хлебом; в Курске в 1901 г. Евдокии Фёдоровне Шевченко принадлежала лавка с тканями, мехами и продуктами питания¹⁵.

Наиболее предпочтительными сферами торговли для женщин купеческого сословия, кроме продажи разнообразных продуктов, представляющих собой хлебные товары, были торговля рыбой и мясом. Примером может служить рыбная и мясная лавки Евдокии Алексеевны Башкаревой, которые она содержала в Курске с 1900 по 1904 г.¹⁶

Женщины купеческого сословия в кон. XIX – нач. XX в. старались иметь дело с разнообразными товарами, пользовавшимися постоянным спросом. К этой категории относились, в первую очередь, одежда, обувь, а также текстильные изделия. В исследуемый период одежду зачастую шили на заказ, а не покупали в готовом виде, вследствие этого большое распространение в женском предпринимательстве Курской губернии и получили мануфактурные лавки, торговавшие тканями. Так, в 1892 г. Александра Михайловна Баркова в Новом Осколе и Дарья Дмитриевна Меникова в Великомихайловской волости владели мануфактурными лавками¹⁷. В меньшей степени участвовали купчихи в торговле дровами, изделиями из железа и другими предметами, необходимыми в быту. К примеру, в 1904-1906 гг. купчиха Ирина Тарасовна Власенкова продавала лесные материалы в селе Высокое Грайворонского уезда, также при её торговом предприятии находился склад¹⁸.

В сфере промышленного производства купчихи участвовали не столь активно, как в торговой. Они, как правило, являлись собственницами мелких предприятий,

что объяснялось выгодностью подобных заведений. Отрасли лёгкой и пищевой промышленности, не требующие крупных капитальных затрат на сооружение и эксплуатацию заведений и обеспечивали владельцу высокие прибыли в короткие сроки¹⁹. Так, в 1892 г. купчиха Екатерина Васильевна Маркова содержала паровой маслобойный завод в сл. Чернянка; в 1893 г. в Курске Марии Ивановне Желомоевой принадлежал парафиновый завод; в 1893 г. Клавдия Семёновна Проколова владела маслобойным заводом в Дмитрове, её предприятие специализировалось на выработке конопляного масла²⁰.

Среди мелких предприятий широкое распространение получили мельницы, так как хлеб являлся важнейшим продуктом потребления. Так, водяные мукомольные мельницы содержали в 1893 г. Мария Васильевна Черникова в Краснополянской волости Щигровского уезда; в 1899 г. Александра Матвеевна Перепёлкина в селе Муравлево Курского уезда, производившая пшеничную муку; фатежская купчиха Екатерина Гавриловна Щедрина, производившая ржаную муку. Такие предприятия как крупорушки подразделялись на несколько типов, с их помощью производили пшеничную, ржаную и гречневую крупу. К примеру, в 1893 г. гречневую крупу выпускала крупорушка Александры Матвеевны Поволяевой в Старом Осколе на Белгородской улице²¹.

В кон. XIX – нач. XX в. сельскохозяйственное производство было не единственной сферой промышленности, где были задействованы женщины-купчихи. Производство товаров, необходимых в быту, также имело популярность среди них. Так, в 1893 г. белгородской купчихе Варваре Фоминишне Голевой принадлежал завод по изготовлению восковых свечей в селе Чёрная Поляна Старогородской волости; в 1893 г. в Белгороде вдове купца Елизавете Васильевне Чеботарёвой принадлежала шерстомойка, механический шерстомоечный завод по производству испанской мытой шерсти находился под управлением Ольги Яковлевны Соловьёвой и занимал 4 дома на Никольской улице²².

Крупные промышленные предприятия, владелицами которых становились женщины-купчихи, всё-таки, были довольно редки. В городе Курске таковыми считались заводы Анны Ивановны Квилиц и Надежды Александровны Лавровой²³. В их распоряжении был достаточно большой штат: производством управляли конторщики, количество рабочих в нач. XX в. составляло 100 человек, к 1916 г. производство было расширено, и число рабочих увеличилось до 800 чел.²⁴

Таким образом, для большей части женщин купеческого сословия Курской губернии в кон. XIX – нач. XX в. активная предпринимательская деятельность не была чем-то необычным, а являлась, скорее, элементом «рутинизированной» повседневности, привычной жизненной практикой. Более того, энергичное участие в семейном бизнесе являлось для женщины-купчихи, независимо от её семейного положения, социально одобряемой поведенческой моделью²⁵. Мотивы участия женщин-купчих в торговле или промышленном производстве были разными. Среди них основными были потребность обеспечить своих детей, продолжить семейное дело и самореализоваться в качестве деловой женщины.

Примечания:

1. *Меньшикова Е.Н. Купеческая женщина Центрального Черноземья в 60-90-е годы XIX века: исторический портрет (на примере Воронежской и Курской губерний) / Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Курск, 2008. 256 с.; Меньшикова Е.Н. Купчиха Центрального Черноземья в 60–90-х годах XIX века в семье и семейном бизнесе // Социальная история. Ежегодник. 2008 / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева. СПб.: «Алетейя», 2009. С. 69–88; Захаров В.В. Люди дела. Из истории курского купечества. Курск, 2004. С. 26.*

2. ГАБО. Ф.22. Оп.1. Д.43. Л. 16 об.

3. ГАБО. Ф.22. Оп.1. Д.14. Л. 16 об.; Там же. Д.46. Л. 29 об.; Там же. Д.43. Л. 34 об., 42 об.; Там же. Д.66. Л. 24 об.

4. ГАБО. Ф.22. Оп.1. Д.43. Л. 39 об., 42 об.; Там же. Ф.32. Оп.1. Д.24. Л. 4.
5. Захаров В.В. *Купечество Курской губернии в конце XIX – начале XX века. / Диссертация на соискание учёной степени канд. ист. наук. Курск, 1996. С. 74.*
6. *Курские губернские ведомости. 1897. №78. С. 1.*
7. Захаров В.В. *Купеческая торговля в Курской губернии на рубеже XIX-XX веков // Торговля Курского края с древнейших времён до начала XX века. Сборник статей и материалов. Курск, 1996. С. 115.*
8. ГАБО. Ф.107. Оп.1. Д.34. Л. 24. об.
9. Захаров В.В. *Купеческая торговля в Курской губернии... С. 121.*
10. ГАБО. Ф.18. Оп.1. Д.2. Л. 39 об., 63 об.; Там же. Д.5. Л. 5 об.
11. ГАБО. Ф.18. Оп.1. Д.5. Л. 29 об., Л. 6 об.
12. ГАБО. Ф.22. Оп.1. Д.14. Л. 16 об.; ГАКО. Ф.295. Оп.1. Д.15. Л. 223.; Там же. Ф.143. Оп.1. Д.94. Л. 233.
13. *Меньшикова Е.Н. Купчиха Центрального Черноземья... С. 69–88; Захаров В.В. Люди дела... С. 6.*
14. ГАБО. Ф.30. Оп.1. Д.1. Л. 15.
15. ГАБО. Ф.184. Оп.1. Д.6212. Л. 1 об., 26 об.; ГАКО. Ф.143. Оп.1. Д.96. Л. 319.
16. ГАКО. Ф.295. Оп.1. Д.15. Л. 223.
17. ГАКО. Ф.4. Оп.1. Д.110. Л. 2, 5.
18. ГАБО. Ф.31. Оп.1. Д.1. Л. 13.
19. *Вербина О.Л. Отраслевая структура промышленности Курской губернии // Курский край. Научно-исторический журнал. 2005. №10. С. 33.*
20. ГАКО. Ф.4. Оп.1. Д.110. Л. 5 об.; Там же. Д.109. Л. 23.
21. ГАКО Ф.143. Оп.1. Д.424. Л. 683.; Там же. Ф.4. Оп.1. Д.109. Л. 46, 199, 380.
22. ГАКО. Ф.4. Оп.1. Д.109. Л. 123, 136, 141.
23. ГАКО. Ф.143. Оп.1. Д.493. Л. 307.; Там же. Д.119. Л. 12.; Там же. Д.95. Л. 174.
24. ГАКО. Ф.374. Оп.1. Д.12. Л. 52 об.
25. *Меньшикова Е.Н. Купчиха Центрального Черноземья... С. 88.*

**ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСЛОВНЫЙ СОСТАВ И МАТЕРИАЛЬНОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ ТОРГОВЫХ СЛУЖАЩИХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОН. XIX – НАЧ. XX В.**

М.Ю. Бирюков

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается состав профессиональной группы торговых служащих ряда уездов Курской губернии. Торговое законодательство рубежа XIX-XX вв. сняло ограничения для занятия торговой деятельностью для всех сословий, что позволило за недолгий период занять крестьянам значительное положение в профессии служащих по найму в торговых заведениях. Данная профессиональная группа в рассматриваемый период была динамичным образованием, персональный состав которого быстро менялся в связи с рядом причин, в том числе невысокой оплатой труда.

Ключевые слова: торговые служащие, профессиональная группа, разряд личного промыслового занятия, жалование.

**NUMERICAL, ESTATE AND FINANCIAL POSITION OF COMMERCIAL
EMPLOYEES IN THE PROVINCE OF KURS IN THE
LATE XIX - EARLY XX C.**

M.U. Birykov

Belgorod National Research University

The article deals with the composition of a professional group sales staff a number of districts of Kursk province. Foreign trade laws XIX-XX centuries. lifted restrictions on trading activity classes for all classes, which allowed for a short period to take a significant position of the peasants in the profession of hired employees in retail establishments. This professional group in the period

under review was the formation of a dynamic, personalized composition of which changed rapidly due to several reasons, including low wages.

Key words: trade officials, professional group, the category of personal commercial activities, salary.

К нач. XX в. в Российской империи начинает складываться профессиональная группа торговых служащих, которая включала в себя всех представителей торговли, работавших по найму в торговых предприятиях. Для нашего исследования интересно положение той части торговых служащих, которая непосредственно занималась продажей товаров и непосредственно обслуживала клиентов.

Российский правовед нач. XX в. Габриель Феликсович Шершеневич в учебнике по торговому праву определил вспомогательный персонал как совокупность лиц, работающих по найму в торговом предприятии под руководством предпринимателя. Указанный персонал разделялся автором учебника на две группы: торговых доверенных или приказчиков, деятельность которых заключается в составлении сделок и подкреплена юридическими полномочиями; и «служащих по торговле», деятельность которых направлена на «техническое содействие торговле¹. Данная классификация не совпадает с классификацией, закрепленной в Торговом уставе и Положении о государственном промысловом налоге², в которых служащие по найму в торгово-промышленных заведениях делились на 7 разрядов. В основе деления лежали должностные функции служащих и уровень торгово-промышленного заведения.

К первому разряду относились Председатели, Директоры, Управляющие, члены и т.д., избранные или нанятые на работу в состав Правления, Советов, Учетных и Наблюдательных Комиссий в судебных верфях, а также на железных дорогах с конной, паровой или электрической тягой. Во второй разряд входили экспедиторы, лично занимающиеся растаможиванием товаров, получаемых из-за границы на имя другого лица. Биржевые маклеры и Биржевые нотариусы относились к третьему разряду. Билеты на личные промысловые занятия четвертого разряда брали инспекторы и агенты страховых обществ, пароходных и других транспортных предприятий, а также кредитных учреждений, производящие операции без содержания особых контор или отделений, а также торговые посредники, не имеющие своих офисов. Последние три разряда объединяли в себе приказчиков. К пятому разряду относились приказчики первого класса, а также все лица, заведующие на правах приказчика и обязанные платить государственный промысловый налог. Билеты шестого разряда приобретали комивояжеры. К седьмому разряду личного промыслового занятия относились приказчики второго класса. В отличие от приказчиков первого класса они не заведовали самостоятельно торговыми или промышленными предприятиями, а были помощниками либо у продавцов, либо у приказчиков первого класса, в возрасте старше 17 лет. Такая классификация и разделение полномочий дает нам право отнести в полной мере к понятию «торговый служащий» только представителей пятого, шестого, седьмого и, частично, четвертого разрядов личного промыслового налога.

На местном уровне, например, в Уставе общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Белгороде Курской губернии выделялись следующие служащие в торговых, промышленных и коммерческих учреждениях: приказчики, бухгалтеры, конторщики, кассиры, комиссионеры, агенты и другие лица, состоящие в указанных учреждениях³.

Санитарным отделом Московского отделения Императорского русского технического общества в 1898 г. среди торговых служащих было проведено анкетирование, согласно которому они были разделены на семь категорий. Всего было собрано и обработано 3 254 анкеты. В их числе в губернском Курске было собрано 53 анкеты, 12 из которых были заполнены приказчиками первого класса, 35 – приказчиками второго класса, 1 – торговым агентом и 5 – конторскими служащими (бухгалтерами

и конторщиками). Таким образом, автор доклада – Листов С.В. – делает заключение о том, что около 70 % всех служащих, а именно приказчиков и кассиров, участвовали в непосредственной продаже товаров⁴. Именно эти категории торговых служащих, непосредственно занимающихся продажей товаров, и являются объектом нашего рассмотрения.

Данные о численном и сословном составе торговых служащих в уездах Курской губернии мы можем узнать из Книг регистрации выданных промысловых и сословных купеческих свидетельств и бесплатных промысловых билетов. Такие данные мы можем проследить по Старооскольскому уезду в 1903 и 1908 гг.

Табл. 1. Старооскольский уезд 1903 г.⁵

	Крестьяне ⁶		Мещане		Купцы		Дворяне		Почетные граждане		Не указанные		Итого	
	Срок свидетельства		Срок свидетельства		Срок свидетельства		Срок свидетельства		Срок свидетельства		Срок свидетельства		Срок свидетельства	
	Год	Пол года	Год	Пол года	Год	Пол года	Год	Пол года	Год	Пол года	Год	Пол года	Год	Пол года
5 ⁷	6	3	15	2	1						4		26	5
7	31	5	26	3				1	1		21		79	9
4			5	1	2								7	1
Итого	37	8	46	6	3			1	1		25		112	15
Итого	45		52		3		1		1		25		127	

Табл. 2. Старооскольский уезд 1908 г.⁸

	Крестьяне		Мещане		Дворяне		Почетные граждане		Не указаны		Итого	
	Срок свидетельства		Срок свидетельства		Срок свидетельства		Срок свидетельства		Срок свидетельства		Срок свидетельства	
	год	Пол года	год	Пол года	год	Пол года	год	Пол года	год	Пол года	год	Пол года
5	10	2	7	3	2				4	3	23	8
7	33	6	21	5	1		1		12	4	68	15
4	1										1	0
Итого	44	8	28	8	3		1		16	7	92	23
Итого	52		36		3		1		23		115	

В целом, количество выданных билетов на личное промысловое занятие четвертого, пятого и седьмого разрядов было приблизительно равным: 127 – в 1903 г. и 115 – в 1908 г. В основном, промысловые билеты выбирались для работы приказчиками первого и второго классов. Так, в 1903 г. было выдано 31 разрешение на право работать приказчиком первого класса (24%), 88 разрешений для приказчиков второго класса (69%) и лишь 8 билетов для торговых посредников (7%). В 1908 г. количество выданных билетов для приказчиков первого класса оказалось таким же, как и в 1903 г. Но в относительных показателях это составило 27%. Несколько уменьшилось количество свидетельств для приказчиков второго класса – 83. В относительных показателях это составляло 72%. Среди выданных билетов на личное промысловое занятие преобладали годовые, т.е. разрешающие работать приказчиком в течении года. Всего в 1903 г. было выдано 112 (88% от общего количества) годовых и 15 (12% от общего количества) полугодовых билетов. В 1908 г. ситуация несколько изменилась – на долю годовых билетов приходилось 80% (92 билета), полугодовых – 20% (23 билета). Некоторую корректировку вносит тот факт, что за один год один и тот же человек мог взять несколько билетов на занятие личным промыслом. Это была или выборка первоначально годовых билетов, а затем полугодовых. Так поступили в

1903 г. двое крестьян – Пименов Григорий Федорович и Тимонов Василий Семенович⁹, а в 1908 г. мещанин Похошев Константин Петрович¹⁰, работавшие приказчиками второго класса в мануфактурных лавках. Были случаи, когда первоначально приобретался билет для работы приказчиком второго класса, а через некоторое время для работы приказчиком первого класса. В 1908 г. крестьянин Евсеев Иван Никифорович в течение нескольких дней сначала приобрел билет седьмого разряда, а затем пятого разряда¹¹. Также в 1903 г. поступил крестьянин Черных Кузьма Никифорович. Но в данном случае билет менялся дважды. Первый раз с седьмого на пятый разряд. Второй раз свидетельство пятого разряда стоимостью 20 руб. было заменено на свидетельство стоимостью 16 руб.¹² Наблюдалась и обратная ситуация, когда билет более низкой цены менялся на билет более высокой цены при сохранении класса приказчика, как это было в случае с мещанином Сметским Иваном Яковлевичем¹³. И в первом, и во втором случае это происходило при переоценке разряда самого торгового заведения, в котором работал приказчик.

Мы можем проследить сословную принадлежность торговых служащих в 1903 и 1908 гг. в Старооскольском уезде. В 1903 г. самое большое количество билетов – 52 личных промысловых билетов для приказчиков первого и второго классов и торговых посредников было выдано представителям мещанского сословия, что в относительной величине для 1903 г. составило 41%. На втором месте по количеству выданных промысловых билетов находились представители крестьянства – 45 билетов (35%). Среди получивших разрешение заниматься приказчицким трудом в 1903 г. были три купца, один дворянин и один почетный гражданин. В 1908 г. ситуация изменилась. Лидирующее положение заняли крестьяне. Им было выдано 52 промысловых билета, но при переводе в относительные величины это составило 45%, что на 10% превышало показатели 1903 г. по представителям крестьянского сословия, и на 4% превосходило количество представителей мещанского сословия, занимавших лидирующее положение в 1903 г. В 1908 г. мещанами было выбрано 36 промысловых билетов (31% от общего количества). В том же 1908 г. уже трое представителей дворянского сословия взяли билеты на личное промысловое занятие. Тот факт, что в 1903 г. один представитель привилегированного сословия – дворянин, а в 1908 г. уже трое дворян работали торговыми служащими говорит о размытии сословных различий. Двое из них, в 1908 г., работали в торговых заведениях, принадлежащих земской управе. Первый – Богуцкий Михаил Александрович, работал приказчиком первого класса в лесном складе Старооскольской уездной земской управы¹⁴; второй – Старов Михаил Александрович, работал приказчиком первого класса в земской лавке¹⁵. Но если эти два представителя дворянского сословия работали, в определенном смысле, в торговых заведениях высшего ранга, так как они принадлежали не частному лицу, а органу местного самоуправления, то двое других – приказчиками второго класса – один в 1903 г. в лавке по торговле мануфактурными товарами¹⁶, второй – в железно-скобяной лавке¹⁷. Еще более красноречивый факт в подтверждение этого – в 1903 г. – 25, а в 1908 г. – 23 чел. зарегистрированы в Книге о выдаче личных промысловых билетов без указания сословной принадлежности. Т.е. сами заявители, или чиновники, оформлявшие документы, считали уже неважным, к какому сословию относятся желающие работать торговыми служащими.

Картина, наблюдаемая в г. Белгороде отличается от картины, наблюдаемой в Старооскольском уезде. Во-первых, в г. Белгороде, как крупном торговом центре Курской губернии и втором, после Курска, по численности населения городе в губернии (в 1897 г. в г. Курске насчитывалось 75 721 чел., в Белгороде – 26 564 чел.)¹⁸ наблюдалось число торговых служащих, относительно равное числу торговых служащих во всем Старооскольском уезде. Это напрямую зависело от количества торговых заведений и позволяет судить о масштабах торговли. Во-вторых, в Белгороде было заметно резкое преобладание мещан в профессии торговых служащих. Мы видим из приведенных таблиц, что процент представителей мещанского сословия в

1900 и 1901 гг. составлял 52% и 67% соответственно. Это объяснимо тем, что приведены данные по городу, а, следовательно, в нем преобладало сословие мещан.

Табл. 3. Белгородская городская управа 1900 г.¹⁹

	Крестьяне	Мещане	Купцы	Почетные граждане	Отставные военные и чиновники	Итого
	Количество свидетельств	Количество свидетельств	Количество свидетельств	Количество свидетельств	Количество свидетельств	Количество свидетельств
5	15	15	1	1	3	35
7	10	25		1	2	38
4	1				2	3
Итого	26	40	1	2	7	76

Табл. 4. Белгородская городская управа 1901 г.²⁰

	Крестьяне	Мещане	Купцы	Почетные граждане	Прочее	Итого
	Количество свидетельств	Количество свидетельств	Количество свидетельств	Количество свидетельств	Количество свидетельств	Количество свидетельств
5	9	12	2	3	2	28
7	16	63		3	3	85
4		1				1
Итого	25	76	2	6	5	114

Данные о сословной принадлежности в Старооскольском уезде и г. Белгороде в целом отражают статистику по Европейской части России того периода. Так, согласно данным, составленным на основе анализа анкет, разработанных Московским отделением Императорского русского технического общества подавляющее большинство (84,97%) служащих в торговых заведениях принадлежало к мещанскому и крестьянскому сословиям. На долю мещан приходилось 62,70%, крестьян – 22,27%²¹.

Персональный состав приказчиков очень сильно менялся. Документы позволяют судить о «текучести кадров». Проанализировав Книги регистрации выданных промысловых и сословных купеческих свидетельств и бесплатных промысловых билетов по Старооскольскому уезду за 1903 и 1908 гг. мы находим только 12 человек, продолжавших свою деятельность в качестве приказчика. Т.е. в 1908 г., по сравнению с 1903 г., состав приказчиков изменился на 90%. Среди них 6 крестьян и 6 мещан. 9 из них работали в галантерейных и мануфактурных лавках, 1 в мучной лавке. Только 2 мещан: Ченской Василий Иванович и Селеверстов Кузьма Дмитриевич сменили профиль торговли. В.И. Ченской работал в 1903 г. в рыбо-бакалейной лавке, а в 1908 г. в хлебной. К.Д. Селеверстов стал самостоятельно заведовать вино-бакалейной лавкой, получив в 1908 г. личное промысловое свидетельство пятого разряда и став приказчиком 1 класса. Во многом, это может объясняться как тяжелыми условиями труда торговых служащих, так и размерами их жалования.

Сведения о заработной плате торговых служащих содержатся в Карточках на торговые предприятия. Изучая Карточки, мы выявили, что сумма заработной платы приказчика в Белгородском, Грайворонском и Старооскольском уездах за год не превышала 300 руб. Причем величина жалования, получаемого приказчиками в том или ином торговом заведении, не зависела напрямую от размеров товарооборота. Так, приказчик 1 класса, работающий в яичном складе (торговое заведение второго

разряда) в г. Старый Оскол в 1904 г. получил за год 300 руб. жалования. Присутствием было установлено, что товарооборот склада в 1904 г. составил 50 000 руб., а чистая прибыль 4000 руб. В том же году И.М. Игнатов, владеющий бакалейно-рыбной лавкой в Старом Осколе, также относящейся к торговому заведению второго разряда, платил двум приказчикам (первого и второго классов) 600 руб. в год. Торговый оборот бакалейно-рыбной лавки составил 10 000 руб., а чистая прибыль 600 руб. Если даже высчитать среднюю величину заработной платы приказчика в этой лавке, то мы получаем 300 руб. Эта сумма равна жалованию, получаемому приказчиком, работающим в яичном складе. Но, скорее всего, 600 руб., которые получили оба приказчика нельзя разделить поровну, так как приказчик первого класса должен был получать жалование выше, чем приказчик второго класса. Причина такого разрыва в размерах чистой прибыли, получаемых коммерсантом, и размерах жалования приказчикам может скрываться в том, что в данном конкретном случае И.М. Игнатов был совладельцем по крайней мере еще одного крупного, по меркам уездного города, торгового заведения – винно-бакалейной лавки, относящейся к второму разряду. Приказчики первого класса, работающие в пивных лавках А.И. Квилиц в селах Старооскольского уезда получали по 180 руб. в год. Эти торговые заведения 3 разряда давали от 80 до 160 руб. в год чистой прибыли²². В Белгородском уезде в те же годы приказчики 1 класса получали жалование в размере 120 руб. в год. Причем стоит заметить, что, несмотря на сокращение доходов от пивной лаки на притяжении 1904-1907 гг., жалование приказчику не уменьшалось²³. Работа в торговых заведениях более высокого разряда приносила приказчикам более высокий доход. Так, в 1904 г. приказчик первого класса, работавший в яичном складе Федосеевой Ольги Мионовны, относящемся ко второму разряду, получал жалование в размере 300 руб. в год²⁴. Подобную картину мы видим и ранее, в 1900 г. Так, владея трактирными заведениями с правом продажи крепких спиртных напитков, дворянин Г.М. Малахов и мещанин И.И. Попов платили приказчику первого класса, работающему на них, первый 200 руб. в год, второй 80 руб. При этом стоит отметить, что в первом случае чистый доход и годовой товарооборот составили 500 руб. и 5000 руб. соответственно, во втором случае – 700 руб. и 7000 руб. В это же время приказчик первого класса, работающий в буфете, получал 240 руб. в год, на его содержание было выделено 160 руб. Этот буфет принадлежал мещанке М.П. Дьяконовой и приносил ей чистую прибыль 300 руб. в год²⁵.

Приказчики, работавшие в торговых предприятиях Грайворонского уезда, получали жалование в пределах от 60 до 300 руб. в год. Такое различие в размерах жалования объясняется размерами торговых оборотов магазинов и получаемой от них прибылью. Если в торговом заведении работало несколько приказчиков – первого и второго класса, то совокупный размер их годового жалования колебался в пределах 309-475 руб. В Карточках по Грайворонскому уезду, в которых содержится эта информация, приведены данные не только по частным торговым заведениям, но и по магазинам и лавкам, принадлежащим волостным обществам. И здесь интересен тот факт, что при одинаковых товарооборотах и чистой прибыли приносимой, черно-бакалейными лавками Лисичанскому волостному обществу, приказчики получали различное жалование. Приказчик первого класса, работающий в с. Ивановском получил 100 руб. в 1904 г. и 120 - в 1905 г. Его коллега в таком же заведении в г. Хотмыжске получил в 1904 г. 120 руб., а в 1905 г. – 90 руб. Разницу в получении жалования в 1904 г. можно объяснить тем фактом, что в первом случае приказчик работал в селе, во втором – в городе, даже относящемся к заштатному²⁶. Одинаковы были суммы получаемые приказчиками в различных уездных городах – Старом Осколе и Грайвороне. И в первом и во втором случае приказчик первого класса, работающий в пивной лавке получал 180 руб. в год²⁷.

О положении приказчиков писали журналисты-современники: «Приказчик часто «без вины виноват» и ни у кого не найдешь защиты. За ничтожное вознагра-

дение он несет тяжелый труд... Вертясь целый день, он лишен подчас возможности присесть, свободно вздохнуть, поесть, попить. У приказчика занят не только будний день. Он работает и в праздник. В праздник он подчас еще больше завален работой»²⁸.

Небольшие размеры жалования приказчиков, указанные в Карточках на торговые заведения можно объяснить тем фактом, что зачастую указанные в письменном договоре между приказчиком и хозяином размеры жалования не соответствовали действительности, так как предприниматели стремились скрыть реальные размеры доходов и, соответственно, выплаченных сумм за работу наемных служащих. В учебнике по торговому праву Г.Ф. Шершеневича приводится такой пример: «Зайцевский нанял по письменному договору Соколова в приказчики при Мещерском подворье с жалованием в 150 руб. в год. Не получив жалования за 9 месяцев, Соколов искал с бывшего своего хозяина 900 руб., утверждая, что действительно годовое вознаграждение было установлено между ними в 1 200 руб., что малая сумма была поставлена в договоре для сокращения расходов по заключению контракта, что такое несообразно малое вознаграждение явно противоречит выполнявшимся им обязанностям». Этот вопрос рассматривался в Сенате, но приказчик был вынужден получить от хозяина только ту сумму, которая была указана в контракте, являвшимся официальным документом²⁹.

Таким образом, мы видим, что довольно представительная и разнообразная по своему сословному составу группа торговых служащих имела все основания отстаивать свои профессиональные интересы. Но неустойчивость персонального состава этой профессиональной группы, в связи со многими факторами, и, не в последнюю очередь, низким размером оплаты труда, приводили к размытию этой группы и незаинтересованности ее представителей в улучшении своего положения.

Примечания:

1. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. М.: Московское научное издательство, 1919. С.76.
2. Устав торговый // ПСЗ. Т.11. Ч.2. СПб., 1912. Ст.4.
3. Устав общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Белгороде Курской губернии. Белгород, 1902. С.9.
4. Листов С.В. К вопросу о положении служащих: Доклад, читанный на заседании санитарного отдела Московского отделения императорского русского технического общества 29 апреля 1904 г. М., 1904. С. 3-7.
5. Сост. по: ГАБО. Ф.25. Оп.1. Д.7а.
6. Сословная принадлежность торгового служащего.
7. Разряд личного промыслового занятия.
8. Сост. по: ГАБО. Ф.25. Оп.1. Д.7.
9. ГАБО. Ф.25. Оп.1. Д.7а. Лл. 10, 11, 50.
10. ГАБО. Ф.25. Оп. 1. Д.7. Лл. 28, 59.
11. ГАБО. Ф.25. Оп.1. Д.7. Л. 17.
12. ГАБО. Ф.25. Оп.1. Д.7а. Лл. 5, 6, 10.
13. ГАБО. Ф.25. Оп.1. Д.7. Лл. 13, 20.
14. ГАБО. Ф.25. Оп.1. Д.7. Л. 11.
15. ГАБО. Ф.25. Оп.1. Д.7. Л. 57.
16. Сост. по: ГАБО. Ф.28. Оп.66. Д.11.
17. Сост. по: ГАБО. Ф.28. Оп.66. Д.11.
18. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г./ Под ред. Н.А. Тройницкого СПб: Изд. Центр. Стат. Ком. МВД, 1904. С. IV.
19. ГАБО. Ф.25. Оп.1. Д.7а. Л. 50.
20. ГАБО. Ф.25. Оп.1. Д.7. Л. 57.
21. Листов С.В. Указ. соч. С. 9.
22. ГАБО. Ф.34. Оп.1. Д.22. Лл. 49, 50, 55, 116; ГАБО. Ф.34. Оп.1. Д.23.
23. ГАБО. Ф.30. Оп.1. Д.5. Л. 6.
24. ГАБО. Ф.34. Оп.1. Д.22. Л. 116.

25. ГАБО. Ф.142. Оп.1. Д.2.
26. ГАБО. Ф.31. Оп.1. Д.1.
27. ГАБО. Ф.34. Оп.1. Д.23; ГАБО Ф.31. Оп.1. Д.2. Л.153.
28. Дружинин Н.П. Мещане, их положение и нужды. М., 1906. С. 8-9.
29. Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 79.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА РУССКО-УКРАИНСКОМ ПОРУБЕЖЬЕ В XVII-XXI ВВ.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В 1860-70-Х ГГ.*

К.А. Владимирова
**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматриваются основные проблемы духовной жизни Российской Империи 60-70-х гг. XIX в., волновавшие Русскую Православную церковь. Источниковую базу работы составляют религиозная периодика (журналы «Православное обозрение», Православный собеседник») и произведения Н.С. Лескова («Соборяне», «Некрещённый поп»).

Ключевые слова: Русская Православная церковь, пореформенный период, религиозная периодика, Н.С. Лесков.

TRANSFORMATION OF SOCIAL PSYCHOLOGY OF THE ORTHODOX CLERGY IN THE GLORIOUS 1860-70-IES

K.A. Vladimirova
Belgorod National Research University

The article discusses the basic problems of the spiritual life of the Russian Empire 60-70-ies. XIX century. worried the Russian Orthodox church. A source base works are religious periodicals (magazines «The Orthodox review», «The Orthodox interlocutor») and the works of N.S. Leskov («Soboryane», «Unbaptized pop»).

Key words: Russian Orthodox church, the post-reform period, the religious periodicals, N.S. Leskov.

Сер. и 2-я пол. XIX в. стали для России периодом значительных перемен, как в социально-экономической, так и в духовной сфере. Новые идеи и настроения стремительно распространялись в обществе и данный процесс, разумеется, не мог не привлечь внимания православного духовенства, которому пришлось искать ответы на новые веяния эпохи. Данная ситуация также нашла отражение в трудах деятелей литературы той эпохи. Одним из авторов, посвятивший часть творчества духовенству был Николай Семёнович Лесков.

Прежде всего, необходимо отметить, что уже к нач. и 1-й трети XIX в. духовенство окончательно оформилось в качестве самостоятельного сословия, выработав при этом свою особую, специфическую культуру¹. Однако к 1860-м гг. духовенство вовсе не пользовалось любовью и уважением других сословий. Известный религиозный автор 1850-70-х гг. Д.И. Ростиславов отмечал, что «духовенство, особенно белое, потеряло уважение и любовь чуть не во всех сословиях. Отдельных из него лиц любят и уважают, но целое сословие находится в презрении»². Б.Н. Миронов даже характеризует духовное сословие как «маргинальное»: «Мне кажется, что в случае с духовенством мы сталкиваемся с типичным примером маргинального сословия, ко-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта № 6. 2922. 2011 «Исследование специфики формирования нового социального статуса у представителей различных сословий провинциальной России в 60-90-е гг. XIX века (проблемы социальной адаптации)» выполняемого в рамках Государственного задания Минобрнауки России подведомственным вузам на выполнение НИОКР.

торым все недовольны и которому всё ставится в вину - и далёкая от идеала жизнь, и замкнутость, и свирепость цензуры»³. Русская православная церковь видело данную ситуацию и было весьма ей обеспокоено. Об этом позволяют судить публикации в религиозной периодике. Н.А. Сергиевский, основатель журнала «Православное Обозрение», писал: «Разобщение между интересами религиозными и интересами общественными, - разобщение с давнего времени утвердившееся у нас, и до сих пор не потерявшее своей силы, - одно из самых печальных, самых болезненных явлений в нашей общественной жизни... Неужели религия составляет достояние и интерес одних непосредственных её служителей, а жизнь общества должна идти сама по себе, совершенно отдельно от религии?»⁴. В творчестве Лескова данный факт также нашёл отражение: «29-го сентября 1861 года. Приехал из губернии сын никитской просвирни Марфы Николаевой Препотенской, Варнава. Окончил он семинарию первым разрядом, но в попы идти отказался, а прибыл сюда в гражданское уездное училище учителем математики. На вопрос мой, отчего не пожелал в духовное звание, коротко отвечал, что не хочет быть обманщиком. Не стерпев сего глупого ответа, я сказал ему, что он глупец. Однако, сколь ни ничтожным сего человека и все его мнения почитаю, но уязвлён его ответом, как ядовитой осой»⁵.

Определённую обеспокоенность в среде духовенства вызвало начало широкого распространения «новых» научных знаний, которые могли поколебать устоявшуюся картину мира. Лесков так описывал данную ситуацию: «11-го января 1863 года. Лесков, по обязанности службы, вскрывал одного скоропостижно умершего, и учитель Варнава Препотенский привёл на вскрытие несколько учеников из уездного училища, дабы показать им анатомию, а потом в классе говорил им: «Видели ли вы тело?» Отвечают: «Видели». - «А видели ли кости?» - «И кости, - отвечают, - видели». - «И все ли видели?» - «Все видели», - отвечают. «А души не видали?» - «Нет, души не видали». - «Ну так где же она?..» И решил им, что души нет. Я конфиденциально обратил на сие внимание смотрителя и сказал, что не премину сказать об этом при директорской ревизии. Вот ты, поп, уже и потребовался. Воевал ты с расколом - не сладил; воевал с поляками - не сладил, теперь ладь с этою дуростью, ибо это уже плод от чресл твоих возрастает. Сладись ли?.. Погадай на пальцах.

2-го февраля. Болен жабой и не выхожу из дому, и уроки в училище вместо меня преподаёт отец Захария. Сегодня он пришёл расстроенный и сконфуженный и со слезами от преподавания уроков вместо меня отказывается, а причина сему такая. Отец Захария в прошлый урок в третьем классе задал о Промысле и истолковал его, и стал сегодня отбирать заданное; но один ученик, бакалейщика Лялина сын, способнейший мальчик Алиоша, вдруг ответил, что «он допускает только Бога Творца, но не признает Бога Промыслителя». Удивлённый таким ответом, отец Захария спросил, на чем сей юный богослов основывает своё заключение, а тот отвечал, что на том, что в природе много несправедливого и жестокого, и на первое указал на смерть, неправосудно будто бы посланную всем за грехопадение одного человека. Отец Захария, вынужден будучи так этого дерзкого ответа не бросить, начал разъяснять ученикам, что мы, по несовершенству ума нашего, всему сему весьма плохие судьи, и подкрепил свои слова указанием, что если бы мы во грехах наших вечны были, то и грех был бы вечен, все порочное и злое было бы вечно, а для большего вразумления прибавил пример, что и кровожадный тигр и свирепая акула были бы вечны, и достаточно сим всех убедил. Но на вторых часах, когда отец Захария был в низшем классе, сей самый мальчик вошёл туда и там при малютках опроверг отца Захарию, сказав: «А что же бы сделали нам кровожадный тигр и свирепая акула, когда мы были бы бессмертны?» Отец Захария, по добротности своей и ненаходчивости, только и нашёлся ответить, что «ну, уж о сём люди умнее нас с тобой рассуждали». Но это столь старика тронуло, что он у меня час добрый очень плакал; а я, как назло, все ещё болен и не могу выйти, чтобы погрозить этому дебоширству, в коем подозреваю учителя Варнаву»⁶.

Возникшее недопонимание между духовенством и интеллигенцией вызвали дискуссию в среде священнослужителей о месте церкви в современном мире и её отношении к прогрессу. Н.А. Сергиевский приводит такие слова из журнала «Домашняя беседа»: «Человек, ратующий за православие и протягивающий руку современной цивилизации – трус, ренегат, изменник». «Домашняя Беседа» позволяла себе называть прогресс окаянным прогрессом, и желала ему сквозь землю провалиться вместе с его родною сестрицею, цивилизацией»⁷.

Но не все священнослужители считали, что научное и религиозное знание находятся в противоречии: «Неужели, в самом деле, человеческий разум и Божественное Откровение, наука и религия необходимо должны противостоять друг другу...? Бог не положил противоречия между Собою и духом человеческим... Грех есть источник и действующее начало этого противоречия»⁸. «Одно Евангелие может убедить всякого непредубеждённого, что в истинном христианстве – в православном христианстве даны человечеству самые полнейшие и крепчайшие начала прогресса – начала истины, любви, правды, свободы. С другой стороны достаточно обратить внимание на самые общие явления нашего современного прогресса, чтобы видеть, что он в своих главных и лучших проявлениях зиждется на христианских началах. Улучшение быта нескольких миллионов православного народа, развитие общественной благотворительности, распространение образования в народе, стремление к тому, чтобы было больше искренности и справедливости в различных отношениях общественных – вот главнейшие явления современности... Разве есть в этих явлениях что-либо противное христианству?»⁹.

Положительно отнеслось духовенство и к освобождению крестьян: «У нас не было рабства в полном значении сего слова: была однако крепкая наследственная зависимость части народа от частных владельцев. С наступлением Твоего седьмого лета Ты изрёк отпущение... Твоё желание и утешение - облегчить Твоему народу древнее время, и возвысить меру свободы, ограждённой законом. Сочувствовало Тебе сословие благородных владельцев, и в благородную жертву сему сочувствию принесло значительную часть своих прав. И вот более двадцати миллионов душ обязаны Тебе благодарностью за новое право, за новую долю свободы»¹⁰.

Активно православная периодика полемизировала с представителями новых философских направлений – материализма, нигилизма и т. д. Эти течения стремительно завоёвывающих популярность среди образованных представителей русского общества: «Но кроме того, если допустить эти теории: то сколько трудных и неудоборешимых вопросов они повлекут за собою! Если везде и во всём развивается, живёт и действует, как учат идеалисты, одно только безусловное, или Бог: то кто же виновник тех или иных зол нравственных? И кто подлежит за них ответственности?.. Если во всём и всё есть Бог; то где же и кто есть Бог Истинный, Которого мы должны любить, прославлять и чтить поклоняемым? Ужели должно восстановить, поэтому, давно забытый поганизм, осмеянный ещё древними... Ровным образом и материализм порождает собою не менее трудные вопросы, и влечёт выводы ещё более нелепые. Нет ничего, кроме материи... Но кто же дал жизнь сему веществу? Кто привёл его в такой дивный и прекрасный вид и порядок?.. Все эти вопросы были предлагаемы материалистам ещё благоразумнейшими из древних язычников, но и доселе не получили от них удовлетворительных ответов... Но... для избежания заблуждений, в наше время так обильно развеваемых духом века, как бы заражающих собою самый воздух, которым мы дышим, нам нужно крепче и крепче держаться учения св. православной церкви!.. Ибо только св. православная Церковь может действительно просвещать наши духовные очи и безошибочно показывать, что ложь, что истина в предметах вышеописанных»¹¹.

Некоторые авторы видели причину отрицательного отношения народа к церкви во влиянии на него раскольников. Это нашло отражение в «Соборьях» Лескова: «1832 года, декабря 18-го, был призван высокопреосвященным и получил

назначение в Старгород, где нарочито силён раскол. Указано противодействовать оному всячески. 1833 года, в восьмой день февраля, выехал с попадьёй из села Благодухова в Старгород и прибыл сюда 12-го числа о заутрене. На дороге чуть нас не съела волчья свадьба. В церкви застал нестроение. Раскол силён. Осмотревшись, нахожу, что противодействие расколу по консисторской инструкции дело не важное, и о сём писал в консисторию и получил за то выговор».

13-го октября 1835 года. Читал книгу об обличении раскола. Все в ней есть, да одного нет, что раскольники блюдут своё заблуждение, а мы своим правым путём небрежем; а сие, мню, яко важнейшее»¹².

Также тема влияния раскольников была весьма распространена в религиозной периодике. И. Добротворский писал: «Вследствие такого убеждения раскол отказался от правильных требований русской исторической жизни и принял против историческое направление. Тогда как прежде русский народ с любовью и уважением обращался к духовенству и жил преимущественно церковно-обрядовой жизнью: тот же русский народ, совратившись в раскол, потерял всякое уважение и доверие к духовенству и, думая жить по старине, живёт совершенно противоположно древней жизни»¹³. Распространение раскола вызывало беспокойство в среде духовенства. Примером такой тревоги может служить увеличение число сторонников «странников» (также называемых «бегунами»): «Около 50-х годов в некоторых местах ярославской губернии, которая, по всей справедливости, считается одним из главных гнёзд раскола, разгар старообрядчества дошёл до такой степени, что когда было поручено Романово-борисоглебскому принять против него решительные меры, тогда уже приходилось в г. Романов на каждого православного священника по два раскольнических попа, а жители этого города все без исключения заразились ересью»¹⁴.

По официальным данным, в России насчитывалось 875 382 «записных» («явных») раскольника (759 880 – в европейской части страны, 52 814 – в кавказском наместничестве, 62 538 – в Сибири)¹⁵, однако с число «тайных» раскольников, «исполняющих все обряды православной Церкви, может быть до восьми миллионов. Вернее всего можно принять 10 проц. всего наличного населения или 1/6 всего православного населения»¹⁶.

Однако, несмотря на все эти трудности, священники были убеждены, что «влияние [церковной проповеди] становится особенно необходимым в настоящее время, когда, вследствие повсюдных преобразований, в простом народе и во всех условиях устанавливаются новые отношения и обязанности, возникают новые идеи, потребности и стремления, требующие уяснения и направления»¹⁷ и что «ныне более, чем когда-нибудь, русскому обществу надлежит сознательнее, искреннее, деятельнее отнестись к своей и своего народа Вере и Церкви. Ибо русскому обществу отныне предстоит великий подвиг, своею духовною, нравственную, более и более освобождаемую от прежних стеснений деятельностью содействовать благу своего великого народа, - народа неизменно твёрдого Вере и преданного Церкви»¹⁸.

Духовенство видело в себе не только «пастырей» и религиозных проповедников, но и стремилось удержать под своим контролем систему народного образования. Священнослужители указывали, что кроме них передать народные школы просто некому: «Есть у нас ещё одно образованное сословие - дворянство... Можно бы порадоваться, если бы наше дворянство, при своём новом положении, постаралось стать ближе к интересам народа. Да многие ли из дворян согласятся идти в народные школы? Ведь положение сельского наставника у нас такое, что его едва ли согласится охотно принять кто из образованных людей, кроме семинариста... Пожалуй, пойдут в народные школы такие из дворян, которым некуда больше идти, не чем больше достать себе кусок хлеба»¹⁹. В доказательство своей позиции Церковь указывала на пример Англии, где «несмотря на многие антипатии к господствующей церкви, на многие попытки устранить религию от школы и придать им характер единственно утилитарный..., школы крепко держатся духовенства»²⁰.

Таким образом, оформившись к нач. XIX в. в качестве самостоятельногословия, православное духовенство внимательно следило за новыми явлениями в духовной жизни России. Но к 1860-м гг. авторитет церкви значительно снизился как среди дворянства, так и среди крестьян, по мнению которых церковь не соответствовала возложенным на неё функциям. Одним из показателей падения доверия к РПЦ стал рост числа раскольников.

Духовенство было весьма обеспокоено этими его тенденциями. Изменяющиеся условия вызвали в церковной среде дискуссию о месте церкви и веры в современном мире, при этом высказывались мнения как о несовместимости христианских добродетелей с прогрессом и цивилизацией, так и их неразрывной взаимосвязи.

Серьёзную обеспокоенность вызвало начало широкого распространения научных знаний и философских учений - они не только распатывали устоявшуюся картину мира, но и ещё больше подрывали авторитет церкви, которая не достаточно быстро и адекватно реагировала на изменения.

Примечания:

1. Миронов Б. Н. *Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.)*. Т.1. СПб.: «Дмитрий Буланин». С. 102.
2. Там же. С. 104.
3. Там же. С. 105.
4. Сергиевский Н.А. *Объяснение по вопросу о православии и современности* // Православное обозрение. Т.4. 1861. С. 9.
5. Лесков Н.С. *Соборяне*. [Эл. ресурс]. Режим доступа URL: <http://libbabr.com/?book=8435>
6. Там же.
7. Сергиевский Н.А. *Объяснение по вопросу о православии...* С. 14.
8. Сергиевский Н.А. *Слово на 12 января 1866 г. О вере и знании* // Православное обозрение. Т.19. 1866. С. 4.
9. Сергиевский Н.А. *Объяснение по вопросу о православии...* С. 14.
10. Митрополит московский Филарет *Речь государю императору Александру Николаевичу 18 мая 1861 года* // Православное обозрение. Т.5. 1861. С. 1.
11. Е. В – н *Слово по поводу зарождавшегося нигилизма* // Православный собеседник. Ч.1. 1870. С. 154.
12. Лесков Н.С. *Указ. соч.*
13. Добротворский И. *Русский раскол в его отношении к Церкви и правительству* // Православное обозрение. Т.7. 1862. С. 368.
14. Вескинский А. *Странники или бегуны. Очерк из новейшей истории раскола* // Православное обозрение. Т.14. 1864. С. 287.
15. В – ский А. *О тайных и явных раскольниках* // Православное обозрение. Т.13. 1864. С. 348.
16. Там же. С. 354.
17. И.П. *Об условиях успеха церковной проповеди в народе* // Православное обозрение. Т.7. 1862. С. 6.
18. Сергиевский Н.А. *Слово на 12 января 1864 г...*
19. *О положении духовенства в отношении к народному образованию* // Православное обозрение. Т.7. 1862. С. 241.
20. Там же. С. 262.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЯХ В XIX – НАЧ. XX В. (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ)

С.А. Гончаров

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В данной статье говорится об образовательной деятельности духовных семинарий в Российской империи. Образовательный процесс рассматривается на примере Курской духовной семинарии. Данное учебное заведение выпускало образованных, хорошо подготовленных воспитанников. Образовательный процесс был на довольно высоком уровне.

Ключевые слова: синодальный период, духовное образование, духовная семинария, семинаристы, образовательный процесс, Феоктист Мочульский, Курская духовная семинария.

EDUCATION PROCESS IN CONFESSIONAL SEMINARIES IN XIX – EARLY XX C. (ON EXAMPLE OF THE KURSK CONFESSIONAL SEMINARY)

S.A. Goncharov

Belgorod National Research University

This article deals with the educational activity of confessional seminaries in the Russian Empire. The educational process is considered at the example of the Kursk confessional seminary. This educational institution produced (graduated) educated, well-prepared pupils. The educational process was at the rather high level.

Key words: Synod period, spiritual education, spiritual seminary, seminarists, educational process, Pheoctist Motshulsky, the Kursk confessional seminary.

Как отмечают исследователи, появление в России первых семинарий относится ко времени царствования императора Петра I. В числе первых были открыты семинарии в Чернигове, Новгороде, Ростове Великом и Тобольске. Знаменитый сподвижник Петра Великого архиепископ Феофан (Прокопович) открыл в своем доме в Петербурге семинарию, которая, по замыслу основателя, должна была стать образцом для подобных учебных заведений. В 1725 г. была преобразована в семинарию славяно-греко-латинская школа при Александро-Невском монастыре в Петербурге¹. В царствование императрицы Анны Иоанновны (1730-1740) духовным школам уделялось повышенное внимание². Уже в манифесте о своем воцарении она указала, чтобы во всех епархиях открывались духовные школы. А так как подневольные открытия по всем епархиям ограничились школами очень элементарными, то новый именной указ 1737 г. потребовал, чтобы в них повсюду вводился курс средне-учебных заведений и делались ежегодные отчеты Святейшему Синоду. Историк и последний обер-прокурор Синода А.В. Карташев отмечает, что архиерейские школы преобразовывались в «славяно-латинские семинарии»³. Это название должно было обозначать новую степень развития этих школ и новое значение, как средних учебных заведений, в отличие от низших школ грамотности⁴.

К нач. 1740 г. насчитывалось 17 семинарий⁵. Но это был лишь «тип» средних школ, а не полнота их предметов и ступеней. Не хватало ни учителей, ни материальных средств. Даже правительство Анны Иоанновны, взявшее под свой контроль все хозяйство церковных земель, убедилось на деле, что развернуть полную программу духовных школ, включая и материальную сторону, архиереям непосильно. В 1738 г. поставлен был впервые вопрос о казенных «штатах» для семинарий. Но «временно и пока» различные ассигновки получили только три крупных семинарии: Александро-Невская, Новгородская и Казанская. Жестокие аннинские «разборы» уменьшали количество кандидатов для семинарий, навстречу этому шел недостаток самих учителей. Набирать в школу учеников приходилось силой и учить их удавалось едва

грамматике, не доходя даже до риторики и не говоря уже о философии. Только в Харьковском коллегииуме возвысились до богословия⁶.

При императрице Елизавете Петровне число семинарий возросло. К концу ее царствования (1760) насчитывалось 26 семинарий⁷. Уровень образования в них заметно различался. Неодинаковым был и срок обучения⁸. В 1787 г. была открыта Белгородская духовная семинария. Первым ректором данного учебного заведения был поставлен игумен Белгородского Никольского монастыря Иустин. В это время создается семинарская библиотека, фонды которой включали до десяти тысяч книг. Библиотека духовной семинарии имела три отдела: фундаментальный, отделы книг для продажи и для безвозмездного пользования. С 1790 г. в Белгородской семинарии уже был полный курс наук программы семинарий того времени.

Понимая, что разделение епархии произойдет согласно государственно-административному делению, назначенный на Белгородскую кафедру в начале 1787 г. епископ Феоктист (Мочульский), для сохранения полноценного духовного образования в Курской епархии вводит в учебный план малой семинарии в Белгороде предметы полных семинарий и коллегииумов. Сама малая семинария возникла на основе одной из организованных Преосвященным Петром (Смелич) в конце тридцатых годов славяно-латинских школ или гимназиумов. Управлявший епархией с 1774 г. по 1786 г. епископ Аггей (Колосовский) обратил Белгородскую славяно-латинскую школу в малую семинарию (до «пиитического» класса)⁹.

После административного деления губернии в 1796 г. и епархии в 1799 г., архиерей Феоктист (Мочульский) с 1799 г. стал титуловаться епископом Курским и Белогородским, а Белгородская семинария именоваться Курской духовной семинарией, хотя в Курск ее перевели только в 1883 г. Первоначально при духовной семинарии действовало три двухлетних отделения: 1) риторики; 2) философии; 3) богословия¹⁰. Преосвященный Феоктист, учредив Белгородскую духовную семинарию, построил для нее в Белгороде двухэтажный каменный корпус напротив Свято-Троицкого кафедрального собора¹¹. Благодаря заботливости архипастыря семинария во многом превзошла Харьковский коллегииум. За период с 1791 по 1805 гг. из духовной семинарии при епископе Феоктисте (15 сентября 1801 г. он был возведен в сан архиепископа) вышло более тысячи выпускников разных классов¹². Они становились священнослужителями, поступали в медицинские заведения, на военную и статскую службу. При основании Харьковского университета в него сразу поступило 20 курских семинаристов¹³.

В нач. XIX в. была создана трехступенчатая система духовных школ, состоящая из училищ, семинарий и академий. В семинарии принимались выпускники духовных училищ, а в академии - лучшие выпускники духовных семинарий. Коренной реформе подверглась и организация обучения. Срок обучения в семинариях был установлен шестилетний¹⁴. Шестилетнее обучение в данных учреждениях было разделено на три двухгодичных класса. Кроме богословских наук должны были преподаваться и общеобразовательные предметы, соответствовавшие гимназическому курсу. В программу обучения включались логика, психология, естественная история, сельское хозяйство и медицина¹⁵. К 1825 г. количество семинарий составляло 39, к 1850 - 47, а в 1917 г. в России существовали 62 духовные семинарии. До реформы 1867 г. они являлись сословными учебными заведениями - в них обучались только дети духовенства. Значительное большинство выпускников посвящали свою жизнь служению Православной Церкви в священном сане. В 1867 г. был принят новый устав духовных семинарий, открывший в них доступ представителям всех сословий. Духовно-учебные округа были упразднены, административная власть академий над семинариями и семинарий над духовными училищами ликвидирована. Семинарии из трехклассных двухгодичных были преобразованы в шестиклассные (по году в каждом классе). Из учебной программы были исключены сельское хозяйство и медицина, но добавлена педагогика. За первые четыре года обучения учащиеся прохо-

дили гимназический курс (с добавлением некоторых богословских дисциплин), а два последних года исключительно посвящались богословским наукам. В 19-ти семинариях некоторые воспитанники обучались кроме русского и другим языкам: татарскому, калмыцкому, чувашскому, мордовскому, эстонскому, латышскому, карельскому, осетинскому, молдавскому и некоторым другим¹⁶. Выпускники четвертого класса семинарии получили право свободного (без вступительных экзаменов) поступления в университеты. Новый устав 1867 г. четко разъяснял, что православные духовные семинарии являются учебно-воспитательными заведениями и получаемое в них образование должно быть как общим, так и специальным¹⁷.

Согласно действовавшему перед революцией уставу 1884 г., епархиальный архиерей имел высшее наблюдение за направлением преподавания, воспитанием учащихся и вообще за исполнением в семинарии данного устава. Ректор и инспектор назначались Святейшим Синодом. Было увеличено число часов на изучение богословских предметов. За счет математики, философии и древних языков было увеличено число уроков русской словесности. Обязательным стало церковное пение. Кроме того, появилась должность духовника для религиозно-нравственного воспитания учащихся¹⁸.

В 1905 г. Учебный комитет при Синоде закончил работу по пересмотру программ и учебников для духовных семинарий. В связи с этим в 1906 г. Святейший Правительствующий Синод постановил ввести в духовных семинариях «ныне же», до пересмотра семинарского устава, некоторые изменения по учебно-воспитательной и хозяйственной части. Правлениям семинарий было рекомендовано расширять ученические библиотеки, учитывая при этом пожелания воспитанников в выборе книг. Разрешалось в духовных семинариях устройство читален с выпиской в них журналов и газет. Учащиеся выпускного (VI) класса, получившие неудовлетворительные оценки, могли быть допущены (но не ранее как спустя шесть месяцев) к экзамену по всем богословским предметам¹⁹. И, наконец, свидетельства и аттестаты должны были беспрепятственно выдаваться на руки каждому воспитаннику, желающему их получить²⁰.

Образовательный процесс духовных семинарий наиболее целесообразно рассматривать на примере Курской православной духовной семинарии, которая была первоначально основана в Белгороде. Богатством семинарии были библиотеки (фундаментальная – для учителей, и ученическая, которая предназначалась для воспитанников). Декарт, Паскаль, Платон, Л.Н. Толстой, В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, философские трактаты Гегеля, Юма и Канта заполняли стеллажи фундаментальной библиотеки²¹. Обширной была и ученическая библиотека. Учащиеся имели возможность читать произведения русских классиков. Но следует отметить, что основное место в ученической библиотеке отводилось книгам религиозно-нравственного и философского содержания. В список рекомендованной литературы старших классов входили «Трактат о человеческой природе» Юма, «Беседы о любви» Платона, «Этика» Спинозы, «Переоценка всего ценного» Ницше, «Краткий учебник гармонии» П. Чайковского и другие. Для ученической библиотеки ежегодно, наряду с такими журналами, как «Русский паломник» и «Христианин», выписывались светские журналы «Нива», «Родник», «Задушевное слово»²². В ученической библиотеке был и физико-математический отдел, в котором находились книги по химии и астрономии. Физический кабинет имел около 200 различных приборов. Это обеспечивало проведение опытов почти по всем разделам физики. Ежегодно кабинет пополнялся новым оборудованием. Известно, что только в 1913 г. физический кабинет пополнился ценными приборами на сумму 1062 руб.²³ Важно отметить, что в каждом классе стоял шкаф с учебно-наглядными пособиями. Это облегчало работу преподавателей и давало возможность учащимся пользоваться пособиями при повторении²⁴.

Перед революцией 1917 г. духовником в Курской семинарии был протоиерей Иоанн Иоасафович Попов. Должность инспектора занимал иеромонах Иероним, которому помогали два помощника: статский советник Н.К. Егоров и иеромонах Арсений. Надзирателем семинарии был И.И. Колпенский. Среди преподавателей было три кандидата богословия: протоиерей Григорий (Мусатов), А.М. Куханов и А.В. Данилевский. Учителями специальных предметов являлись: пения – К.П. Шафранов, музыки – М.А. Борисов, рисования и живописи – Н.К. Сильвестров. При духовной семинарии состояли экономом священник Феодор (Слюнин) и врачом И.И. Попов²⁵.

В Курской духовной семинарии Катехизис преподавал Григорий Мусатов, кандидат богословия. Он же был классным наставником. Протоиерей Григорий (Мусатов) заставлял семинаристов учить цитаты из Священного Писания. Чтобы выучить на память страницу из Библии, нужно было долго и упорно зубрить, часто даже не понимая смысла прочитанного. Мусатов не любил, когда учащиеся задавали вопросы. А вопросы по его предмету возникали очень часто.

Преподавателем русского языка с церковно-славянским в первом и во втором классах был Павел Петрович Егоров, очень требовательный к учащимся и скупой на отметки. Любимым баллом его был «2 1/2». Данному преподавателю делались частые замечания²⁶. Согласно отчету о состоянии дел в семинарии, инспектора, иеромонаха Иеронима, видим следующее: «Преподаватель русского языка с церковно-славянским недостаточно исправен и не вполне ведает самое преподавание. Поздно является на свои уроки, при спрашивании забрасывает воспитанников вопросами, не давая им вдуматься в них, отсылает на место при первой же ошибке, в обращении с воспитанниками проявляет раздражение и резкость»²⁷.

Преподаватель литургики Александр Васильевич Данилевский относился к своему делу формально. «Двоек» и «единиц» у этого преподавателя обыкновенно бывало много²⁸. После ревизии Александру Васильевичу было сделано замечание. А буквально через несколько месяцев, 22 февраля 1910 г., в семинарии произошло беспрецедентное событие. Воспитанник IV класса Петр Крутицкий поднял руку на учителя. Многим учащимся по литургике угрожали плохие отметки. «Двойка» стояла и у Петра Крутицкого, с которым Данилевский в последние дни был особенно груб. Преподаватель жестко повел себя с Петром, после чего тот напал на него и избил. 2 марта 1910 г. архиепископ Питирим писал следующее: «Факт весьма прискорбный и совершенно нетерпимый в учебном заведении. Правлению немедленно уволить Петра Крутицкого из семинарии. О происшедшем сообщите Учебному комитету Святейшего Синода и светской власти»²⁹. Крутицкий был уволен из духовной семинарии и взят под стражу. Его потом осудили к четырехмесячному тюремному заключению, но и преподавателя Данилевского пришлось перевести в другое духовное учебное заведение.

Преподавателем физики и математики в семинарии был Николай Петрович Сенаторский. Он с уважением относился к своим воспитанникам. В первом классе Сенаторский преподавал алгебру и физическую географию мира. Характеризуя работу этого преподавателя, протоиерей Иоанн Иоасафович Попов признавал, что математику он ведет с полным усердием и опытностью, что ученики на его уроках внимательны и успехи их удовлетворительные. Аккуратный во всех отношениях, Сенаторский требовал того же от учащихся. На его уроки редко кто приходил, не приготовив домашнего задания³⁰. При объяснении нового материала Николай Петрович умел заинтересовать учащихся настолько, что всецело завладевал вниманием слушателей. Физический кабинет был его творением. Физика и математика были любимыми предметами курских семинаристов. В преподавании предметов Сенаторский часто выходил за рамки официальных программ. Он знакомил семинаристов с астрономией, химией и биологией.

Словесность в семинарии преподавал Александр Кириллович Румницкий. Он же преподавал дидактику и педагогику. Простой и общительный, Румницкий поль-

зовался всеобщей любовью. К своим урокам он готовился много и серьезно. На уроках Александр Кириллович часто читал отрывки из художественной литературы, а иногда свои произведения в стихах или прозе. Речь его была образна, говорил он красиво и увлеченно. Педагог сумел привить своим воспитанникам любовь к чтению. Семинаристы читали по его предмету дополнительную литературу, монографии по отдельным вопросам словесности.

Многие семинаристы уклонялись от исповеди, причастия и платились за это не только снижением балла по поведению, но и исключением из семинарии. Учеников заключали в карцер. Воспитанник семинарии Дубинский без ведома инспекции отлучился в лавку, после чего последовало наказание – заключение в карцер на два часа. Ученик А. Мельников отказался писать ноты – карцер на четыре часа. Воспитанник Савченко опоздал в церковь – заключение в карцер на два часа; семинарист Дзугаев опоздал в церковь – сбавили поведение до «3», лишили казенного содержания. Воспитанника семинарии Александра Кадзова за неявку к всеобщему бдению заключили в карцер на два часа. Высшей мерой наказания было исключение из духовной семинарии. Ученик четвертого класса Тарханов Павел был уволен из семинарии за то, что отказался читать духовную литературу и знакомиться с церковно-богослужбными книгами³¹. За малейшее нарушение установленных в духовной семинарии порядков (неявка или опоздание в церковь, посторонний разговор с кем-либо, «непристойное» стояние) провинившихся заносили в кондуит (книга учета поведения). Это делалось для доклада инспектору семинарии. Кондуит был грозным орудием в руках администрации.

Духовные семинарии прекратили свое существование вследствие Октябрьской революции 1917 г. В 1918 г. Курская духовная семинария советской властью была закрыта³². По-разному сложилась судьба ее воспитанников и их наставников. Многие из них были репрессированы и расстреляны. Возрождение церковной жизни и духовного образования в постсоветский период вновь сделало семинарии одними из центров образования. С 1990 г. началось возрождение и Курской духовной семинарии³³.

В настоящее время семинарии являются основой системы духовного образования³⁴. В силу различных обстоятельств духовные семинарии сегодня отличаются только по уровню друг от друга, также как это было и в синодальный период³⁵. Необходимо отметить, что современные семинарии, перешедшие к Болонской системе, не сильно изменили структуру традиционной духовной семинарии, которая сложилась в дореволюционной России.

Следует отметить, что Курская семинария приносила большую пользу обществу, поставляя и для обширного Курского края, и для всей России не только образованных, трудолюбивых и энергичных пастырей, но и честных деятелей на самых различных поприщах общественного служения. По мнению исследователей, уровень знаний семинаристов в Курской духовной семинарии был довольно высоким. Из Курской духовной семинарии вышли многие архиереи Русской Православной Церкви, среди них митрополит Московский Макарий (Булгаков), архиепископ Тверской и Кашинский Евсевий (Ильинский), епископ Нижегородский и Арзамасский Владимир (Никольский), архиепископ Рязанский и Зарайский Иринарх (Попов), епископ Воронежский Вениамин (Смирнов) и многие другие.

Примечания:

1. Кольванов Г.Е. Речь, произнесенная на Актовом дне Николо-Угreshской Семинарии 8 октября 2002 года // Николо-Угreshская Православная Духовная Семинария. [Эл. ресурс]. Режим доступа: seminary.ugresha.org/?q=node/66.

2. Смолич И.К. История Русской Церкви (1700-1917): в 8-ми кн. Кн. 8. М., 1997. С. 175.

3. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2-х тт. Т.2. Минск, 2007. С. 467.

4. Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. С. 146-147.
5. Смолич И.К. Указ. соч. С. 175.
6. Карташев А.В. Указ. соч. С. 468.
7. Смолич И.К. Указ. соч. С. 175.
8. Колыванов Г.Е. Указ. соч.
9. Затолокин И. Духовное образование в синодальную эпоху (на примере Курской епархии). [Эл. ресурс]. Режим доступа: www.orthedu.ru/ch_hist/zatolokin.htm.
10. Руднев Д. История Белгородской православной духовной семинарии с миссионерской направленностью. История Белгородской духовной семинарии. Исторический экскурс // Миссионерское обозрение. Белгород, 2006. №1 // Официальный сайт Белгородской Православной Духовной семинарии с миссионерской направленностью. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://seminaria.bel.ru/pages/mo/2006/mo6_st_2.htm
11. Там же.
12. Джувага Д. Белгородская и Старооскольская епархия: история и современность // Официальный информационный портал Белгородской и Старооскольской епархии. 04 октября 2011. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.beleparh.ru/index.php/operarkhii/24-belgorodskaya-i-starooskolskaya-eparxhiya-istoriya-i-sovremennost>
13. Затолокин И. Указ. соч.
14. Колыванов Г.Е. Указ. соч.
15. Сушко А.В. Духовные семинарии в России (до 1917 года) // Вопросы истории. 1996. №11-12. С. 108.
16. Там же.
17. Феодосий, еп. Тамбовский и Мичуринский / Основные положения устава 1867 года и подготовка к преобразованиям в Тамбовской Духовной семинарии // Официальный сайт Тамбовской епархии. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.eparhia-tmb.ru/archierey/trudy-vladyki/osnovnye-polozheniya-ustava-seminarii>
18. Затолокин И. Указ. соч.
19. Сушко А.В. Указ. соч. С. 110.
20. Там же.
21. ГАКО. Ф.792. Оп.1. Д.16. Л. 16.
22. Там же. Л. 17.
23. Там же. Л. 13.
24. Там же. Л. 14.
25. Затолокин И. Указ. соч.
26. ГАКО. Ф.792. Оп.1. Д.34. Л. 5.
27. Там же. Л. 13.
28. Там же. Л. 14.
29. Там же. Л. 24.
30. Там же. Л. 25.
31. ГАКО. Ф.792. Оп.1. Д.36. Л. 49.
32. История Курской духовной семинарии // Официальный сайт Курской и Рыльской епархии. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://eparhia.kursk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=98:2009-02-12-10-45-28&catid=52:2009-01-23-09-17-40&Itemid=80
33. Духовные учебные заведения. Курская Духовная семинария. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://rus-orthodox.narod.ru/TEXTS/duhovniie_uchebniie_zavedeniia/447.html
34. Осипов А.И. Русское духовное образование // Журнал Московской Патриархии. М., 1998. №3. С. 59-60.
35. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на совещании ректоров духовных учебных заведений Русской Православной Церкви. 14 ноября 2009 года. [Эл. ресурс]. Режим доступа: www.patriarchia.ru/db/text/934945.html

О НАЧАЛЕ АКТИВИЗАЦИИ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СССР ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЗАКРЫТИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ В ЮГО-ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1949-1953 ГГ.

**Д.М. Кременев
МУК «Ивнянский историко-краеведческий музей»,
Верхопенский филиал**

В статье рассматривается возобновление деятельности православных общин на территории Курской области во время Великой Отечественной войны и взаимоотношение приходов Русской Православной церкви с местными органами власти в период активизации антирелигиозной деятельности в СССР в 1949-1953 гг.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, Курская область, Белгородская область, приход, православная община, закрытие храма.

START OF ACTIVIZATION OF THE ANTI-RELIGIOUS ACTIVITIES IN THE USSR AFTER WORLD WAR II: CLOSING ORTHODOX CHURCHES IN SOUTH-EASTERN REGIONS OF KURSK PROVINCE IN 1949-1953

**D.M. Kremenev
Local History Museum of Ivnya, Verhopensky Branch**

The article deals with the resumption of Orthodox communities in the territory of Kursk region during World War II and the relationship of the Russian Orthodox Church with the local authorities during the activation of anti-religious activities in the USSR in 1949-1953 years.

Key words: Russian Orthodox Church, the Kursk, Belgorod region, the arrival of the Orthodox community, the closing of the temple.

Великая Отечественная война является одним из самых трагичных периодов российской истории. Но именно во время Великой Отечественной войны начинается церковное возрождение, открываются церкви, возвращаются из лагерей священники. Особенно активно процесс возобновления религиозной жизни проходил на оккупированной территории Советского Союза.

28 ноября 1943 г. СНК было принято постановление о правилах открытия храмов. Данное постановление предполагало многоступенчатую систему регистрации религиозной общины: вначале заявление рассматривали местные органы власти, затем ходатайство передавалось в Совет по делам РПЦ, и уже после утверждения СНК община официально регистрировалась Советом по делам РПЦ. Данную систему можно назвать своеобразным ситом для регистрации религиозных общин. Многим приходилось ждать подтверждения по 2-3 года.

В 1944 г. Совет по делам РПЦ и по делам религии по Воронежской области и Совет по делам РПЦ и по делам религии по Курской области начали регистрацию православных приходов. В 1944-1946 гг. на территории современной Белгородской области из более 300¹ возобновивших свою деятельность православных общин было зарегистрировано 174. Следует отметить, что многие православные общины прекратили свою деятельность во время боёв на Курской Дуге - церкви были разрушены, да и сами общины сильно поредели.

В послевоенные годы для большинства общин одной из главных задач был ремонт храмов, пострадавших во время Великой Отечественной войны. Как правило, ремонт совершался на средства и силами прихожан. Но так же были случаи помощи в ремонте зданий церквей местными органами советской власти, например, в 1944 г. председатель районного исполнительного комитета Ивнянского района Курской области Власов в заявление уполномоченному Совету по делам РПЦ по Курской области писал о необходимости выделения средств для ремонта церкви в с. Новенькое

Ивнянского района, так как она «требуется капитального ремонта. До июльских событий 1943 г. в данной церкви служба проводилась»².

Кардинальные изменения в отношении местных органов власти к Православным общинам произошло в 1949 г., именно на этот год приходится возобновление антирелигиозной пропаганды, ужесточаются партийные взыскания за исполнения религиозных обрядов коммунистами и комсомольцами. Повод для охлаждения отношений стала статья газеты «Правда» - «Саратовская купель», в которой прозвучала резкая критика упущений в области антирелигиозной пропаганды и пережитков прошлого. Причиной возобновления атеистической пропаганды, на наш взгляд, стало недовольство многих партийных идеологов активизацией деятельности и ростом влияния Русской Православной церкви в первые послевоенные годы.

В период 1949-1953 гг., на рассматриваемой территории из 174 православных общин³, было закрыто и снято с регистрации 38⁴. Причинами для закрытия церкви и снятия общины с регистрации, как правило могло быть: во-первых, не соответствие санитарным нормам; во-вторых, отсутствие священнослужителя; в-третьих, возвращение церкви в пользование местным органам власти, чаще всего такие храмы вновь переоборудовали в сельские клубы или же отдавали под зернохранилища. Одной из основных причин для закрытия православных общин являлась не соблюдение санитарно-эпидемиологических норм для помещений общественного пользования. Как правило, по данной причине закрывали в основном те общины, которые занимали помещения приспособленные под службы молитвенные дома, и собственниками которых являлись сами общины. Только на территории Томаровского района Курской области в 1949-1953 гг., из-за несоответствия санитарно-эпидемиологическим нормам было закрыто 3 молитвенных дома⁵. Так, в 1949 г. в Томаровском районе была закрыта Покровская церковь с. Кустового. Община возобновила свою деятельность в 1941 г., до 1944 г. службы проводились в здании клуба. По всей видимости, в клуб в 1930 гг. была переоборудовано здание церкви, а с 1944 г. службы велись в бывшей церковной сторожке⁶. С 1944 г. по 1946 г. настоятелем общины был о. Евдокий (Маслов)⁷. После 1946 г. в деле религиозной общины не отмечен ни один священник. 29 июля 1949 г. по распоряжению Уполномоченного Совета по делам РПЦ по Курской области Д.Д. Золотухина имущество Покровской церкви села Кустового Томаровского района было передано в Казанскую церковь сл. Томаровки⁸.

В 1950 г. вслед за Покровской церковью с. Кустового была закрыта Митрофановская церковь села Мощеного Томаровского района. Митрофановская община была зарегистрирована Советом по делам Русской Православной церкви в 1944 г., функционировать же начала в 1941 г. Во время Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг., настоятелем общины был о. Григорий Ермоленко⁹. Под молитвенный дом община арендовала дом у Григория Стефановича Сергеева, который с 11 июля 1945 г., по указу архиепископа Курского и Белгородского Питирима стал настоятелем Митрофановской церкви¹⁰. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют точно сказать, был ли отец Григорий Сергеев рукоположен до 1945 г. или же в 1945 г.

5 сентября 1950 г. Томаровским райисполкомом была инициирована проверка санитарного состояния помещения Митрофановского молитвенного дома, используемого под культовые нужды. После проверки, комиссия постановила службу в молитвенном доме приостановить, так как «помещение, отведенное под молитвенный дом, совершенно не отвечает техническим, санитарным и противопожарным нормам «установленным для зданий общественного назначения»¹¹. Отец Григорий Сергеев вскоре после закрытия общины был уволен за штат¹².

16 апреля 1951 г. была закрыта Георгиевская церковь в селе Серетино Томаровского района. Свою деятельность община возобновила 6 декабря 1941 г. В район деятельности общины кроме села Серетино входили соседние сёла Борисовского

района. До 1947 г., под молельный дом община арендовала дом у гражданки Горовой¹³, а 3 августа 1947 г. община купила дом за 14 тысяч руб.¹⁴. Но наличие помещения и постоянного настоятеля не спасло Георгиевскую церковь от закрытия. 16 апреля 1951 г. Курским исполнительным комитетом областного совета были утверждены выводы комиссии при Томаровском исполкоме «о непригодности» здания Георгиевского молитвенного дома для собрания людей, и принято постановление о закрытии молитвенного дома в селе Серетино¹⁵. 3-го июля 1951 г. о. Василий Медведев, служивший в общине с 1942 г., сдал имущество церковному совету¹⁶. Имущество Митрофановской и Георгиевской церквей было передано в Казанскую церковь сл. Томаровки¹⁷.

Еще одним поводом для снятия общины с регистрации было отсутствие священнослужителя. Зачастую отсутствие священника в общине было временным и было вызвано объективными причинами: конфликт общины с настоятелем, смерть священнослужителя или же перевод священника в другой приход. Одной из такой общин, снятой с регистрации в период 1949-1953 гг., стала Рождественно-Богородицкая церковь с. Ивановка Старооскольского района Курской области. Рождественно-Богородицкая церковь с. Ивановка Старооскольского района возобновила свою деятельность буквально сразу после оккупации района немецкими войсками, 14 августа 1942 г. В район деятельности общины входили села Казачанского и Коросиновского сельских советов Старооскольского района и с. Славинка соседнего Чернянского района. 25 июня 1945 г. Старооскольским райисполкомом Богородицкой общине было официально передано здание храма¹⁸. Долгое время настоятелем Рождественно - Богородицкой церкви служил священник о. Павел Чеснаков¹⁹. Но 25 июля 1950 г. о. Павел был переведен в церковь сл. Казацкой Старооскольского района. 2 февраля 1951 г. уполномоченный по делам РПЦ по Курской области П.Л. Володин направляет ходатайство о закрытии и снятии с регистрации действующую церковь с. Ивановка Ст. Оскольского района, так как «... в церкви службы не проводятся с 25-го июля 1950 г., вследствие того, что священник

Чеснаков П. был переведён в слободу Казацкая того же района на место умершего, а священника в Ивановскую церковь епископ не назначил до сих пор. Старооскольский район у нас самый большой по числу действующих церквей – в настоящее время в районе имеется 14 действующих церквей и 2 молитвенных дома ... поэтому считаю что возобновлять службу в церкви в с. Ивановка не следует». Как мы с вами видим, что уполномоченного беспокоило не отсутствие священника в общине, а чрезмерное, по мнению уполномоченного, насыщенность района православными приходами. 24 февраля 1951 г. на заседание Совета по делам РПЦ при совмине СССР было утверждено ходатайство П.Л. Володина²⁰. Последующие просьбы общины об открытии церкви отклонялись вышестоящими органами²¹.

В период первых безбожных пятилеток, многие церкви были отданы под зернохранилища или же переделаны под сельские дома культуры. Во время оккупации большинство из них были вновь открыты. Но, в 1949 -1953 гг., часть общин были закрыты, а храмы, как и в 1930-х гг. были отданы под зернохранилища или вновь переоборудованы под дома культуры. Например, в 1950 г. была снята с регистрации Митрофановская церковь с. Графовка Краснояружского района. Митрофановская церковь, 1840 г. постройки, была закрыта в начале 1930 гг., в 1935 г. здание церкви было продано Краснояружским районным финансовым комитетом колхозу «Боевик» с. Графовки за 10 тысяч рублей²². Во время Великой Отечественной войны Митрофановская община возобновила службы в здании церкви²³, в район деятельности общины входило девять сел и хуторов Краснояружского района²⁴. 19 ноября 1946 г. Митрофановская церковь, правлением колхоза «Боевик» и председателем Графовского сельского совета, была официально передана в пользование общины²⁵. Но, спустя 4 года, 27 мая 1950 г., правление колхоза «Боевик» обратилась в министерство по делам колхозов с просьбой вернуть здание церкви колхозу, так как:

«...Здание куплено для зернохранилища. До 1941 г. было использовано колхозом... в настоящее время, группы верующих нет, церковь пустая, а зернохранилища мы не имеем». К ходатайству было приложено подтверждение колхозников – 19 подписей²⁶. 26 июня 1950 г. зам. председателя Курского облисполкома Тарасов обратился с просьбой к уполномоченному Совета по делам РПЦ по Курской области Д.Д. Золотухину, рассмотреть заявление к /з «Боевик» к 5 июля 1950 г²⁷. 11 июня 1950 г. решением Курского облисполкома Митрофановская церковь была временно передана районной конторе «Заготзерно» для зернохранилища²⁸. Временно закрытая церковь, так и не возобновила свою деятельность. Спешность и заинтересованность в закрытии церкви и передача её под склад «Заготзерно» можно объяснить тем, что как раз в начале июля на территории Белгородской области начинается уборка зерновых.

6 мая 1953 г. верующие Митрофановской церкви обратились к председателю Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову с просьбой открыть «...Митрофановский храм который закрыт у 1950 г. не знаем по какому случаю, у нас очень много верующих, до нашего храма принадлежит 1000 домов прихода. Храм наш очень большой и красивый, каменный у который засыпают хлеб, везде служатся а у нас нет, ведь поймите нам старикам только и развлечение что храм молодежь идут в клуб, а нам уже неприлично с своими детьми идти гулять нам только развлечение что Божий храм». Просьба об открытии храма и возобновлении службы в нём была не первая: «... мы уже третий год хлопочим пишем к вам у Москву и местному Архирею но не кто не дает хороший отклик». Но 9 мая 1953 г., просьба жителей с. Графовки об открытии Митрофановской церкви решением Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР была отклонена²⁹. 20 августа 1953 г. верующие Митрофановской церкви вновь направляют прошение в Верховный Совет СССР на имя Маленкова с просьбой открыть Митрофановскую церковь: «...Мы не можем представить по какому случаю его (т.е. храм прим. Д.К.) закрыли он много приносил пользы для государства, храм божий один стоит на весь Краснояружский район. Вид имеет красивый большой каменный. Вы сами знаете что у городах везде служится и в во всех церкви пооткрыты, а в нас нет, а мы как будто другого государства от молитвенных домах служится и открыты, а у нас храм пустует... не обидно бы было если бы не где не служилось, а то везде служится, а у нас нет. Поэтому мы все верующие Митрофановской церкви просим вас как родного отца тов. Маленкова разрешить нам всем верующим открытие нашего храма». Но ходатайство верующих было вновь отклонено³⁰.

Пример Митрофановской церкви был не единичен, так в 1951 г. была закрыта и передана под зернохранилище Покровская церковь села Волчья Александровка Волоконовского района Курской области. Покровская церковь с. Волчья Александровка, была закрыта в 1929 г.: была снята колокольня и верхняя часть купола, разобрана церковная ограда. В 1932 г. церковь снова открыли, в 1936 г. с согласия общины церковь была засыпана зерном, и в этом же году Волоконовский районный финансовый отдел продал церковь колхозу «им. Кагановича»³¹. Покровская община возобновила свою деятельность в сентябре 1942 г., буквально сразу после начала оккупации. В район деятельности Покровской общины помимо с. Волчья Александровка входило ещё 9 сёл Волоконовского района³². 21 марта 1945 г. Волоконовским райисполкомом здание церкви было официально передано в пользование общины³³. В начале 1950 г. правление колхоза «им. Кагановича» Волчье - Александровского сельского совета Волоконовского района подало ходатайство Курскому облисполкому о возврате здания Покровского храма. 1 апреля 1950 г. Курский облисполком утвердил ходатайство правления к-за «им. Кагановича»³⁴. 24 мая 1950 г. заместитель заведующего инспекторским отделом Совета по делам РПЦ при Совмине СССР В. Спиридонов направил запрос уполномоченному Совету по делам РПЦ по Курской области Д.Д. Золотухину, «...Для правильного решения на Совете вопроса об изъятии у религиозной общины села Волчья Александровка здания, прошу дополни-

тельно сообщить, как многочисленна и активна религиозная община и, учитывая, что ближайшая действующая церковь находится в 12 километрах, не вызовет ли изъятие здания нежелательную активность и жалобы верующих, и Ваше мнение относительно представление общине возможности приобрести или арендовать другое помещение»³⁵. По запросу Совета по делам РПЦ при совмине СССР уполномоченным советом по Курской области Д.Д. Золотухиным была проведена проверка, и было установлено, что «...Община верующих с. В. Александровка большая, приход обслуживается верующие 3 сельсоветов В. Александровского, Щидловского, Тишанского. Так же бывают посещения из соседнего Больше-Троицкого района...Ближайшая церковь от с. В. Александровки находится в 17-18 километрах, так как молитвенный дом в селе Немцево находится в 12 км. закрыт, следовательно ликвидация прихода вызовет жалобы со стороны верующих»³⁶. Как мы можем увидеть негативные последствия от закрытия Покровской церкви понимали как областные, так и республиканские власти. Но, спустя 4 месяца после замены уполномоченного Совета по делам РПЦ Д.Д. Золотухина на П.Л. Володина, была предпринята очередная попытка закрыть Покровскую церковь. 19 декабря 1950 г. уполномоченный по делам РПЦ по Курской области П.Л. Володин, провел обследование Покровской общины с. Волчья Александровка. По итогам проверки уполномоченным по делам РПЦ было сделано заключение: «Считаю, что решение Облисполкома о возвращении к-зу им. Кагановича здания церкви необходимо поддержать... Ходатайство необходимо поддержать тем более, что в этом большом селе, в укрепленном колхозе клуба нет и вообще нет больших общественных помещений, за исключением школы. Колхоз имеет все возможности и необходимые средства переоборудовать здание под колхозный клуб». 9 января 1951 г. на заседание Совета по делам Совета министров СССР было принято решение об изъятии Покровского храма у общины и передача его к-зу «им. Кагановича»³⁷.

После снятия общины верующих с регистрации прихожане Покровской церкви обратились с просьбой к патриарху Алексию I об открытии церкви, под прошением подписалось 180 активных прихожан³⁸. Но 28 мая 1951 г. ходатайство об открытии церкви в с. Волчья Александровка было отклонено. Имущество Покровской общины было сдано по описи, часть было передано в Волоконовский приход, а остальное было реализовано районным финансовым отделом³⁹. 6 июня 1953 года верующие Покровской церкви обратились к председателю Верховного Совета СССР К.Е. Врошилову с просьбой открыть Покровскую церковь и вернуть изъятые при закрытии имущество, но 16 июля 1953 г. Совет по делам РПЦ при совмине СССР отклонил жалобу общины верующих⁴⁰. Покровская церковь как и в 1930-е гг., была превращена в зернохранилище.

Помимо передачи храмов под зернохранилища зачастую закрытые общины переоборудовали в сельские дома культуры. Одним из таких храмов стал Дмитриевский храм с. Дмитриевка Ракитянского района Курской области. Дмитриевская община была зарегистрирована 13 сентября 1944 г. В область деятельности общины входили все населенные пункты Дмитриевского сельского совета Ракитянского района Курской области⁴¹. В 1939 г. здание Дмитриевской церкви было переоборудовано под колхозный клуб. Во время немецкой оккупации в 1942 г. община верующих вновь возвратила себе здание церкви. Именно незаконный, по мнению местных властей, захват здания церкви и послужил причиной для закрытия и снятия с регистрации Дмитриевской общины

Курским областным исполкомом 22 июня 1950 г. Несмотря на подаваемые жалобы и просьбы открыть общину, 22 августа 1950 г. решение Курского облисполкома было утверждено⁴². В этот же день Дмитриевская церковь была снята с регистрации. В 1951 г. жители с. Дмитриевка предпринимают последнюю возможность для возобновления деятельности общины. 23 сентября 1951 г., председатель церковного совета Дмитриевской церкви, Петр Иванович Лавриненко, пишет письмо И. В.

Сталину. В своем заявлении Петр Иванович просит вождя народов разрешить открыть церковь, так как «негде больше помянуть убитых на войне сыновей». Так же Лавриненко просит Сталина издать указ, что бы местная власть вернула общине храм, а клуб перевели в другое здание. Письмо Петра Ивановича было передано в Ракитянский райисполком с пометкой «разобраться»⁴³, община верующих так и не возобновила свою деятельность.

Таким образом, на примере Курской области мы можем, проследить изменение политики Советской власти в отношении общин верующих Русской православной церкви – от регистрации общин (фактической легализации) во время Великой Отечественной войны, до начала нового витка гонений, направленного на закрытие церковью 1949-1953 гг. Все те религиозные общины, которые были зарегистрированы в 1944 г., возобновили свою деятельность во время немецкой оккупации территории Курской области. Но начавшаяся оттепель во взаимоотношениях Советской власти и Русской Православной церкви сменилось резким похолоданием в 1949 г. Именно на этот год приходится возобновление антирелигиозной пропаганды, ужесточаются партийные взыскания за исполнение религиозных обрядов. Так же мы можем увидеть, что закрытие и снятие с регистрации православных общин являлось целенаправленной политикой, направленной на ослабление Русской Православной церкви. Но, в то же время, закрытие православных общин, в отличие от 1930-х гг., как правило, проходили на вполне законных основаниях: не соблюдение санитарных норм для помещений общественного пользования; обращение «законных» собственников о возврате зданий владельцам, ходатайство районных и областных властей о передаче здания храма собственнику и утверждение Советом по делам РПЦ при Совмине СССР о передаче здания собственнику и снятие общины верующих с регистрации. Следует отметить, что при снятии с регистрации общины она больше не регистрировалась и все жалобы, даже если они были направлены руководителям СССР: И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову, Г.М. Маленкову отклонялись.

Примечание:

1. Шкаровский М.В. *Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве*. М, 2005. С. 170.

2. Кременев Д.М. *Возобновление приходской жизни на территории Ивнянского и Томаровского районов Курской области в 1943-1953 гг.* // *Белгородский диалог – 2010. Проблемы российской и всеобщей истории*. Белгород, 2010. С. 261 -265.

3. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Подсчеты автора.

4. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Подсчеты автора.

5. Кременев Д.М. *Указ. соч.*

6. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Д.30. Л. 6.

7. Там же. Л. 15.

8. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.99. Л. 2.

9. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Д.32. Л. 6.

10. Там же. Л. 7.

11. Там же. Л. 19.

12. Там же. Л. 20.

13. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Д.31. Л. 5.

14. Там же. Л. 9.

15. Там же. Л. 35.

16. Там же. Л. 38.

17. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.79. Л. 49; Л. 53; Л. 55.

18. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Д.25. Л. 1; Л. 5; Лл. 7-8 об.

19. Там же. Л. 28; Л. 30.

20. Там же. Л. 34; Л. 35.

21. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.1. Д.3. Лл. 12-13; Лл. 43-43 об; Лл. 100-101 об.

22. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Д.21. Л. 6; Л. 20.

23. Там же. Лл. 6-6 об.

24. Там же. Лл. 1-1 об.
25. Там же. Лл. 6-6 об.
26. Там же. Лл. 18-19 об.
27. Там же. Л. 17.
28. Там же. Л. 24.
29. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.1. Д.3. Лл. 44-45 об.
30. Там же. Лл. 48-49.
31. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Д.4. Л. 32.
32. Там же. Лл. 1-1 об.
33. Там же. Лл. 5-5 об.
34. Там же. Л. 39.
35. Там же. Л. 37.
36. Там же. Л. 36.
37. Там же. Лл. 32-34.
38. Там же. Лл. 23-28 об.
39. Там же. Лл. 15-21.
40. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.1. Д.3. Лл. 74-75.
41. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Д.44. Л. 1.
42. Там же. Л. 33; Л. 35; Л. 36.
43. Там же. Л. 38.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

ДЖЕРЕЛА З ІСТОРІЇ УНР (1917-1921 РР.)

Н.О. Ластовець

Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна

В даній статті розглядаються джерела, які висвітлюють діяльність УНР в 1917-1921 рр. на прикладі не тільки документів утворення, листування, а й за допомогою мемуарної літератури.

Ключові слова: УНР, Центральна рада, Директорія УНР, мемуари.

SOURCES ON THE UKRAINIAN NATIONAL REPUBLIC`S HISTORY (1917-1921)

N.O. Lastovets

V.N. Karazin Kharkiv National University

Sources on UNR History, which cover UNR activities during 1917-21, are viewed in this article. Researches sources include not only formation documents, correspondence, but also a memoir literature.

Key words: UNR, the Central Council, Directory UNR, memoirs.

Україна в системі міжнародних відносин завжди займала особливе місце. Це простежується на всіх етапах становлення і розвитку державності. Деякі пріоритети зовнішньої політики з часом втрачали свої позиції, інші зберегли актуальність до сьогодні, і тільки в ретроспективному сприйнятті історії та сьогодення можливо виявити основні помилки та запобігти їх повторенню.

Найбільш показовим в даному відношенні є період національно-визвольних змагань 1917-1921 рр. Саме тоді були закладені не тільки базові моделі сприйняття сучасної України, а й конфліктні ситуації, що постають і зараз під час налагодження контактів з іншими державами. Зокрема відносини з країнами Західної Європи та Америки, особливо з Францією, несуть на собі відбиток політики Центральної Ради та, в меншій мірі, Директорії УНР. Найбільш цікавим в даному контексті є розгляд діяльності урядів для встановлення дипломатичних контактів та проголошення незалежності Української Народної Республіки загалом.

Джерельна база представлена вельми широко. Серед них доцільно виділити три великі групи: мемуарна література, що репрезентована працями та спогадами В. Винниченка¹, І. Майстренка та інших діячів Центральної Ради та Директорії УНР; документи утворень² та дипломатична переписка³, періодичні видання.

Конкретно розглянемо кожну з груп. Почнемо з мемуарної літератури. Так, вона є найбільш обширною та інформативною. Саме в ній представлені різні точки зору на проблему ствердження УНР на міжнародній арені. Вона не обмежується спогадами безпосередніх діячів Центральної ради чи Директорії УНР. В рамках цієї групи представлені згадки про тогочасну політичну ситуацію іноземних представників, що дає можливість об'єктивно розглянути всі сторони проблеми та скласти власну думку стосовно даного питання. Мемуарну літературу можна з певністю назвати найбільш цікавою для розгляду та ґрунтовною групою джерел, бо часто вона вміщує в себе, наряду з суб'єктивною оцінкою ситуації, ще й карти воєнних дій та місцевості, плани військових операцій, що проходили на території України, показує ставлення певних до владних структур певної частини, наприклад, військової еліти країн, також там нерідко представлені уривки з дипломатичної переписки чи навіть ноти до інших держав, тощо. В цьому відношенні показовою є робота Е. Людендорфа «Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг.»⁴, де вміщені плани та хід операцій, які проходили зокрема й на території України, показано ставлення до Центральної ради, Берестейського мирного договору. Але не тільки він так деталізував свої мемуари таким чином. Так, в праці Д. Дорошенка «Історія України 1917-1923 рр.»⁵ в двох томах також вміщені документи (в особливості ноти французького уряду до УНР).

В спогадах та роботах провідних діячів українського національного руху, урядовців, дипломатів, військових – В. Винниченка⁶, Д. Дорошенка⁷, О. Севрюка⁸, С. Петлюри⁹, О. Шульгина¹⁰ та інших, відображено міжнародні обставини відродження української державності, формування зовнішньополітичних концепцій українських урядів, спроби їх реалізації та проблеми з якими вони зіткнулися в процесі виконання поставлених завдань. Погляди історика, дипломата, першого міністра закордонних справ УНР О. Шульгина¹¹ відрізнялися поміркованістю, а зовнішньополітичні симпатії були на боці держав Антанти. Вони були співзвучними з позицією С. Петлюри¹², який з самого початку наголошував на союзі з Антантою, як пріоритетним напрямком зовнішньої політики. Саме завдяки О. Шульгину було встановлено контакти та проводилися переговори з представниками держав Згоди починаючи з літа 1917 р. до початку лютого-го 1918 р. Згодом в період Директорії було зроблено такі ж спроби, але вони були безрезультатними. Інтерес для досліджуваної теми представляє праця А. Марголіна «Украина и политика Антанты»¹³. Написана в формі спогадів, вона зображує не тільки міждержавні відносини, проблеми єврейської громади, а й тогочасну дійсність, ставлення британських представників до «української проблеми», яке хоча і не було негативним, але відзначалося настороженістю, а, подекуди, взагалі неприйняттям УНР, як окремого від царської Росії утворення загалом. Висвітлюється також ставлення окремих груп населення зокрема, труднощі з якими довелося зіткнутися українським дипломатам для налагодження об'єктивного висвітлення ситуації, що відбувалася на території України.

Стосовно відносин УНР та США виникають певні проблеми під час пошуку джерел для розгляду даного аспекту цієї теми, тому надзвичайно важливим є дослідження вже наявних та більш доступних для дослідника документів та спогадів. В даному контексті окремо постає Архів полковника Хауза¹⁴. Він є практично незамінним джерелом для розгляду міжнародного становища УНР в 1917-1921 рр., бо висвітлює його з точки зору уряду США, допомагає встановити значення України в процесах того часу. Окрім того, це є чи не єдиним джерелом для дослідження зміни ставлення американських представників до політичної ситуації і владних структур на території України. Саме в цій книзі показана еволюція поглядів на процеси, а та-

кож прогнозування їхнього розвитку, що є найбільш цікавим для сучасних дослідників.

Не меншу вагу має праця «Ukraine road to freedom»¹⁵ яка вийшла друком у Нью-Йорку в 1919 р. Вона репрезентує і тогочасну ситуацію в країні і пошуки уряду для здобуття омріяної багатьма поколіннями самостійності. Також там описані історія країни, її відносини з Росією. Була частково розглянута мовна проблема. Ця праця є безперечно цінним джерелом для розгляду даної проблеми, особливо в світлі тогочасної ситуації: праці діячів, та їх спогади могли вільно друкуватися виключно закордоном, тому тільки розглядаючи документи та листи видані закордоном можна скласти цілісну картину ситуації, яка склалась в 1917-1921 рр. відносно УНР.

Наступну групу складають документи та дипломатична переписка. Вона є необхідною складовою при вивченні такої складної теми як дипломатичні відносини періоду національно демократичної революції. Серед дипломатичного листування слід звернути на листи С. Петлюри як до графа М. Тишкевича, так і до інших осіб. Саме через їх детальний аналіз можна зробити висновок відносно позиції самого керівника Директорії стосовно певних сторін відносин з іншими державами, простежити основні прагнення та політичні цілі. «Україна у ХХ столітті»¹⁶ – збірник документів та матеріалів, на основі яких можна простежити процеси, що відбувались на території України, та дії уряду відносно тих чи інших факторів.

Розглядаючи діяльність місії УНР на території США доцільно згадати «Memorandum to the Government of the Urrited States on the Recognition of the Ukrainian People's Republic»¹⁷ в якій висвітлюється тогочасна ситуація вже зі сторони українських дипломатів, стверджується право українського народу на незалежність. Обґрунтовується споконвічне прагнення до творення власної держави не тільки на базі вже сформованої нації, а й традицій та пошуків власного шляху.

Слід також виділити періодичні видання, але вони не завжди доступні пересічному досліднику, хоча в творах того періоду ми можемо знайти багато посилань на газети¹⁸. Так, посилання широко використовує у своїй праці «Історії України 1917-1923 рр.» Д. Дорошенко¹⁹.

Загалом, під час вивчення теми був сформований цілісний джерельний комплекс, елементи якого доповнюють та уточнюють одне одного. Спогади підкріплюються документами, листуванням, що допомагає краще показати процес, його цілісність. В свою чергу періодичні видання характеризують висвітлення в пресі проблем та успіхів на дипломатичному поприщі. Окрім того, використання спогадів іноземців допомагає більш об'єктивно висвітлити проблему. Звичайно тема потребує більш детальної розробки та залучення все нових джерел, але й даний комплекс, який був сформований під час дослідження є вельми репрезентативним.

Саме на базі зібраних джерел можна зробити висновок про те, що вже з самого початку свого існування УНР мала своєрідне і вельми нестабільне становище на міжнародній арені. Доволі довгий проміжок часу Центральну раду вважали не спроможною вести самостійну політику. Окрім того, в цьому не бачили особливої потреби. Таке становище змінилося лише після встановлення влади більшовиків. Перед країнами Європи постала нагальна необхідність пошуку альтернативного союзника проти соціалістів, і УНР виявилась єдиною можливою альтернативою. Звичайно, спочатку їй відводилась роль бар'єру, але в перспективі не виключалась можливість бути визнаною США, Францією, Великобританією та нейтральними державами. Нажаль, вони не були використані через воєнне протистояння з Раднаркомом та конфлікт поглядів в середині самої Центральної Ради. Деякі її представники не поділяли певності О.Я. Шульгина в можливості надання швидкої військової допомоги з боку країн Антанти, і це стало однією з причин переорієнтації на країни Четвертого союзу.

Загалом, незважаючи на деякі успіхи, політика, яка була направлена на співробітництво з державами Антанти виявилась провальною. Нерішучість попередників, негативно вплинула на ставлення до УНР країн Згоди. Саме через це на контакт з Україною йшли неохоче. Малий досвід політичних взаємин не дав змоги оперативно розставити необхідні пріоритети та вектори зовнішньої політики, як відносно країн в цілому, так і в наданні матеріальних ресурсів зокрема. Стосунки між УНР та країнами Антанти склалися доволі неоднозначно. З одного боку декларувалась підтримка Великобританії та Франції Центральної Ради, з іншого, вони переслідували виключно власні інтереси, які, під час тієї політичної ситуації, збігалися з планами створення буферної держави, продовження війни та запобігання союзу УНР з державами Четвірного союзу, яке б значно послабило позиції Антанти у війні.

Зразу після захоплення влади Директорією новостворена УНР почала налагоджувати стосунки з державами, які могли підтвердити її статус як суверенного, незалежного утворення. Одним з пріоритетних напрямків було співробітництво з країнами Антанти. Нестабільна ситуація вимагала швидких та зважених рішень не тільки в соціальній, а й в політичній сферах. Війна з Радянською Росією вимагала великих матеріальних та людських ресурсів, які непосильним тягарем лягали на плечі УНР, паралельно велися воєнні дії проти білогвардійців, зокрема Денікіна, що зовсім знесиловало країну. Одним з першочергових завдань було ствердження незалежності УНР для виключення агресії з боку Радянської Росії. Саме з цією метою Директорія почала шукати контактів з Францією. Можемо констатувати, що спершу успішний переговорний процес з французькою делегацією переріс в доволі певну позицію останньої, яка не сприяла до будь-якої взаємної домовленості²⁰. Французи зробили основний акцент на допомозі білогвардійській армії генерала Денікіна²¹, яка не підтримувалася населенням України, своєю інтервенцією країни Згоди заклали фундамент для більшовицької пропаганди проти Директорії та її політики взагалі, а отже підживляли обороноздатність армії та розвалювали значну частину фронту проти більшовиків.

Ставлення інших країн-учасників Антанти до України визначалось перед усім Францією, яка внесла значний вклад в перемогу у Першій світовій війні, але воно варіювалось відносно вмілої діяльності українських дипломатів, які, зазвичай, наштотувалися на різко негативне відношення високопоставлених осіб до «українського питання» та незалежності УНР в цілому.

Загалом історіографія та джерела по темі міжнародного становища УНР доволі різноманітна, представлена як оглядовими, так і працями спеціального характеру. Напрочуд вагома джерельна база залишається не достатньо проаналізованою, процес у всій своїй повноті не показаний. Лише частково опрацьовані проблеми з якими зіткнулася УНР після підписання Баденських угод, недостатньо вивчені відносини УНР та Англії, Ватикану, Італії. Це викликано не тільки тим, що більшість необхідних для розгляду теми документів знаходяться в архівах різних країн, а ще й багаторічним табу на розгляд діяльності Центральної ради, Директорії УНР та загалом «буржуазних утворень» на теренах колишньої Російської імперії, які конфліктували з більшовиками.

Примітки:

1. Винниченко В.К. *Відродження нації (історія української революції [марець 1917 р. – грудень 1919 р.]*). Ч.2. К.: Політвидав України, 1990. 328 с.
2. *Україна у ХХ столітті (1900-2000): Зб. документів і матеріалів*. К.: Вища школа, 2000. 351 с.
3. Петлюра С. В. *Статті. Листи. Документи*. Т.3. К.: Вид-во ім. О. Теліги, 1999. 615 с.
4. Людендорф Е. *Мої воспоминання о войне 1914-1918 гг.* М.: Госиздат, 1923. 316 с.
5. Дорошенко Д.І. *Історія України 1917-1923 рр. В 2-х т.: Документально-наукове видання*. К.: Темпора, 2002.

6. Винниченко В.К. Указ. твір.
7. Дорошенко Д.І. Указ. твір.
8. Севрюк О. Берестейський мир(уривки із спогадів). PARIS. *Les nouvelles ukrainiennes*, 1928.
9. Петлюра С.В. Указ. твір.
10. Шульгин О. Без території. Ідеологія та чин уряду УНР на чужині. К.: Юрінком Інтер, 1998.
11. Табачник Д.В. Історія української дипломатії в особах. К.: Либідь, 2004. С. 59-70.
12. Петлюра С.В. Указ. твір.
13. Марголин А. Україна и политка Антанты (записки еврея и гражданина). Берлин: Изд-во С. Ефронъ, 1934.
14. Архив полковника Хауза. Т.4: Конец войны июнь 1918 - ноябрь 1919 . – б/и, 1944.
15. Україна у ХХ столітті (1900-2000): Зб. документів і матеріалів. К.: Вища школа, 2000. 351 с.
16. «Ukraine road to freedom». Harvard Low Library, 1919. 80 с.
17. «Memorandum to the Government of the Urrited States on the Recognition of the Ukrainian People's Republic». Washnton: Friends of Ukraine, 1920. 19 с.
18. Дорошенко Д.І. Указ. твір.
19. Там же.
20. Стахів М. Україна в добі Директорії УНР. Т.5: Директорія і Антанта. Л., ВЦ НТШ, 1964. С. 246
21. Там же.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ДОНБАССЕ В 1917-1930-Х ГГ.

А.С. Кухлев

Донецкий национальный университет

На основе архивных документов освещены изменения в административно-территориальном устройстве Донбасса в 1917-1930-х гг. В статье определяются его региональная специфика, место в процессе советского государственного строительства. Сделан вывод о возможности практического использования изученного опыта в современном административно-территориальном строительстве.

Ключевые слова: Донбасс, административно-территориальное устройство, губерния, округ, район, область.

THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DEVELOPMENT IN DONBAS IN 1917-1930

A.S. Kukhlev

Donetsk National University

The changes which had taken place in 1917-1930th in the administrative-territorial arrangement of Donbas were enlightened on the basis of the archive documents. The article defines its regional specific, the place in the process of the Soviet state formation. The conclusion about the possible of the experience studied in the modern administrative-territorial construction was made.

Key words: Donbas, administrative-territorial arrangement, gubernia, district, region, oblast.

Административно-территориальное устройство является неотъемлемой частью жизнедеятельности государства, ее отдельного региона или населенного пункта. Оно дает возможность изучить важные аспекты исторических событий и явлений. Сегодня обосновывается необходимость проведения реформы системы административно-территориального устройства Украины, поскольку, по мнению некоторых исследователей, она не соответствует потребностям нынешних социально-экономических преобразований, а также общему управлению регионами. Однако без осмысления

исторического опыта невозможны успешные шаги на пути реформирования. В этой связи заслуживают внимание изменения в административно-территориальном устройстве Донбасса – одного из крупнейших регионов Украины по количеству населения и экономическому потенциалу.

Исходя из этого, автор посвящает свою работу проблеме административно-территориального строительства в Донбассе в период украинской национально-демократической революции, становления и утверждения тоталитарного режима в СССР.

Следует отметить, что проблемы регионального развития, истории административно-территориального устройства Донбасса начали выделяться в отдельное научное направление лишь на рубеже XX-XXI вв. Важную роль в их освещении сыграл Государственный архив Донецкой области. В 2001 г. благодаря усилиям сотрудников архива был опубликован сборник документов и материалов «История административно-территориального деления Донецкой области 1919-2000 гг.»¹.

В кон. XIX – нач. XX ст. значительная часть современной Донецкой области входила в состав Екатеринославской губернии (Бахмутский и Мариупольский уезды), северная и северо-западная ее части были в составе Харьковской губернии, а юго-восточные земли – в составе Области Войска Донского.

Ход событий, происходивших в стране после Февральской революции 1917 г. в России, не давал вплотную подойти к решению вопроса об обустройстве территории Донбасса, который в те годы неоднократно становился объектом борьбы разных сил. В регионе в основном сохранялось прежнее административно-территориальное деление, хотя отдельные преобразования все же происходили. Правительство Украинской Народной Республики (УНР) Центральна Рада законом «Про адміністративно-територіальний поділ України» от 6 марта 1918 г. установила деление УНР на 32 земли. Среди прочего были выделены земли, охватывающие территорию Донбасса: Азовская земля (центр – Мариуполь), Донеччина (центр – Славянск) и Половецкая земля (центр – Бахмут)².

Наиболее последовательной в деле формирования нового административно-территориального устройства стала советская власть, установление которой в Украине было провозглашено 24 декабря 1917 г. в Харькове. В состав республики вошли восемь губерний, при этом сохранялись основные единицы дореволюционного устройства – губернии, уезды, волости.

Вместе с тем на местах советы всех уровней активно приступили к ликвидации старого деления. В основном эти процессы протекали стихийно. Доходило до провозглашения отдельных республик. Как пример, создание в 1918 г. Донецко-Криворожской республики со столицей в Харькове, которая включила территории Харьковской, Екатеринославской и часть Херсонской губерний, а также прилегающие районы Области Войска Донского³.

Одним из первых шагов советской власти по осуществлению нового районирования страны было выделение Донбасса в отдельную территориально-экономическую единицу, что обуславливалось природными богатствами региона, значительным удельным весом угольного бассейна в экономике страны. 5 февраля 1919 г. Совнарком Украины издает декрет об образовании Донецкой губернии: «В виду особого значения Донецкого бассейна создается временная административная единица из Бахмутского и Славяносербского уездов Екатеринославской губернии...»⁴.

Однако административно-территориальное строительство в Донбассе развернулось лишь в 1920 г., после окончательного освобождения края от белогвардейских войск. Центром губернии был определен г. Луганск. С первых же дней работа по созданию системы управления и территориального устройства натолкнулась на множество препятствий: отсутствовали достоверные сведения касательно границ и внут-

ренного деления губернии, среди работников губернского аппарата не хватало грамотных кадров и т.п.⁵

Тем не менее, Донецкий губернский революционный комитет в январе 1920 г. утвердил 11 временных административных районов: Енакиевский, Юзовский, Гришинский, Чистяковский, Бахмутский, Алмазьянский, Лисичанский, Луганский, Бело-Калитвенский, Боково-Хрустальный, Александро-Грушевский⁶. Постановлением Президиума ВУЦИК от 16 апреля 1920 г. был изменен состав и границы Донецкой губернии. От Харьковской губернии к ней были присоединены несколько волостей Изюмского и Купянского уездов, а также Старобельский уезд, от Екатеринославской губернии – Бахмутский, Луганский и Мариупольский уезды, от Области Войска Донского – Таганрогский округ и ряд станиц Донецкого и Черкасского округов⁷. Вскоре, в июле 1920 г. Донецкий губернский исполнительный комитет отменил все постановления, касающиеся прежних границ, и поделил губернию уже на 13 районов⁸.

Особенность административно-территориального деления Донецкой губернии заключалась в том, что она была поделена не на уезды, а на районы. Однако в декабре 1920 г. районы заменены 11 уездами⁹. В августе 1920 г. было принято решение о переносе губернского центра из Луганска в Бахмут¹⁰. На 1 января 1922 г. в Донецкой губернии насчитывалось десять уездов: Бахмутский, Гришинский, Дебальцевский, Луганский, Мариупольский, Старобельский, Славянский, Таганрогский, Шахтинский, Юзовский¹¹.

Следует отметить, что формирование территории Донбасса продолжалось и в последующие годы. Количество районов, потом уездов и волостей постоянно менялось. Так, в 1922 г. были расформированы Гришинский¹² и Дебальцевский уезды¹³. Попыткой урегулирования административного деления Донецкой губернии стало создание подрайонов. Они формировались за счет объединения двух-шести волостей, которые со временем планировалось ликвидировать. Подрайоны просуществовали до 1922 г.¹⁴

В 1923 г. в СССР началась новая административно-территориальная реформа, целью которой провозглашалось сокращение и удешевление аппарата управления, приближение центра к населению. Реформа предусматривала переход от четырехстепенной системы управления (центр-губерния-уезд-волость) к трехстепенной (центр-округ-район). Согласно постановлению ВУЦИК от 7 марта 1923 г. Донецкая губерния делилась на семь округов: Бахмутский (включил 15 районов), Луганский (десять районов), Мариупольский (восемь районов), Старобельский (14 районов), Таганрогский (девять районов), Юзовский (11 районов) и Шахтинский (11 районов)¹⁵.

Особое место в новой системе административно-территориального устройства отводилось районам, которые создавались на базе волостей. Районы должны были усовершенствовать управление территориями, создать условия для участия населения в работе органов власти, способствовать социально-экономическому развитию территорий¹⁶.

В те годы советская власть проводила политику искоренения всяческих проявлений свергнутого строя. В этой связи в 1923 г. начинается массовое изменение названий населенных пунктов. Например, в Мариупольском округе были переименованы 23 населенных пункта¹⁷. В 1924 г. Юзовка переименовалась в Сталин (позже название трансформировалось в Сталино)¹⁸, а Бахмут стал Артемовском¹⁹.

Реформа 1923 г. также привела к территориальным изменениям. Осенью 1924 г. была определена точная граница между Юго-Восточным краем РСФСР и Донецкой губернией: Юго-Восточному краю передавались части Шахтинского и Таганрогского округов²⁰. В 1925 г. в связи с ликвидацией Бердянского округа Екатеринославской губернии некоторые его районы были присоединены к Мариупольскому округу²¹.

В феврале 1925 г. начался второй этап административно-территориальной реформы, цель которой заключалась в приближении власти к населению. Совнарком Украины объявил об упразднении губерний и переходе на трехступенную систему

управления (центр-округ-район)²². Тогда же был составлен точный список городов и поселков Донецкой губернии. В ней насчитывалось восемь городов и 11 поселков городского типа²³. Летом 1925 г. губернии ликвидировались, а республика делилась на 41 округ. На территории Донбасса были созданы пять округов: Артемовский, Луганский, Мариупольский, Старобельский и Сталинский²⁴.

Во второй половине 20-х гг. продолжилось переименование населенных пунктов, теперь им все чаще присваивались имена партийных деятелей. Активно эта кампания проходила в 1927-1928 гг., в десятилетие большевистской революции. Например, г. Енакиево стал г. Рыково²⁵.

Большое значение на административно-территориальное деление региона имела политика коренизации, которая проводилась в 20-х гг. с целью обеспечения власти поддержки нероссийских и коренных народов. Развернулось строительство национальных районов, национальных сельских советов, которые рассматривались как способ привлечения нацменьшинств к социалистическому строительству.

В 1925 г. в Мариупольском округе был создан Люксембургский район с преобладающим немецким населением²⁶. В 1927 г. в Луганском округе оформились три российских национальных района – Сорокинский, Станично-Луганский и Петровский²⁷. Подобные процессы затронули и греков. В течение 1928-1929 гг. в Приазовье появились три греческих национальных района: Мангушский, Сартанский и Велико-Янисольский²⁸.

В целях дальнейшего усовершенствования административно-территориального деления в 1930 г. принимается решение о ликвидации округов и переходе на двухступенную систему управления (центр-район). Теперь города и районы Донбасса подчинялись непосредственно столице Украины – Харькову. Однако двухступенная система оказалась неэффективной, поскольку значительно усложнила управленческие процессы. Центральные органы не могли обеспечить качественное управление большим количеством районов. Не хватало звена между районами и центром, а потому в феврале 1932 г. в Украине вводится областное деление.

2 июля 1932 г. была образована Донецкая область с центром в г. Артемовске в составе 12 городских советов и 23 районов. Этот шаг обуславливался «...наближенням та поліпшенням якості оперативного керівництва розвитком промисловості та культурно-побутовими процесами Донбасу, удосконаленням плановості, забезпеченням сільськогосподарської бази для потреб виробництва та робітничого постачання...»²⁹.

Вскоре административным центром стало Сталино³⁰. Такое решение, вероятно, объясняется тем, что Артемовск (бывший Бахмут) считался городом купцов и кустарей, т.е. имел непролетарское происхождение³¹.

Малоизвестной страницей в истории области является тот факт, что осенью 1932 г. претендентом на право областного центра была Горловка³². Она считалась городом славных революционных и трудовых традиций и имела удобное географическое положение. Однако весной 1933 г. строительство нового областного центра по ряду причин было остановлено, а высвободившиеся средства направили на благоустройство Сталино³³.

В 30-е гг. продолжилось переименование населенных пунктов. Характерно, что почти во всех случаях причиной переименования называлось ходатайство партийных и советских организаций, рабочих и крестьянских масс. На процесс переименования также повлияли репрессии 30-х гг.: с карты убираются имена «врагов народа». Так, Рыково снова стало Енакиево, которое в 1936 г. переименовали в Орджоникидзе³⁴. В марте 1938 г. Постышево получило название Красноармейск и т.п.³⁵

Важные изменения в середине 30-х гг. происходят в сфере национального районирования: национальные сельские советы и национальные районы ликвидируются или преобразуются в обычные.

Практика деятельности районов после создания областей показала, что многие из них требовали разукрупнения. Возможно, это связано с желанием власти улучшить исполнение своих решений на местах. В Донецкой области в 1938 г. были разукрупнены Ворошиловградский, Мариупольский, Сталинский, Сергоровский, Краматорский и Ровенецкий районы³⁶.

В июне 1938 г. Донецкая область была разделена на Сталинскую и Ворошиловградскую. В состав Сталинской вошли десять городов и 22 района³⁷. За годы довоенных пятилеток значительно выросли промышленные центры области. Поэтому возник вопрос о создании в них городских районов. Впервые городские районы появились в 1937 г. в Сталино, в 1938 г. – в Макеевке, в 1939 г. – в Мариуполе³⁸.

Таким образом, в 1917-1939 гг. на территории Донбасса происходило интенсивное административно-территориальное строительство, которое отражало содержание и характер исторических событий тех лет. Наиболее значительными по масштабу были реформы 20-30-х гг. Они сыграли важную роль в перестройке государственного аппарата, в его укреплении и приближении к населению, в повышении его роли в хозяйственном и культурном строительстве. Однако отсутствие четкой концепции и обоснованных принципов проведения реформ вели к постоянным экспериментам, значительным бюджетным затратам и нарушению территориально-экономических связей. Вместе с тем, особенности административно-территориального строительства указанного периода имеют не только познавательное, но и практическое значение. Опыт прошлого необходимо учитывать в современной практике обустройства нового административно-территориального деления независимой Украины.

Примечания:

1. *История административно-территориального деления Донецкой области 1919-2000 гг. Сборник документов и материалов. Донецк. 2001. С. 3.*
2. *Закон Центральної Ради «Про поділ України на землі» 6 березня 1918 року // Дністрянський М.С. Кордони України. Територіально-адміністративний устрій. Львів. 1992. С. 134-135.*
3. *Максимчук Т. Донецько-Криворізька республіка. [Ел. ресурс]. Режим доступу: www.dn.archives.gov.ua/articles/stat29.htm.*
4. *История административно-территориального деления... С. 7.*
5. *Максимчук Т. Донецкая губерния. История создания (1919-1923 гг.). [Ел. ресурс]. Режим доступу: www.dn.archives.gov.ua/articles/stat28.htm.*
6. *История административно-территориального деления... С. 7.*
7. *Там же. С. 8.*
8. *Там же. С. 8-9.*
9. *Там же. С. 10-11.*
10. *Там же. С. 10.*
11. *Там же. С. 11.*
12. *Там же. С. 12.*
13. *Там же.*
14. *Отземко О.В. До історії створення Донецької області // Педагогічна скарбниця Донеччини. 2006. №2. С. 83-85.*
15. *История административно-территориального деления... С. 13-15.*
16. *Шабельников В.І. Становлення та розвиток районної ланки в системі адміністративно-територіального устрою України у 20-30-х рр. ХХ ст. // Історичні і політологічні дослідження. 2008. №3/4. С. 71-76.*
17. *История административно-территориального деления... С. 15-16.*
18. *Там же. С. 17.*
19. *Там же.*
20. *Там же.*
21. *Там же. С. 22.*
22. *Там же. С. 19-20.*
23. *Там же. С. 21.*

24. Там же. С. 25.
 25. Там же. С. 70.
 26. Там же. С. 21-22.
 27. Малярчук Н.Г. Створення російських адміністративно-територіальних одиниць в Донбасі в 20 – на початку 30-х років ХХ ст. // Нові сторінки історії Донбасу. Кн. 13/14. 2007. С. 274-291.
 28. История административно-территориального деления... С. 72.
 29. Там же. С. 77.
 30. Там же.
 31. Шабельников В.І. Зміни в адміністративно-територіальному поділі Донбасу у 1917-1930-х рр. // Нові сторінки історії Донбасу. Кн.17/18. 2009. С. 141-152.
 32. Запорожец Е. Горловка – будущая столица Донецкой области. [Эл. ресурс]. Ресурсом доступна: www.dn.archives.gov.ua/articles/stat34.htm
 33. Божко Е. От Екатеринославской губернии... // Жизнь. 2011. 30 июня. С. 3.
 34. История административно-территориального деления... С. 84.
 35. Там же. С. 86.
 36. Там же. С. 85-86.
 37. Там же. С. 87.
 38. Задніпровський О.І., Задніпровська Л.Д. Зміни адміністративно-територіального устрою Донеччини у ХХ ст. // Історичні і політологічні дослідження. 2002. №1. С. 53.

**МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ВОЙСК
 ВЕРМАХТА В РАЙОНЕ КУРСКОЙ ДУГИ НАКАНУНЕ,
 ВХОДЕ И ПОСЛЕ ОПЕРАЦИИ «ЦИТАДЕЛЬ»**

В.В. Замулин

**Белгородский государственный национальный
 исследовательский университет**

Статья посвящена морально-политическому состоянию немецких войск принимавших участие в Курской битве. Рассмотрены вопросы достоверности источниковой базы, динамики изменения боевого духа подразделений, факторов влиявших на настроение личного состава вермахта. Особо изучена проблема взаимосвязи боевого духа войск с дисциплиной и пропагандой в немецкой армии.

Ключевые слова: морально-политическое состояние войск, боевой дух Вермахта, Курска битва, операция «Цитадель».

**MORAL AND POLITICAL STATUS OF WEHRMACHT
 IN THE KURSK BULGE AREA BEFORE, DURING
 AND AFTER OPERATION «CITADEL»**

V.V. Zamulin

Belgorod National Research University

The article is devoted to the moral-political state of the German troops took part in the Battle of Kursk. Questions of credibility of the source base, the dynamics of changes in the morale of units, the factors that influenced the mood of the personnel of the Wehrmacht. Particularly affected by the problem of the relationship morale of troops with discipline and propaganda in the German army.

Key words: moral and political condition of the troops, the morale of the Wehrmacht, the Kursk Battle, Operation «Citadel».

Первые два с половиной месяца 1943 г. решительным образом изменили ситуацию на советско-германском фронте. Если в начале лета 1942 г. СССР стоял на грани катастрофы, грозящей потерей значительных по размеру, важных в экономическом отношении территорий на юге страны и уничтожения больших масс войск, то к

исходу 1942 – началу 1943 г., ситуация резко изменилась. После серии успешных наступательных операций декабря-февраля, Красная армия перехватила инициативу и, разгромив под Сталинградом группировку Паулюса, затем в ходе Острогожско-Россошанской, Воронежско-Касторненской и Харьковской наступательных операций фактически обескровила германскую группу армии «А». Противник был отброшен на 800 км, были освобождены сотни населенных пунктов, в том числе и такие крупные административные и промышленные центры как Воронеж и Курск. Столь резкое изменение положения на фронте серьёзно повлияло на настроение немецкого тыла, особенно болезненно отреагировали на поражение боевые части вермахта.

Без преувеличения, солдаты и офицеры испытали шок после трагедии на Волге и тяжёлого отступления на Украину. Вследствие этого, начал серьёзно усиливаться процесс падения боевого духа личного состава. Начавшийся 19 февраля 1943 г. контрудар немецкой группы армий «Юг», который по замыслу германского командования должен был не только остановить победоносное наступление наших войск, но и вернуть значительную часть потерянной территории, не смог кардинально повлиять на процесс утраты солдатами веры в победу Рейха. Переброшенным из Западной Европы свежим резервным соединениям удалось лишь вновь овладеть Харьковом и Белгородом, после чего они увязли в мартовской распутице по линии реки Северский Донец.

Обнаруженные мной в Центральном архиве Министерства обороны РФ недавно рассекреченные материалы разведотдела 13 армии Центрального фронта и протоколы допросов военнопленных, немецких частей, находившихся на южном и северном фланге Курской дуги позволяют наглядно проследить процесс падения морально-политического состояния войск с апреля по сентябрь 1943 г.

Всего было отобрано и проанализировано 52 протокола допросов военнопленных. В них зафиксированы ответы на 64 вопроса о морально-политическом состоянии подразделений, в которых они прежде служили. Информация в 12 ответах относилась к периоду с мая по 6 июля 1943 г. и 52 - с 6 июля по октябрь 1943 г. Ответы были разделены по нескольким показателям:

1. Время. Ответы делились на данные до 6 июля 1943 г. и после. Разделение строго, по началу Курской битвы не было проведено, поскольку адекватно оценить изменение боевого духа своего подразделения за несколько часов пленные не могли. В первый день наступления шли непрерывные бои, солдаты, офицеры имели лишь несколько часов отдыха и вряд ли смогли правильно почувствовать изменение настроения сослуживцев. Более того, многие были пленены 5 июля и вообще не могли увидеть свою роту в нормальных условиях.

2. Морально-политическое состояние. В подавляющем большинстве протоколов присутствовал вопрос о настроении в подразделениях. Систематизировать ответы оказалось крайне затруднительно, поскольку определённого шаблона-ответа не существовало, и каждый военнопленный сообщал разнородную, часто расплывчатую информацию. Разделение производилось на следующие категории: «пораженческое состояние» в подразделении - если пленный свидетельствовал, что в его роте или взводе более 50% военнослужащих не верят в победу Германии; «подавленное настроение» - если отвечавший показывал, что от 40 до 50% солдат и унтер-офицеров не верят в успех войны; ответы с информацией, о подразделениях в которых 30% личного состава считают войну бесперспективной, отнесены в категорию «хорошее состояние»; если пленный или перебежчик указывал, что только 10% сослуживцев настроены пораженчески, то ответ входил в категорию с «боевым настроением».

Как правило, пленные не указывали конкретные цифры и отнесение ответов, к той или иной группе производилось на основании общего контекста. Были случаи, когда допрашиваемый, сам точно давал определение морально – политического состояния в роте.

Кроме протоколов, для определения состояния боевого духа войск группы армий «Центр», оборонявшихся в полосе Центрального фронта, использовались справки о состоянии войск противника, составленные разведотделом 13 А.

Анализ протоколов за период до 6 июля показал, что 16% личного состава подразделений настроено резко пораженчески, 25% - имеют подавленное состояние, в 50 % рот и дивизионов настроение хорошее, а в 8% - высокий боевой настрой. Таким образом, в 41% подразделений боевой дух был сильно подорван, а в 58% - был приемлемым. Морально-политическое состояние вермахта до начала Курской битвы можно охарактеризовать, как удовлетворительное.

Об этом же свидетельствуют и справки разведотдела 13 армии. В них отмечается, что немецкие войска, находящиеся перед 13 А в апреле 1943 г., имели хороший боевой дух и являлись вполне боеспособными. Однако, не все. Так, в 86 пехотной и 20 танковой дивизиях: «имеются отдельные случаи дезертирства, самострелов и неисполнения приказов». Впоследствии, ситуация в 86 ПД существенно поменялась. Во время проведения операции «Цитадель» настроение солдат падает. Из 18 ответов пленных дивизии на вопрос о настроении личного состава только один отметил, что в его рота имеет высокий боевой дух, остальные 17 чел. свидетельствовали о пораженческом и подавленном состоянии сослуживцев.

Следует отметить, что при анализе протоколов остро стал вопрос о достоверности показаний военнопленных. Была высока вероятность того, что бывшие солдаты и офицеры вермахта на допросах говорили то, что, по их представлению, хотели от них услышать сотрудники советских разведорганов. Для того, чтобы проверить достоверность показаний был произведён сравнительный анализ справок наших разведорганов о политико-моральном состоянии войск по ряду дивизий, и ответов пленных из этих соединений.

Так, характеристика советских офицеров-разведчиков 86 пд (одна из самых слабых в плане боевого духа) за апрель свидетельствует, что больше половины её личного состава потеряла веру в победу. «Большинство солдат настроено безразлично в отношении к исходу войны..., - отмечается в документе, - до 30% солдат и офицеров (в большинстве случаев члены нацистской партии) ещё верят в победу Германии. Многие считают, что война закончится в текущем году поражением Германии»¹.

Ещё более наглядным свидетельством разложения дивизии Нерига, находим в справке – докладе разведотдела 13 А за май, в котором приводятся показания перебежчика из её 216 пехотного полка: «Когда русские в апреле начали проводить усиленные разведпоиски... 216 пехотный полк был сменён частями 20 танковой дивизии, как более крепкими и устойчивыми в обороне»². Замена полка на основе подозрений в его неблагонадёжности, ещё до начала наступления свидетельствует об очень сильном падении боевого духа.

Для повышения дисциплины и борьбы с негативными тенденциями во всех полках 86 пд были созданы штрафные подразделения. В ряде протоколов отмечается, что среди солдат и младших офицеров старших возрастов очень сильны пораженческие настроения³, причем большая часть личного состава соединения были в возрасте от 35 до 45 лет⁴.

Обобщив протоколы допросов военнослужащих 86 пд, взятых в плен с 6 по 15 июля 1943 г. сложилась следующая картина, представленная в таблице №1. 36% пленных показали, что в их ротах большая часть сослуживцев утратила веру в победу, а 88% бывших солдат и унтерофицеров сообщили о неудовлетворительном морально-политическом состоянии своих подразделений. Кроме того, по свидетельству самих военнослужащих этого соединения в частях имелись случаи паники, бегства с поля боя не только солдат⁶, но и офицеров⁷.

Табл. 1. Морально-политическое состояние военнослужащих 86 пд с 6 по 15 июля 1943 г.

Морально-политическое состояние	Количество ответов	% от общего числа	Морально-политическое состояние, в % ⁵	
Пораженческое	7	36	88	Неудовлетворительное
Подавленное	10	52		
Хорошее	1	5	10	Удовлетворительное
Воинственное	1	5		

Таким образом, данные допросов и справок-отчётов не противоречат друг другу. Более того, информация из протоколов и справок показывает общую тенденцию падения боевого духа в динамике. До начала наступления подразделения 86 пд характеризовались низким боевым духом, а с его началом, из-за высоких потерь и незначительных результатов, к гренадерам приходило осознание бесперспективности войны, что естественно ухудшало моральный дух.

Табл. 2. Морально-политическое состояние войск перед Курским выступом с апреля по сентябрь 1943 г.⁸

Морально-политическое состояние		0.4 - 6.7.1943 г.		6.7-30.9.1943 г.		Всего	
		Кол-во ответов	% от общего числа ответов	Кол-во ответов	% от общего числа	Кол-во ответов	% **от общего числа
Неудовлетворительное	Пораженческое	2	16,6	11	21,1	13+(1)*	20,8
	Подавленное	3	25	28	53,8	31+(2)	49,2
	Всего ответов о неудовлетворительном состоянии	5	41,6	39	74,9	47	70
Удовлетворительное	Хорошее	6	50	11	21,1	17	25,3
	Воинственное	1	8,3	2	3,8	3	4,4
	всего ответов об удовлетворительном состоянии	7	58,3	12	24,9	20	29,7
Всего ответов		12		52		67	
*Цифры в скобках относятся к протоколам без даты. **Погрешность в % не более 0,3%							

Среди пленных других дивизий наблюдалось сходное единодушие. Все военнопленные 2 тд указали, что настроение у их товарищей, либо ярко пораженческое, либо подавленное, а 71% бывших солдат и унтер-офицеров из 6 пд отметили неудовлетворительное политико-моральное состояние в ротах.

Следовательно, опираясь на отсутствие серьёзных противоречий между показаниями пленных и информацией из справок разведотдела 13 А, можно сделать вывод, что информация из протоколов допросов бывших военнослужащих является достаточно достоверной, для оценки морально - политического состояния войск вермахта в районе Курской дуги. Все ответы на этот вопрос были систематизированы в таблице №2.

Из таблицы следует, что 70% пленных указали на неудовлетворительное состояние боевого духа личного состава своих подразделений и лишь 29,8% допрошенных указали на хороший и воинственный настрой в ротах. Если анализировать процесс в развитии, то окажется, что во время и после Курской битвы морально - политическое состояние войск противника заметно ухудшилось. Если до 6 июля 1943 г. больше половины военнослужащих верили в победу Рейха, то поле начала операции «Цитадель» таковых набралось лишь четверть.

Возникает вопрос, почему же тогда в соединениях, дравшихся на Курской дуге, не возникала массовая паника, не процветало дезертирство. Они продолжали действовать, согласно полученным приказам и распоряжениям. Объяснение этого следует искать в двух факторах: в высокой дисциплине, которая продолжала поддерживаться в вермахте всеми имеющимися средствами (в том числе и силовыми) и мощной пропаганде. В 10 протоколах содержалась среди прочего, характеристика состояния дисциплины в частях. Все пленные указали, что она строгая, либо очень строгая. Всего 7% допрошенных от общего числа, отмечали случаи самострелов и умышленного обморожения конечностей. Это свидетельствует об очень высоком уровне подчинения в армии. Военная система Рейха, даже после Курской битвы, всё ещё продолжала оставаться достаточно эффективной, а вермахт вполне управляемым.

Важную роль в поддержании боеспособности войск играла пропагандистская машина Германии. Для поднятия настроения личного состава и предотвращения переходов на советскую сторону, через беседы с офицерами, газеты, фильмы, листовки, плакаты военнослужащим внушались простые мысли: во-первых, «Красная армия истощена, советским солдатам нечем воевать»⁹, во-вторых, «попавшим в плен, пощады не будет»¹⁰.

Есть немало свидетельств того, что и сами военнослужащие, без пропагандистских уловок прекрасно понимали какие зверства творят фашисты в России. Поэтому ничего хорошего от поражения Германии не ожидали кроме ненависти и мести советских людей¹¹. Всё это в комплексе формировало у немецкого солдата одну главную мысль: советский плен – неизбежная смерть. Это и толкало большинство военнослужащих вермахта на продолжение сопротивления.

Тем не менее, в период боёв под Курском пропагандисты вермахта зачастую опускались до не прикрытой лжи. Так, офицеры ударного соединения 4-й немецкой танковой армии, действовавшей на юге Курской дуги, после 9 июля 1943 г., когда наступления практически остановилось, подбадривали своих солдат сообщениями, будто эсэсовцы уже прорвались к Курску¹², либо взяли его. Это явное свидетельство о безысходности.

На боевой дух солдат и унтер-офицеров влияло множество факторов. Их можно разделить на две большие группы, положительно и отрицательно влиявших на морально политическое состояние.

Первая группа - факторы, повышавшие боевой настрой военнослужащих:

а) возобновление плановых отпусков для солдат и унтер-офицеров¹³.

б) переход от долгосрочной обороны к наступлению¹⁴. Влияние этого обстоятельства не однозначно¹⁵, поскольку у многих солдат наступление вызывало страх¹⁶,

и, как свидетельствуют пленные, оглашение обращения А. Гитлера, перед началом операции «Цитадели», у многих солдат не вызвало большого энтузиазма¹⁷.

в) всесторонняя нацистская пропаганда.

Вторая группа, шире и разнообразней. В неё включены события и факты отрицательно повлиявшие на состояние войск на Курской дуге:

1. Регулярные бомбардировки немецких городов союзной авиацией¹⁸. В захваченных на поле боя письмах родные сообщали солдатам о катастрофических разрушениях наносимых дальней авиацией Великобритании и США. Солдаты очень переживали за жизнь своих родственников оставшихся в Германии. 44% протоколов содержат упоминания о разрушении городов, и судьбе близких, о сильном моральном воздействии этого на фронтовиков, что серьёзно сказывалось на состоянии последних. Особенно отмечается подавленное состояние у солдат и унтер-офицеров из Западной Германии, поскольку именно эта территория подвергалась наиболее интенсивным бомбардировкам. Это подтверждает и секретный доклад службы безопасности СС о внутрисполитическом положении от 11 января 1943 г., в котором отмечается: «На западе Рейха продолжают вражеские террористические воздушные налёты, влияющие на настроение населения. Воздушные налёты... произвели большое негативное впечатление на население»¹⁹.

2. Трудности с продовольствием в Германии²⁰. Во многих письмах с Родины солдаты узнавали, что в снабжении мирного населения продуктами питания и первой необходимости начинаются перебои, что в совокупности с сообщениями о бомбёжках сильно подрывали веру военнослужащих в способность вермахта вести долгосрочную войну. Более того, многие солдаты прямо говорили на допросах, что ресурсы Рейха истощены, а тотальная мобилизация проведённая весной не дала ожидаемых результатов.

3. Поражения первой половины 1943 г. на юге советско-германского фронта и в Северной Африке²¹. Многие пленные сообщали, что личный состав боится повторения Сталинградской трагедии под Орлом и Белгородом. Поражение группировки Роммеля, эвакуация германо-итальянских войск из Туниса, высадка союзников на Сицилии были восприняты, как существенный удар по мощи Германии, которую до этого, ведомство Геббельса, превозносило как непобедимую.

4. Затягивание войны²². Одной из основных причин ухудшения настроения личного состава, была сильная усталость нижних чинов, от длинной череды военных компаний. Это обстоятельство приводило солдат в апатию, многим становилась безразлична судьба империи.

Неоднозначен вопрос о влиянии большой оперативной паузы и последующего наступления на состояние боевого духа немецких войск. Встречаются указания на улучшение боевого духа после трёх месяцев передышки.

Элементы разложения наблюдались не только в среде солдат, но и офицеров. 8 июля 1943 г. на советскую сторону перешёл командир 2 батальона 11 мотополка, 9 тд старший лейтенант, член НСДАП Ганс Франкельфельд, который показал, что после того, как дивизии дали приказ перейти от наступления к обороне многие офицеры упали духом, а он, до начала наступления веривший в его успех, решил перейти на сторону Красной армии²³.

Особенно подвержены пораженческим настроениям оказались военнослужащие не немецких национальностей. Так, например, в ночь с 13 на 14 сентября 1943 г. предварительно перебив 60 офицеров и унтер-офицеров, на советскую сторону перешло две роты (360 чел.) 389 отдельного Туркестанского батальона. Рядом с батальоном стояло два венгерских полка, которые всё видели, но никак не препятствовали переходу²⁴. В протоколах допросов военнослужащих вермахта, часто стали отмечаться пораженческие настроения среди австрийцев, словен и чехов и т.д. Многие солдаты не желали проливать кровь за нацистскую Германию и не видели в Советском Союзе врага. Так, ефрейтор из 2 мотобатальона 2 танковой дивизии, перешедший на

сторону Красной армии 7 июля 1943 г. на допросе показал, что большинство личного состава, по национальности австрийцы и 80% из них потеряли веру в победу Рейха²⁵.

Опираясь на приведенные выше факты с уверенностью можно утверждать, что начавшийся после разгрома под Сталинградом процесс ухудшения морально-политического состояния войск вермахта с началом Курской битвы усилился. Особенно ярко начали проявляться факты разложения войск после её завершения. Поскольку для значительной части военнослужащих бесперспективность войны для Германии стала очевидной. Тем не менее, повинаясь присяге, воинскому уставу и страшая расплаты за содеянное, солдаты вермахта продолжали участвовать в мировой войне.

Примечания:

1. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.53., Л. 263.
2. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.53. Л. 303 обр.
3. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.53. Л. 303; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 3-4; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 15 об; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 26-26 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.53. Л. 343.
4. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Л. 343.
5. Погрешность не более 2%.
6. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 45 об.
7. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 49 об.
8. ЦАМО РФ. Ф.201. Оп.392. Д.13. Лл. 197 об-198 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.53. Л. 258; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.53. Лл. 306-308; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.53. Лл. 399-340 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 75; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 10-11; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 1-1 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 12-13; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 14-15 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 16-16 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 18-18 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 19-21; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 24-24 об; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 25-25 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 26-26 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 27-28; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 29-30; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 31-32; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 33-34; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 3-4; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 35-36 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 37-38; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 39-39 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 40-41; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 42-43; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 44-44 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 45-46 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 48-48 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 49-49 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 50-51; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 52-52 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 54-54 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 55-55 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 5-5 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 56-56 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 57-58; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 64-65; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 6-7 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 68-68 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 69-70 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 8-9 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 20 об.
9. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 48 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 56 об.
10. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.258; Жадобин А.Т., Марковичь А.Т., Христофоров В.С. Сборник документов. Огненная дуга: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003. С. 300, 303.
11. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 15 об.
12. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 48 об.; Замулин В.Н. Курский излом. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 900.
13. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 257.
14. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.258; Жадобин А.Т., Марковичь А.Т., Христофоров В.С. Указ. соч. С. 303.
15. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 23.
16. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 20 об.; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.258; Жадобин А.Т., Марковичь А.Т., Христофоров В.С., Указ. соч. С. 300.

17. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.258. Л. 68; Жадобин А.Т., Марковичь А.Т., Христофоров В.С., Указ. соч. С. 299.
18. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Л. 28; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.53. Л. 303.
19. Широкоград А.Б. Германия под бомбами союзников. 1939-1945 гг. М., 2008. С. 91.
20. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.53. Л. 303.
21. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.53. Л. 343; ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.53. Л. 303.
22. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.53. Л. 303.
23. ЦАМО РФ. Ф.361. Оп.6081. Д.54. Лл. 19-21.
24. ЦАМО РФ. Ф.201. Оп.392. Д.13. Лл. 310-314.
25. Жадобин А.Т., Марковичь А.Т., Христофоров В.С. Указ. соч. С. 298.

ДІЯЛЬНІСТЬ КУЛЬТУРНИХ УСТАНОВ ДОНЕЧЧИНИ НА ЗАВЕРШАЛЬНОМУ ЕТАПІ ВЕЛИКОЇ ВІТЧИЗНЯНОЇ ВІЙНИ ЯК ЧИННИК ІДЕОЛОГІЧНОГО ВПЛИВУ НА НАСЕЛЕННЯ

О.Ю.Титаренко
Донецький національний університет

На основі аналізу літератури з проблеми, археографічних збірників, мемуарів, архівних матеріалів автор висвітлює характерні риси діяльності театрів, клубів, музеїв, бібліотек після визволення Донеччини від нацистів, роль та значення кінематографу в духовному житті населення краю. Акцентується увага на тому, що заклади культури не лише організували дозвілля населення, але й виконували особливо важливу в умовах війни виховну та ідеологічну функцію.

Ключові слова: війна, окупація, ідеологія, пропаганда.

CULTURAL INSTITUTIONS ACTIVITIES IN DONETSK AT THE FINAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AS A FACTOR OF IDEOLOGICAL INFLUENCE OVER POPULATION

O.Y. Tytarenko
Donetsk National University

In the article from the basis of literature about this problem, archeological collections, memories, archive documents author shows renewal work features of Donetsk region after liberation from Nazi, place and sense of cinema in culture life of the region. Author emphasizes that culture buildings not only organize citizen entertainment but also performed educational and ideological function.

Key words: war, occupation, deology, propaganda.

Період після визволення України від німецької окупації позначився суттєвими змінами в способі життя населення, в тому числі і в духовній сфері. Перебування населення під іноземною окупацією з її системою ідеологічного впливу, руйнування під час війни традиційної системи культурно-просвітніх установ зумовили ситуацію, коли поруч із відновленням зруйнованої війною економіки для влади життєво важливим стало і налагодження системи культурного обслуговування населення. Проте, на жаль, діяльність її в цьому напрямку у зазначений період на теренах окремих регіонів, зокрема Донеччини, належного висвітлення не набула. В нечисленних наукових публікаціях, що виходили, як правило, до ювілейних дат історії тих чи інших установ культури Донеччини, про їхню роботу протягом зазначеного періоду згадувалося досить побіжно і в райдужних тонах, докладного аналізу проблем, пов'язаних з відновленням діяльності закладів культури, не проводилося¹. Безперечно, це ускладнює розуміння процесу формування світоглядних, ціннісних орієнтирів населення.

Виходячи з цього метою даної розвідки є висвітлення діяльності закладів культури області в 1943-1945 рр. Об'єктом роботи є діючі на той час театри, клуби, кі-

нотеатри, бібліотеки, музеї. Предметом дослідження є характерні риси діяльності установ культури після визволення Донеччини від нацистів і до завершення війни, особливості місця закладів культури в духовному житті населення краю. Джерельну базу роботи становлять матеріали Державного архіву Донецької області, археографічні збірники, періодична преса, джерела усної історії.

При характеристиці чинників впливу на духовний світ населення Донеччини в зазначений період особливий інтерес викликає кінематограф, який, діючи в екстремальних умовах воєнного часу, мусив все ж таки залишатися найважливішим з мистецтв і, за визнанням відомого західного дослідника кінематографу СРСР та нацистської Німеччини Річарда Тейлора, «...ідеальною пропагандистською зброєю»². Це обумовлюється здатністю кінематографу не лише впливати на систему художніх смаків глядача, але й відігравати роль важливого чинника пропаганди.

В період після визволення Донеччини від нацистських окупантів перед владою постало нагальне завдання нейтралізації гітлерівської пропаганди, ознайомлення із кінофільмами, знятими центральними кіностудіями, українськими кінематографістами, які продовжували свою роботу в евакуації. Відкриття кінотеатрів ставало великою подією як для місцевого населення, котрому повертали улюблений вид мистецтва, так і для влади, якій надавався потужний засіб ідеологічного впливу. Проте робота із налагодження роботи кінотеатрів проходила все ж таки не дуже задовільними темпами. Так, на Донеччині навесні 1944 р., через рік після визволення, діяло лише близько 120 кіноустановок³. Для порівняння – до війни на Донеччині діяло 550 кіноустановок⁴. Проте навіть за цих не зовсім сприятливих умов вітчизняне кіно залишалося найпоширенішим способом проведення дозвілля і, водночас, потужним засобом пропаганди. Мабуть, усвідомлення саме останньої обставини зумовило прийняття в 1944-1945 роках постанов про кінофікацію райцентрів, про поліпшення кінообслуговування трудящих Донбасу, налагодження роботи сільських кіноустановок. Ці постанови зобов'язували профспілкові організації, виконками рад трудящих, партійні комітети збільшувати кіномережу, ремонтувати і будувати нові кінотеатри, встановлювати режим демонстрації фільмів не рідше ніж 15-18 днів на місяць⁵.

З урахуванням задач, які стояли перед владою, першочергову увагу було приділено демонстрації кінофільмів, знятих під час війни, зокрема таких як «Жди мене», «Секретар райкому», «Два бійці», «Вона захищає Батьківщину», хронікальних та документальних стрічок про героїзм та звитягу воїнів Червоної Армії. Певне увагу було приділено і демонстрації передвоєнних стрічок з яскраво вираженим ідеологічним підтекстом.

Проте кінематограф, призначений для населення, яке відчуло на собі весь тягар та жахи війни, мусив відгукнутися появою більш-менш реалістичної стрічки, в якій би було відображено тягар та жахи війни. Нею стала «Райдуга» (режисер М.Донський, автор сценарію Ванда Василевська), знята в 1943 р. Фільм, присвячений боротьбі українського народу із ворогом на окупованій території, став гордістю всього радянського кіномистецтва і достатньо довго демонструвався на екранах області.

Вагомим фактором впливу на свідомість населення краю став знятий у 1945 році другий військовий фільм М. Донського – «Нескорені» (екранізація однойменної повісті Бориса Горбатова), присвячений історії родини старого донецького кадрового робітника Тараса Яценка у період нацистської окупації. Твір Горбатова, вперше опублікований на шпальтах газети «Правда» в 1943 р., справив величезне враження не лише на громадськість, але й на кінематографістів, які скористалися тією можливістю, яку надавав твір. На VII Міжнародному Венеціанському кінофестивалі (1946 р.) «Нескореним» було присуджено золоту медаль⁶. Фільм чималою мірою сприяв формуванню та закріпленню в свідомості населення образу донецького пролетаря – незламного борця з фашизмом. Значною подією в житті воєнного Сталіно стали зйомки художніх фільмів «Це було в Донбасі» та «Велике життя»⁷.

Враховуючи те, що кінематограф був не лише одним із засобів мистецтва, але й потужним засобом фіксації оточуючої дійсності, першочергова увага була приділена зйомкам в містах та селах України одразу ж після звільнення їх від окупації. Ключову роль в цих зйомках відігравали фронтові кінооператори. На жаль, значна частина матеріалів, знятих кінооператорами, не пережила війну, була використана без знятих резервних копій для монтажу тих чи інших фільмів. Проте дуже цінними є так звані монтажні листи – покадрові описи кожної чергової партії відзнятого на фронті матеріалу, який відправляли на проявлення до Москви. Досить часто вони є єдиним джерелом, який розповідає про те, що і яким чином було знято кінооператорами. Саме зібрання монтажних листів фронтових операторів дає більше уявлення про те, як працювала кінохроніка в роки війни, що саме і в яких пропорціях було нею знято, в тому числі і на теренах нашого краю. Так, зокрема, в збірнику документів та матеріалів «Цена кадра», присвяченого роботі фронтових кінооператорів містяться монтажні листи зйомок, що проводилися в перші місця після визволення в Сталіно, Макіївці, Краматорську⁸.

І хоча, очевидно, далеко не всі з цих матеріалів збереглися і стали доступними для глядача, об'єкти, що знімалися, сам факт зйомок на вулицях визволених населених пунктів Донеччини, участь в них населення стали додатковими аргументами на користь того, щоб в місцевого населення формувалася високий рівень симпатії та довіри до кінохроніки та художнього кінематографу.

Наочність кінематографу доповнювалася засобами театрального мистецтва. Початок відновленню театрального життя на Донеччині одразу ж після окупації поклали фронтові бригади, що просувалися разом із наступаючими частинами. Проте наприкінці 1943 – на початку 1944 рр. до Сталіно вже повернулися обласні театри. Варто зазначити, що театрам, які поверталися з евакуації або заново створювалися, доводилося починати свою діяльність у важких умовах. Окупанти за час свого перебування у східних областях України, які протягом 1941-1943 років були ареною жорстоких боїв, завдали величезної шкоди театральному мистецтву. Вони зруйнували або важко пошкодили театральні приміщення, в тому числі і абсолютно нові, побудовані перед самою війною, пограбували або знищили театральне обладнання, майно, бібліотеки театрів. Істотним моментом, який відобразився на психологічній ситуації в театральних колективах, стало входження до складу театральних колективів тих, хто перебував на окупованій території⁹. Подекуди це призводило до психологічного напруження і звинувачення їх в зрадництві з боку тих, хто повернувся з евакуації. Досить показовим в цьому плані є приклад балерини зі Сталіно О.П. Горчакової, про яку у повоєнний час схвально відзивалися як регіональні, так і центральні видання¹⁰. Вона так і не здобула статусу народної артистки УРСР, і не в останню чергу саме з-за своєї роботи при окупантах.

Особливу увагу було звернуто на питання репертуару, який фактично визначає зміст театрального мистецтва. Так, нарада з питань театрального мистецтва, скликана Комітетом у справах мистецтв УРСР ще до закінчення війни, звернула особливу увагу на необхідність збільшення вистав з сучасної радянської тематики. Враховуючи те, що першими свою діяльність на звільненій території поновили театри Східної України, їм судилося на певний час стати піонерами в плані формування нового репертуару на звільненій території¹⁰.

Театри регіону за час роботи на визволеній території ще до закінчення війни поставили чимало п'єс радянських драматургів, в яких було відображено бойові та трудові подвиги народу. Так, Сталінський драматичний театр імені Артема поставили п'єсу О.Корнійчука «Місія містера Перкінса в країну більшовиків», з творів сучасної драматургії особливо великий успіх випав на долю спектаклів «Так і буде» К.Симонова, «Літак запізнюється на добу» Н.Рибак та І.Савченка. Тобто вже на цьому етапі роботи театри одними з основних своїх завдань вважали створення складних соціально-психологічних творів. Драматурги намагалися відтворити су-

часність, героїчні помисли та вчинки. Вони стали ознакою новою театральної традиції, яка характеризувалася героїзацією і, до певної міри, романтизацією війни. Щоправда, як зазначають автори ґрунтовного дослідження «Безсмертя. Книга Пам'яті України», на творчій діяльності театрів «...позначились такі серйозні вади як схематизм, плакатність, поверховість. Далася взнаки ідеологічна догматика та політизація, насаджувана культю особи»¹¹. Безперечно, з повною мірою це може бути віднесено і до театральних установ Донеччини.

Характерною рисою в роботі театрів під час війни стало те, що, порівняно з минулими роками, значно знизився рівень музичних вистав. Це пояснювалося відсутністю оркестрів – наявність кількох музикантів ніяк не могла забезпечити відповідного музичного оформлення чи принаймні супроводу окремих вокальних номерів на належному професійному рівні. І тим не менш навіть за таких умов вони розширювали свій репертуар. Так, за 1944-1945 рр. на сцені Сталінського обласного драматичного театру було поставлено 13 вистав¹². Справжньою подією в культурному житті міста стала поставлена на сцені театру опери та балету до річниці звільнення Донеччини від окупантів патріотична опера А.Бородіна «Князь Ігор»¹³.

За умов відсутності в ряду випадків можливості для відвідання театральних установ, великого значення набувала діяльність клубів, які шляхом роботи гуртків художньої самодіяльності сприяли творчій самореалізації населення і, водночас, виконували важливу політичну функцію. Так, вже в 1944 р. на території Сталінської області діяло 7 з 14 палаців культури, відновили свою роботу 224 клуби з 384, що існували до війни¹⁴. З перших же днів визволення міст та селищ Донеччини у вересні 1943 р. було розпочато комплекс заходів щодо поновлення роботи бібліотечних установ регіону. Основними труднощами, які перешкоджали їхній ефективній роботі, стали брак приміщень, нестача книг, відсутність кваліфікованого персоналу тощо. Слід зазначити, що книга за умов війни поруч з іншими виконувала і ідеологічно-пропагандистську функцію. Як зазначалося у річному звіті за 1944 р. Слов'янської міської бібліотеки, за першочергове своє завдання бібліотека ставила «...Повсякденне проведення в життя всіх постанов та розпоряджень партії та уряду та всіх рішень місцевих організацій»¹⁵. Виходячи зі схожості своїх першочергових завдань, бібліотеки області акцентували увагу на поповненні фонду необхідними книгами, у першу чергу творами класиків марксизму-ленінізму, книгами про Вітчизняну війну, а також популяризації їх серед населення. Широкого поширення набуло поповнення бібліотечних фондів за рахунок шефської допомоги, в тому числі і з інших регіонів Радянського Союзу, які не були під окупацією.

Період після визволення Донеччини від нацистської окупації став часом не лише відновлення роботи бібліотек, їх подальшого розвитку, але й пошуку нових прийомів, методів діяльності, які б відповідали умовам воєнного часу. Саме тому акцент був зроблений на обслуговуванні читачів не стільки шляхом видачі книг на абонемент, скільки шляхом організації читалень, що, втім, в ряді випадків з-за браку відповідних приміщень не завжди дозволяло охопити тих, хто бажав працювати із книгою. В ряді випадків бібліотеки ставали своєрідними центрами комунікації, місцями, де обговорювалися не лише книжкові новинки, але й нагальні питання суспільно-політичного життя.

Очевидно, найбільші труднощі в плані відновлення роботи спіткали все ж таки музейні заклади. Напередодні війни на території Сталінської області налічувалося 9 музейних закладів¹⁶, які були зруйновані під час війни. Невдовзі після звільнення області від окупації згідно з постановою Наркомпросу УРСР у листопаді 1943 р. було прийнято рішення про заснування Сталінського обласного історичного музею, який мусив стати спадкоємцем Сталінського обласного музею Революції, зруйнованого під час окупації.

Особливо гостро стояло питання із фондами. Переважна більшість експонатів довоєнного музею Революції загинула під час окупації. Лише незначна їх частина

була повернута місцевими жителями. На 1944 р. фонди музею налічували лише близько тисячі експонатів, переважно документів та фотографій, речових експонатів майже не було. В цьому зв'язку слід зазначити, що саме брак фондового матеріалу став однією з основних причин, яка перешкождала діяльності центральних музеїв області і заважала відновленню діяльності музеїв в інших населених пунктах.

Треба відмітити, що Сталінський історичний музей був не єдиним в області, якому вдалося поновити свою роботу в 1943-1945 рр. Не дивлячись на труднощі, що постали одразу ж після визволення міста, досить швидко відновив свою діяльність Сталінський музей краєзнавства у Маріуполі. Це пояснювалося в першу чергу тим, що він не перервав своєї роботи навіть під час нацистської окупації і був однією з небагатьох функціонуючих установ такого роду в Україні. Розташування поруч із німецьким воєнним шпиталем врятувало музей та його фонди від остаточного знищення, хоча вони значно постраждали від дій окупантів¹⁷.

Проте навіть за цих відносно кращих умов перед співробітниками музею постало питання проведення інвентаризації вцілілих експонатів, а найголовніше – відмови від певних принципів побудови експозиції періоду окупації, «...вилучення з експозиції всіх цитат та текстів... що являють собою елементи антимарксистських історичних концепцій»¹⁸. Серйозною перешкодою для відновлення роботи музею стала та обставина, що ряд його співробітників, побоюючись звинувачувань з боку органів НКВС у колаборації (в період нацистської окупації місцевий музей був одним з осередків націоналістичного підпілля), покинув місто. В той же час один з найвідоміших краєзнавців Донеччини М.Фененко, якого звинуватили в участі в ОУН, був репресований¹⁹. І тим не менш навіть за цих умов музеєм здійснювався досить значний обсяг роботи, передусім популяризаторської.

В цілому період 1943-1945 років став часом, коли влада, прагнучи здійснювати ідеологічний вплив на населення, зробила певні кроки на шляху відновлення системи закладів культури. Хронічними проблемами на шляху їх повноцінної роботи стали брак приміщень, необхідного обладнання, театрального реквізиту, літератури, відсутність кваліфікованих кадрів, надмірна ідеологізація в роботі, яка стояла на заваді реалізації гуманістичних принципів культури та мистецтва. Проте в цілому заклади культури, і особливо кінематограф, бібліотеки, театри, популяризуючи патріотичні та героїчні образи і вчинки, зуміли виконати свою мобілізуючу функцію. Вони не лише полегшили владі проведення необхідної освітньо-виховної та ідеологічної роботи, але й змогли забезпечити можливості для організації та проведення дозвілля населенням.

Примітки:

1. Гусинський Г.О. Музеї Донеччини // Український історичний журнал. 1967. №11. С. 89-92. Гусинський Г.О. Музеї Донеччини // Український історичний журнал. 1967. №11. С. 89-92; Ляшенко Г.П. Успіхи культурного будівництва в Донбасі в післявоєнні роки 1943-1945 рр. Донецьк: Б.в., 1968; Кулик О.О. Донецький обласний український музично-драматичний театр імені Артема. К.: Мистецтво, 1987. 129 с.; Филатова В.П. Страницы истории Донецкого областного краеведческого музея // Литопис Донбасу: краєзнавчий збірник. Вип. II. Ювілейний. Донецьк: Донбас, 1994. С. 7-11.

2. Taylor Richard. Film propaganda. Soviet Russia and Nazi Germany. Croom Helm London, Bartnes & Noble Books New York, 1979. P. 31.

3. Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): [Сб. док. и материалов]. Донецк: Донбас, 1980. С. 258.

4. Народное хозяйство Донецкой области. Статистический сборник. Донецк: Донбас, 1981. С. 130.

5. Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу : в 3 т. К.: Політвидав України, 1969. Т.3. 1969. С. 263.

6. Корниенко И.С. Киноискусство Советской Украины. Страницы истории. М. : Искусство, 1975. С. 136.

7. Социалистический Донбасс. 1945. 4 авг.; Социалистический Донбасс. 1945. 7 сент.

8. Цена кадра. Советская фронтовая кинохроника 1941-1945 гг. Документы и свидетельства. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 572-575.
9. Інтерв'ю із Кріциним О.Д., 1929 р.н. Транскрибований аудіозапис (м. Донецьк, листопад 2010 р.) // Особистий архів автора.
10. ДАДО. Ф. Р-6802. Оп.1. Спр.10. Арк.4.
11. Безсмертя. Книга Памяті України. 1941-1945. К.: Пошуково-видавниче агентство «Книга Памяті України», 2000. С. 533.
12. Театральная энциклопедия. Т.5. М.: Гос. науч. изд-во «Советская энциклопедия», 1967. Стб. 473.
13. Горчакова Е.П. Размышления в затынувшемся антракте. Донецк : Изд-во Дон. орг. Союза писателей Украины, 1998. С. 34.
14. Ляшенко Г.П. Успіхи культурного будівництва в Донбасі в післявоєнні роки 1943-1945 рр. Донецьк: Б.в., 1968. С. 61.
15. ДАДО. Ф. Р-5381. Оп.1. Спр.4. Арк.1.
16. Гусинський Г.О. Музеї Донеччини // Український історичний журнал. 1967. №11. С. 89.
17. Яруцький Л. Кальміуська паланка. Маріуполь, 1995. С. 94.
18. ДАДО. Ф. Р-6446. Оп.1. Спр.10. Арк.14.
19. Захарова Г. Мариупольская трагедия. Мариуполь: Предприятие «Приазовский рабочий», 2000. С. 109-116.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОККУПАЦИИ

Е.О. Герасимова

Курский государственный университет

В статье рассматривается процесс восстановления сельского хозяйства после освобождения районов Курской области от немецко-фашистской оккупации. Показаны основные направления деятельности советских и партийных органов по возрождению колхозов, совхозов, МТС, а также трудности, с которыми пришлось столкнуться при проведении восстановительных работ.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Курская область, восстановление, сельское хозяйство.

THE AGRICULTURAL INDUSTRY REHABILITATION AFTER THE RECAPTURE OF KURSK REGION FROM NAZI OCCUPATION

E.O. Gerasimova

Kursk State University

The subject of the article deals with the rehabilitation process of the agricultural industry after the recapture of Kursk region from Nazi Germany. The main areas of the reconstruction activities on the collective and state farms, machine and tractor stations, realized by Soviet and party authorities, are also represented. There are also described some difficulties in the article which they had to face by this reconstruction.

Key words: the Great Patriotic War, Kursk region, occupation regime, agriculture.

22 июня 2012 г. исполнится 70 лет с начала Великой Отечественной войны. Одной из важных проблем привлекающих внимание историков при изучении этого сложного периода, является восстановление экономики на территориях, освобожденных от немецко-фашистской оккупации. Одним из регионов, подвергшимся длительной оккупации противника являлась Курская область. Немецкие войска вторглись в ее пределы в начале октября 1941 г. Некоторые районы области находились под властью фашистского режима до 23 месяцев. Полное освобождение Курской области Красной Армией завершилось 2 сентября 1943 г.

В период оккупации тяжелые потери понесло сельское хозяйство области. В районах Курской области и городе Курске проводились работы по учету ущерба, причиненного оккупантами народному хозяйству и населению. Общий ущерб составил сумму около 27 млрд. руб.¹. Из строя были выведены более двух третей имевшихся до войны промышленных предприятий. 40% всего ущерба составил ущерб, причиненный хозяйствам колхозов. Почти полностью уничтожено было общественное животноводство. Посевная площадь в 1943 г. составила лишь 47% от довоенной.

Немало жителей было угнано в Германию. Все колхозы, совхозы и МТС были разграблены. Немцы изымали у крестьян все, что можно было изъять, оставляя их на голодное существование. Непокорность каралась расстрелом. Но и в этих невыносимых условиях люди верили в победу Красной Армии, и даже находясь на оккупированной территории, помогали ей всем, чем только могли.

Почти сразу после освобождения от оккупации начались работы по восстановлению сельского хозяйства, городов, сел. Согласно постановлению бюро обкома ВКП(б) и облисполкома от 1 февраля 1943 г. о мероприятиях по скорейшему восстановлению народного хозяйства в освобожденных от немецко-фашистских захватчиков районах Курской области, были намечены мероприятия по восстановлению колхозов, совхозов, колхозных общественных построек, МТС, ремонтно-тракторных мастерских².

Эти сложнейшие восстановительные задачи трудящиеся Курской области решали, опираясь на всемирную помощь советского государства, всего советского народа. Совет Народных Комиссаров РСФСР 23 февраля 1943 г. принял постановление «Об организации помощи в восстановлении хозяйства Курской области». Вслед за ним вышли постановления СНК СССР от 19 мая 1943 г. и СНК РСФСР от 23 мая 1943 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства г. Курска и Курской области», в которых была намечена широкая программа восстановления всех сфер жизнедеятельности области³.

Большое внимание уделялось созданию и укреплению первичных организаций партии. Ведь на их плечи ложилась вся тяжесть по мобилизации всех сил и средств области для восстановления народного хозяйства и оказания помощи фронту. Особо малочисленными были сельские парторганизации. Учитывая это, обком ВКП(б) придавал особое значение укреплению сельских комсомольских организаций и повышению их роли в жизни колхозов. Этот вопрос обсуждался в июле 1943 г. на XI пленуме Курского обкома ВКП(б).

Выполняя решения XI пленума обкома партии, курский комсомол принял в свои ряды 24 370 чел. К октябрю 1944 г. в его рядах насчитывалось 41 344 чел., в том числе 18 104 колхозника, которые состояли в 2185 комсомольских организациях (до войны их насчитывалось 3021)⁴.

Так постепенно восстанавливалась деятельность райкомов партии, райисполкомов, сельских советов и других структур. При этом пришлось столкнуться с серьезной кадровой проблемой: не хватало опытных, компетентных работников. В условиях освобожденных районов она решалась несколькими путями. Большую помощь оказывали центральные органы, партийные организации областей, краев и республик, не подвергавшихся оккупации. Так, Управление кадров ЦК ВКП(б) направило в Курскую область на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу 300 чел.; 865 работников прибыло по путевкам наркоматов. Наряду с прибывающими из других областей страны, к руководящей работе привлекались инициативные и способные люди, проявившие себя в борьбе с врагом на оккупированной территории. К примеру, 5 марта 1943 г. в Курск из 1-й Курской партизанской бригады прибыло 250 чел. партийных и советских работников. Решением бюро Курского обкома от 8 марта часть из них была утверждена на руководящую работу. В резерв обкома для укомплектования аппаратов обкома ВКП(б) и облисполкома было взято 70 чел., направлено в распоряжение райкомов 77 чел. 15 марта в Курск прибыли партийные

и советские работники из отрядов 2-й Курской партизанской бригады, которые были распределены и утверждены на партийную и советскую работу в районах, в партийный и советский аппарат области⁵.

В трудных условиях проводилась первая после освобождения весенняя посевная компания. Во многих колхозах и совхозах для весеннего сева не было семян. Посеянные в 1942 г. озимые на площади в 543 тыс. га на половине площадей не имели всходов. Зяби было вспахано менее 10%⁶. В таких тяжелых, особенно для села, условиях область встречала весну 1943 г. А предстояло засеять 504 тыс. га, из которых 25 тыс. га сахарной свеклы. К тому же надо учесть, что в период весеннего сева около 130 тыс. селян ежедневно трудились на оборонительных сооружениях. План тракторных работ был установлен МТС в размере 750 тыс. га⁷. Не было опытных руководителей, специалистов. В этих условиях удалось осуществить мобилизацию всех внутренних ресурсов. Женщины, подростки, старики вышли в поле. В качестве основной тягловой силы использовали коров. Предлагалось сразу же приступить к восстановлению колхозных построек, МТС, ремонтно-тракторных мастерских, к организации ремонта сельхозинвентаря и сбора ранее розданного колхозникам при эвакуации имущества, лошадей и других ценностей.

На помощь курянам приходили воинские части. 12 апреля 1943 г. Военный совет Центрального фронта принял постановление «Об участии воинских частей в проведении весеннего сева Орловской и Курской областей». В соответствии с постановлением военные советы армий и командиры войсковых частей обязывались оказать колхозам, совхозам и МТС всемирную практическую помощь в проведении сева без ущерба для боевой деятельности войск.

Командирам воинских частей предлагалось выделить из состава слесарей, кузнецов, плотников и т.п., из которых сформировать ремонтные бригады, закрепив их за определенными колхозами, совхозами и МТС на период весеннего сева. Рекомендовалось на взаимовыгодных условиях предоставить им горючее и семена⁸.

Опираясь на поддержку государства, колхозники, рабочие, служащие МТС приложили максимум усилий для проведения весенней посевной компании 1943 г. В кратчайшие сроки было восстановлено 4 500 колхозов, собрано и работало на полях около 20 тыс. колхозных лошадей⁹. Восстанавливались МТС, возвращался эвакуированный скот, направлялись дополнительно тысячи голов свиней и овец.

Колхозники проявляли небывалое трудолюбие и взаимопомощь, высокие нравственные качества. Население районов и колхозов, где не хватало семян, получили помощь от тех, где они были. Так колхозники Ясеновского района предоставили колхозам Больше - Полянского района 2 тыс. ц зерна. Колхозники Стрелецкого района помогли семенами Волоконовскому району. Колхозы Советского района помогали друг другу вовремя завершить сев. Колхозники Коньшовского района собрали для колхозников Хомутовского района 9 тыс. пуд. картофеля¹⁰.

Более того, в письме П.И. Доронина, секретаря Курского обкома ВКП(б) И.В. Сталину говорится, что в трудную военную пору государство, чтобы помочь Курской области, снизило и без того небольшой план поставок зерна на 5 млн. пудов. Область дала стране всего 4 млн. пудов хлеба, хотя до войны эта цифра доходила до 60 млн. пудов¹¹. Эта помощь государства дала возможность колхозам области встать на ноги и заложить прочную основу хозяйственного укрепления на будущий год. Колхозы посеяли озимые, запаслись семенами для ярового сева и обеспечили хлебами всех колхозников и колхозниц. Впервые за два года деревня не знала недостатка хлеба, во многих районах колхозники имели даже излишки зерна. Область выполнила план сдачи зерна в фонд Красной Армии на 95%¹².

Значительная часть колхозов провела сев с перевыполнением плана. На севе использовали главным образом коров колхозников. В сжатый срок была проведена уборка урожая, к 1 сентября 1943 г. хлеб был заскородован и свыше 80% урожая к октябрю было смолочено. План озимого сева на 11 600 га к 25 сентября был выполнен

полностью, 45 колхозов района перевыполнили план сева. Все колхозы района к 1 сентября 1943 г. полностью рассчитались с государством по поставке зерна¹³.

У колхозников в 1943 г. были посеы зерна и на приусадебных участках. 227 тыс. хозяйств, по решению правительства, полностью, а 33 тыс. хозяйств - частично были освобождены от поставок зерна. Также 1943 г. был отмечен хорошим урожаем картофеля¹⁴.

План весеннего сева по колхозам 50 районов составил 773,200 га., в том числе: зернобобовых - 575,100 га, технических - 150,150 га, из них - сахарной свеклы - 39,400 га, конопли - 20,950 га, подсолнечника - 57,000 га, кориандр - 12,000 га¹⁵.

В целях обеспечения проведения уборки урожая и озимого сева в освобожденные от немецкой оккупации районы было мобилизовано и отправлено 3 400 чел. трудоспособного населения. Подготовлены для отправки в освобожденные районы 187 тракторов и 25 молотилок. В районы было завезено кос ручных 3 100, серпов - 2 180, брусков - 2 810. Для организации общественного питания в освобожденные районы завезено: муки - 20 т, хлеба печеного - 3,5 т, сахара - 957 кг, кондитерских изделий - 2 165 кг, консерв - 570 банок, сельдей - 272 кг, масла сливочного - 519 кг, соли - 201 т, мыла - 4 350 кг, табачных изделий - 50 000 пачек, промышленных товаров на сумму 50 000 руб. Для проведения политико-массовой работы в районы были направлены специальные бригады¹⁶.

Большое значение для восстановления сельского хозяйства имело постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Предусматривался возврат колхозам скота, эвакуированного в восточные районы страны¹⁷.

При эвакуации весь скот был направлен в Западный Казахстан. В пути перехода скота маршруты были изменены, вследствие чего, скот Курской области был размещен на содержание в Воронежской, Саратовской, Сталинградской, Тамбовской, Пензенской областях¹⁸.

Всего было эвакуировано из области скота: лошадей - 131 600 голов, крупного рогатого скота - 138 000 голов, овец - 288 500¹⁹.

Для получения скота из восточных районов СССР, 27 августа 1943 г. были командированы в Тамбовскую, Саратовскую и Сталинградскую области ответственные работники обкома ВКП(б) и облисполкома, 968 чел. гонщиков и доярок. По согласованию курских уполномоченных с областными организациями скот был отобран, принят и направлен с гонщиками в Курскую область. Для приема скота в области было организовано 3 приемных пункта²⁰.

Но были и неутешительные случаи о гибели в пути лошадей, овец. По Тамбовской области имелись факты отправки в Курскую область истощенного, больного скота и старых коров (от 12 лет и старше). Поступивший из Тамбовской области гурт крупного рогатого скота, в количестве 88 голов оказался больной ящуром. Курскими ветеринарными работниками были приняты меры к изоляции больного скота и предупреждению распространения заболевания²¹.

После оккупации в районах Курской области значительно сократилось поголовье скота, находившегося в личном пользовании колхозников²².

В порядке оказания помощи по восстановлению животноводства, Бурят-монгольская АССР выделила для Курской области 8 000 тыс. голов разного вида скота.

В результате всех проведенных мероприятий по восстановлению колхозных животноводческих ферм, установленный государственный план развития общественного животноводства на 1943 г. был выполнен. Об этом свидетельствуют данные таблицы¹²³.

Из восточных районов нашей страны в порядке госзакупок и помощи Курская область получила 9045 лошадей, свыше 30 тыс. голов крупного рогатого скота, 58 тыс. овец и коз, 5000 свиней, более 100 тыс. голов птицы²⁴.

Табл. 1. Выполнение плана на 1943 г. по восстановлению колхозных животноводческих ферм Курской области.

	План поголовья на 1 января 1944 г.	Выполнение плана на 15 октября 1943 г.	Возврат из эвакуации и завоз на фермы до 15 октября 1943 г.	Всего	% выполнения
Лошади	20 000	27 649	685	28 334	141,0
КРС	50 000	50 140	561	50 701	101,0
Овцы	45 000	18 699	28 125	46 824	104,0
Свиньи	2 000	1 923	3 382	5 305	251,0
Пчелы	10 000	6 408	-	6 408	64,0

Примечания:

1. Никифоров С.А. Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941-1943 гг. Курск, 2007. С. 128.
2. ГАОПИКО. Ф.1. Оп.1. Д.2915. Л. 61, 62.
3. Плотников В.М. Роль тыла в победе на Курской дуге. Харьков, 1969. С. 143-152.
4. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945 гг.: Сборник документов и материалов. Т.2. Курск, 1962. С. 227.
5. Там же. С. 228.
6. Там же. С. 189.
7. Там же. С. 221.
8. Там же. С. 371.
9. Там же. С. 202.
10. Там же. С. 372.
11. ГАОПИКО. Ф.1. Оп.1. Д.2851. Л. 15, 16.
12. Там же. Л. 17.
13. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Т.2. Курск, 1962. С. 390.
14. ГАОПИКО. Ф.1. Оп.1. Д.2851. Л. 19, 20.
15. Там же. Л. 130.
16. ГАОПИКО. Ф.1. Оп.1. Д.2966. Л.25.
17. ГАОПИКО. Ф.1. Оп.1. Д.3124. Л. 9, 10.
18. ГАОПИКО. Ф.1. Оп.1. Д.2966. Л. 26.
19. Там же. Л. 26.
20. ГАОПИКО. Ф.1. Оп.1. Д.3124. Л. 11.
21. Там же. Л. 11, 12.
22. ГАОПИКО. Ф.1. Оп.1. Д.2966. Л. 27.
23. ГАОПИКО. Ф.1. Оп.1. Д.3124. Л. 13, 14.
24. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Т.2. Курск, 1962. С. 393.

III. ИСТОРИЯ ТЕРРИТОРИЙ ЕВРОРЕГИОНА «СЛОБОЖАНЩИНА»

О РОЛИ ВАЛУЙСКОЙ КРЕПОСТИ В ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ЮЖНОМ ПОРУБЕЖЬЕ В 20-е ГГ. XVII СТ.

С.С. Кушнарев

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

В статье рассматривается роль Валуйской крепости в оборонительной системе Российского государства на южном порубежье в 20-е гг. XVII ст. Основанная в кон. XVI ст., Валуйка явилась своеобразным форпостом Российского государства на южных рубежах. В 20-х гг. XVII ст. были отремонтированы обветшалые за годы Смуты оборонительные укрепления крепости, а в 1623 г. были пересмотрены основные организационные моменты сторожевой и станичной службы, которую выполняли валуйские служилые люди. Тем самым, в построении обороны южных границ государства в 20-е гг. XVII в., Валуйская крепость занимала одно из главных мест.

Ключевые слова: Валуйская крепость, станичная служба, южное порубежье.

ON THE VALUYKI FORTERESS ROLE IN THE DEFENSIVE SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE SOUTHERN BORDERS IN THE 1620

S.S. Kushnarev

Kharkov Karazin National University

The article deals with the role of Valuyki fortress in the defensive system of the Russian Empire on the Southern boarders in 20th of the XVII century. Founded at the end of the XVI century Valuyka was a distinctive outpost of the Russian state on the southern boarders. Defensive fortresses which became dilapidated in the years of sedition were reconstructed and principal organizational aspects of patrol and stanitsa service of Valuyki service-men were revised in 1623. Hence Valuyki fortress took one of the main places in constructing southern boarder's defense of the state in 20th of the XVII century.

Key words: Valuyki fortress, stanitsa service, southern boarders.

Мероприятия по защите границ от внешних врагов являются одной из ключевых функций государства. Именно поэтому изучение истории оборонительной системы случае Российского государства длительное время привлекало к себе исследователей. При этом необходимо отметить, что оборонительная система понимается, с одной стороны, как совокупность фортификационных сооружений, а с другой - как некий комплекс правительственных мероприятий, направленных на защиту порубежных регионов. Особенно актуальны данные вопросы касательно изучения отечественной истории 1-й пол. XVII в., когда Российское государство, постепенно набирающее силы после событий Смутного времени, продолжает активную политику колонизации и обороны южных регионов.

Особое место в оборонительной системе Российского государства на южном порубежье в обозначенное время занимала Валуйская крепость. Основанная в 1599 г. «на реке Осколе усть-реки Вилуйка» Валуйка явила собой пример государственной колонизации и целенаправленной оборонительной политики России на южных рубежах. Однако, несмотря на наличие значительной историографии, посвященной общим проблемам вхождения южных регионов в состав Российского государства, обороне территорий от татарских и черкасских набегов, хозяйственного развития края¹, следует признать, что процесс становления и функционирования системы обороны на различных стратегических направлениях защиты Российского государства рассмотрен крайне неравномерно. Это же можно сказать и про роль Валуйской крепости в этом процессе. В настоящее время нам не известно сколь-нибудь суще-

ственного исследования по данной теме, хотя ее отдельные элементы неоднократно затрагивались во многих, в том числе и фундаментальных, работах.

Так необходимо отметить вклад валуйских краеведов П.И. Сопина, М.И. Сухорукова² и М.И. Карагодина³ в развитие исследования проблемы. Особо заслуживает внимания неопубликованный архив П.И. Сопина⁴, хранящийся в фондах Валуйского краеведческого музея. Данный архив содержит копии, выписки и конспекты многих, преимущественно ранее не публиковавшихся, документов фонда Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов. Исследование М.И. Карагодина представляет собой сборник очерков краеведческого характера. Однако привлечение обширной источниковой базы и критический подход к изучению документов позволили автору уточнить ряд спорных вопросов истории Валуйской крепости. Работа М.И. Сухорукова во многом компилятивна и представляет собой выдержки из архива П.И. Сопина без должного критического подхода к анализу их содержания. По сравнению с предшествующими работами по истории валуйского края исследование М.И. Сухорукова не способствовало развитию историографии по данной проблеме.

К началу второго десятилетия XVII столетия правительственная колонизация края приостанавливается. Татарские набеги, по сравнению с предшествующими годами, также незначительны. Период с 1618 по 1630 г. А.А. Новосельский называет периодом затишья на южных границах Российского государства⁵. В это время военные столкновения носили характер типичной пограничной борьбы русских служилых людей с небольшими татарскими отрядами⁶.

Воспользовавшись временным затишьем, российское правительство принимает решение о ремонте Валуйской крепости. Весной 1618 г. валуйский воевода Афанасий Тургенев начал строительство малого острога вокруг города, который должен был служить дополнительным оборонительным сооружением и опоясывать город с трех сторон, кроме восточной⁷. Его стены находились на расстоянии примерно 20 метров от городских стен⁸. Пространство между стен оставалось незастроенным⁹. Острог был окружен рвом, тройными надолбами и частичком¹⁰.

В 1621 г. из Разряда для уточнения характера и объема работ по ремонту Валуйской крепости были направлены окольный Семен Головин и дьяк Иван Михайлов¹¹. Валуйские фортификационные сооружения состояли из собственно городской крепости (кремля), большого, малого и Завалуйского острогов¹². Различные типы укреплений были построены в соответствии с особенностями ландшафта местности, наличия строительного материала и т.д. Деревянные и земляные укрепления города практически ничем не отличались от аналогичных сооружений в других городах того же времени. Не останавливаясь на подробном описании Валуйской крепости¹³, необходимо отметить, что к этому времени значительная ее часть нуждалась в капитальном ремонте. В описи С. Головина и И. Михайлова город назван «порозжим»¹⁴. Из сметы, составленной в том же году, следует, что для ремонта городских укреплений требовалось «200 четырехметровых бревен и 3 009 тесин дубовых»¹⁵. Интересным, в данном случае, было бы изучение системы полевых оборонительных сооружений. Проблемными остаются вопросы, связанные с установлением времени и методами строительства, первоначальным состоянием, местом расположения.

Думается, что подобное состояние оборонительных сооружений было характерно для многих порубежных городов-крепостей. События Смуты в государстве самым непосредственным образом сказались и на состоянии обороны южного порубежья. Внешняя политика русского правительства, руководившаяся идеей реванша над Польшей, и временное «затишье» на южных границах имели своим следствием сознательное решение об ограничении оборонительных мер на юге самым необходимым¹⁶. Практически все усилия государства были направлены на усиление обороны западных рубежей. Государство, ослабленное событиями Смуты, было не в состоянии вести полноценную борьбу на два фронта сразу. Возобновления оборонитель-

ных сооружений городов «на Поле» носило характер «штопанья» отдельных прорех и, естественно, не способствовало успешным военным мероприятиям¹⁷.

В течении изучаемого периода оборона южного порубежья практически полностью ложилась на плечи гарнизонов «полевых городов» и на жителей окрестных слобод. О численности всего населения Валуйки в данный период судить трудно. Более точно можно установить численный состав служилых людей. Так, в Разрядной записи 1616 года значится, что на Валуйке воеводой был Даниил Юрьевич Леонтьев, которого сменил присланный с Москвы воевода Иван Никифорович Дьяков с головой Иевом Гриневым¹⁸. Вместе с ними на Валуйке было 270 валуйских и царегородских казаков, 150 конных и 100 пеших стрельцов с головой Осипом Вешняковым, 100 человек пушкарей и затинщиков¹⁹. Всего на Валуйке в 1616 г. было 620 служилых людей²⁰. По переписи Г. Челюскина, проведенной не раньше 1615 г., в Валуйке было 646 чел., владевших земельными наделами²¹. Среди них 270 конных казаков, 154 конных и 100 пеших стрельцов, 100 затинщиков и пушкарей, 2 плотника и кузнеца²² и 20 ямщиков, «устроенных князем Федором Андреевичем Звенигородским в 1601 году»²³. Из переписи Сидора Сухотина и Воина Абрамова 1621 года следует, что в Валуйке на службе находилось 253 казака, 245 стрельцов, 64 пушкаря. Кроме того, в описи значится 20 ямщиков, 2 кузнеца и плотника и 25 священнослужителей²⁴. В 1626 г., согласно переписи Хлопова и Недовескова, на Валуйке было 672 чел.²⁵

Наличие конных стрельцов, по мнению В.П. Загоровского, составляло особенность состава служилого населения Валуйки²⁶. Также одной из особенностей является отсутствие детей боярских, занимавших в Российском государстве низшую ступень в лестнице чинов служилых людей «по отечеству». По мнению того же В.П. Загоровского, отсутствие детей боярских в Валуйке было связано с тем, что вокруг этого пограничного города первоначально не сложилось уезда²⁷. Однако данный вопрос остается открытым и требует специального изучения.

Наличие на Валуйке указанного количества пушкарей и затинщиков позволяет сделать вывод, что в городе существовал значительный «крепостной наряд». А это указывает на то, что ко 2-й четв. XVII в. сложилась достаточно стойкая система артиллерийского обеспечения городов-крепостей южного порубежья. Итальянский источник, повествующий о разорении Валуйки войсками Якова Остряницы в мае 1633 г., называет 60 пушек, находившихся на вооружении крепости. Так, 10 из них были взяты казаками в качестве трофеев, а остальные были выведены из строя самими валуйчанами²⁸. Наличие такого количества артиллерии вполне соизмеримо с численным составом валуйских пушкарей и затинщиков, о чем говорилось выше.

Одним из основных мероприятий, направленных на укрепление обороноспособности Российского государства являлась организация станичной и сторожевой службы, которая являлась первым звеном в системе осуществления обороны южных границ государства. Однако, при всей ее важности, она не могла гарантировать полную безопасность, так как донесения станичников и в ближайшие города часто запаздывали, и противник прорывался не только через сторожи, но и между городами. Сторожевая и станичная служба подверглась пересмотру в 1623 г.²⁹ Самым существенным изменением, внесенным в расписание сторож, было сокращение их числа и радиуса расстановки³⁰. Согласно сторожевой росписи 1623 г. из Валуйки было назначено посылать 24 станицы и 8 ближних сторож, по реке Валую и в степи за Валую, и 2 дальние, по рекам Валую и Осколу³¹. Численный состав сторож и станичных разъездов был значительно усилен³².

Одна из дальних отъезжих валуйских сторож одна находилась в 10 верстах от города между реками Валуй и Полатовка. Она контролировала татарские перелазы на реке Тихая Сосна, находившиеся от нее в 40 верстах³³. Другая дальняя сторожа была расположена между верховьями рек Бурлук и Мокрая Казинка, в 45 верстах от города. Патрулирование этой сторожи распространялось на Изюмскую и Савинскую сакмы³⁴. На сторожах дежурства были круглосуточными по 4-5 чел. в смену. Казаки

из города выезжали туда каждую неделю³⁵. Дальние валуйские сторожи поддерживали связь со сторожами, выезжавшими из соседних городов³⁶.

Первая ближняя валуйская сторожа должна была стоять на Московской дороге (в северо-восточном направлении) «...у моста через реку Белый Сазон»³⁷ в 6 верстах от Валук «...у Агеева Сада»³⁸. Вторая – на той же речке «на изгоре» в 7-ми верстах от города³⁹. Третья валуйская сторожа находилась за рекой Сазоном, выше Валуйского лесу, на Калмиусской сакме⁴⁰. Четвертая – «под лесом на шипу», в 5-ти верстах от города вверх по реке Валуй⁴¹. Пятая – в 6-ти верстах от города за Валуем «против Мосеева колодезя, на Кургане»⁴². Шестая – «на Кургане на степи» в 6-ти верстах от города⁴³. Седьмая – «на третьем кургане на степи» в 7-ми верстах от Валуйки⁴⁴. Восьмая валуйская сторожа находилась в 6-ти верстах «на степи на четвертом кургане» возле дороги, которая вела к Цареборисовскому городищу⁴⁵.

Валуйские разъездные отряды (станции) проводили более глубокую разведку на татарских сакмах и патрулировали по трем основным маршрутам. Первый маршрут проходил от Валуйки до Торских озер и Святогорского монастыря. Он пересекал Калмиусскую сакму и был рассчитан на 8 дней. Второй маршрут предполагал патрулирование территории от Валук до Савинского перевоза на Северском Донце в месте пересечения Изюмской и Савинской сакм. Проезд в обе стороны занимал 4 дня. Третий станичный маршрут проходил от Валук до верховья рек Вязовой и Черной Калитвы и также был рассчитан на 4 дня⁴⁶.

Станичная, как и сторожевая, служба носила сезонный характер и была организована таким образом, что из 24 станиц 12 ездили в первой половине теплого сезона, а 12 - во второй⁴⁷. В состав каждой станицы входило 5 чел. ездоков и атаман⁴⁸. Согласно переписи 1626 года на Валуйке было 24 станичных атамана и 120 ездоков⁴⁹.

Также в Валуйках летом и зимой дежурили отряды конных ратных людей «для разъезду и скорых посылок по вестям... и для досмотру по крепостям и по отъезжим сторожам и караулам»⁵⁰.

В царском наказе валуйскому воеводе, присланного вместе с Семеном Головинным и Иваном Михайловым, были четко обозначены основные моменты организации сторожевой службы и обороны города от прихода «воинских людей». Воеводы должны были «...от себя на поля к урочищам посылати станичников. А отъезжим сторожам велеть стоять переменяясь по прежнему Государеву указу. И беречи им того накрепко, чтоб черкасы и крымские и ногайские люди к Волуйке безвестно не пришли и над городом и над острогом какого дурна не учинили и мимо Валуйского города безвесно на украину не прошли. А если татарове и черкасы придут на Валуйские места или пойдут мимо Валуйки к которым украинным городам, для войны или пойдут к себе в улусы, на тех воинских людей посылати с атаманы и головы стрельцов и казаков и всяких служилых и охочих людей с вогненным боем»⁵¹.

Валуйских стрельцов и конных казаков предписывалось «росписати в сотни», а пеших – «по городу и по острогу и по воротам и по башням и по стенам, по скольку в котором месте пригоже. И учинити у всяких людей голов и списки голован дати и велети им бытии по указанным местам в день и в ночь без престани». На стенах в городе и в остроге должны были постоянно находиться пушкари из «черных людей и сусед и подсоседников...»⁵². Все это делалось для того, чтобы «...в приход больших воинских людей на Валуйке сидеть бесстрашно и надежно...»⁵³.

В Воронеж, Белгород, Оскол и другие города из Валук посылались для сбора сведений стрельцы и конные казаки отрядами по 3-5 чел.⁵⁴ Переменяясь каждый месяц, они должны были «...вестей всяких про воинских людей и про черкас проводить»⁵⁵. В случае получения сведений о готовящемся нападении татар или черкас, вестовщики должны были «...отсылати на Валуйку с товарищем своим. А с подлинными вестьми велети вестовщикам бежати на Валуйку наспех, и днем и ночью, чтоб татаровья и черкасы на Волуйке безвесно перед вестовщиками не пришли и дурна какова не учинили...»⁵⁶.

Важную роль играла Валуйка в посольской размене, проводимой российским правительством с Крымом и Турцией. С 1627 г., после перевода Посольского двора с города в специально построенный в устье реки Ураевой «разменный городок», для его охраны в летнее время из других польских городов присылались стрельцы и казаки, численность которых доходила до 1 500 чел.⁵⁷ Городок был укреплен земляным валом, рвом и надолбами⁵⁸.

Таким образом, события Смутного времени самым негативным образом сказались на состоянии обороноспособности государства. Большая часть оборонительных сооружений городов-крепостей, в том числе и Валуйки, обветшала и требовала срочного ремонта. Воспользовавшись ослаблением татарских набегов, российское правительство приняло меры по ремонту валуйских оборонительных сооружений. Анализ численного состава валуйских служилых людей за ряд лет позволяет прийти к выводу, что их основу составляли конные казаки, пешие и конные стрельцы. Значительное количество пушкарей и затинщиков указывает на особое место Валуйки в обороне южного порубежья.

В начале 20-х гг. XVII ст. пересмотру подверглась организационная основа станичной и сторожевой службы - первого звена оборонительной политики на южном порубежье. Численность сторож была увеличена и они стали расставляться преимущественно возле города, в местах возможных проходов татарских отрядов. Также значительно была расширена сеть станичных разъездов. Тем самым, построение обороны южных границ государства в 20-е гг. XVII в., как в целом, так и на примере Валуйской крепости, находилось в полном соответствии с усвоенным русским правительством в тот период курсом внешней политики.

Примечания:

1. См.: Багале́й Д.И. К истории заселения и хозяйственного быта Воронежского и Курского края. СПб.: Типография Стасюлевича, 1896. 125 с.; Багале́й Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. 614 с.; Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства. М., 1848. 451 с.; Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1969. 304 с.; Загоровский В.П. Некоторые особенности колонизационного процесса южной окраины России в XVII веке и его периодизация. // Труды Воронежского университета. Т. 87. Из истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во Воронежского университета. 1969. С. 83 – 93.; Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – в н. XVII вв.: (опыт государственного строительства). М.: Памятники исторической мысли, 2004. 223 с.; Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1. 310 с.; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 448 с.; Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород: Константа, 2004. 352 с.; Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916. 356 с.

2. См.: Сухоруков М.И. Валуйки – форпост Отечества. Альбом-летопись. Белгород, 1999. 216 с.

3. См.: Карагодин М.И. Среднее Поосколье. Исторический перекресток. Сборник историко-краеведческих очерков. В 2 т. Белгород: Бел. Ру., 2008.

4. Архив П.А. Сопина // МУК «Валуйский историко-художественный музей».

5. Новосельский А.А. Указ. соч. С. 150.

6. Там же.

7. Архив П.И. Сопина. Л. 19.

8. Там же.

9. Там же.

10. Там же.

11. Там же. Л. 16.

12. Там же.

13. См.: Кушнарев С.С. История Валуйской крепости в конце XVI – первой четверти XVII столетия // Белгородский диалог – 2011. Проблемы российской и всеобщей исто-

ри: Сборник избранных научных трудов Международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов / Отв. ред. С.Н. Прокопенко. Белгород, 2011. С. 156-152.

14. Архив П.И. Сопина. Л. 21.
15. Там же.
16. Новосельский А.А. Указ. соч. С. 159.
17. Яковлев А.И. Указ. соч. С. 44.
18. Беляев И.Д. Указ. соч. С. 48.
19. Там же.
20. Там же.
21. Миклашевский И.Н. Указ. соч. С. 87.
22. Там же. С. 88.
23. Там же. С. 89.
24. Архив П.И. Сопина. Л. 22.
25. Миклашевский И.Н. С. 89.
26. Загоровский В.П. Указ. соч. С. 32.
27. Там же. С. 29.
28. Мицик Ю.А. Пухальська Н.Я. Італійська брошура 1633 року про участь запорожців у Смоленській війні (1632-1634 рр.) // Український історичний журнал. № 3. 2010. С. 217.
29. Новосельский А.А. Указ. соч. С. 160.
30. Там же.
31. Беляев И.Д. Указ. соч. С. 39.
32. Там же.
33. Архив П.И. Сопина. Л. 29.
34. Там же.
35. Беляев И.Д. Указ. соч. С.36..
36. Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 63.
37. Архив П.И. Сопина. Л. 28.
38. Там же.
39. Беляев И.Д. Указ. соч. С. 73.
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же.
44. Там же.
45. Там же.
46. Там же. С. 36-37.
47. Архив П.И. Сопина. Л. 29.
48. Там же. Л. 30.
49. Миклашевский И.Н. Указ. соч. С. 89.
50. Очерки русской культуры XVII века. В 2 ч. Ч. 1. Материальная культура. Государственный строй / Под ред. А.В. Арциховского. М.: Изд-во МГУ., 1979. С. 296.
51. Архив П.И. Сопина. Л. 26.
52. Там же. Л. 26-27.
53. Там же. Л. 27.
54. Там же.
55. Там же.
56. Там же. Л. 27-28.
57. Там же. Л. 25.
58. Там же.

БЕЛГОРОДСКИЙ ПОЖАР 1766 Г. И МЕРОПРИЯТИЯ ВЛАСТЕЙ ПО УСТРАНЕНИЮ ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ

А.А. Колотушкин

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается одно из крупных происшествий на территории Белгородской губернии в XVIII в. – пожар 1766 г. в городе Белгороде. Пожар уничтожил свыше 570 зданий. В это время происходит смена губернатора, вместо В.В. Нарышкина главой губернии становится А.М. Фливерк. В 1768 г. Екатерина II утвердила новый план города и выделила на строительство 100 тыс. руб. Город должен был иметь прямоугольную сетку улиц, в центре города разрешалось строить только каменные здания. Полностью выполнить программу строительства не удалось, в 1779 г. Белгород потерял статус губернского центра.

Ключевые слова: Белгородская губерния, пожар, план города, программа строительства.

BELGOROD FIRE IN 1766 AND ACTIVITIES OF AUTHORITIES TO COUNTER ITS CONSEQUENCES

A.A. Kolotushkin

Belgorod National Research University

The paper considers one of the major incidents on the territory of Belgorod province in the XVIII century - the fire in 1766 in Belgorod. The fire destroyed more than 570 buildings. At this time there is a change of governor, instead of V. Naryshkin the head of the province becomes A. Fliverk. In 1768 Catherine II approved the new plan of the city and allocated for the construction of 100 thousand rubles. The city should have a rectangular grid of streets, in the center of the city was allowed to build only a stone buildings. Fully implement the program of construction of failed, in 1779 Belgorod lost the status of the province center.

Key words: Belgorod province, the fire, the plan of the city, the program of construction.

За пятьдесят два года существования на карте Российской империи Белгородской губернии (1727-1779 гг.), несмотря на важное стратегическое положение на юге страны, на ее территории практически не происходило масштабных событий, тревоживших спокойствие властей и общественности губернии и привлекавших внимание имперского центра. Основные события в то время происходили в столице, которая переживала один дворцовый переворот за другим. Да и вектор внешней политики империи сместился теперь с южного на западный. И даже случавшиеся изредка тревоги, связанные с активизацией крымских татар, как это было, к примеру, в 1751 г., оказывались ложными¹. К происшествиям, тревожившим Белгородскую губернию в XVIII в., можно отнести угрозу чумы 1738-1739 гг. После того как в ходе русско-турецкой войны русские войска взяли турецкую крепость Очаков, вместе с пленными на южные территории Российской империи была занесена чума². Однако благодаря присылке из центра действительного статского советника А. Баскакова и организации им в союзе с губернскими властями необходимых мероприятий, эпидемия утихла³.

Помимо опасности эпидемий Белгородскую губернию серьезно тревожили и пожары. Один из них повлиял на кардинальное изменение облика губернского центра. Так, 10-11 апреля 1766 г. из-за ранней весенней жары и сухой погоды в Белгороде случился большой пожар. Преобладающее число казенных и частных домов в городе на тот момент были деревянными. Об этом свидетельствует в частности краткое описание городов Белгородской губернии, датированное примерно 1745 г., то есть за двадцать лет до пожара. О Белгороде там сказано: «Город деревянный, стоит при реке Донце...»⁴. Двухдневный пожар уничтожил достаточно большую часть губернского центра. Об этом сообщал в своем донесении в Сенат тогдашний белгородский губернатор генерал-поручик (военный чин III класса по «Табели о рангах») Василий

Васильевич Нарышкин (1764-1766 гг. губернаторства). Для представления полной картины о масштабах пожара следует обратиться к выдержкам из этого донесения. Так, «...апреля 10 и 11 числа пополудни имелись в Бел городе два пожара, от которых сгорело: церкви 3, магистрат, кружечной двор, 4 питейных дома со всею принадлежностью и бывшими в них питьями, обывательских 393 двора, лавок с купеческими товарами 149, амбаров и лавок соляных 8, харчевен 6, богаделен 6, да при рогатках караулен 7»⁵. Нетрудно подсчитать, что в общей сложности сгорело чуть более 570 административных, торговых и жилых зданий. Столь грандиозные масштабы пожара объяснялись «теснотою нерегулярного строения, крытого большею частью по бедности тамошних обитателей соломою», а также «случившимися тогда великими ветрами»⁶. Тем самым, ветер беспрепятственно разносил пламя от одного здания к другому, «огнем бросало через многие улицы», даже несмотря на то, что «к предупреждению и тушению пожара все способы употреблялись»⁷. Ситуация усугублялась еще и тем, что на имеющемся в отдалении от пожара цейхгаузе (цейхгауз - военная кладовая для оружия и амуниции) первого фузелярного полка, где имелся порох и прочие артиллерийские припасы, дважды загоралась крыша⁸. Если бы пламя охватило все здание, и произошел бы взрыв, то масштабы пожара были еще более крупными.

Предупреждение пожаров и устранение их последствий находилось во властной компетенции губернаторов. Им же подчинялись и гарнизонные полки и батальоны, находящиеся в городе, и к помощи которых обычно прибегали в экстренных ситуациях. В тушении пожара активное участие принимали солдаты Белгородского гарнизонного батальона в содействии с солдатами расквартированного в то время в Белгороде Тамбовского мушкетерского полка⁹. Благодаря их усилиям, а также помощи простых жителей большая часть города не стала охвачена огнем. Так, городская канцелярия, консистория (епархиальное присутственное место под началом архиерея), губернаторский и архиерейский дома, архив с делами, денежная казна, большая часть дел в магистрате, и имевшаяся там собранная с подушного и соляного сборов вся денежная казна, а также все жившие в сгоревших домах люди были «от сгорания спасены»¹⁰.

Причина пожара осталась неизвестной, однако это происшествие не осталось без внимания российских центральных властей, и через некоторое время происходит снятие В.В. Нарышкина с должности губернатора. Однако белгородский пожар явился не единственной причиной отстранения Василия Васильевича от должности. Белгородский губернатор также «прославился» своим конфликтом с губернским прокурором Брянчаниновым, который отправил жалобу в Сенат, указывая в ней на неудовлетворительную работу белгородской канцелярии и самого первого лица губернии¹¹. В.В. Нарышкин в свою очередь отправил императрице «Доношение», в котором обвинил прокурора в том, что тот своими мелочными придирками препятствует нормальной работе губернских учреждений¹². Учитывая тот факт, что губернаторам приходилось готовить и отправлять в столицу массу бумаг, а те, будучи недостаточно квалифицированными и озабоченными пополнением своих собственных карманов любой ценой, с такой бумажной волокитой справлялись с большим трудом, если вообще справлялись. Тем самым, можно сказать, что в указанном конфликте прав был белгородский прокурор.

Вместо В.В. Нарышкина белгородским губернатором осенью 1766 г. назначается тайный советник (гражданский чин III класса) Андрей Матвеевич фон Фливерк (1766-1773 гг. губернаторства). Новый губернатор активно включился в работу по устранению последствий пожара. Андрей Матвеевич предоставляет в Комиссию о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы разработанную местными силами обширную проектную документацию застройки Белгорода с планом и пояснительной запиской, она включала большое количество проектов зданий самого различного назначения - губернский дом, архив, губернскую канцелярию, магистрат, поли-

цейскую контору, цейхгаузы, гостиный двор, провиантские и соляные склады, купеческие дворы, комендантский и плацмайорский дома, офицерские светлицы, солдатские караульни, обывательские каменные и деревянные здания и др.¹³ Помимо проектной документации А.М. Фливерк отсылает столичным властям рапорт о том, что «непреренно надлежит быть здесь архитектору, которого в здешнем месте не имеется, а сочинитель того плана - артиллерийский офицер, архитектурного искусства знать не может»¹⁴. Тогда же белгородский губернатор вступает в затяжной спор с Комиссией по характеру застройки и другим вопросам, связанным с составлением и реализацией плана Белгорода. Необходимо отметить, что предложенные проекты застройки были отложены Комиссией по экономическим соображениям и несоответствием их образцовым проектам¹⁵. Однако местные белгородские власти не были согласны с замечаниями Комиссии, что заставило губернатора обращаться непосредственно в Сенат¹⁶. Когда в Санкт-Петербурге был поднят вопрос о перенесении всего города Белгорода на новое место в связи с плохой в нем водой, А.М. Фливерк возразил Сенату, обосновав местоположение города как лучшее из всего того, что имеется в округе¹⁷.

И все же хлопоты местных властей возымели должный эффект. В столице империи было принято решение о разработке плана Белгорода с регулярной планировкой улиц по типу города Твери¹⁸. Первичный план города был разработан и подписан 18 апреля 1767 г.¹⁹ По плану предполагалось весь город поделить на 16 кварталов, 4 из которых должны быть застроены каменными домами, а остальные деревянными и мазанками²⁰. Надо отметить, что план был выполнен формально без учета уцелевших в пожаре зданий, строений крепости и рельефа местности. Скорее всего, так вышло из-за того, что рапорт губернатора не был полностью удовлетворен и архитектор составил проект без выезда на местность²¹. Естественно, план не был принят и воплощен в жизнь, так как его осуществление требовало полного сноса существующих строений или построения города на новом месте. Только через год, 26 апреля 1768 г., Екатериной II все же был утвержден план застройки Белгорода, составителем которого был архитектор Алексей Васильевич Квасов²². Строительство было призвано проходить под контролем Комиссии о каменном строении, работа которой в свою очередь осуществлялась в тесной связи с Сенатом, через который она получала материалы с мест от губернаторов²³. Комиссию возглавляли близкие ко двору влиятельные вельможи, находящиеся в контакте с сенаторами и губернаторами.

Из государственной казны белгородскому губернатору на постройку каменных и деревянных домов было отпущено 100 тысяч рублей²⁴. Чтобы оценить мало этого или много, следует сравнить данную сумму, к примеру, с жалованием первого лица губернии, то есть губернатора. Так, в это время, а именно в первые годы царствования императрицы Екатерины II, жалование губернатора было самым высоким из всех губернских чиновников и составляло 2 250 руб. в год, в то время как на содержание всей находившейся при губернаторе губернской канцелярии отводилось в год 9 346 руб.²⁵ Таким образом, сумма, выделенная Санкт-Петербургом на восстановление города Белгорода, равнялась примерно 44-м годовым жалованиям губернатора. Да и без этих денег вряд ли бы проблема решилась за счет местных средств. И объяснялось это традицией, заложенной еще Петром I. Так, со времен его правления губернии как административно-территориальные образования были призваны прежде всего исполнять военно-административные и фискальные функции, причем бесперебойная подача в столицу империи собранных сумм ставилась губернаторам едва ли не в качестве наиглавнейшей задачи²⁶. Казна как пылесос втягивала в себя практически все собранные на местах средства, фактически ничего не оставляя на развитие и благоустройство губернских территорий²⁷.

Из суммы, выделенной императрицей на ликвидацию последствий белгородского пожара, губернским властям разрешалось выдавать ссуды на строительство

каменных домов из расчета 10% годовых, а деревянных - 6%²⁸. Для тех же, кто желал строить новые дома на свои средства, также предполагалось поощрение - освобождение от постоя для хозяев каменных домов на 25 лет, а деревянных - на 5 лет²⁹. Постой - это, как известно, расквартирование, стоянка воинских частей или отдельных военнослужащих в частных, гражданских домах. Поощрение, как видно, неплохое.

Следует отметить, что существует версия о том, что масштабы пожара, описанные в донесении губернатора В.В. Нарышкина, являются завышенными, и сделано это было как раз, чтобы добиться получения как можно максимального финансирования для восстановления города³⁰. На эту мысль навлекает сопоставление сведений донесения с анализом показанных на планах А.В. Квасова мест, выгоревших от пожара. На плане выгоревших зданий несколько меньше, чем в сведениях, представленных первым лицом Белгородской губернии.

Новый план 1768 г. давал Белгороду строго прямоугольную сетку улиц, соответствующую направлениям двух рек³¹. Была выбрана и центральная планировочная ось, относительно которой образовывались направления взаимно перпендикулярных улиц. Эта ось представляла собой линию соединяющая Никольскую башню крепости и корочанский выезд из города - мост через реку Северский Донец³². Данная линия в настоящее время соответствует современному Гражданскому проспекту. Одной из главных особенностей плана являлось сохранение в центре города старой крепости - традиционного ядра города, что было связано, прежде всего, с оборонительной функцией города³³. На тот момент Белгород еще находился в составе крепостей, охранявших южные рубежи Российской империи. Вокруг центральной площади города разрешалось возводить только каменные (кирпичные) постройки, а в остальных районах можно было строить и деревянные, но обязательно на каменном фундаменте³⁴.

Утверждение проекта самой императрицей предполагало его неукоснительное исполнение, но при переносе на натуру оно требовало корректировки. Изменения в проекте позволяет проследить хранившийся в Российском государственном историческом архиве план, составленный архитектором и титулярным советником (гражданский чин IX класса) Салковым³⁵. На плане не указана дата его составления, но по наличию на плане каменных Введенской и Петропавловских церквей можно сделать вывод, что он был составлен после 1777 г.³⁶ План был выполнен на основании донесения тогдашнего белгородского губернатора Петра Семеновича Свистунова (1775-1779 гг. губернаторства) и предполагал введение новой улицы идущей с юга города на север³⁷. Это предложение было отвергнуто «за ненадобностью». Одним из основных изменений в проекте в процессе строительства является изменение положения центральной оси. Местонахождение улицы, выбранной за новую ось, совпадает с современным проспектом Славы. Целью такого изменения была экономия средств (так как улица, принятая за ось, при пожаре пострадала незначительно), а также стремление к максимальному использованию старой застройки, вписываемой в новый план³⁸.

Сведения о том, что из себя представлял Белгород после выполнения строительных мероприятий можно встретить в разных источниках. Так, академик В.Ф. Зуев, проезжая через город в 1781 г., в своих «Путешественных записках» писал: «Положение города весьма хорошее, так как в открытой и сухой долине нет больших неудобств, которые белгородским жителям препятствовали строениям распространяться... Строения в городе по большей части деревянные, снаружи вымазанные глиною и выбеленные, все рассеяно по ровному пространству будто кучками, меж ним имеются большие пустыри. Улиц прямых три по течению Везелки, меж собою параллельные, пересекающие их улицы также прямые...»³⁹. В описании города 1801 г. говорится, что улиц в Белгороде «больших в длину города - 4, поперек - 3, учрежденных по плану, 15 старых, еще до учреждения Курской губернии, в 1766 г., после сильного пожара...»⁴⁰. А проезжавший через город Белгород князь И.М. Долгоруков

писал: «Улицы в нем песчаные, грязи не держат и не мостятся. Присутственные места, лавки и многие обывательские дома каменные. Вода в реке чистая. На некоторых строениях красивые крыши, новые для глаз, дома кроются из маленьких драничек, кои кладутся в разные стороны, от этого кровля имеет вид настоящего паркета»⁴¹.

Полностью программу строительства нового Белгорода завершить не удалось, по русскому обычаю дело разворачивалось крайне медленно, плюс ко всему в 1779 г. Белгородская губерния была, как известно, упразднена, и Белгород потерял статус губернского центра. Однако градостроительная структура Белгорода, разработанная во 2-й пол. XVIII в., явилась основой дальнейшей застройки города, сохранив неизменным местоположение городского центра⁴².

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать обобщающий вывод о том, что белгородский пожар 1766 г. являлся одним из немногих крупных происшествий, случившихся на территории губернии в XVIII в. Пожар был потушен местными силами при помощи солдат и простых граждан, но ликвидировать его последствия средствами местной казны не представлялось возможным. К делу восстановления Белгорода подключилась и сама императрица, утвердив новый план застройки города и выделив на строительство внушительную сумму в 100 тысяч рублей. Принятие нового плана произошло по большей части благодаря упорству местных властей губернии, в частности губернатора А.М. Фливерка, а также оно значительно повлияло на изменение архитектурного облика Белгорода, даже несмотря на то, что полностью программу строительства реализовать не удалось из-за утраты городом статуса губернского центра.

Примечания:

1. Пенская Т.М., Пенской В.В. *Очерки истории Белгородчины в XVIII в. Белгород: ИПЦ «Политерра», 2010. С. 55.*
2. Там же. С. 56.
3. Там же.
4. РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.318. Л. 18об.
5. РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.630. Л.л. 2-2об.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Пенской В.В., Пенская Т.М. *Очерк военной истории Белгородчины (XVIII в.). Белгород: ИПЦ «Политерра», 2003. С. 57.*
10. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 630. Л.л. 2-2об.
11. Пенская Т.М., Пенской В.В. *Указ. соч. С. 76.*
12. РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.628. Л. 2.
13. Васильева Т.В. *Перепланировка губернского Белгорода // Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 275-летию образования Белгородской губернии. Белгород: Издательство БелГУ, 2002. С. 16.*
14. Лимаров А. *Красота регулярства. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://sanchess-city31.livejournal.com>.*
15. Васильева Т.В. *Указ. соч. С. 16.*
16. Там же.
17. Там же.
18. Лимаров А. *Красота регулярства...*
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Васильева Т.В. *Указ. соч. С. 16.*
23. Там же.
24. Овчинников В.В. *Белгород на Северском Донце: исторический очерк. Белгород: Белгородская областная типография, 2008. С. 48.*
25. ПСЗ. Т.XVI. №11992.

26. Пенская Т.М., Пенской В.В. Указ. соч. С. 50.
27. Там же.
28. Там же. С. 58.
29. Там же.
30. Лимаров А. Красота регулярства...
31. Васильева Т.В. Указ. соч. С. 17.
32. Лимаров А. Красота регулярства...
33. Васильева Т.В. Указ. соч. С. 17.
34. Там же.
35. Лимаров А. Красота регулярства...
36. Там же.
37. Там же.
38. Там же.
39. Крупенков А.Н. Старый Белгород. Белгород: Везелица, 1992. С. 20-21.
40. Щекатов А.М. Географический словарь Российского государства. Т.1. М.: Университетская типография, 1801. С. 646-647.
41. Крупенков А.Н. Указ. соч. С. 32.
42. Васильева Т.В. Указ. соч. С. 17.

**ПОПЫТКИ СЛОБОДСКОЙ СТАРШИНЫ ДОКАЗАТЬ ПРАВО НА
ДВОРЯНСТВО ПОСЛЕ ОПУБЛИКОВАНИЯ «ЖАЛОВАННОЙ ГРАМОТЫ»
ЕКАТЕРИНЫ II (1785-1801)**

В.А. Солодкина

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

В статье рассматриваются доказательства, которые предоставляла слободская старшина в подтверждение своего благородного происхождения и права на дворянство. Источниками работы являются архивные документы и публицистические произведения, написанные представителями местной элиты. Доказательства старшины часто основывались на выдуманных событиях и генеалогиях, тем не менее, Герольдия поначалу принимала их. В дальнейшем ее политика изменилась по ряду причин.

Ключевые слова: слободская старшина, дворянство, дворянское собрание, Слободская Украина, Герольдия.

**ATTEMPTS MADE BY A SLOBODA STARSHYNA TO PROVE HIS
RIGHT OF NOBILITY AFTER THE PUBLICATION OF THE CHARTER
TO THE NOBILITY BY CATHERINE THE SECOND (1785-1801)**

V.A. Solodkina

V.N. Karazin Kharkiv National University

The article discusses the proofs provided by sloboda starshyna for confirmation of their noble ancestry and the right of the nobility. The research is based on the archival documents and publicistic works written by local elite. Starshyna's proofs were often based on the fictional events and genealogies, but at first it was accepted by the Heraldry. In the future its policy has changed for several reasons.

Key words: sloboda starshyna, the nobility, Assembly of the Nobility, Heraldry, Sloboda starshina.

С 30-х гг. XVIII ст. Российское государство проводило целенаправленную политику, стремясь преобразовать Слободскую Украину, приграничную область с особыми казацкими традициями управления и своеобразным укладом жизни, во внутренний регион империи. Проведенные реформы часто носили противоречивый и незавершенный характер, тем не менее, их конечным результатом стала унификация различных сторон жизни региона в соответствии с общеимперскими реалиями. В

том числе, одним из важнейших этапов стала инкорпорация местной элиты в общеимперское дворянство после опубликования «Жалованной грамоты» Екатериной II.

Целью данной работы является проследить, какие документы использовали слободские старшины для получения дворянских прав и какие из них служили достаточным аргументом для российской Герольдии. Кроме того, была сделана попытка проанализировать влияние «Жалованной Грамоты» на положение местной элиты.

Данный вопрос остается изученным недостаточно, хотя интересовал еще до революционных исследователей. В том числе, первый попытался показать процесс доказательства местной старшиной дворянских прав Л.В. Илляшевич в работе «Краткий очерк истории Харьковского дворянства», выпущенной еще в 1885 г. В советский период казацкая старшина в работах историков выступала лишь как «эксплуататорский класс», поэтому подобные темы не были востребованы. На современном этапе изучение местной элиты становится очень популярным, тем не менее, работ, показывающих разные аспекты ее превращения в дворянское сословие, еще не написано.

Источниками данной работы являются архивные документы и публицистические произведения представителей местной элиты. Дело в том, что право на дворянство старшина пыталась доказать не только в официальном порядке. В исторических работах, а также редких сохранившихся до наших времен воспоминаниях подчеркивалась верность царскому правительству и благородное, «шляхетское» происхождение казацких родов. Необходимость обосновать право на главенствующее положение в регионе привело к переосмыслению старшиной истории Слободской Украины, что сыграло решающую роль в создании местного «исторического мифа», отличного от взгляда историков Казацкой державы.

Итак, вспомним, какие возможные доказательства предполагала «Жалованная грамота» Екатерины II. Видим довольно длинный перечень:

«1) Дипломы от предков Наших, или от Нас или от прочих коронованных Глав пожалованные на дворянское достоинство.

2) Жалованные от Государей гербы.

3) Патенты на чины, к коим присвоено дворянское достоинство.

4) Доказательство, что Кавалерский российский орден особу украшал.

5) Доказательства чрез жалованные или похвальные грамоты.

6) Указы на дачу земель или деревень.

7) Верстанье по дворянской службе поместьями.

8) Указы или грамоты на пожалование из поместья в вотчины.

9) Указы или грамоты на жалованные деревни и вотчины, хотя бы оные и были из рода.

10) Указы или наказы или грамоты данные дворянину на посольство, посланничество или иную посылку.

11) Доказательства о дворянской службе предков.

12) Доказательства, что отец и дед вели благородную жизнь, или состояние или службу сходственную с дворянским названием, и свидетельство о том 12 человек благородных, о дворянстве коих сомнения нет.

13) Купчие, закладные, рядные и духовные о дворянском имении.

14) Доказательство, что отец и дед владели деревнями.

15) Доказательства поколенные и наследственные восходящие сыну от отца, деда, прадеда и так выше, сколько показать могут или пожелают, чтоб быть внесены в которую часть родословной книги с их родом»¹.

Исходя из документа, кандидат мог претендовать на дворянство в случае если он или его предки владели вотчиной или достигли определенного звания на военной службе. На Слободской Украине из-за этого сложилась довольно противоречивая ситуация. Из-за возможности поселять подданных на своей земле, очень многие

представители казацкой старшины владели деревнями, и эта собственность была официально зарегистрирована комиссией Щербинина (1762-1764). Кроме того, основной деятельностью казаков оставалась военная служба, а потому многие имели звание и могли претендовать на дворянский титул (правда, чины в местных полках отвечали казацким традициям, а не российскому «Табелю о рангах», но на первых порах Герольдия принимала их). То есть, в принципе, претендентов должно было быть много. На практике дворянами стала лишь малая часть потенциальных кандидатов. Л.В. Илляшевич поясняет это «медлительностью» старшин, так как «многие нашли это [дворянство] излишним»². Впрочем, необходимо учитывать, что после расширения прав благородного сословия в «Жалованной грамоте», статус дворянина стал желанным, ведь почти соответствовал шляхетским речпосполитским идеалам, на которые продолжали ориентироваться казаки. С другой стороны, у большинства претендентов просто не сохранилось документов из-за частых переселений, набегов, войн, а у части их не было изначально.

В первую очередь дворянство получили те старшинские роды, которые со 2-й пол. XVII ст. занимали полковничьи должности в слободских полках, а до этого не редко и в Казацком государстве, среди них - Ковалевские, Квитки, Донец-Захаржевские и другие. Именно представителей этих семей видим в числе первых дворянских предводителей. Например, в Валковском уезде за последние полтора десятилетия XVIII ст. эту должность по очереди занимают Шидловские, Ковалевские, Куликовские; в Харьковском - преимущественно Квитки, также видим П. Ковалевского и Н. Шидловского; в Изюмском встречаем двух Шидловских и В. Донец-Захаржевского³.

Именно эти роды записывались в шестую часть Родословной книги (как те, чья история насчитывает более ста лет). В том числе, Ковалевские, доказывая свое благородное происхождение, упоминают, что еще в 1708 г. их предок Василий Ковалевский получил за верную службу имение, а дед служил в чине хорунжего⁴.

Одним из часто используемых доказательств была попытка на основе фамилии привязать свой род к какому-нибудь древнему, известному, иногда даже княжескому польскому или литовскому семейству. К примеру, И. Острожский-Лохвицкий доказывал, что он является потомком литовского князя Константина Острожского. Когда он стал просить на основе этой связи внести его в Родословную книгу дворянства, местный уездный предводитель решил, что этого недостаточно, однако губернский предводитель и губернатор, к которым обратился неутомимый «княжеский» отпрыск, предоставили ему желанный титул⁵. Кстати, многие местные старшины, законно или нет, называли польских шляхтичей своими предками, в том числе, Донцы-Захаржевские⁶, Квитки, Лесевицкие⁷.

Очень часто использовалось свидетельство двенадцати благородных особ, которые, соответственно с «Жалованной грамотой», могли подтвердить право рода на дворянство в случае утраты официальных документов. При этом часто подписывались настолько казусные вещи, что это отобразилось в панегирике, написанном представителем Левобережной Украины, где ситуация с доказательствами была аналогичной: «...благородные двенадцать человек / Подпишут, что было прежде их хоть за век»⁸. Впрочем, именно возможность подтверждать друг другу благородные корни способствовала объединению местного дворянства, формированию корпоративности.

Приведем пример использования свидетельства двенадцати благородных особ. В случае Никиты Ильина оно послужило главным и спасительным аргументом. Его род был внесен в родословную книгу в 1795 г. Среди доказательств, которые в свое время предоставлял «Никита, сын Ильченков» видим: 1) справку, что предок Иван Ильин принимал участие в качестве сотника в Гилянском походе под руководством Григория Квитки; 2) свидетельство, что Никита является прямым потомком сотника Ивана Ильченкова подписанное двенадцатью благородными лицами. В до-

кументе читаем: «прадед его [Никиты] Иван Ильин сын Ильин, военную казачью службу продолжал в прежде бывшем Слободском Острогожском Казачьем полку Сотником, по смерти коего сын его, а его дед Федор, оставшись в малолетстве и будучи уже не служащим, назвался по простонародному Ильченком, каковою фамилиею отец его именовался и он ныне именуется; как же по смерти оных деда и отца его о службе и благородном звании реченного прадеда его никаких доказательств и документов не осталось и он не имеет онеже ныне для представления в Харьковское дворянское собрание ему потребны⁹». Как видим, история достаточно туманна - прадед служил в казацком слободском полку и благодаря этому потомки, которые даже фамилию свою утратили, смогли получить дворянство.

Стоит упомянуть об одной важной особенности местного общества в сравнении с русским. В Российской империи Синод запрещал священникам иметь дворянство и владеть подданными. На Слободской Украине старшины часто выступали фундаторами монастырей, многие имели родственников среди священников. К примеру, на мировоззрение первого слободского историка И. Квитки повлиял его дядя епископ белгородский Й. Горленко¹⁰. И в принципе, авторитет духовной особы среди элиты остается высоким. Поэтому священники также претендовали на дворянский титул. В качестве примера приведем доказательство священника Якова Яковлевича Ильинского. Претендуя на благородный статус, он ссылается на свидетельство своего дяди и брата, получивших дворянство, о том, что он является их родственником. На основе этого священник подает прошение в Дворянское собрание о внесении его и его брата Павла (который служил унтер-офицером в егерском полку) в Родословную книгу. К доказательству прилагается родословная, из которой видно, что его прадед был ахтырским сотником и имел двух сыновей¹¹. Потомки одного сына выбирали военную службу, потомки другого становились священниками, сложилась как бы такая семейная традиция. К сожалению, мы пока не можем понять, получил ли Яков дворянский титул, так как в опубликованных версиях списков дворян его фамилия отсутствует. Тем не менее, его дело иллюстрирует одну из особенностей местных представлений о праве на благородный титул.

Наибольшее количество дворян было внесено в родословную книгу в 1786-1787, исследователи связывают эту тенденцию с повышенной активностью работы комиссии и желанием старшин получить титул¹². Впрочем, это может объясняться также более лояльной политикой самой Герольдии по отношению к претендентам из казаков в конце 80-х гг. XVIII ст. Уже позже, с 90-х гг. XVIII ст. Герольдия будет затягивать рассмотрение дел (вплоть до нескольких десятилетий), а с 1805 г. перестанет учитывать чины, полученные за службу в казацких полках¹³. Подобную перемену Д. Миллер объясняет следующим образом: «политическое значение нобилитации потомков казацкой старшины окончательно утратило свой *raison d'être* - малороссы давно уже скинули татарские и польские платья и начали говорить, петь и плясать по-русски»¹⁴. Но с этим можно согласиться не полностью - «петь» новые дворяне часто продолжали «по-малороссийски», впрочем, объединяя это с лояльностью и патриотизмом по отношению к Российской империи. С другой стороны, изменение политики может быть связано с все большим возрастанием среди царского правительства идеалов эпохи Просвещения, четкого следования букве закона (в том числе, если не указан в законе казацкий чин как повод для получения дворянства, а только должности российской армии - то и не имеет права кандидат получить титул).

Издание «Жалованной грамоты» привело к тому, что местная неоднородная слободская элита, в которую входили и российские дворяне, и казацкие старшины, часто враждовавшие между собою, объединились под новым названием - дворянство. Кроме того, это привело к переосмыслению старшинами своей истории. В том числе, появляется полная версия истории слободских полков, написанная И. Квиткой. В ней подчеркивается лояльность к царю, большое внимание уделяется обще-

имперским событиям, а реформы, ограничивающие казацкое полковое устройство, выглядят в его представлении даже благом для местного населения. Все изменения анализируются с позиции идеалов Просвещения, т.е. - необходимости унификации управления регионами империи. Главной причиной переселения левобережных казаков на территорию Российского государства, историк называет желание служить московскому царю¹⁵. Кроме того, местное дворянство осознает себя частью всероссийского, причастным ко всем судьбоносным событиям и переменам в жизни страны, лояльность к малой родине - Слободской Украине - отходит на второй план. Впрочем, к событиям казацких времен остается ностальгическое отношение, романтически изображенные подвиги казаков отражены в творчестве многих местных писателей и поэтов, в том числе, Г.Ф. Квитки-Основьяненка.

Что касается количества дворянства, то были найдены цифры лишь для Богодуховского уезда - 509 чел. обою пола, то есть 0,5% от общего населения¹⁶. Насколько много это или мало - судить не беремся из-за ограниченности данных. Лишь отметим, что уже в 1815 г. - через тридцать лет после опубликования указа императрицы - в харьковское Дворянское собрание приходит предписание министра внутренних дел о внесении дворян в Родословную книгу, так как записанных там на тот момент было крайне мало, даже не хватало кандидатов, чтобы провести выборы дворянского предводителя¹⁷. Можно было бы связать недостачу с жесткой политикой Герольдии касательно персонально Слободской Украины, но подобная ситуация в этом документе упоминается и в Вологодской губернии. Видим, что малая численность дворян - общая тенденция, связанная, видимо, с трудностью предоставить в Герольдию нужные доказательства.

Таким образом, слободская старшина представляет разнообразные доказательства, причем, многие из них вымышленные и даже абсурдные. Тем не менее, Герольдия в 1880-тых годах принимает их, хотя в дальнейшем ее политика меняется, что приводит к малому числу получивших дворянство. Кроме того, местная элита наряду с вхождением в общеимперскую, восприятием модных тенденций тамошнего дворянства, сохраняет региональные особенности и бережное отношение к культуре и истории своей малой родины, то есть местный локальный патриотизм.

Примечания:

1. Цит. по: *Илляшевич Л.В. Краткий очерк истории Харьковского дворянства. Харьковский частный музей городской усадьбы, 2007. С. 32.*

2. *Илляшевич Л.В. Указ. соч. С. 73.*

3. *Палкин Ю.И. Списки дворян харьковской губернии. Харьков, 2008. С. 54, 56, 57.*

4. ГАХО. Ф.3. Оп.42. Д.380. Л. 4.

5. *Записки ново-оскольского дворянина И. О. Острожского-Лохвицкого. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1760-1780/Ostrozskij_lohchvickij/text1.htm*

6. *Донцы-Захаржевские даже заказали И. Орновскому панегирик, изданный в Киеве в 1705 г., в котором, в том числе, обосновывается причастность слободского рода к польским Захаржевским.*

7. *[Квитка И.] Записки о слободских полках с начала их поселения по 1766 год. Харьков, 1812. С. 77.*

8. *Плач дворянина. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://izbornyk.org.ua/old18/old18_23.htm#sat11.*

9. ГАХО. Ф.14. Оп.11. Д.14. Л. 5.

10. *Маслійчук В.Л. Провінція на перехресті культур: Дослідження з історії Слобідської України XVII-XIX ст. Харків, 2007. С. 267.*

11. ГАХО. Ф.14. Оп.11. Д.14. Л. 12.

12. *Проневич Т. М. Еволюція слобідської козацької старшини в умовах станової консолідації дворянства Російської імперії (сер. XVII – к. XVIII ст.). [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www-philosophy.univer.kharkov.ua/ua/kafedra/visn_ua/visn_7.html. Доступ здійснено 03.02.2012. С. 21.*

13. Миллер Д. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Превращение козацкой старшины в дворянство. К. : Типография имп. Университета св. Владимира, 1897. С. 73.

14. Миллер Д. Указ. соч. С. 86.

15. [Квитка И.] Указ. соч. С. 19.

16. ГАХО. Ф.3. Оп.3. Д.129. Л. 2.

17. ГАХО. Ф.3. Оп.25. Д.351. Л. 1.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ БЕЛГОРОДСКОГО РАЙОНА В СЕР. 80-90-Х ГГ. XX В.

А.В. Варфоломеев

**Управление охраны и использования объектов животного мира, водных биологических ресурсов и среды их обитания Белгородской области
Администрации губернатора Белгородской области**

Статья посвящена вопросам региональной политики. Политическое развитие страны в региональном аспекте включает взаимоотношения между государством и регионами, а также области и районов между собой. Белгородский район играет важную роль в производстве сельскохозяйственной продукции. Основную часть территории занимают сельхозугодия - 78,6 %.

Ключевые слова: региональная политика, экономика, самофинансирование, самоокупаемость, рентабельность, фермерство.

PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL SECTOR OF ECONOMY OF BELGOROD DISTRICT OF BELGOROD REGION IN THE MIDDLE OF 1980-90

A.V. Varfolomeyev

**Belgorod Region Administration of the Governor of Belgorod region,
Division of Protection and Management of Wildlife, Aquatic Resources and
Their Habitat**

The article deals with matters of regional policy. The political development of the country in the regional aspect includes relations between the state and regions, the region and districts. Belgorod region plays an important role in manufacturing of agricultural products. Farming lands occupy the main part of the territory – 78,6%

Key words: regional policy, economy, self-financing, self-repayment, efficiency, farming.

Важной составной частью политики государства является региональная политика. Она является сферой деятельности по управлению экономическим, социальным, политическим развитием страны в региональном аспекте и включает взаимоотношения между государством и регионами, а также области и районов между собой. Для России региональная политика имеет ключевое значение, так как огромные различия природно-географических, социально-демографических, экономических, культурных условий исключает одинаковый подход к регионам.

Образованный в 1928 г. Белгородский район, являясь одним из крупнейших районов области, остается правопреемником своего статуса. Развитие района насчитывает более чем 75 летнюю историю, Белгородский район играет важную роль в производстве сельскохозяйственной продукции. Основную часть территории занимают сельхозугодия - 78,6 %.

К нач. 80-х гг., район одним из первых в области встал на путь специализации и концентрации сельскохозяйственного производства, в основу которых было положено создание специализированных хозяйств с высоким уровнем механизации труда.

В результате специализации в сельскохозяйственном производстве наметилась тенденция четкого разделения труда. Большинство хозяйств занимались производством зерна, сахарной свеклы и других продуктов земледелия.

В 1985 г. в районе действовало 9 колхозов и 14 совхозов, в этот период в стране зазвучали призывы о гласности, перестройке, принятые союзным руководством законы расширяли права предприятий, разрешали мелкое частное и кооперативное предпринимательство, но не затрагивали принципиальных основ командно-распределительной экономики.

Все это хорошо прослеживается на примере района. Все так же экономику района охватывали плановые показатели, годовой, пятилетний, трехлетний, перспективный. Вместе с тем в хозяйства района вводились такие нововведения как полный хозрасчет и самофинансирование хозяйств, бригадный и семейный подряды, образовывались кооперативы.

Одним из лидирующих хозяйств района в 80-е гг. был колхоз им. Фрунзе, под руководством В.Я. Горина. Еще сер. 70-х в колхозе впервые в области вводится такое новшество как коллективный подряд. Это позволило без дополнительных затрат поднять урожайность всех культур, возросла производительность труда, себестоимость продукции снизилась. Колхоз был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В 1985 г. Указом Президиума Верховного Совета, за досрочное выполнение планов 11 пятилетки по производству и продаже государству сельскохозяйственной продукции орденами и медалями СССР передовиков производства были награждены труженики колхоза им. Фрунзе. Среди них: Орденом Трудового Красного Знамени В.П. Карпенко, А.П. Колесник, О.Г. Топорова Орденом Дружбы Народов: Н.В. Вислогузова, В.А. Манакова Орденом «Знак почета»: А.П. Васильева, В.Д. Перунова Всего было награждено 18 чел. Председатель колхоза В.Я. Горин награжден орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и молот»¹.

Первое подрядное звено в районе появилось именно в колхозе Фрунзе, возглавлял его Колесник Анатолий Николаевич. Костяк звена составили молодые механизаторы, им пришлось учиться мастерству в процессе работы. С первых дней коллектив поставил задачу: добиться полной взаимозаменяемости на всех видах полевых работ.

С 1986 г. начался перевод производственных подразделений колхоза на самокупаемость. На новый метод перешли 4 звена в растениеводстве и два звена по выращиванию молодняка до 6-ти месяцев. В хозяйстве изменилось отношение к выполнению работ, экономии средств.

В 1985 г. большинство хозяйств района получали стабильные показатели. Так высокие урожаи зерновых культур получили: ОПХ «Центральное» - 32,5 ц, совхоз «Разуменский» - 30,9 ц, высокие урожаи сахарной свеклы получены в колхозах: им. Фрунзе - 403 ц, «Новая жизнь» - 371 ц; подсолнечника в колхозе «Новая жизнь» - 371 ц, «Белгородский» совхоз- 23,8 ц, картофеля: ОПХ «Центральное» - 268 ц, в совхозе «Дубовое» - 126 ц. Самые низкие урожаи зерновых получены в хозяйствах колхоза «Красный Октябрь» - 15,9 ц, совхозе «Белгородский» - 17,9 ц, сахарной свеклы в колхозе имени Жданова - 16,5 ц, картофеля колхозы: им. Жданова - 5 ц, «Красная Нива»-8 ц².

Реформирование сельского хозяйства в кон. 80-х носило половинчатый характер. В этот период все еще сильны были старые методы административного хозяйствования, плановые показатели охватывали все сферы народного хозяйства. Вместо принятия конкретных мер по оздоровлению экономической жизни, выдвигались все новые и новые починки, социалистические соревнования.

«...Бюро райкома КПСС, исполком районного Совета народных депутатов, президиум райкома профсоюзов работников сельского хозяйства, бюро райкома ВЛКСМ приняли постановление «Об итогах социалистического соревнования кол-

лективов колхозов, совхозов, предприятий и организаций Белгородского районного агропромышленного объединения за увеличение производства и продажи государству сельскохозяйственной продукции в 1985 году». Признать победителем в социалистическом соревновании за достижение названных показателей, в выполнении государственных планов и социалистических обязательств в 1985 г.: коллективы колхоза им. Фрунзе, совхоза «Разуменский, коллектив совхоза «Яснозоренский»³.

В сер. 1980-х гг. сельское хозяйство области выросло в крупное механизированное производство. Многие специализированные по свиноводству колхозы и совхозы освоили производственные мощности. В эти же годы крупной отраслью сельского хозяйства области стало свеклосеяние.

В 1986 г. труженики района продолжали выполнять социалистические обязательства, решения XXVII съезда КПСС, на котором была утверждена развернутая программа ускорения социально-экономического развития страны.

Вместе с тем план продажи овощей и фруктов район не выполнил. С планом продажи справился только коллектив совхоза «Комсомолец». Планы продаж плодов и ягод выполнен только совхозом «Разуменский».

В 1987 г. в районе широко развернулось социалистическое соревнование за достойную встречу 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Однако не все хозяйства справлялись с годовыми обязательствами, это хорошо прослеживается на пестроте урожайности всех сельскохозяйственных культур. Например, колхозы им. Фрунзе, «Новая жизнь», совхозы «Комсомолец», «Разуменский» получили более 30 ц зерновых с гектара, а совхоз «Победа», колхозы «Красный Октябрь», «Страна Советов» на 5-6 % ниже среднерайонного показателя 29,5 ц/га, такая же пестрота наблюдается и в животноводстве. 11 хозяйств из 28 молочнотоварных ферм стабильно получают надои ниже среднерайонного уровня. Если в колхозе им. Фрунзе привесы молодняка крупного рогатого скота превысили 700 г, то на Калининской ферме совхоза «Плодоовощной» они составили 173 г⁴.

В 1987-1989 гг. в районе, как и в стране, шла борьба за экономию, борьба с приписками, совершенствовались новые формы хозяйствования. Так, например, в Белгородском районном отделе статистики выходят распоряжения о борьбе с приписками и очковтирательством в отчетности: «...По вопросам совершенствования учета и достоверности отчета данных проведено 4 совещания с главными бухгалтерами и бухгалтерскими работниками колхозов, совхозов, предприятий. В первом квартале проводилась проверка с районным народным контролем по учету неустановленного оборудования в совхозе «Дмитротарановский» и «Плодоовощной». Совместно с райфинотделом проводилась поверка по ф-1 услуг в совхозе «Дубовое», колхозе «им. 22 партсъезда» и «Октябрьский ПУЖКХ». Во всех хозяйствах была выявлена недостаточность данных отчета»⁵.

Кон. 80-х гг., время коренных экономических изменений на селе - переход хозяйств и агропромышленных предприятий на принципы многоотраслевого хозрасчета, самофинансирование, арендные отношения.

Так, например, с нач. 1985 г., хозяйство колхоза «Красный Октябрь» перешло на цеховую структуру управления с внедрением чековой системы хозрасчета и коллективного подряда в полеводстве и животноводстве. Цехом растениеводства начал руководить один из первых в районе заслуженный агроном РСФСР В.С. Швыркин. В сфере экономической реформы в хозяйствах района создаются семейные подряды. Так в совхозе «Яснозоренский» созданы три семейных подряда. Вместе с тем встал вопрос об оплате труда. Она такая же, что и у подрядных звеньев. Птицеводы совхоза «Майский» овладевают арендным подрядом. Новый способ хозяйствования дает возможность повышать продуктивность в цехах. Коллектив, получая прибыль, формирует фонды оплаты труда, развития производства, социальные программы.

В 1988 г. все хозяйства района работали на коллективном подряде: из них в растениеводстве 6 коллективов.

Среднегодовая численность работников на арендном подряде составила 1 504 человек. Арендными коллективами произведено валовой продукции на сумму 63 193 тыс. руб. Произведено валовой продукции на одного сельскохозяйственного работника на сумму 42 047 тыс. руб. Цель использования хозяйственного расчета, самокупаемости и самофинансирования состояла в том, чтобы активнее задействовать имеющиеся резервы и возможности хозяйств района в наращивании сельскохозяйственного производства и улучшением снабжения населения продовольствием. На новые условия хозяйствования все колхозы и совхозы перешли с первого января 1988 года⁶.

Как видно из приведенной ниже таблицы (см. табл. 1.) производство валовой продукции по району уменьшилось, прибыли получено больше, уровень рентабельности возрос.

Табл. 1. Производство валовой продукции с/х Белгородского района в 1987-1988 гг.

Показатели	Единица измерения	1987 год	1988 год
Производство валовой продукции сельского хозяйства	Тыс. руб.	158216	154078
В том числе: растениеводство		68971	62081
Получено прибыли		40885	49287
Уровень рентабельности	%	35,5	40,6
Производительность труда	Руб.	13117	13212

Рост производительности труда составил 100,7%, рост фондов оплаты труда одного работника - 102,6%. И все же в новых условиях хозяйствования, с переходом на самофинансирование, финансовое состояние колхозов и совхозов оставалось тяжелым. Задолженность по долгосрочным ссудам госбанка в целом по району на кон. 1988 г. составила 68 360 тыс. руб., из них 47 126 тыс. руб. или 69% приходилось на долю колхозов. Практически рост прибыли и повышение рентабельности в большинстве хозяйств были обеспечены лишь за счет выплаты государственных надбавок к закупочным ценам⁷.

Табл. 2. Формирование закупочных цен.

Виды продукции растениеводства	С учетом надбавок	Без надбавок
Зерно	81,7	48,0
Сахарная свекла	63,2	37,5

Установление надбавок не помогло хозяйствам эффективнее вести производство. Прогрессирующий распад производственных связей, недалёковидная политика искусственного, за счет дополнительной денежной эмиссии, роста доходов населения, как и другие популистские меры в экономике привело к нарастанию в течение 1990-х годов экономического кризиса.

В 1993 г., президентом Российской Федерации был подписан указ «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России»⁸. Установилось многообразие форм сельскохозяйственного производства.

На основании решения съезда народных депутатов РСФСР от 3 декабря 1990 года «О программе возрождения российской деревни и развития агропромышленного комплекса» был принят «Закон Российской Федерации» о крестьянском (фермерском) хозяйстве⁹, который определил экономические, социальные и правовые основы функционирования крестьянских хозяйств.

Решением районного Совета народных депутатов от 1 апреля 1990 г. было образовано первое в Белгородском районе фермерское хозяйство с земельным наделом в 16,7 га, в том числе 7,2 га пашни, расположенное на территории Беловского сельсовета, на землях совхоза «Рассвет». Главой хозяйства стал С.И. Бытык¹⁰.

За 1991 г. было образовано 22 крестьянских (фермерских) хозяйства. В 1994 г. процесс создания крестьянских хозяйств замедлился, причины: рост цен на материально-технические ресурсы, удорожание кредитов, ухудшение финансового положения. В структуре производства фермеров преобладает выращивание зерновых. С 1992 г. посевная площадь увеличилась на 593 га, в том числе зерновой клин составил 1 148 га. В два раза выросли посевы сахарной свеклы, занимаются фермеры также выращиванием овощей, которых например было произведено в 1997 г. на площади 142 га более 4,5 тыс. т против 600 т в 1992 г.¹¹

В 1998 г. в районе действовало 180 крестьянских (фермерских) хозяйств, что составляет 11% от их общего количества по области. Крестьянские хозяйства располагают 2 734 га земли, из которых 2161 га пашни. Средний надел земли на одно хозяйство - 15,4 га, 60% хозяйств имели наделы до 5 га пашни, 10,7% - 30 и более га. 93% земли находится в собственности и семь процентов в аренде. Средний возраст глав хозяйств 40 лет. Около 30% имеют высшее образование, 17% - сельскохозяйственное¹².

На территории Краснооктябрьского сельского округа расположено фермерское хозяйство «Кайдалова А.И.» Хозяйство занимается выращиванием зерновых, озимой пшеницы, ячменя, сахарной свеклы. В 1997 г. получено 47 ц озимой пшеницы. Хороших результатов достигло хозяйство «Лучникова А.М.» в сборе сахарной свеклы, отличных результатов добывается хозяйство «Бриллиантовое» на территории Пушкарского сельского округа. С одного гектара получено более 700 ц овощей.

Многие фермеры испытывали финансовые затруднения. Им, как и акционерным обществам, в районе оказывали помощь. На проведение полевых работ крестьянским хозяйствам ежегодно выделялись денежные средства, однако этих средств, конечно же, было недостаточно. Для увеличения урожайности, необходимо было освоить интенсивную технологию возделывания зерновых культур, внедрять новые перспективные сорта, обеспечить хозяйства хорошей техникой.

В нач. 90-х гг. положение аграрного сектора в районе оставалось сложным. Проводимые на селе реформы не дали значительных результатов. Шел процесс реорганизации и преобразования хозяйств, перераспределения земель. Основной организационно-правовой формой хозяйствования на селе стали акционерные общества. К кон. 1992 г. их в районе было 16,149 крестьянских (фермерских) хозяйств, число которых увеличилось к концу 1993 г. до 180.

Несмотря на все трудности, район выполнил все спускаемые свыше планы. Но хозяйства не разбогатели, а скорее наоборот. Причина в основном в том, что закупочные цены практически на все виды продукции очень продолжительное время оставались низкими, стоимость техники и услуг для села постоянно росла. Горюче-смазочные материалы подорожали более чем в 2 раза, удобрения в 2,5 раза, сильно подорожала вся зерноуборочная техника. Все это тяжелым бременем ложилось на себестоимость продукции, пагубно сказывалось на финансовом состоянии колхозов и совхозов.

Многие хозяйства в этот период не имели средств на развитие, строительство, благоустройство. Получался парадокс, чем больше хозяйства производили и продавали, тем ощутимее были их финансовые потери. С сер. 90-го г. Совмин утвердил новые закупочные цены: на ячмень, овес – рост менее, чем в два раза. Более существенно повысилась закупочная цена на пшеницу, сахарную свеклу. Совсем не повысилась цена на подсолнечник, плоды, овощи и картофель. Это больно ударило по плодоовощным хозяйствам. Примерно в 2,5 раза возросла закупочная цена на моло-

ко, свинину, говядину, птицу. Только рост цен на сельхозпродукцию значительно уступал росту цен на технику, сельхозинвентарь¹³.

Но даже в такое трудное время район имел свои успехи. В ходе выполнения плана социально-экономического развития районом выполнен госзаказ по продаже хлеба государству на 102%, перевыполнены планы по реализации сахарной свеклы, подсолнечника¹⁴.

Происходил спад производства и в растениеводческой продукции. С начала 90-х годов, значительно меньше посеяно зерновых, кукурузы, сахарной свеклы, подсолнечника, картофеля и особенно овощей. Но вместе с тем, в результате перераспределения земель возросла роль личных подсобных хозяйств. Так в 1993 г. поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 29%. Наибольший процент роста приходился на Разуменский поселковый совет, здесь поголовье коров увеличилось почти в два раза (с 6-ти до 29 голов)¹⁵.

В сер. 90-х гг. сельское хозяйство постепенно приходило в упадок и функционировало в условиях жесточайшего кризиса, с 1991 г. в районе выведены из сельскохозяйственного оборота 28 тыс. га сельскохозяйственных угодий, 17 тыс. га пашни¹⁶.

Структурная перестройка экономики после 1991 г., когда в стране были начаты широкомасштабные социально - политические экономические реформы, внедрение рыночных отношений. Динамику объемов сельскохозяйственного производства Белгородского района за период 1991-1998 гг. можно проследить из ниже следующей таблицы (см. табл. 3).

Табл. 3. Динамику объемов сельскохозяйственного производства Белгородского района за период 1991-1998 гг.

Показатели	Период (год)							
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Объем валовой продукции с/х. в ценах соответствующих лет (млн.руб.)	141,7	140,4	13170	79800	77800	561473	559446	420
Темп роста в сопоставимых ценах (в % к предыдущему году)	94,5	99,1	95,2	83,7	97,5	96	95	96

К 1999 г. было ясно, что стране необходим новый этап реформирования системы агропромышленного комплекса.

В результате постановления главы администрации области от 14.12.99 года №710 «О мерах по экономическому оздоровлению неплатежеспособных сельскохозяйственных предприятий области» в районе к 2000 г. абсолютное большинство продукции сельского хозяйства продолжали производить сельскохозяйственные предприятия. Многие предприятия Белгородского района вошли в состав агрохолдингов¹⁷.

Из приведенных выше данных можно сделать вывод, что в середине 80-х гг. в Белгородском районе были созданы крупные сельскохозяйственные предприятия: ОПХ «Центральное», колхоз им. Фрунзе, «Заря», совхоз «Разуменский», «Комсомолец», птицесовхозы «Яснозоренский», «Майский», «Лопарский», в основу которых было положено создание специализированных хозяйств с высоким уровнем механизации труда¹⁸.

За короткий срок в специализированных хозяйствах повысилась культура производства, снизилась себестоимость продукции, созданы необходимые условия для труда и отдыха крестьян.

Наряду с этим в кон. 80-х гг. в сельском хозяйстве происходит дальнейшее углубление концентрации производства, совершенствование коллективного и арендного подряда.

С 1988 г. наблюдаются коренные преобразования экономических отношений на селе - переход хозяйств и агропромышленных предприятий на принципы многоотраслевого хозрасчета и самофинансирование, арендные отношения.

Однако, несмотря на все эти преобразования, положение в сельском хозяйстве в кон. 80-х нач. 90-х гг. ухудшалось. Меры, предпринятые правительством Б.Н. Ельцина: (изменение системы землепользования, частная собственность на землю, многообразие форм сельскохозяйственного производства) не привели к положительному результату.

В сер. 90-х гг. сельское хозяйство страны находилось в кризисном положении. Новый виток реформирования сельского хозяйства приходится на 1999 г.

Примечания

1. Сергеев С. Бессоновы впереди // Знамя. 1985. №41. С. 1.
2. ГАБО. Ф. Р-158. Оп.4. Д.734. Л.4.
3. Данков В.В. В новой пятилетке работать по новому // Знамя. 1985. №133. С. 2.
4. Ветренко В. Все проблемы района // Знамя. 1987. №3. С.3.
5. ГАБО. Ф. Р-158. Оп.4. Д.849. Л. 5.
6. Чувилин А. Новая аграрная политика: требуется дело // Знамя. 1988. №131. С.3.
7. ГАБО. Ф. Р-158. Оп.4. Д.849 Л. 185.
8. Указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России».
9. Закон РСФСР от 22 ноября 1990 года N 348-I «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1990, N26).
10. Додон Н. Чем живешь, фермер? // Знамя. 1997. №86. С. 1.
11. Там же. С. 3.
12. Отчет отдела экономического развития Белгородского района «О социально-экономическом развитии района за 1998 год». С. 27.
13. Там же. С. 29.
14. Там же. С. 34.
15. Черкесов В. След нашего времени. //Аргументы и факты. 1998. №15. С. 8.
16. Там же. С.9.
17. Дмитриев А. Цена вопроса - благополучие села // Знамя. 2005. №148. С. 1.
18. Там же. С. 2.

IV. МАТЕРИАЛЫ SKYPE-КОНФЕРЕНЦИИ «HUMANITIES WITHOUT BONDARIES»

ORIGIN OF THE RUSSIAN DOUBLE-HEADED EAGLE

Dmitry Bogdanov

Belgorod National Research University

This article is about origin of the Russian double-headed eagle. The author comes to conclusion that this heraldic emblem originated due to influence, on the one hand, of Byzantium and on the other – of the Holy Roman Empire.

Key words: double-headed eagle, Ivan III, the Holy Roman Empire, the Byzantine Empire, symbol.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОГО ДВУГЛАВОГО ОРЛА

Дмитрий Богданов

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

Статья начинается с определения понятия «символ», описания истории использования двуглавого орла в качестве геральдической эмблемы и упоминанием исследователей, занимавшихся этими вопросами. В данной статье приводятся две версии появления в русском государстве геральдического двуглавого орла: «византийская» и «германская» («имперская»). После рассмотрения аргументов в поддержку каждой из них, автор подтверждает вывод, что гипотезы, объединяясь, обозначают путь, по которому эмблема двуглавого орла попадает в Московскую Русь.

Ключевые слова: двуглавый орёл, Иван III, Священная Римская империя, Византия, символ.

Confucius once said: «Signs and symbols rule our world but words and laws do not» (Mozheyko: 9). In my opinion, this is right because symbols and signs are integral part of life of any human being. That's why a man was named “animal simbolikum” by German philosophers of the 19th century (Ten: 6).

Study of symbols and emblems was not popular in this country as the Soviet approach was based on the materialist philosophy. Fortunately, since those days the situation has changed.

It is well-known that there are many different historical disciplines dealing with symbols, such as heraldry, vexillology, genealogy, numismatics etc. Heraldry is about coats of arms and history of the states or families who are entitled to have them. The first scholars who researched this subject-matter in the Russian Empire were Evgeny Voronets, Pavel von Winkler, Alexander Lackier, Nickolai Lichachev, Vladimir Luckomsky, Nickolai Tipolt (See: Luckomsky, Lackier). These scholars developed good methodology and determined problems for researchers of the next century.

Scientists argue that in the Middle Ages the Europeans, including the Slavs, thought that human world was like animal world. They thought the eagle was a king of birds and the lion – a king of mammals (Pokhlyobkin: 159).

The eagle is definitely one of the most ancient symbols in history. Double-headed eagles have been present in imagery for millennia. The double-headed eagle can be found in the archaeological remains of the Sumerian and Hittite civilizations that flourished 5.000 years ago (Aksyonova: 56-218)!

The double-headed eagle is a common symbol in heraldry and vexillology. It symbolized power, force, courage, leadership, wisdom.

The double-headed eagle appears on coats of arms of the following countries: Albania, Armenia, Montenegro, Serbia and the Russian Federation⁶. It also appears on the flag

of Albania, flag of Montenegro, flag of Serbia, flag of the Greek Orthodox Church (Aksyonova: 56-218).

But it is most commonly associated with the Byzantine Empire, the Holy Roman Empire and Russia. In Byzantine heraldry, the heads represent dual sovereignty of the Emperor (secular and religious) and later dominance of the Byzantine Emperors over both the East and the West. In the Holy Roman Empire's heraldry, it represented the Church and the State (Znamenievsky: 55).

Generally speaking, there are two versions about double-headed eagle's origin among the Russian historians. One of them was named "Byzantine" and another – «German» or «Roman».

The «Byzantine» version was developed by the prominent Russian historians, Vasily Tatishchev and Nikolai Karamzin, in the end of the 18th century (See: Karamzin). Now it is very popular among politicians and students of local history.

It is worth noting that Constantinople was the successor of Rome, and the Byzantines kept using the old imperial "single-headed" eagle motif (Pokhlyobkin: 159). Although the roots of the transformation to double-headed are almost definitely connected with ancient depictions in Asia Minor, details of its adoption are uncertain. It has been, however, in use by the 10th century (Dvornitchenko: 88).

Besides, this fact could be determined by local legends about the giant eagle with two heads that could easily hold a bull in his claws. As a result, Isaac Komnenos, deeply influenced by these beliefs, used it already as his family emblem (Dvornitchenko: 88).

With the fall of Constantinople and the end of the Byzantine Empire in 1453 many Byzantine nobles moved to the territory of the Apennine peninsula. Then they were baptized as Catholics (Vasilieva: 340). Some of them worked in the diplomatic service and business including relations with the Russian Court.

During that time the Grand Dukes of Muscovy came to see themselves as the successors of the Byzantine heritage – a notion reinforced by the marriage of Ivan III to Sophia Paleologue (hence the expression "the Third Rome" for Moscow and, by extension, for the whole of Imperial Russia) (Soboleva: 140). Ivan adopted the golden Byzantine double-headed eagle in his seal, first documented in 1472, marking his direct claim to the Roman imperial heritage and posing himself as a sovereign equal and rival to the Holy Roman Empire (Mozheyko: 144). At the same time, the image of a gilded double-headed eagle on red background appeared on the walls of the Palace of Facets in the Moscow Kremlin.

The Russian emigrant Vladimir Novikov wrote: "...Finding itself in Russia, the Eagle began to grow. He revived and transformed from the Byzantine dull silhouette to the Russian vivid organism. He became the Russian Eagle..."(Novikov: 11).

Of course, every version has its advantages and disadvantages. The main advantages of the first one include chronological simplicity and idea about perception of the Byzantine dogmata and social system of values. It means that Russia became a base of the Orthodox Church versus the Catholic Church.

There are two disadvantages of this version. One of them is that Byzantium did not have a coat of arms that's why the Muscovite state could not be a successor to anything. Another disadvantage is twenty years of discontinuum from 1453 to 1472.

According to the "German" version, the first mention of a double-headed eagle dates back to 1250, when it appeared as a seal on a letter of Matthew of Paris to Emperor Frederick II of the Holy Roman Empire (Dvornitchenko: 89). But the Imperial eagle was widely used by Imperial cities such as Lübeck, Besançon or Cheb from the second half of the 13th century to underline their independence (See: Whaley). Also, the Teutonic Order under Hermann von Salza had the privilege to display the Imperial eagle in their coat of arms, granted by Emperor Frederick II (Van Duran: 3).

Usually depicted black on gold background, it replaced the earlier single-headed eagle, and was subsequently adopted in the coats of arms of many German cities and noble families. After dissolution of the Holy Roman Empire in 1806, the double-headed eagle

was retained by the Austrian Empire, and served also as the coat of arms of the German Confederation (See: Planche).

The double-headed eagle was adopted by the Muscovite State from the Holy Roman Empire in Maximilian's reign. It could be a result of the diplomatic correspondence between the rulers. Perhaps, a copy of the eagle's image was imported to Russia by the knight Nicholas Poppel and Ivan III somehow liked the image (Grossing: 80).

This version was developed by Anna Khoroshkevich and Natalia Soboleva in the 20th century (See: Mozheyko, Khoroshkevich). Now this idea is supported by the most of the Russian historians. It also has its disadvantages. First, it is difficult to understand why Ivan III did not repeat size and shape of the Holy Roman Empire's seal. It is likely that Ivan III did not have mould of the Holy Roman Empire's seal that's why he couldn't use its design. In spite of this critic some other scholars stress that the two eagles are rather alike. Thus the opinions differ.

So from Byzantium the double-headed eagle came to Russia after Ivan III's second marriage to Sophia Paleologue (a niece of the last Byzantine emperor Constantine XI) who lived in the lands of the Holy Roman Empire and Montferrat, where a branch of the Palaeologi ruled (Mozheyko, 142). It remains also an important motif in the heraldry of the imperial families of Russia (the House of Romanov) and Austria-Hungary (the House of Habsburg), as well as the royal family of Montenegro (the House of Petrovic) (Aksyonova: 56-218).

It is difficult to determine exactly which version is right because given the conditions after the fall of Constantinople (movement to the territory of the modern Italy of most Byzantine nobles) we can say definitely that the emblem came from that place, but it could have come as an emblem of the Byzantine Empire, as well as the one of the Holy Roman Empire.

Probably Ivan III was willing to kill two birds with one stone and thought about two possibilities: to become equal and rival to Emperor Maximilian and to assume the role of Constantinople as a centre of the Orthodox world. And, finally, it symbolizes continuity between Antique traditions, Roman experience and Orthodox dogmata.

The current Russia's coat of arms was designed by artist Evgeny Ukhnaliov; it was adopted officially on November 30, 1993 and then – by a federal law signed by President Vladimir Putin on December 20, 2000 (Romanovsky: 5).

Today, the imperial crowns on each head stand for the unity and sovereignty of Russia, both as a whole and in its constituent republics and regions. The orb and sceptre which the eagle grasps in his toes are traditional heraldic symbols of sovereign power and authority too. They remain in the modern Russian coat of arms despite the fact that the Russian Federation is not a monarchy which led to objections by the Communists. However the imperial blue ribbon and the collar of the Order of St. Andrew were removed from the current Russian coat of arms.

Works Cited:

1. Aksyonova M. ed. (1999) (*Entsiclopedia dlya detei. Strany. Narody. Civilizatsii*) *The encyclopedia for children. Countries. Nations. Civilizations*, Moscow.
2. Dvornitchenko A. ed. (2006) (*Trudy kafedri istorii Rossii s drevneyshykh vremyon do dvadtsatogo veka*) *The works of chair of Russian history from the ancient times to the twentieth century*, St. Petersburg.
3. Grossing Z. (2005) *Maximilian I*, Moscow.
4. Karamzin N. (2007) (*Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*) *History of the Russian State*, Moscow.
5. Khoroshkevich A. (2003) (*Simvolny russkoi gosudarstvennosti*) *The Symbols of the Russian Statehood*, Moscow.
6. Lackier A. (1990) (*Russkaya geraldicka*) *Russian heraldry*, Moscow.
7. Luckomsky V., Tipolt N. (1915) (*Russkaya geraldicka*) *Russian heraldry*, Petrograd.

8. Mozheyko I., Sivova N., Soboleva N. (2003) (*Gosudarstvennaya simbolika Rossii: Istoria i sovremennost'*) *Russian national symbols: History and the present*. Moscow.
9. Novickov V. (1991) (*Russky gosudarstvenny oryol*) *The Russian state eagle*, Moscow.
10. Planche J.R. (1834) *A Catalogue of the Collection of Ancient Arms and Armour*.
11. Pokhlyobkin W. (1989) (*Mezhdunarodnaya simbolika i emblematika*) *International symbols and emblems*, Moscow.
12. Romanovsky V. (2002) (*Simvoliy rossiyskoy gosudarstvennosti. Gerb. Flag. Gimn*) *The symbols of Russian statehood. Coat of Arms. Banner. Anthem*. Moscow.
13. Soboleva N. (2006) (*Ocherki rossiyskoy gosudarstvennosti: ot tamgi do simbolov gosudarstvennogo suvereniteta*) *Essays about the Russian statehood: from tamga to symbols of sovereignty*, Moscow.
14. Ten Y. (2008) (*Simvoli Rossii i zarubezhnykh gosudarstv*) *Symbols of Russia and of other states*, Rostov-on-Don.
15. Van Duran P. (1995) *Orders of Knighthood and of Merit*, Cambridge.
16. Vasilieva L. (2002) (*Zhyony russkoi korony*) *Wives of the Russian Crown*, Moscow.
17. Whaley J. (2011) *Germany and the Holy Roman Empire, V. 1 and 2*, Oxford.
18. Znamierovsky A. (2003) *Illustrated book of Flags*, London.

CIVIL SOCIETY AND CIVIL WAR
R.A. Harmon
Department of Political Science
Middle Tennessee State University

I will be the first to admit that I am technologically challenged. If pictures of me show up on Facebook, it's most likely because someone else put them there. I have yet to send a tweet. Yet despite my hesitation to engage in social media, the power of that medium has been increasingly difficult to ignore after the advent of the Arab Spring. Egypt especially has stood out as a pioneering example of how current technology can give traction to ideals which floundered in the past. Certainly, most scholars would agree that poor economic conditions and a lack of opportunity caused the uprising in Egypt (Lynch, 46-47). However, that uprising would likely not have been possible without the use of social media tools such as blogging and video sharing (Feuilherade, 28-29, Hounshell, 20-21). Social media acted as a facilitating and organizing force for the revolution in Egypt, but it could not have done so without being part of a larger pre-existing framework. That larger framework is made up of businesses, mosques, churches, schools- simply put, civil society. Without civil society, the Egyptian experience during the Arab Spring would have been quite different.

Of course, like any good international relations scholar, I could not let my curiosity stop at the relationship between civil society and the relatively peaceful revolution in Egypt. My mind turned to conflict, civil war in particular. Thus a theory began to take shape. Perhaps civil society can act as an outlet for dissent within a state, thus delegitimizing the use of civil war as a mechanism for change. Recent research coming out of Europe has shown that a strong civil society is the antithesis of civil war and the two conditions have intractable differences (Baumgarten, Britta, Dieter Gosewinkel, and Dieter Rucht, 289-291). If that were the case, a stronger civil society would reduce a state's probability of experiencing civil war.

Desiring to test the existence of this relationship, I selected three cases to study. All three cases are African states, two of which had a civil war during the 1990s. Those states which did experience war are Liberia and Algeria. The third state studied here is Botswana, which had peaceful transitions of power during the same time period. The strength of civil society was measured for each state, and then compared to that state's likelihood of and severity of civil war. This limited method produced promising preliminary results, and be-

cause of that, I would propose to expand this study in several ways, which will be described following the explanation of the current study's results.

Previous Academic Understandings of Civil War and Civil Society

This study is fortunate to be preceded by a rich history in the scholarly fields of both civil society and civil war. Regrettably, up to this point, very little academic work has been undertaken to explore the possible linkages between the two topics. For that reason, and to fully understand previous research in this area, one must examine civil society and civil war as independent subjects.

The various causes and precursors to civil war are fascinating, but for the purpose of this project will not all be considered. It is important to keep the scope of information limited to that which will aid in determining whether or not a link exists between intrastate conflict and civil society. Casting too wide a net will make the research less specific, as one person's civil war is another person's genocide. A perfect example of this is the current situation in Syria. According to an article published in Time Magazine in early February of 2012, the ongoing violence in Syria is taking place between two armies, which may suggest a full scale civil war (Abouzeid, 22). Only a few days after that article was published, the New York Times ran a piece by Robert Pape, who wrote that the government of Syria was engaging in actions that looked a lot like genocide, killing thousands of civilians (Pape, 25). These types of discrepancies in opinion bring about the question: just what makes a conflict a civil war?

Fortunately, the academic community has been provided with an excellent understanding of exactly what qualifies a conflict as civil war with the Correlates of War project. This project seeks to define and catalog all wars from 1816 to present times, and thus provided guidance on both an understanding of civil war and in the case selection process (Correlates of War – CoW, Sarkees). According to the CoW, there are three main criteria for a conflict to be considered civil war. First, it must involve at least one thousand (1000) battle-related deaths in a given twelve (12) month period (CoW, Sarkees). Second, both sides engaged in the violence must be capable of organized and effective resistance, eliminating the need to consider mass killings of private citizens civil war (CoW, Sarkees). Third, a conflict must take place within the recognized territory of a single state to be classified as a civil war. (CoW, Sarkees). The CoW's conceptualization of civil war is not only helpful in the case selection process, but also in developing approaches to solutions, as it rules out instances of genocide, politicide, or terrorism.

While civil war has a fairly concrete definition, the other side of the quandary provides no such demarcation. The study and conceptualization of civil society dates back to the 1700's, beginning with a 1768 publication by Ferguson, who was shaped by the Scottish Enlightenment and widely considered to be the father of modern sociology (Smith, 9-11). Since Ferguson's initial take on social activity aside from the state, academics have worked diligently to clearly define exactly what is meant by the term civil society, as it is quite amorphous. Some would argue that civil society cannot be defined in any meaningful way (Baumgarten, Britta, Dieter Gosewinkel, and Dieter Rucht, 290-292). The adoption of this pessimistic view would limit the usefulness of research in the field, and while few agree on what civil society is, many have opinions on the proper role of civil society. A large body of work has investigated the connection between civil society and democracy or political participation, beginning with Tocqueville's renowned commentary on the abundance of voluntary action and involvement in the newly formed democracy of the United States (Mansfield, 2010). The promotion of civil society has become the cornerstone of the spread of liberal democratic principles, spearheaded by the United States (Mavrikos-Adamou, 514-516, Andrieu, 537). It is assumed that a strong civil society will encourage political participation, which in turn will contribute to the continued democratic peace (Mavrikos-Adamou, 514, Andrieu, 537). Of course, that assumption is quite a leap to make, and that is where the need for this research to be done comes into play.

As Bratton points out, the current conceptualizations of civil society are Eurocentric in nature (Bratton, 1994). As this project looks specifically at African cases, it is important to keep in mind that civil society can take on different forms and meanings in various parts of the world (Bratton, 1994). The track record of an “American” version of civil society is far from spotless, and has had significant failings in states such as Brazil (Encarnacion, 9-18). It would be dangerous to automatically think that the correlation between strong civil society and peace observed in the United States extends to other civilizations, as evidence of that is tepid at best (Encarnacion, 12-16). As Huntington would argue, civilizations are fundamentally different, and assumptions about what causes peace in one cannot be trusted in another (Huntington, Betts, 34-51).

Despite the Western outlook of research done on civil society, there are two defining characteristics which can be applied to any culture (Bratton, 1994). First, civil society is voluntary (Bratton, 1994). Second, civil society is independent from the state (Bratton, 1994). Carothers described civil society as, “a domain parallel to but separate from the state--a realm where citizens associate according to their own interests and wishes” (Carothers, 18). While the specific form civil society takes may vary across cultures, it is possible to work under the understanding that it is voluntary and independent, and develop a working hypothesis from that point.

Hypotheses

H1: States with weaker civil society are more likely to experience civil war than states with stronger civil society.

The strength of civil society is by no means a single determinate of a state’s likelihood of engaging in civil war, and thus states with civil war may still be influenced by a strong civil society. As this study includes three cases, with two drawn from states that did undergo a civil war, it will be possible to compare the status of civil society in those states and consider the impact that civil society may have on the severity of civil war. It would seem to follow from the first hypothesis that a state with a strong civil society could lessen the severity of a civil war. This idea leads to a second hypothesis.

H2: A state engaged in civil war with stronger civil society has less severe civil war than a state engaged in civil war with weaker civil society.

Variable Measurements

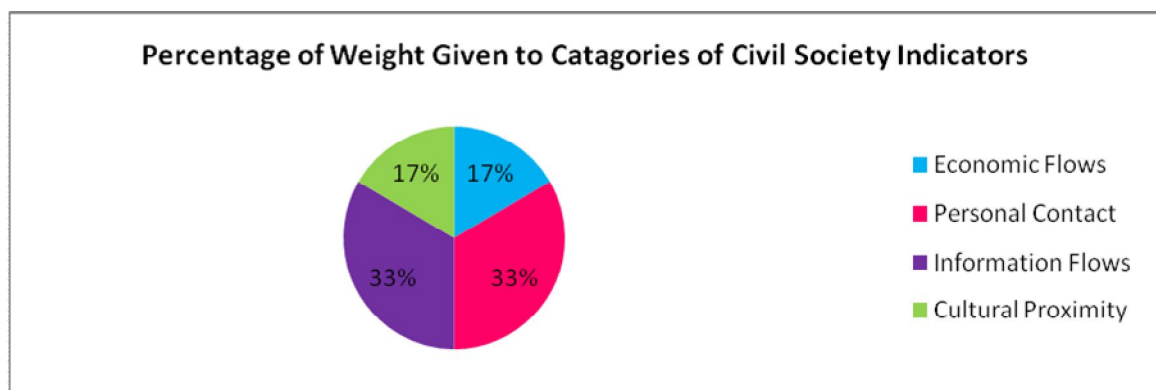
To test the relationships outlined in the hypotheses, the project began by taking the first independent variable, the strength of civil society, and operationalizing it. This was no easy feat, as the only clear definition of civil society offered by literature in the field is that it is voluntary and independent. Some researchers have attempted to measure the strength of civil society, with limited success and applicability to this project. For example, Skocpol created a system to catalog the organizations that have made up civil society throughout the history of the United States (Skocpol, 2003). Skocpol’s criteria look at aspects such as funding, membership, tax-status, and longevity when deciding which groups to count in her study of civil society (Skocpol, 2003). While this information is helpful to show that it is possible to specify exactly what constitutes civil society, it cannot necessarily be replicated. That is not to say that there is a defect in Skocpol’s method. Rather, a lack of resources and information on the development of civil society in Africa means that her methods cannot be replicated for the case studies selected for this paper. As we have seen, the face of civil society changes over time and space, and so for this project, new indicators of civil society in Africa must be used.

There is no perfect way to measure civil society in Africa or anywhere else. The operationalization of civil society was in part based on what data is available for Liberia, Algeria, and Botswana. Speaking honestly, we have to work with what we have if any progress is to be made. To those ends, I have developed a fairly simple way of measuring civil society in Africa using the KOF Globalization Index (KOF Index, Dreher). This index looks at many factors related to globalization, including economic, social, and political conditions in a state. A state is given a score each year for every area, as well as a total composite

score ranging from one to one-hundred. Not all of those factors are relevant to this work. For instance, a measurement of the number of government imposed trade restrictions in a country is obviously not any sort of a measurement of the strength of civil society. Such measurements offered by the KOF Globalization Index should not be counted in a measure of civil society. However, some types of measurements offered by the KOF Index are indicative of civil society in that they measure activity on the part of private citizens conducted outside the purview of the government and these actions are voluntary. These types of actions fit the conceptualization of civil society. Four measurements contained within the KOF Index were found to be useful in this project.

1. Economic Flows – includes private trade and investment.
2. Social Flows
 - a. Personal contact – includes telephone traffic, tourism rates, and mail rates.
 - b. Information Flows – includes use of newspapers, television, and radio
 - c. Cultural Proximity – includes the frequency of foreign businesses and books (KOF Index, Dreher)

Not each of these measurements is equally important in determining the strength of civil society, and for that reason, each category was weighted differently. Information flows and personal contact categories were given the most weight, with economic flows and cultural proximity categories given less prominence, as shown in the graph below.

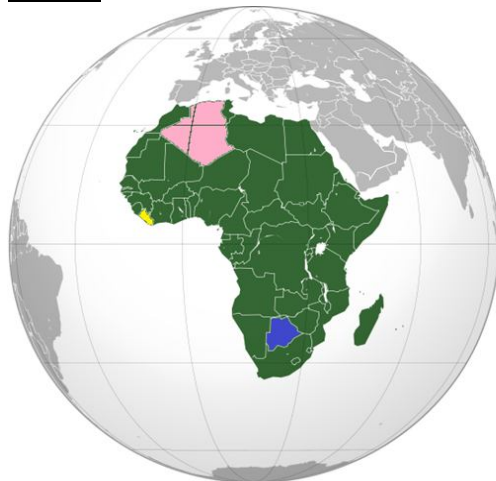
The KOF Index measurements were taken from each of these areas, for each of the three cases, for the five years prior to the time period or war being studied. Though the KOF Index catalogs information as far back as 1970 for some states, that entire range was not used as the older information was not available for all states (KOF Index, Dreher). The five year range was chosen to minimize the chance that a strong civil society, suddenly dampened by the onset of violence, would go unmeasured. The score from the five years prior to civil war was averaged in the different sections, and then each state was given a category score, as well as a total composite civil society score. The numerical value of the score in and of itself is not important and cannot tell us much. Rather, the score can be used to compare the strength of civil society amongst states. Though not related to the cases used here, the composite score of the United States during years from 1985-1990 was calculated to be 62. This score is only being offered to help give a sense of perspective on the scores received by Liberia, Algeria, and Botswana.

Before going into the results and analysis of the cases, it is important to understand why Liberia, Algeria, and Botswana were selected for inclusion in the first dependent variable, the likelihood of civil war. Of course, the first two fit the requirements for civil war as laid out by the Correlates of War criteria. The third has lasted through several generations of peaceful political transitions. This is something of a most similar system design, as all three cases come from Africa and had significant Western influence during the formation of their modern government systems. Beyond that, the cases were selected on the basis of

the availability of data. While other cases would be relevant and interesting, it would be impossible to include them given the current lack of research and data in existence.

The second dependent variable, the severity of civil war, was operationalized in a manner that drew on the work of Rosen, who wrote about cost-tolerance in war (Rosen, 255). The severity of war plays a role in the cost of war, and thus Rosen measured the severity of war in part by using the percentage of population who died due to a conflict (Rosen, 255-277). It may seem crass to put a price on lives in such a manner, but this is meant to be a way to determine the relative severity of a war, not to make any sort of value statement about those who perished because of the violence being studied. Furthermore, the author recognizes that there are many factors that could be considered when determining the severity of a civil war, such as economic or educational costs. Those measurements are rejected in this case, for two reasons. First, because scholars like Rosen have found the percentage of population lost to be an accurate measure of a war's severity, it would be foolish to ignore such an academic precedent. Second, other determinates of the severity of a war may not take into account the complexities of a case. For example, some states may be more willing than others to bear the economic costs of a war as measured by GDP, depending on what sort of value their society places on financial gain measured in those terms. For those reasons, the severity of the civil wars in Algeria and Liberia will be measured in terms of the percentage of population deaths due the conflicts.

Cases

Cases

Pink – Algeria

Yellow – Liberia

Blue - Botswana

Algeria

Algeria's modern history, including civil war, is inextricably linked to the state's past as a French colony and more recent influence of military rule (Mortimer, 10). Unrest in the state grew as the public became dissatisfied with the socialist government set up after the withdrawal of the French colonial power (Mortimer, 10-15). Demonstrations became frequent during the 1970's and 1980's, and much of the opposition to the government took on radical Islamic overtones (Mortimer, 10-15). The Algerian government first responded by cracking down harshly on dissidents, then changed courses and decided to allow for open elections (Mortimer, 10). This policy did not last long however, as the army cancelled elections after realizing the popularity of the Islamic movement (BBC News, Algeria Profile).

Algeria slid into civil war in late December of 1991 (Mortimer, 10). Islamic groups such as the Islamic Front of Salvation and Armed Islamic Group carried out brutal attacks on civilians, particularly those connected to academia (Mortimer, 10-12, Singer, 233). While the war officially ended in 2002, militant Islamic groups still run rampant in Algeria, and there is occasional violence and terrorist activity (Kaplan, 28-30).

Algeria's civil war was very costly for the state in terms of human life. With a population of about 25,000,000 at the time of the outbreak of the war, about 200,000 people

died because of the conflict. That is under 1% of the population, but still a significant amount.

The scores for Algeria's strength of civil society in the years leading up to the civil war can be found below. As the war began in 1991, the years taken into consideration here are 1987-1991. It is interesting to note that Algeria had a low score in the economic flow category, but a higher score in the area of information flows. This could be due to the fact that the governing regime had loosened restrictions on opposition forces in the year or two prior to the war (Mortimer, 10).

Strength of Civil Society Score – Algeria (Derived from KOF Index, Dreher)

<u>Category</u>	<u>Score</u>
Economic Flows	35.17
Personal Contact	29.938
Information Flows	36.4
Cultural Proximity	1.10
<u>Total Composite</u>	<u>28.158</u>

Liberia

One major difference between Algeria and Liberia is that the latter was not part of the Western colonial empire. That is not to say that Liberia was free from Western influence, as the state was founded by freed American slaves. The first Liberian civil war, covered by this project, was in part facilitated by the withdrawal of United States involvement in the region, which allowed for revolutionary forces to rise up successfully (Kieh, Religious Leaders). In particular, the infamous Charles Taylor and his followers began working to violently overthrow Liberia's dictator Samuel Doe and a full scale civil war broke out in 1989 (Kieh, Religious Leaders). Civil society did not watch quietly as the war raged on, and several NGOs and religious groups labored diligently to bring an end to the conflict (Kieh, Religious Leaders). Unfortunately, the peace and mediation efforts made by the groups forming civil society were not enough to prevent conflict in Liberia, and that civil war lasted until 1996.

Liberia was devastated by the war, which claimed the lives of about 200,000 people. It is important to note that, at the time civil war broke out, Liberia's population stood at around only 2,500,000. To put these figures in perspective, this means that approximately 7-8% of Liberians died due to this conflict.

Looking to Liberia's civil society scores from 1985-1989, it is evident that the state had strong economic flows leading up to the civil war. This could be due to the close relationship the state shared with the United States, prior to the United States deciding that involvement in Liberia's internal affairs did not advance its own strategic interests (Kieh, Religious Leaders). At the same time, personal contact was high but information flows were extremely low.

Strength of Civil Society Score – Liberia (Derived from KOF Index, Dreher)

<u>Category</u>	<u>Score</u>
Economic Flows	88.944
Personal Contact	59.932
Information Flows	11.69
Cultural Proximity	1.0
<u>Total Composite</u>	<u>38.864</u>

Botswana

The case of Botswana is unique in the context of this study as the state did not suffer from civil war during the time period in which Algeria and Liberia did. In fact, Botswana has had peaceful transitions of power in government since it became an independent state in 1965 (Charlton, 330-332). One such peaceful election was held in 1989 (Charlton, 330). This is not to say that Botswana's government is spotless; every state has problems of its own, but Botswana has proven to be adept at avoiding intrastate violence in a way that Algeria and Liberia have not.

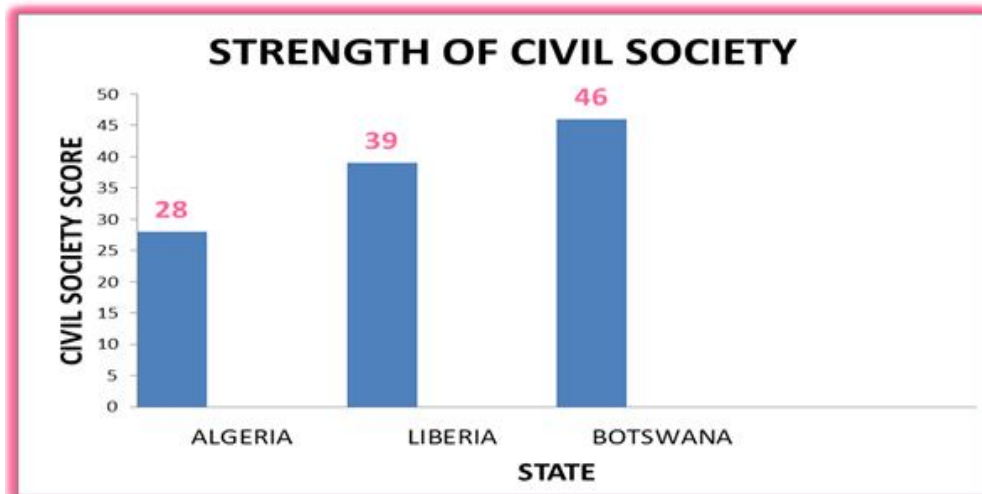
Strength of Civil Society Score – Botswana (Derived from KOF Index, Dreher)

<u>Category</u>	<u>Score</u>
Economic Flows	77.122
Personal Contact	53.314
Information Flows	39.71
Cultural Proximity	10.27
<u>Total Composite</u>	<u>45.573</u>

Botswana's civil society score comes from the years leading up to the 1989 elections, a range of 1985-1989. The scores for Botswana are relatively high across the board.

Comparison and Analysis

Below is a chart that sums up what has been learned from the individual states. Each state's total composite score has been rounded to simplify comparisons. This information can be used to test the two hypotheses.

It is evident that Botswana had the strongest civil society, with the highest score of 46. Botswana is also the one state being studied here that did not engage in civil war. Algeria and Liberia, on the other hand, had markedly lower scores of 28 and 39 respectively. This information provides support for the first hypothesis. The two states with weaker civil society were in fact the two states engaged in warfare. These results propel forward the theory that a strong civil society can act as a sort of release valve for tension within a state. In the case of Botswana, citizens had opportunities to express opinions, even when they differed from the positions of the state. Not only were elections more open in Botswana, thus allowing for the formation of political parties, but also religious and civic groups were free to form. In particular, Botswana has the highest score for information flows, indicating

that citizens had more information and news outlets available to them than in Algeria or Liberia.

This was not always the case in Algeria and Liberia. For example, in Algeria, the government sometimes carried out repressive policies towards Islamic rebel groups after promising more freedom, which only served to foment rebellion further (Mortimer, 10, BBC News, Algeria Profile). By attempting to limit civil society's organizational abilities and access to information, the Algerian government incited violence. Certainly, that does not excuse or justify any actions taken by groups like the Islamic Front of Salvation. It does suggest though, that when a state limits civil society, there is a serious backlash. Instead, a state could seek to develop civil society in constructive ways. Of course, the line between allowing for dissent and encouraging rebellion is a very thin one, and a state's ability and desire to walk that line depends on its individual outlook and capabilities.

The results for the second hypothesis were not clear cut. As explained earlier, Algeria took a loss at just under 1% of the population during their civil war, or about 200,000 deaths out of a population of about 25,000,000. In Liberia, the civil war brought about the deaths of a comparable or a slightly higher number of people, but that equates to over 7% of the population. That is an incredible loss of life, both in absolute numbers and in the percentage relative to population size. Given that Liberia had a much stronger civil society than did Algeria, the second hypothesis would have predicted that Liberia would have a less severe civil war. A simple comparison of the percentage of population killed shows that just the opposite was true. Liberia's war was far more severe than Algeria, despite Liberia having a stronger civil society. Though a negative relationship between a war's severity and the strength of civil society was predicted, the evidence suggests a positive relationship between the two variables. Thus, as it is not supported by the findings from Algeria and Liberia, H2 is rejected at this time.

It is possible that intervening variables account for the unexpected result from H2. Intervening variables could include foreign aid, resource availability, health care quality, and any number of other factors that may have played a role in the civil wars of Algeria and Liberia. It would be wise to conduct case studies on both states in future research projects to determine to what extent variables other than civil society impacted the severity of civil war.

The findings from H2 are surprising; especially as they are contrary to the first hypothesis. Why would a strong civil society make a state less likely to engage in civil war, but also make a war more severe once it began? Is the relationship found by H1 merely spurious? There are several possible answers to this quandary.

The first possibility is what could be termed "the chicken or the egg" issue. Most people have heard the question, "Which came first, the chicken or the egg?" and that same type of dilemma is present when analyzing the results from H1. Researchers often assume that civil society flourishes in peaceful times, and is incompatible with a state at war (Warfield, 249-250). This assumption becomes a self-fulfilling prophecy of sorts then, by saying that only states with a pre-existing peace foster the growth of civil society, therefore ruling out the idea that civil society plays a role in bringing about peace. On the other hand, the cause of the democratic peace is attributed at least in part to a strong civil society by many scholars (Mavrikos-Adamou, 514-533). Such cyclical thinking is not productive, and inevitably leads to the question, does peace cause a rise in the strength of civil society, or does a strong civil society facilitate peace? This issue could be resolved through process tracing, and this topic would be an excellent starting point for future research. I would submit the idea that civil society can act as both a creator and product of peace. The two variables can build upon one another for maximum impact.

The second major concern with the findings from this study would be that the number of cases used is far too small to be used to accurately predict the impact of civil society on other civil wars. Quantitative analysis is not possible without a larger n . For that reason, I would propose to expand this study in three ways.

First, it would be wise to include more states in the study. This would not be a terribly difficult task if the same operationalizations were used in new studies as were in this project. The KOF Globalization Index offers data on 158 states at this time, which means that a score could be determined for each of those states, and from that data probability models could begin to be constructed (KOF Index, Dreher). More than anything, time to collect, record, and analyze such data would be needed.

Second, this project should be extended to other times in history. This study focused on the late 1980's through the 1990's, but it is possible that civil society's relationship to civil war and the severity of civil war has evolved over time. Of course, the farther one looks back into history, the less data is available. The KOF Index only dates back to 1970, which would exclude the study of earlier civil wars (KOF Index, Dreher). In order to research this aspect, it would become necessary to find new operationalizations for civil society, which accurately measure civil society in different time periods.

The lack of a robust operationalization of civil society has been a reoccurring obstacle that this project has faced. Not only are certain time periods largely undocumented in a systematic way, but some geographic areas have received less than their fair share of academic attention. Africa is certainly a region that has been historically understudied in regards to civil society. For that reason, the third area of proposed expansion for this study would be to find new operationalizations of civil society indicators in Africa. Though this task may seem daunting, it is not impossible. A relatively new dataset, the Afrobarometer is a promising development in the field. The Afrobarometer is a series of standardized surveys conducted at regular intervals in selected African states starting in 1999 (Afrobarometer, Bratton, van de Walle). These surveys measure many aspects of life in Africa, but pay special attention to the social climate and include many indicators of civil society (Afrobarometer, Bratton, van de Walle). While this research can yield rich data, its use is limited in this setting as the surveys were only conducted in recent years and did not extend to all states on the continent. For future research, it would be wise to conduct similar surveys of people in states such as Algeria and Liberia who lived through civil wars. While memory is far from perfect, it is a good place to start. Such research would require a funded trip to the African states selected for study, and would be a major undertaking. Also, gathering a panel of experts on African civil society would be immensely helpful in gaining insight as to the status of civil society leading up to the outbreak of civil wars.

Conclusion

These proposals for further research may seem ambitious, but they are all completely achievable. Preliminary results confirm H1, and indicate that states with weaker civil society are more likely to engage in civil war. By not allowing resentment to build and fester in a society, and instead providing a safe outlet in civil society, states can minimize the chances that disagreements turn into war. Evidence used to test H2 offers a bit of a puzzle, as it suggests that a stronger civil society does not lessen the severity of civil war once a state is engaged in conflict. These apparent contradictions in the effect of civil society have no obvious or easy answer, but these are important questions. By expanding this study to cover other periods of time and other states, as well as developing new indicators for the operationalization of civil society in Africa, it would be possible to begin to predict the effect civil society has on civil war and its severity. The lessons gleaned from such research could be used to inform policy decisions, and hopefully aid states in avoiding the loss of life associated with civil war. And that, surely, is a worthwhile endeavour.

Reference Page:

Abouzeid, Rania. Syria's Clashing Armies. Time 179.7 (2012): 22-27.

Afrobarometer Survey Dataset

Bratton, Michael, and Nicolas Van De Walle. Afrobarometer Surveys Dataset. 1999-2012.

Raw data. Michigan State University.

Algeria Profile. BBC News. BBC, 01 Oct. 2012.

- Andrieu, Kora. *Civilizing Peacebuilding: Transitional Justice, Civil Society And The Liberal Paradigm*. *Security Dialogue* 41.5 (2010): 537-558.
- Baumgarten, Britta, Dieter Gosewinkel, and Dieter Rucht. *Civility: Introductory Notes On The History And Systematic Analysis Of A Concept*. *European Review Of History* 18.3 (2011): 289-312.
- Bratton, Michael. *Civil Society and Political Transition in Africa*. *Institute for Development Research Reports* 11.6 (1994).
- Carothers, Thomas. *Think Again: Civil Society*. *Foreign Policy Winter* (1999): 18-29.
- Charlton, R. (1993). *The Politics of Elections in Botswana*. *Africa* (Edinburgh University Press), 63(3), 330-370.
- Sarkees, Meredith. *Correlates of War Dataset (CoW)*. Raw data. University of Michigan.
- Encarnación, Omar G. *Tocqueville's Missionaries: Civil Society Advocacy And The Promotion Of Democracy*. *World Policy Journal* 17.1 (2000): 9-18.
- Feuilherade, Peter. *Arab Spring Transforms North Africa's Media Landscape*. *Middle East* 424 (2011): 28-29.
- Hounshell, Blake. *The Revolution Will Be Tweeted*. *Foreign Policy* 187 (2011): 20-21.
- Huntington, Samuel. *The Clash of Civilizations? Conflict after the Cold War: Arguments on Causes of War and Peace*. By Richard K. Betts. New York: Pearson Longman, 2008. 34-51.
- Kaplan, Roger. *The New Battle Of Algiers*. *Weekly Standard* 13.7 (2007): 28-32.
- Kieh, Jr., George. *Religious Leaders, Peacemaking, and the First Liberian Civil War*. *Journal of Religion, Conflict, and Peace* 2.2 (2009): Online.
- KOF Globalization Index
- Dreher, Axel (2006): *Does Globalization Affect Growth? Evidence from a new Index of Globalization*, *Applied Economics* 38, 10: 1091-1110.
- Lynch, Marc. *The Big Think Behind The Arab Spring*. *Foreign Policy* 190 (2011): 46-47.
- Mansfield, Harvey C. *Tocqueville: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford UP, 2010.
- Mavrikos-Adamou, Tina. *Challenges To Democracy Building And The Role Of Civil Society*. *Democratization* 17.3 (2010): 514-533
- Mortimer, Robert. *Bouteflika and Algeria's Path from Revolt to Reconciliation*. *Current History* 99.633 (2000): 10-15.
- Pape, Robert A. *Why We Shouldn't Attack Syria (Yet)*. *New York Times* 03 Feb. 2012: 25.
- Rosen, Steven. *War Power and the Willingness to Suffer*. *The Scientific Study of Peace and War: A Text Reader*. By John A. Vasquez and Marie T. Henahan. Lanham, MD: Lexington, 1999. 255-277.
- Singer, Daniel. *Algeria Slides Into Civil War*. (Cover Story). *Nation* 258.7 (1994): 217-236.
- Skocpol, Theda. *Diminished Democracy: From Membership To Management In American Civic Life*. *United States of America: University of Oklahoma Press*, 2003.
- Smith, Craig. *The Scottish Enlightenment, Unintended Consequences And The Science Of Man*. *Journal Of Scottish Philosophy* 7.1 (2009): 9-28.
- Tocqueville, Alexis De, and Richard D. Heffner. *Democracy in America*. New York, NY: Signet Classic, 2001.
- Warfield, Wallace. *Moving from Civil War to Civil Society*. *Peace Review* 9.2 (1997): 249-254.

THE HOLODOMOR: COOUNTERING TRADITIONAL CONCEPTIONS OF GENOCIDE AND STATE TERROR

Joey Meyer

**Department of Political Science
Middle Tennessee State University**

I. Background

The Holodomor is a source of great debate among modern historians and political scientists. A number of countries, particularly in the Western Hemisphere, have officially recognized the Holodomor as genocide, but the majority of the world's nations do not consider it to have been genocide. The issues has been highly politicized in the 21st century and

has been a point of debate between Russian and Ukrainian politicians ever since Ukrainian independence from the USSR in 1991.

The Holodomor began in the spring of 1932 and continued with varying degrees of severity into the mid summer of 1933. It affected not only Ukraine, but also neighboring Moldovan SSR as well as Kazakh SSR. The total amount of deaths is unknown and much debate remains about the total number of affected people; estimates range between 2.4 million and 7.5 million people killed. The famine was part of the greater Soviet Famine of 1932-1933 in which at least 6 million people were killed, resulting partly from the rapid industrialization and collectivization policies of Soviet Premier Josef Stalin.

The greater context of the Holodomor within the Soviet famines of the 1920's and 1930's as well as the apparent political goals of the Soviet leadership at the time indicate that the Holodomor was in fact not genocide but should be classified under the more general concept of democide. Soviet repression, although often affecting certain ethnic groups more than others, was not designed to eliminate certain ethnic groups, but was a result of state policies aimed at modernization as well as general repression of the entire Soviet populace.

II. Factors Leading to the Holodomor

There can be no doubt that the Soviet collectivization policy played a major role in causing the Holodomor. Stalin's desire to modernize the Soviet economy at unprecedented speed, coupled with an attempt to destroy the remaining power and influence of the kulaks served as the primary vehicles for the collectivization policies (Naimark, 2010, 71). Aside from political motivations, the goal of collectivization was to consolidate the individually owned farms of Soviet peasants into *kolkhozy*, or collective farms, which would theoretically increase food supply and therefore growth for urban centers.

The Ukrainian harvest of 1932 was 10-12% below the 1926-1930 average, a significant decrease but not necessarily enough to cause an emergency situation (Subtelny, 1988, 413). However, the harvests of 1931 and 1932 both fell below expectations, and this coupled with Moscow's increasing quotas accelerated the situation (Ellman, 2007, 677). As the state began to seize more and more grain from the peasants, Ukraine's communist leadership warned Moscow that the grain procurement would cause grave food shortages. Despite these warnings, Stalin actually raised Ukraine's grain quotas for 1932 by 44%. Many Ukrainian kulaks were resistant to the collectivization policies, maintaining a long tradition of Ukrainian resistance to policies dictated from Moscow. This resistance, which took the form of keeping grain rather than sending it the redistribution centers, may have helped in the short-term but actually served to exasperate the situation in the long run. Production levels continued to drop as peasants lost interest in their work due to the hopelessness of the collectivization process (Marples, 2007, 41).

Many commentators have claimed that it had always been Stalin's intent to destroy Ukrainian nationalism with famine. Although there is evidence supporting the idea that Stalin's regime sought to weaken the position of the kulaks, there is no substantial evidence proving that the Soviet regime wanted to use the famine to wage a campaign of genocide against the Ukrainian people as a whole. Davies and Wheatcroft note that Soviet authorities vastly underestimated the time it would take to mechanize collective farms. The Soviet government expected an above average crop in 1931, grossly overestimating the initial effectiveness of collectivization policies. These miscalculations created the conditions for the famine. (Davies & Wheatcroft, 2006, 626) Repression of the kulaks, which had been ongoing since the Revolution in 1917, continued during the famine. Soviet policies of closing the border coupled with failures to provide needed aid can be attributed to Soviet authorities seizing the opportunity to destroy the kulaks, but cannot be seen as an attempt to destroy the Ukrainian nation.

III. The Holodomor As Part of the Soviet Political Process

A full examination of the Holodomor must view the Great Famine as part of the greater scope of Soviet policies throughout the pre-World War II era. Soviet policies cov-

ered the entire scope of Goldhagen's "eliminationism," ranging from the Red Terror in the 1920's that was clearly an act of state terrorism, to the forced internment and relocation of ethnic groups in the Caucasus region (Goldhagen, 2009, 14-15). Soviet policies of eliminationism were part of an over-reaching program of nation-state building. The Soviet leadership sought to euthanize potential threats and create a more docile society that would easily acquiesce to efforts from Moscow to create a communist utopia.

Soviet policies were an institutionalized system of state terror that responded to both real and imagined threats to the Soviet state, a key element of Gurr's analysis of state terror. (Gurr, 1986, 46). The Holodomor was certainly part of the Soviet state power structure, however, the Holodomor itself cannot be considered state terror. Nearly all commentators on the Holodomor consider it an act of repression as part of a wider scheme to control and manipulate the Soviet Union's peasant population (Conquest, 1986, 77 & 213). Other elements of Goldhagen's eliminationism can be seen in other Soviet policies of the 1930's. Mass deportations of kulaks and Tatars were carried out in the 1930's and 1940's, clearly constituting policies of "expulsion." The collectivization policies directly responsible for the Holodomor itself can be seen as "transformation," because they sought to "destroy a group's essential and defining political, social, or cultural identities, in order to neuter its members alleged noxious qualities (Goldhagen, 2009, 14). The policies that caused the Holodomor were part of a broader process of transforming Soviet society into an industrialized state. This process of transformation is another key element to Goldhagen's theory of eliminationism (Goldhagen, 2009, 24).

IV. The Case Against Genocide and State Terror

RJ Rummel defines genocide as "the killing of people by a government because of their indelible group membership." The legal definition of genocide adopted by the United Nations states that genocide is "any...acts committed with intent to destroy in whole or in part a national, ethnical, racial, or religious group..." (Rummel, 1994, 1-2). For the Holodomor to be considered genocide, we must be able to identify a distinct intent by the Soviet government to eliminate the Ukrainian people. Despite the fact that the majority of those killed in the Great Famine, intent to specifically kill the Ukrainians cannot be found. Collectivization, the primary underlying cause of the famine, was designed to rapidly modernize and industrialize Soviet society. The main goal of Stalin's regime was not to eliminate the Ukrainians, but to modernize the Soviet Union (Ellman, 2007, 664).

In doing this, Stalin realized he could use the process as a weapon against potential political enemies. The Soviet regime saw enemies not only in Ukraine but also in the Central Asian regions of Kazakhstan and Uzbekistan. Therefore, the collectivization process was used not only against the peasants of Ukraine, but also other regions seen as hotbeds of nationalist activity (Conquest, 1986, 189-190). Collectivization hit Ukraine the hardest because of its massive agricultural industry. Ukraine suffered the most from the famine not because the Ukrainian people were targeted for elimination but because "Ukraine was chosen to serve as a colossal laboratory for new forms of socioeconomic and productive-technical reconstruction of the rural economy of the entire Soviet Union" (Subtelny, 2000, 415).

The collectivization programs were targeted at two main groups of people within these regions; "class enemies" such as the kulaks, and "idlers" who were not doing their part for the revolution (Ellman, 2007, 664). The clear targeting of these two groups brings the famine outside the definition of genocide, which is confined to nationality, ethnicity, race, or religion. Rather, the Great Famine falls into the more broad category of democide which is defined by Rummel as "any actions taken by the government designed to kill or cause the death of people because of their...class, politics, actions construed as opposing the government or wrecking social policy, or by virtue of their relationship to such people," among other things (Rummel, 1994, 5-6).

It has been argued that the Holodomor was a form of state terror used by Stalin's regime against the people of Ukraine. In order to confront this claim, we must establish a

definition of state terror, and for this we look to Green and Ward. They define state terror as “a policy intended to strike with terror those against whom it is adopted, the employment of methods of intimidation, the fact of terrorizing or condition of being terrorized” (Green & Ward, 2004, 105). A key aspect of terror is the audience, who are distinct from the victims of the terroristic activity. The Holodomor, however, had little audience outside Ukraine. Subtelny states in his history of Ukraine, “a noteworthy aspect of the famine was the attempts to erase it from the public consciousness” (Subtelny, 2000, 416). Open discussion about the famine was suppressed both within the USSR and abroad until the collapse of the Soviet Union in 1991. Although the Soviet regime certainly relied on terror at many times during the USSR’s 74 year history, the Holodomor cannot be seen as an act of terror. The Holodomor should be seen as part of a greater Soviet structure of eliminationism, not an act of state terror.

V. International Reactions: Past and Present

Soviet revisionist history and the general veil of secrecy surrounding official policies kept the Holodomor out of the international spotlight until the fall of the USSR in 1991. The United States under Franklin Roosevelt officially recognized the Soviet Union in 1933, drawing harsh criticism of America’s Ukrainian population. Soviet relations with other nations were marginal at the time and with the world gripped by the Great Depression, not much attention was given to what few stories managed to escape the USSR about the famine.

There has been a relatively large Holodomor denial movement ever since the Great Famine, initially launched by Soviet authorities and then carried on by Soviet sympathizers across the world. The modern Russian government has refused to recognize the Holodomor as genocide against the Ukrainian people, stating that there is “no historical evidence that the famine was organized on ethnic grounds” (Russian Foreign Ministry Information and Press Department, 2008) The government instead chose to point out that Stalin’s regime committed crimes against all peoples of the Soviet Union; qualifying more as democide or politicide.

Several attempts have been made at addressing legal responsibility for the deaths caused by Soviet policies during the 1930’s. Ukraine in 2008 passed laws affirming that the Holodomor was genocide against the Ukrainian people and criminalizing denial of the Holodomor. However, there are numerous problems with taking any sort of legal action in response to the Holodomor because of the principle of international law that crimes cannot be punished retroactively (Antonovych, 2008, 14-16). Regardless, the Ukrainian government continues to push for an international inquiry into the Holodomor and a more unified international position on the status of the Holodomor as genocide.

VI. Conclusion

Countless millions of Soviet citizens were killed because of decades of Soviet policies of repression. Soviet policies throughout the 1920’s and 1930’s were aimed at building a modern industrialized state out of nation of farmers. The Holodomor resulted from rapid collectivization policies that hit Ukraine the hardest because of Ukraine’s primarily agrarian population. Although the Soviet authorities manipulated the conditions of the famine by closing Ukrainian borders and limiting aid to regions suffering the most, there is simply not enough evidence to prove that the famine was designed to eliminate the Ukrainian people. Taking into account the deliberate nature of some of the conditions of the famine in Ukraine and other parts of the USSR, the events of 1932-1933 can be classified as a democide. The deliberate elements of the famine were targeting a kulaks and political dissidents, both in and outside of Ukraine. This targeting of class and political groups clearly identifies the Holodomor with Rummel’s concept of democide.

The Holodomor serves as a reminder that governments can be responsible for millions of deaths without actively exterminating their populations. Although the Holodomor was not an attempt to exterminate the Ukrainian people, it was a crime against humanity and a result of unrealistic industrialization policy goals. It is important not to single out the

Ukrainians as the only victims of the Great Famine so that all the victims of Soviet oppression can be properly remembered. The Holodomor is just one example of an entire system of Soviet repression and neglect for human life.

Works Cited:

1. Antonovych, M. (2008) *Legal Accountability for the Crime of 1932-1933 Great Famine (Holodomor) in Ukraine. (Draft) National University of Kyiv-Mohyla Academy.*
2. Conquest, R. (1986). *The Harvest of Sorrow. Oxford University Press.*
3. Davies & Wheatcroft. (2006). *Stalin and the Soviet Famine of 1932-1933: A Reply To Ellman. Europe-Asia Studies Vol. 58 No.4*
4. Ellman, M. (2007) *Stalin and the Soviet Famine of 1932-1933 Revisited. Europe-Asia Studies. Vol. 59 No.4*
5. Goldhagen, D. (2009) *Worse Than War: Genocide, Eliminationism, and the Ongoing Assault On Humanity. New York. Affair Books.*
6. Green & Ward. (2004) *State Crime: Governments, Victims, and Corruption. London. Plate Press.*
7. Gurr, R. (1986) *War, Revolution, and the Growth of the Coercive State. University of Colorado Press.*
8. Marples, D. (2007) *Heroes and Villains. Central European University Press.*
9. Naimark, N. (2010) *Stalin's Genocides. Princeton University Press.*
10. Rummel, R.J. (1994) *Death By Government. New Brunswick, New Jersey. Transaction Publishers.*
11. Russian Foreign Ministry (2008) *Moscow.*
12. Subtelny, O. (2000) *Ukraine: A History. University of Toronto Press.*

GENOCIDE IN BANGLADESH, 1971: A CASE STUDY

S. Williamson

**Department of Political Science
Middle Tennessee State University**

Introduction

In this case study I would like to investigate the genocide that occurred in Bangladesh (then East Pakistan) in 1971. This case study will provide a brief discussion of background to the genocide, the origins of the genocide, tactics used, state terror, intervention, and conclusion. To begin, I would like to establish the necessary definitions of terminology being used in reference to this particular case. Genocide will be defined in this case study as Green and Ward suggested, «Genocide is the systematic, one-sided mass killing of persons selected on the basis of their perceived membership of an ethnic or communal group in its entirety, or eliminating whatever threat it is perceived to pose» (Green and Ward, 166, 2004). In this study, the definition of genocide will also encompass politicide, which according to R.J. Rummel is: «The murder of any person or people by a government because of their politics or for political purposes» (Rummel, 79, 1994). This distinction is necessary due to scholarship comprising parts of this study that lists the situation of Bangladesh in 1971 to be genocide, politicide, or both. To better understand the upcoming theoretical implications that this case provides, a background to the violence of Bangladesh in 1971 must first be established. Furthermore, Bangladesh and East Pakistan will be used interchangeably to refer to the same geographic location within this case study.

Background

The background of conflict in Bangladesh, while complex and extensive, must be fully considered to grasp the situation that developed in 1971. The state of Pakistan was founded in 1947 after the withdrawal of Great Britain from the Indian subcontinent. Pakistan was later established separately from the state of India due to existing ideology that considered Islam and Hinduism to be compose individual nations. (Chakma, 285, 2010) Pakistan was therefore separated into East and West Pakistan; unattached and divided by

a portion of India, leading to considerable distance of approximately twelve-hundred miles between the two halves. (Beachler, 471, 2007) East and West Pakistan immediately began to develop independently in terms of political, economic, and social factors from its declaration of independence to the 1970s. West Pakistan quickly became superior economically, militarily, and politically, therefore maintaining the central government for the whole of Pakistan.

The language of the vast majority of East Pakistanis was Bengali, which was denied as a national language until 1956 by West Pakistan. (Beachler, 471, 2007) Regardless, East Pakistan became unofficially known as Bangladesh due to the popular language, which would later be officially established with East Pakistan's declaration of independence in 1971. As Ved Nanda wrote from within West Pakistan in December of 1971, «The two parts of the country are physically separated and the people in the two parts are different linguistically, culturally, and ethnically...the political and economic domination of one part has resulted in a consistent pattern of exploitation of the other» (Nanda, 691, 1971). This clear division between Pakistan set the foundation for the development of conflict in 1971. One major factor that led to the East's opposition to West Pakistan was the severe flooding that struck low lying Bangladesh in August of 1970. The flooding caused a large amount of casualties, with numerous estimations placing the death toll into the hundred thousands. The East perceived the regime in the West to be dragging its feet in relief efforts (Jones, 341, 2004).

As a result, an opposition government called the Awami League began to gain support in East Pakistan. «The Awami League, led by Sheikh Mujibur Rahman demanded regional autonomy for East Pakistan, and an end to military rule» (Jones, 341, 2004). In response, the military elite running the central government in the West permitted open elections in the East, which Rahman won by a landslide (Hitchins, 44, 2001). However, the East Pakistani regime did not simply hand over power as promised in accordance with the new elections. «On 1 March, General Yahya Khan, head of the supposedly outgoing military regime, postponed (the new National Assembly) convening. This resulted in mass protests and nonviolent civil disobedience in the East» (Hitchins, 44, 2001). Instead, the West Pakistani regime began a campaign of genocide in the East; which will be discussed further into the case study. While the provided background was brief, I feel it is sufficient to begin a general discussion of what occurred in Pakistan in 1971.

The Origins of Genocide in Bangladesh

In order to better grasp the theoretical applications of this case study, a proper look into the origins of genocide in Bangladesh is necessary. «In 1971, the self appointed President and Commander-in-Chief General Yahya Khan and his top generals prepared a careful and systematic military, economic, and political operation in East Pakistan» (Rummel, Chapter 8, 1997). The beginning of politicide in Bangladesh can be seen as starting with the armed attack on March 25th 1971 codenamed Operation Searchlight. The primary target of this operation was the Bengali capital of Dacca, in which hundreds of students were massacred at the university. (Jones, 342, 2004) Rummel views the intentions of the West Pakistan military regime as wanting to eliminate the political elite of East Pakistan, the intellectual and cultural leaders, the Hindu people, and «its economic base to ensure subordination to West Pakistan» (Rummel, Chapter 8, 1997). Among the initial targets of Operation Searchlight were the paramilitary East Pakistan Rifles and the Bengali police which could provide armed resistance to the military regime. Sheik Mujibur Rahman, the elected leader of the Awami League was accused of treason for organizing the civil disobedience and was deported to West Pakistan (Schendel, 162, 2009). While the exact civilian death toll for Operation Searchlight will remain unknown, Christopher Hitchins estimates that “at least ten thousand civilians were butchered in the first three days (Hitchins, 44, 2001). This number is rather significant considering that the population of Bangladesh at the outbreak of this operation was approximately seventy five million. (Jones, 342, 2004)

When looking to Ted Gurr's «The Origins of State Violence and Terror: A Theoretical Analysis,» one can make several connections with Gurr's theoretical approach and this particular case of genocide in Bangladesh. This includes two of Gurr's criteria in the conditions that cause state terrorism to become more likely: A.2 latent support, and A.4 challengers marginal. The first connection of the condition of state terror A.2 latent support holds that «The greater the latent support for revolutionary challengers in a population, the greater the likelihood that a regime will respond with terrorism» (Gurr, 52, 1986). The connection between this condition of latent support and the situation in Bangladesh can be easily seen in context of the Awami League being elected by the people in December of 1970. It was clear to the military regime in the West that support for the challengers of the Awami League was strong, and therefore they must deter this support to remain in power. This would support Gurr's A.2 criteria due to the fact that the regime did turn to terrorism as an effective way of deterring active support.

The next connection between Gurr's model and the Bangladesh genocide is the state terror condition of A.4 challengers marginal: «Regimes are more likely to use terrorism against politically marginal groups than opposition groups that have influence on or supporters among the elite» (Gurr, 52, 1986). Gurr continues to state that this principle «is based on the premise that groups that have few and weak political ties to the regime can be terrorized and killed at less political cost than others» (Gurr, 52, 1986). One can make this connection to the Awami League in Bangladesh which had weak political ties to the military regime in West Pakistan. Therefore, as Gurr has suggested in his model, it was less of a political cost to the West as their elite did not see themselves as being connected to the East's revolutionary movement. While the movement was clearly not «politically marginal» in East Pakistan, it was marginal in regards to the central government in West Pakistan. Gurr's proposed model is essential in determining the basic political origins of the Bangladesh genocide of 1971 in this case study.

Tactics

During the period of genocide in Bangladesh, tactics used by the military regime of the West continued to evolve and expand to include more Bengali people into the later part of 1971. Hitchins states that «the first tactic of West Pakistan was direct negation of a democratic election, then unleashing of genocidal policy, then creating a very dangerous international crisis» (Hitchins, 45, 2001). With the direct negation of a democratic election discussed previously, we must now look to the genocidal policy. Barbara Harff discusses the operational guidelines of distinguishing genocide and politicide from other different types of killings as containing five main factors of: complicity by the state, evidence of mistreatment by singling out group members, victims being members of an identifiable group, government policies and practices causing prolonged mass suffering, and actions posing a threat to the survival of the group (Harff, 58-59, 2003).

The first factor of complicity by the state is undeniable when considering the organized killings were planned and managed by five major generals from the West Pakistan military regime. This military leadership consisted of President Khan, General Tikka Khan, Chief-of-Staff General Pizada, security-chief General Umar Khan, and intelligence-chief General Akbar Khan (Jones, 342, 2004). Evidence of mistreatment by singling out group members is apparent when considering the immediate search for Hindu peoples. Rummel proves this point when stating that «In what became province-wide acts of genocide, Hindus were sought out and killed on the spot. As a matter of course, soldiers would check males for the obligated circumcision among Muslims. If circumcised, they might live; if not, sure death» (Rummel, 323, 1994). The third factor to distinguish genocide and politicide from other killings is also clearly present in this case as well. The victims of this genocide in 1971 we clearly identified as belonging to the Bengali people of East Pakistan. The regime targeted Bengali citizens ranging from the police and paramilitary groups, Hindus, students, intellectuals, to all members of the Awami League (Mascarenhas, 116-17, 1972).

The fourth factor that involves policies and practices that cause prolonged mass suffering can be seen in the mass rape of Bengali women known as the «Rape of Bangladesh». The military regime systematically brutalized Bengali women by sexually assault, rape and murder, with some estimates of raped Bengali women during 1971 to be between two hundred thousand to a half a million (Jones, 345, 2004). This can be debated as prolonged mass suffering due to the impact it had on the women after the rape had taken place. Lisa Sharlach states that «Rape can be especially effective tactic of genocide when used against females of communities that cast shame upon the rape victim rather than the rapist, with the rape forever damaging the social standing of the survivor» (Sharlach, 95, 2000). The fifth factor of the actions committed posing a threat to the survival of the group is also present in this case. The Pakistan army posed a threat to the survival of the Awami League by attempting to eliminate the group entirely. We must keep in mind that while this was genocide, it was not total genocide. The Western military regime did not attempt to kill all of the citizens of Bangladesh, but rather just those who were leading the movement for autonomy (Beachler, 474, 2007). Through a discussion of Barbara Harff's five criteria for genocide and politicide, we can confirm that the situation in Bangladesh in 1971 was in fact genocide/politicide.

When considering the tactics of the military regime in carrying out the genocide, death squads were a big part of the operation. Bruce Campbell defines death squads as «clandestine and usually irregular organizations, often paramilitary in nature, which carry out extrajudicial executions and other violent acts against clearly defined individuals or groups of people» (Campbell, 1, 2000). It is apparent that such organizations were used quite effectively by West Pakistani leaders. Adam Jones states that «Death squads roamed Dacca killing some seven thousand people in a single night» (Jones, 342, 2004). Green and Ward suggest that this use of death squads can be considered in context of both state and non-state violence as well as both terrorist and non-terrorist murder (Green and Ward, 117, 2004). Other terror tactics were employed by the military regime, with «rape, murder, dismemberment and the state murder of children employed as deliberate measures of repression and intimidation» (Hitchins, 45, 2001). It appears that much of the genocide operation that was being carried out also contained some aspects of state terror as well. While these tactics are present, the discussion of whether or not this period should be considered as containing state terror is essential to this case study.

State Terror

While the Western military regime used death squads rather frequently during the genocide, it is not directly clear if 1971 can also be considered as a period of state terror. Igor Primoratz suggests that the term «terrorist state» be reserved for states that «employ it in a lasting and systematic way...by sustained use against their own population» (Primoratz, 115, 2005). While the criteria of «lasting and systematic» remain unspecific, we should look to the length of the genocide to determine if it could also be considered as a period of state terror. The genocide that began on March 25th ended with India's military defeat of Pakistan on December 16th 1971 with the regimes unconditional surrender. The conflict lasted a total of 267 days and took an estimated one to three million lives. (Jones, 347, 2004) While this genocide claimed many lives, it seems to be a stretch to state that the regime was lasting and systematic in its terror tactics.

While this is true, the military regime did attempt to terrorize the Bengali people by including random violence on the people. Donald Bleacher states that «though Hindus were especially targeted, the majority of the victims were Bengali Muslims» (Bleacher, 477, 2007). While the majority of the population was Muslim, by random targeting the military regime was able to include terror tactics in the genocide. While these terror tactics were used in the genocide, the amount of time the tactics were utilized is also short in terms of other historical conflicts. Therefore it remains unclear as to whether or not the Bangladesh genocide in 1971 should be considered as being carried out by the «terrorist state» of Paki-

stan. Perhaps a universally agreed upon definition of state terror would help to determine the answer to this question as well.

Intervention

After the beginning of the genocide in Bangladesh, many of its citizens flocked to India for protection. With the Western Pakistani military regime intensifying subsequent targeting of Awami League officials in 1971, the political leadership also decided to relocate in India. They formed a government-in-exile, focused on building back their strength and directing resistance efforts known as the Freedom Fighters, or the *Mukti Bahini* (Schendel, 164, 2009). These freedom fighters gained material support and training from India as well. Schendel states that during the Bangladesh genocide of 1971, «The Soviet Union backed India and supported the Bangladesh liberation movement, while the U.S. and China allied themselves with the Pakistani cause» (Schendel, 169, 2009).

In discussing Matthew Krain's Balance of Power model, connections can distinctly be made between the intervention provided by outside actors and the outcome of the genocide in Bangladesh. This model's hypothesis holds that in whichever way the overall direction of interventions favors, be it the perpetrator or the target, the severity of the genocide will therefore go up or down accordingly (Krain, 369, 2005). This can be explained by the direct intervention of India on December 3rd, in which the Prime Minister Indira Gandhi launched a series of military interventions to destroy the West Pakistani regime and provide Bangladesh with independence (Jones, 347, 2004). Kuper states that the «Indian intervention in what is now Bangladesh was primarily an effort to counter Pakistani power and to stem the tide of refugees, and only secondarily an altruistic mission to stop state-sponsored mass murder» (Kuper, 1985). Regardless, this intervention led to the almost immediate collapse of the Western military regime and its genocidal operations in Bangladesh. While the U.S. and China did provide some 3.8 million in military aid, it was miniscule compared to the training, aid, safe-haven, and direct military intervention that India provided to the Bengali peoples (Jones, 347, 2004). Therefore, this Balance of Power model can be connected to the case study of genocide in Bangladesh by India's unmatched aid and intervention to assist the targeted population.

In a brief overview of Mason and Krane's Political Economy of State Terror model, several connections can be made to this case study (Mason and Krane, 1989). In discussing the intense poverty and generalized oppression that causes a response by the people, this case of genocide contains both. Intense flooding of Bangladesh in 1970, as discussed previously, led to extreme poverty within East Pakistan. The generalized oppression is apparent after the West Pakistani governmental leaders decided to deny the conveying of a new National Assembly under the elected Sheikh Mujibur Rahman. These two conditions included by Mason and Krane as precursors to state terror are both present in Bangladesh in 1971. In concert with the model, the regime and economic elite felt threatened by the outcome of the elections and therefore moved to oppress the people. Further down the model, violence against a broader segment of the population begins to develop. We can see this applying to the genocide in Bangladesh when the military regime began to target the Muslim population as well as the political and intellectual leaders, Hindus, students, and armed resisters.

Conclusion

This case study provides a brief discussion of the background to the genocide, the origins of the genocide, tactics used, state terror, and intervention. While taking a historical approach to the conflict, a theoretical framework was also applied to better comprehend the relationship of this particular genocide to others like it. A better understanding of the recent Bangladesh genocide in 1971 is essential in understanding the international system's reaction to future genocides.

Works Cited:

Beachler, D. (2007). *The politics of genocide scholarship: the case of Bangladesh. Patterns of Prejudice, 467-492.*

- Campbell, B. (2000). *Death Squads in Global Perspective*. London: Macmillan Press.
- Chakma, B. (2010). *The post-colonial state and minorities: ethnocide in the Chittagong Hill Tracts, Bangladesh*. *Commonwealth and Comparative Politics* , 281-300.
- Green, P., & Ward, T. (2009). *State Crime: Governments, Violence, and Corruption*. London: Plutz Press.
- Gurr, T. (1986). *The Political Origins of State Violence and Terror: A Theoretical Analysis*. In M. Stohl, & G. Lopez, *Government Violence and Repression: An agenda for research* (pp. 45-71). Greenwood Press.
- Harff, B. (2003). *No Lessons Learned From the Holocaust? Assessing Risks of Genocide and Political Mass Murder since 1955*. *American Political Science Review* , 57-73.
- Hitchins, C. (2001). *Bangladesh: The Trial of Henry Kissinger*. Verso Press.
- Jones, A. (2004). *Gendercide and Genocide*. Vanderbilt University Press.
- Krain, M. (2005). *International Intervention and the Severity of Genocides and Politicides*. *International Studies Quarterly* , 363-387.
- Kuper, L. (1985). *The Prevention of Genocide*. New Haven: Yale University Press.
- Mascarenhas, A. (1972). *The Rape of Bangla Desh*. London: Vikas Publications.
- Mason, D., & Krane, D. (1989). *The Political Economy of Death Squads: Toward a Theory of the Impact of State-Sanctioned Terror*. *International Studies Quarterly* , 175-198.
- Nanda, V. (1971). *From Genocide Toward Statehood*. *Indian Express* , 690-691.
- Primoratz, I. (2005). *Terrorism: The Philosophical Issues*. Palgrave: MacMillian Press.
- Rummel, R. (1994). *Death by Government*. New Brunswick: Transaction Publishers.
- Rummel, R. (1997). *Statistics of Democide: Genocide and Mass Murder since 1900*. Virginia: University of Virginia.
- Schendel, W. V. (2009). *A History of Bangladesh*. Cambridge University Press.
- Sharlach, L. (2000). *Rape as Genocide: Bangladesh, the Former Yugoslavia, and Rwanda*. *New Political Science* , 89-102.

V. АРХИВОВЕДЕНИЕ, ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ, ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО

КУЛЬТУРА ОФОРМЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА

А.П. Кисиленко

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье, рассматривается культура оформления юридических документов на примере судебных решений, принятых на разных уровнях современной судебной системы. Проводится анализ типичных языковых, грамматических, орфографических ошибок допущенных при написании постановлений, определений и других процессуальных документов, анализируется порядок оформления реквизитов процессуальных документов, характеризуется судебное делопроизводство на примере Инструкции по судебному делопроизводству в судебном участке (судебных участках).

Ключевые слова: документ, юридический документ, язык юридических документов, текст, составление процессуальных решений, судебное решение, судебное делопроизводство, инструкция по делопроизводству.

CULTURE OF MAKING A JURIDICAL DOCUMENT

A.P. Kisilenko

Belgorod National Research University

The author describes the culture of making up of the juridical document by example judicial decision of different levels judicial system. In this state taking some analysis of typical lingual, grammatical, misspelling error introduced in spelling resolutions, decisions and another procedural documents, characterized juridical records management on examples of the Instructions of juridical records management in magistracy (magistracies).

Key words: document, juridical document, language of juridical documents, text, making of the procedural decisions, juridical decisions, juridical records management, Instructions of records management.

Современный процесс формирования гражданского общества в Российской Федерации, процесс создания правового государства и новой правовой системы подразумевает под собой развитие правовой культуры, соблюдение установленных правил и норм, поддержание порядка и исполнения надлежащих предписаний всеми гражданами страны. Современное правовое общество немислимо, без строгого исполнения установленных норм и правил, законов и подзаконных актов. Правовое регулирование общественных отношений осуществляется при помощи определенной системы средств. Одним из важнейших среди них являются юридические документы, которые выступают правовой формой передачи юридически значимой информации.

Таким образом, юридические документы пронизывают весь процесс правового регулирования. В первую очередь это связано с тем, что сами правила поведения всех участников правовых отношений закрепляются в юридических документах, следовательно, ошибки, допущенные при составлении документации, могут привести к очень существенным последствиям как для отдельного человека, так и для всего общества.

В настоящее время в Российской Федерации закреплено следующее определение термина «документ»: «Документ - официальный документ, созданный государственным органом, органом местного самоуправления, юридическим или физическим лицом, оформленный в установленном порядке и включенный в документооборот федерального органа исполнительной власти»¹. Термин «юридический

документ» напротив не упоминается в современном законодательстве, а юридические энциклопедии не содержат его определения, его заменяют понятия «правовой акт», «юридический акт».

Юридический документ является собирательным понятием. В различных отраслях права упоминаются нормативные правовые акты, такие как законы, указы, распоряжения, постановления, приказы, инструкции, правила, договоры, которые представляют собой огромный массив юридических документов. В правовых науках нельзя употреблять широкое понятие «документ», так как не всякий документ является юридическим, т.е. прилагательное «юридический» наделяет слово документ дополнительным смыслом, относящим его к правовым нормам². Следовательно, юридический документ является особым видом документа, с помощью которого оформляются решения и действия различных органов власти и управления, а также должностных лиц. В результате формируется определенная культура оформления таких документов, для которой характерны следующие составляющие: логичность, последовательность изложения материала, мотивированность выводов, соблюдение стиля.

Актом, которым разрешается спор между сторонами, будь то граждане или юридические лица, является судебное решение. Судебное решение - постановление суда первой инстанции, которым гражданское дело разрешается по существу³. Решение - установленная законом форма выражения судом своей воли, направленной на защиту прав и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц⁴. Решение суда оформляется для использования людьми, не владеющими юридической лексикой, поэтому для судебного решения важно сочетание однозначного смысла предписаний закона с доступностью изложения правовых норм. Таким образом, значение языка судебного решения очень велико, т.к. неточность понятий и формулировок, многозначность терминов в принятом решении порождают у читающих недоумение, запросы в суд о разъяснении решения.

Анализ оформления судебных решений необходимо начать с языкового оформления каждой части судебного решения. Содержание решения закреплено в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации и состоит из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей⁵.

В вводной части необходимо отражать следующие данные: точное и полное (без сокращений) наименование суда (например: мировой судья судебного участка №4 Западного округа г. Белгорода); состав суда (имя, отчество, фамилия судьи (полностью), имя, отчество, фамилия секретаря судебного заседания, который вел протокол (например: Председательствующий судья: Екатерина Николаевна Мальцева; секретарь судебного заседания: Елена Васильевна Бондаренко); предмет спора (четкая формулировка материально-правовых требований истца к ответчику); наименования лиц, участвующих в деле (например: открытое акционерное общество «Инфант»; Прокуратура г. Белгорода; Иванов Сергей Петрович); фамилии присутствующих в заседании лиц с указанием их полномочий (Сергеев Иван Петрович - представитель истца Котова А.П.); указание на то, что дело рассмотрено в открытом (закрытом) судебном заседании; номер дела и дата принятия решения, указывая дату, число и год цифрами, а месяц - буквами (например: 5-1654/2011, 02 декабря 2011).

Описательная часть состоит из краткого изложения заявленных требований и возражений, объяснений, заявлений и ходатайств лиц, участвующих в деле. Факты, представленные в судебном заседании необходимо излагать в хронологическом порядке, для того чтобы, читающий судебное решение имел полную картину происшедших событий.

Мотивировочная часть решения может предваряться следующей формулировкой: «Исследовав материалы административного дела, прихожу к следующему». В этой части решения излагаются мнения суда о фактах, послуживших основаниями спора, о других фактах, признанных судом существенными по данному делу. При

указании законов и иных нормативных актов, которыми руководствовался суд при принятии решения, следует привести полное название закона и иного акта, его номер и дату, статью, пункт, параграф.

Особое внимание необходимо обратить на резолютивную часть решения. В ней обязательно употребляют профессиональные термины, повелительные и императивные (управомочивающие) формулировки. Приводятся наименования юридических лиц или фамилии, имена, отчества сторон, если это физические лица. Таким образом, судебное решение является официальным документом юридического содержания, что предполагает выбор официально-делового специфического стиля речи для его оформления. В тексте решения недопустима эмоционально-оценочная лексика и фразеология, причастные и деепричастные обороты, сложноподчиненные предложения, следующие знаки препинания: многоточие, вопросительный и восклицательный знаки.

С 1997 г. в Федеральном арбитражном суде Северо-Западного округа Москвы работает редакторская группа, которая проводит исследование типичных ошибок, допущенных при написании постановлений, определений и других процессуальных документов, от случайных опечаток до логической несочетаемости слов в предложении, что может привести к неправильному толкованию судебных актов. В настоящее время редакторская группа классифицировала типичные языковые ошибки, допущенные в судебных решениях, разбив их на следующие виды:

1. Ошибки в словоупотреблении:

- использование слов без учета их лексической семантики (реального значения), нарушение лексической сочетаемости: «оплатить задолженность» (правильно: «погасить задолженность»); «погасить ссуду» (правильно: «погасить задолженность по ссуде»);

- многословие: «несовершеннолетние граждане» (правильно: «несовершеннолетние»);

- речевая недостаточность: «приостановление договора поставки» (правильно: «приостановление действия договора поставки»);

- тавтологические конструкции, например: «эти условия обусловили невозможность исполнения договора» (правильно: «эти обстоятельства сделали невозможным исполнение обязательств по договору»);

- употребление сокращений и аббревиатур, не принятых в законе или не являющихся общепринятыми в официально-деловой речи: «капстроительство» (правильно: «капитальное строительство»); «допсоглашение к договору» (правильно: «дополнительное соглашение к договору»)⁶.

2. Грамматические ошибки:

- употребление цепочки именных форм в родительном, дательном, творительном, предложном падежах: «отзывом взаимозачетафинуправлением причинены убытки» (правильно: «по причине отзыва взаимозачета финансовое управление причинило убытки»);

- употребление безличных предложений, порождающих неточности в понимании смысла: «было произведено отчуждение имущества ответчиком без законных оснований» (правильно: «ответчик произвел отчуждение имущества без законных оснований»);

- нарушение согласования или управления: «согласно договора», «согласно постановления» (предлоги благодаря, согласно, вопреки требуют после себя дательного падежа, поэтому правильно: «согласно договору», «согласно постановлению»)⁷.

Таким образом, при составлении судебных решений необходимо ограничить употребление причастных и деепричастных оборотов, сложных предложений, не следует начинать и заканчивать предложение цифрами, так как они затрудняют понимание содержания текста решения. Для точного прочтения и понимания судебного акта необходимо текст решения разбивать на абзацы, не только согласно содер-

жанию акта (вводная, описательная, мотивировочная, резолютивная части решения), но и смысловым частям, а также законченным предложениям. Также на качество оформления судебного документа оказывает влияние грамотность написания текста и правильной расстановки знаков препинания.

В издаваемых судебных решениях широко распространены недостатки в оформлении вводных частей решений, приговоров, протоколов и других документов судов общей юрисдикции. Часто встречаются ошибки орфографические, пунктуационные, а также пропуск слов, ошибки в наименованиях судов. Анализируя судебные решения можно выделить следующие недостатки в оформлении документов, т.е. опечатки («путовок» (путевок), «иснпекция» (инспекция), «решение отменно» (отменено), «истиц» (истец, истица); перенос на другую строку денежных сумм, дат, номеров документов (разбивка денежных сумм, дат, номеров документов недопустима не только из-за затрудненного восприятия текста, но и по причине первостепенной важности в судебных актах фактической информации, к которой относятся все цифровые обозначения); ряд чисел (при наличии в предложении нескольких чисел их не следует писать подряд: «В период с 09.12.01 по 21.12.01 100 000 рублей ответчик возвратил», предложение можно изменить: «В период с 09.12.2001 по 21.12.2001 ответчик возвратил 100 000 рублей»).

Кроме того, недопустимы опечатки в фамилиях участников судебного разбирательства, так как такие опечатки могут послужить основанием к отмене судебного акта. Правильная постановка делопроизводства в судебном участке мирового судьи, является одним из важнейших условий надлежащей организации работы, соблюдения процессуальных норм, своевременного рассмотрения судебных дел, исполнения приговоров, решений, определений, постановлений, четкого и культурного обслуживания обращающихся в судебный участок граждан, а также представителей предприятий, учреждений и организаций.

Судебное делопроизводство в судебном участке мирового судьи регламентировано Инструкцией по судебному делопроизводству в судебном участке (судебных участках), которая, является основным нормативно-методическим документом, определяет и устанавливает единую систему организации и порядок ведения судебного делопроизводства в аппарате мирового судьи, предусматривает учет и ведение документооборота, единые требования к оформлению процессуальных и иных документов⁸.

Составление процессуальных решений складывается из подготовки соответствующего бланка и нанесения на него необходимых реквизитов. Расположение и границы зон размещения реквизитов определяется пунктом 4.40.4 «Инструкции по судебному делопроизводству в судебном участке мирового судьи»: левое - 25 - 30; верхнее - 20; правое - 10-15; нижнее: для формата А4 - 20, для формата А5 - не менее 15 мм⁹, что частично не противоречит п. 4 ГОСТа Р 6.30-2003. «Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов», так как требования данного государственного стандарта является рекомендательными¹⁰.

Шаг письма (размер печатного знака) и межстрочный интервал, также закреплены в «Инструкции по судебному делопроизводству в судебном участке мирового судьи», и составляет 1-1,5 междустрочных интервала, что допускает ГОСТ 6.10.5-87. «Унифицированные системы документации. Требования к построению формуляра-образца»¹¹.

Текст судебного решения печатается от левой границы текстового поля и выравнивается по левой и правой границам текстового поля. Первая строка абзаца начинается на расстоянии 1,25 см от левой границы текстового поля. При подготовке судебных решений используется текстовый редактор Times New Roman размером шрифта №13 или №14¹².

Для подписания, утверждения и согласования документов используется словесно-цифровой и цифровой способы датирования. Словесно-цифровой способ датирования применяется при написании дат в текстах правовых актов, протоколов, поручений, служебных записок (например: 05 сентября 2012 г.). Цифровой способ датирования используется при визировании, написании резолюций и т.д.

Согласно «Инструкции по судебному делопроизводству в судебном участке» дата оформляется арабскими цифрами в последовательности: день месяца, месяц, год. День месяца и месяц оформляют двумя парами арабских цифр, разделенными точкой; год - четырьмя арабскими цифрами. Если число или порядковый номер месяца является однозначным числом, то перед цифрой ставится ноль, например: 05.07.2008. Таким же образом датируются все делопроизводственные отметки о прохождении и исполнении документа. В официальных документах преимущественно используется словесно-цифровой способ оформления даты¹³.

В судебных решениях допускаются общепринятые сокращения, оговоренные нормативными актами: метр - м; грамм - г; область - обл.; улица - ул., проезд - пр.; дом - д.; тысяча - тыс.; смотри - см.; прочее - пр.; то есть - т.е.; и т.д. В судебных решениях, постановлениях об административных правонарушениях, приговорах часто встречаются написания сумм штрафов, которые необходимо прописывать как цифровым, так и словесным способом (например: 1 000 тыс. руб. (одна тысяча рублей)).

Обобщая все вышеизложенное можно отметить, что язык юридических документов в результате длительного развития выработал такие языковые средства и способы выражения содержания документа, которые обеспечивают эффективную фиксацию юридически значимой информации, такие как стилистика речи: нейтральность тона изложения, лаконичность изложения текста, точность изложения содержания; терминология, употребление устойчивых языковых оборотов (формул). Современные юридические документы в процессе их создания должны отвечать всем выше перечисленным требованиям, так как информация, зафиксированная без применения данных требований, перестанет характеризовать юридический документ как законный нормативный правовой акт, а сведения, представленные в таких документах станут искажать действительность, повлекут неблагоприятные последствия. В результате юридический документ не сможет выполнить возложенные на него функции. Юридический документ, который разработан в соответствии со всеми необходимыми требованиями, способен сыграть действительно важную роль в правовых отношениях.

Примечания:

1. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти» от 15.06.2009 № 477. - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Краснослободцева Н.К. Основы техники юридического письма. М.: Просвещение, 2010. С. 67.

3. Тихомирова Л.В. Юридическая энциклопедия. М.: Юринформцентр, 2001. С. 648.

4. О языке судебного решения / Под ред. А.Н. Комарова. М.: Изд-во ООО «КАДИС», 2010. С. 10.

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2012). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Ст. 170.

6. О языке судебного решения С. 24.

7. Там же. С. 25.

8. Инструкция по судебному делопроизводству в судебном участке (судебных участках) (утв. совместным приказом Белгородского областного суда и управления Судебного департамента в Белгородской области от 02.03.2009 № 26/35). Белгород: Управление Судебного департамента, 2007. 138 с.

9. Там же.

10. ГОСТ Р 6.30-2003 Унифицированная система организационно - распорядительной документации. Требования к оформлению документов. М.: Госстандарт, 2003. 18 с.
11. ГОСТ 6.10.5-87. «Унифицированные системы документации. Требования к построению формуляра-образца» (утв. Постановлением Госстандарта СССР от 30.03.1987 № 1056). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Инструкция по судебному делопроизводству в судебном участке (судебных участках)...

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации;
АИИМК РАН – Архив Института истории материальной культуры Российской академии наук;
ГАБО – Государственный архив Белгородской области;
ГАКО – Государственный архив Курской области;
ГАОПИКО - Государственный архив общественно-политической истории Курской области;
ГАХО – Государственный архив Харьковской области;
ДАДО - Державний архів Донецької області;
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи;
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей;
РГАДА – Российский государственный архив древних актов;
РГБ – Российская государственная библиотека;
РГИА – Российский государственный исторический архив;
ЦАМО РФ – Центральный архив министерства обороны Российской Федерации;
PLRE - Prosopography of the Later Roman Empire.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Бирюков Максим Юрьевич – аспирант II года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. И.Т. Шатохин. (maksimbirukov@yandex.ru)
2. Богданов Дмитрий Евгеньевич – студент IV курса исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д.и.н., проф. Н.Н. Болгов (ignorabim@yandex.ru).
3. Варфоломеев Александр Валерьевич – старший инспектор Управления охраны и использования объектов животного мира, водных биологических ресурсов и среды их обитания Белгородской области Администрации губернатора Белгородской области. Самостоятельный исследователь.
4. Владимирова Кирилл Александрович – студент III курса исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д.и.н., проф. В.А. Шаповалов. (TK-231.kir@yandex.ru, 581264@bsu.edu.ru).
5. Герасимова Екатерина Олеговна – аспирант II года обучения кафедры истории России Курского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. К.В. Яценко. (aleksapolskaya_katerina@mail.ru).
6. Гончаров Сергей Александрович – аспирант I года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д.и.н., проф. А.Н. Мошкин. (sergej.gon4arov2012@yandex.ru).
7. Еремина Ксения Вячеславовна – студентка V курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. канд. ист. наук, проф. В.М. Духопельников. (blond_imp@ukr.net).
8. Жданова Надежда Анатольевна – студентка III курса исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Е.В. Литовченко. (nadezhdazhd@mail.ru).
9. Замулин Виктор Валерьевич – студент IV курса исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. В.В. Бычковский. (v.zamulin@yandex.ru).
10. Иванова Наталья Николаевна – студентка V курса исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Е.Н. Меньшикова. (ivanovanataliya@list.ru).
11. Истомина Ирина Владимировна – аспирант I года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. И.Т. Шатохин. (irabelru@yandex.ru).
12. Кадира Александр Сергеевич – аспирант III года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д.и.н., проф. В.В. Пенской. (panzergrenadier1986@yandex.ru).
13. Кастури Араччиге Амила Сурат Малрену Кастуриратна – стажер Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, зам. редактора журнала «Россия» (Шри-Ланка), военный журналист газеты «Земля Шри-Ланка» (Шри-Ланка). Н. рук. канд. ист. наук, доц. С.В. Ярцев. (s-yartsev@yandex.ru).
14. Кириллов Семен Сергеевич – студент IV курса исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. В.С. Кулабухов. (botanic2@gmail.com).

15. Кисиленко Альбина Павловна – аспирант I года обучения кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д. филос. н., проф. С.М. Климова. (kokettka3@rambler.ru).
16. Колотушкин Александр Александрович – аспирант I года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д. и. н., проф. А.Н. Мошкин. (kolotushkin@list.ru).
17. Кременев Дмитрий Михайлович – науч. сотр. МУК «Ивнянский историко-краеведческий музей», Верхопенский филиал. Н. рук. канд. ист. наук, доц. К.В. Козлов. (kremen_dimon88@mail.ru).
18. Крупская Светлана Юрьевна – аспирант III года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д. и. н., проф. В.В. Малай. (belswet@rambler.ru).
19. Кухлев Антон Сергеевич – соискатель кафедры истории Украины Донецкого национального университета. (antonkulev@mail.ru).
20. Кушнарев Сергей Сергеевич – студент V курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. канд. ист. наук, проф. В.М. Духопельников. (sergei.cuschnarev@yandex.ru).
21. Ластовец Наталия Александровна – студентка IV курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. д. и. н., проф. В.В. Калиниченко. (nlo_17@mail.ru).
22. Мерко Елизавета Петровна – аспирант III года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. Рук. д. и. н., проф. В.А. Шаповалов. (vjunnik@bsu.edu.ru).
23. Немашкало Андрей Михайлович – студент V курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразна. Н. рук. д. и. н., проф. С.Б. Сорочан. (nemandr@yandex.ua).
24. Писаренко Наталья Николаевна – аспирант I года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д. и. н., проф. В.В. Малай. (pisarenkonat@mail.ru).
25. Пузанов Даниил Викторович – студент III курса исторического факультета Удмуртского государственного университета. Н. рук. д. и. н., проф. В.В. Долгов. (lpdmor@gmail.com).
26. Савина Валерия Викторовна – магистрант I года обучения исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. В.А. Сарапулкин. (lerasavina05@mail.ru).
27. Самойлова Елена Николаевна – аспирант II года обучения кафедры истории России Курского государственного университета. Н. рук. д. и. н., проф. И.М. Плаксин. (samoilova.e.n@narod.ru).
28. Солодкина Виктория Александровна – студентка III курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Д.В. Журавлев. (protivomusl9@bigmir.net).
29. Тимиряев Денис Олегович – студент III курса исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д. и. н., проф. В.А. Шаповалов. (604239@bsu.edu.ru).
30. Титаренко Елена Юрьевна – студентка IV курса исторического факультета Донецкого национального университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Л.Б. Лихачева. (elena_titarenko@ukr.net).
31. Фомичев Николай Николаевич – аспирант I года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д. и. н., проф. В.В. Малай. (n-fo@yandex.ru).

32. Харченко Оксана Александровна – соискатель кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д.и.н., проф. Н.Н. Болгов. (kharchenko_o@bsu.edu.ru).

33. Шеенко Ирина Александровна – аспирант I года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д.и.н., проф. В.А. Шаповалов. (irusik2301@yandex.ru).

34. Joey Meyer – student, Department of Political Science, Middle Tennessee State University (USA). S. adv.: PhD in Political Science, Professor Andrei Korobkov.

35. Spencer Williamson – student, Department of Political Science, Middle Tennessee State University (USA). S. adv.: PhD in Political Science, Professor Andrei Korobkov.

36. Rachel A. Harmon – student, Department of Political Science, Middle Tennessee State University (USA). S. adv.: PhD in Political Science, Professor Andrei Korobkov.

Белгородский диалог – 2012.

Научное издание

Ответственный редактор: канд. ист. наук С.Н. Прокопенко.

Сдано в печать: 21.11.2012.

Подписано в печать 30.11.2012г.
бумага офсетная. Усл.печ. листов 13
тираж 150 экз. Заказ 0646

Отпечатано в типографии ООО «ГиК»,
г.Белгород, ул. Калинина, 38-А,
тел. (4722) 58-71-25
girichev69@mail.ru
Св-во 001071155 от 13.04.2005г.